Великая Отечественная: цена Победы

Валерий Абатуров, Мирослав Морозов

Неизвестные трагедии Великой Отечественной

Сражения без побед

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Начиная с катастрофы в Прибалтике летом 1941 года и до конца 42-го Красная Армия проиграла фактически все сражения на Северо-Западном фронте.

Провалились многочисленные попытки деблокировать Ленинград, затяжные бои на Невском пятачке привели к колоссальным потерям, так и не удалось ликвидировать окруженную Демянскую группировку противника, наступление 2-й ударной армии закончилось страшной трагедией Мясного Бора…

Что было главной причиной этих поражений? Сложные условия театра военных действий (на северо-западе Красной Армии приходилось наступать в густых лесах и непроходимых болотах)? Постоянный дефицит боеприпасов, горючего, продовольствия? Или непростительные просчеты командования?

В новой книге Валерия Абатурова и Мирослава Морозова вы найдете ответы на все эти вопросы.

- Валерий Абатуров, Мирослав Морозов
- Глава 1 Начало войны: планы и реальность
-
-
-
-
-
- Глава 2 Первые поражения Балтийского флота
-
-
-
- Глава 3 Трагедии на Синявинских высотах и в Мясном Бору
-
-
-
-
- Глава 4 Демянский тупик
-
-
-
-
- Глава 5 На северном фланге
-
-

Валерий Абатуров, Мирослав Морозов
Неизвестные трагедии Великой Отечественной. Сражения без побед

Глава 1 Начало войны: планы и реальность

Резкое обострение обстановки в Европе во второй половине 1930-х гг. и начавшаяся Вторая мировая война остро поставили перед СССР вопрос об отношениях с прибалтийскими государствами. Поэтому, используя заинтересованность Германии в обеспечении своей безопасности на востоке в условиях ведения военных действий на западе, советское руководство стремилось получить свободу действий в отношении этих государств. В результате в соответствии с пактом о ненападении Молотова – Риббентропа вначале Латвия и Эстония, а затем, после заключения 28 сентября 1939 г. договора о «Дружбе и границе» с Германией, и Литва вошли в сферу интересов Советского Союза.

Первоначально в отношении Прибалтики руководство СССР планировало провести в жизнь уже оправдавший себя вариант с Западной Белоруссией и Западной Украиной. Для этого Генеральному штабу Красной Армии были даны указания спланировать масштабную наступательную операцию. Так, 26 сентября 1939 г. нарком обороны СССР К.Е. Ворошилов направил командующему войсками Ленинградского военного округа К.А. Мерецкову директиву, в которой приказал: «Немедленно приступить к сосредоточению сил на эстонско-латвийской границе и закончить таковое 29.09.39 г. Задача Ленинградского военного округа – нанести мощный удар по эстонским войскам…» Нарком обороны подчеркивал, что «… действия армий должны быть решительными, поэтому они не должны ввязываться во фронтальные бои на укрепленных позициях противника, а, оставляя заслоны с фронта, обходить фланги и заходить в тыл, продолжая выполнять поставленную задачу» [1] .

Через два дня, 28 сентября, в Ленинграде, в штабе округа получили новую шифротелеграмму Ворошилова: «… План операции в основном утверждается. Начало действий по особому моему указанию. Продолжать срочным порядком сосредоточение войск, подвоз горючего, боеприпасов и организацию связи и управления войсками. При постановке задач частям избегать разрушения железнодорожных мостов, стремиться захватить их целыми…» [2] Но в данном случае полномасштабные военные операции не потребовались.

С начала Второй мировой войны правительства Эстонии, Латвии и Литвы стремились к сохранению статуса нейтральных государств. Однако, когда Советский Союз вышел с предложением

заключить двухсторонние договоры о взаимопомощи, после больших колебаний оно было принято, так как альтернативой этому была только война с Советским Союзом. Началом практической реализации заключенных договоренностей между СССР и государствами Прибалтики стало 19 октября 1939 г. Утром того дня первыми на территорию Эстонии вошли соединения и части Ленинградского военного округа (65-й стрелковый корпус, 16-я стрелковая дивизия, 18-я танковая бригада). 29 октября соединения Красной Армии перешли советско-латвийскую границу. В Латвию были передислоцированы 2-й особый стрелковый корпус, 76-я стрелковая дивизия и 6-я танковая бригада. Практически одновременно из Белорусского военного округа в Литву были переброшены 16-й стрелковый корпус и 2-я легкая танковая бригада.

В результате таких действий в Прибалтике, на территории пока еще независимых Эстонии, Латвии и Литвы, одновременно находились войска Красной Армии и собственные вооруженные силы этих стран. Но такое положение сохранялось недолго. 14 июня 1940 г. правительство СССР под предлогом того, что якобы имели место нарушения литовской стороной заключенных договоренностей и даже случаи похищения советских военнослужащих и истязания их с целью выведать военные секреты, предъявило правительству Литвы ультимативные требования: «…Чтобы немедленно было сформировано в Литве такое правительство, которое было бы способно и готово обеспечить честное проведение в жизнь советско-литовского Договора о взаимопомощи и решительное обуздание врагов Договора.

Чтобы немедленно был обеспечен свободный пропуск на территорию Литвы советских воинских частей для размещения их в важнейших центрах Литвы в количестве, достаточном для того, чтобы обеспечить возможность осуществления советско-литовского Договора о взаимопомощи и предотвратить провокационные действия, направленные против советского гарнизона в Литве» [3] .

15 июня литовское правительство сообщило о своем согласии с советскими условиями. В тот же день новый контингент Красной Армии вступил на территорию Литвы. На следующий день советское правительство вручило ноты посланникам Латвии и Эстонии с требованием обеспечить ввод на территории этих стран новых группировок Красной Армии. Политические цели дополнительного ввода советских войск на территорию прибалтийских государств были изложены в директиве

начальника Политуправления Красной Армии, в которой, в частности, говорилось: «…Наша задача ясна. Мы хотим обеспечить безопасность СССР, закрыть с моря на крепкий замок подступы к Ленинграду, нашим северо-западным и западным границам. Через головы правящей в Эстонии, Латвии и Литве антинародной клики мы выполнили наши исторические задачи и заодно поможем трудовому народу этих стран освободиться от эксплуататорской шайки капиталистов и помещиков…» [4]

После ввода в страны Прибалтики значительных контингентов советских войск обстановка здесь коренным образом изменилась. 14 и 15 июля прошли выборы в народные сеймы Латвии, Литвы и Эстонии, а 21 июля народные представители провозгласили установление в своих республиках советской власти и приняли декларации с просьбой о принятии их в состав СССР. Чрезвычайная VII сессия Верховного Совета Союза ССР удовлетворила эту просьбу. Образовались Латвийская, Эстонская и Литовская ССР.

В целях прикрытия сухопутных и морских границ Советского Союза и обеспечения безопасности новых советских республик 11 июля 1940 г. был создан Прибалтийский военный округ. В его состав включались войсковые части и учреждения, дислоцировавшиеся на территории Латвийской и Литовской республик. Войска на территории Эстонии первоначально вошли в состав Ленинградского военного округа. Приказом народного комиссара обороны Союза ССР № 0190 от 17 августа 1940 г. округ был переименован в Прибалтийский Особый военный округ с включением в него и территории Эстонской ССР. Одновременно было принято решение о ликвидации национальных армий прибалтийских государств, и за два месяца – сентябрь-октябрь они были переформированы в 22, 24-й и 29-й стрелковые корпуса Красной Армии. Постановлением СНК Союза ССР от 19 декабря 1940 г. двадцати бывшим генералам прибалтийских армий были присвоены воинские звания генералов РККА. Но спустя полгода, в июне 1941 г., под предлогом направления на учебу в военные академии командование территориальных корпусов было заменено командирами Красной Армии. Несмотря на организационно-штатные и другие мероприятия, проведенные в самый канун войны, боеспособность этих корпусов была низкой, а политико-моральное состояние личного состава, большинство из которого по-прежнему составляли представители коренных национальностей, вызывало тревогу у командования округа.

Нарастание угрозы войны, изменение западных границ страны, развертывание на новых территориях значительных группировок Вооруженных Сил потребовали пересмотра планов

их применения. Что касается Прибалтийского Особого военного округа, то в соответствии с «Соображениями об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на западе и на востоке на 1940 и 1941 гг.», представленными наркомом обороны и начальником Генерального штаба в докладной записке И.В. Сталину и В.М. Молотову 18 сентября 1940 г., его задачи определялись следующим образом. По первому – «южному» варианту, когда основные силы Красной Армии сосредоточивались южнее Брест-Литовска, а главный удар наносился Юго-Западным фронтом, предусматривалось «активной обороной прочно прикрывать наши границы в период сосредоточения войск… Северо-Западный фронт (развертывался с началом войны на базе Прибалтийского Особого военного округа. – *Авт.*) – основные задачи:

1. Обороняя побережье Балтийского моря, совместно с Балтфлотом не допустить высадки морских десантов противника.

2. Прочно прикрывать минское и рижско-псковское направления и ни в коем случае не допустить вторжения немцев на нашу территорию.

3. С целью сокращения фронта 11-й армии и занятия ею более выгодного исходного положения для наступления, в период сосредоточения войск, во взаимодействии с 3-й армией Западного фронта, овладеть районом Сейны, Сувалки и выйти на фронт Шиткемен, Филипово, Рачки.

4. По сосредоточении войск, ударом в общем направлении на Инстербург, Аленштейн, совместно с Западным фронтом сковать силы немцев в Восточной Пруссии». Таким образом, задача фронта включала два этапа. На первом этапе планировалось силами войск прикрытия отразить наступление противника, не допустить его вторжения на советскую территорию и создать тем самым условия для сосредоточения и развертывания главных сил. На втором – нанести удар против немецких войск в Восточной Пруссии.

По второму – «северному» варианту, с развертыванием основных сил севернее Брест-Литовска, планировалось «нанесение решительного поражения главным силам германской армии, сосредоточившимся в Восточной Пруссии…». В этом случае задача Северо-Западного фронта заключалась в том, чтобы «по сосредоточении войск атаковать противника с конечной целью совместно с Западным фронтом нанести поражение его группировке в Восточной Пруссии и овладеть последней».

В «Соображениях…» указывалось, что «разгром немцев в Восточной Пруссии и захват последней имеют исключительное экономическое и, прежде всего, политическое значение для

Германии, которое неизбежно скажется на всем дальнейшем ходе борьбы с Германией.

При решении этой задачи необходимо учитывать:

1) сильное сопротивление с вводом значительных сил, которое во всех случаях, безусловно, будет оказано Германией в борьбе за Восточную Пруссию;

2) сложные природные условия Восточной Пруссии, крайне затрудняющие ведение наступательных операций;

3) исключительную подготовленность этого театра для обороны, и особенно в инженерном и дорожном отношениях.

Как вывод – возникают опасения, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям, свяжет наши главные силы и не даст нужного и быстрого эффекта, что в свою очередь сделает неизбежным и ускорит вступление Балканских стран в войну против нас» [5] .

Последнее обстоятельство сыграло главную роль при обсуждении планов стратегического развертывания Вооруженных Сил на 1941 г., и в соответствии с указаниями Сталина уже в октябре 1940 г. было принято решение: «На западе основную группировку иметь в составе Юго-Западного фронта, с тем чтобы мощным ударом в направлении Люблин и Краков и далее на Бреслау в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне.

Одновременно активными действиями Северо-Западного и Западного фронтов сковать силы немцев в Восточной Пруссии» [6] . То есть за основу был принят «южный» вариант.

Приоритет юго-западного направления был подтвержден и в «Уточненном плане стратегического развертывания…», доложенном С.К. Тимошенко, Г.К. Жуковым и А.М. Василевским высшему политическому руководству страны 11 марта 1941 г. В нем указывалось: «Документальными данными об оперативных планах вероятных противников… Генеральный штаб Красной Армии не располагает… (к развенчанию мифа о том, что еще в декабре 1940 г. советскому командование был известен план «Барбаросса». – *Авт.*). Германия, вероятнее всего, развернет свои главные силы на юго-востоке – от Седлец до Венгрии, с тем чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину.

Этот удар, по-видимому, будет сопровождаться вспомогательным ударом на севере – из Восточной Пруссии на Двинск и Ригу… Развитие операции на Ригу… вероятно, будет сочетаться: 1) с высадкой десантов на побережье Балтийского моря в районе Либавы с целью действий во фланги и тыл нашим

армиям, оперирующим на нижнем Немане; 2) с захватом Моонзундского архипелага и высадкой на территории Эстонской ССР с целью наступления на Ленинград… Примерный срок развертывания германских армий на наших западных границах – 10-15-й день от начала сосредоточения» [7] .

Подобная оценка возможного характера действий противника показывает, что в Генеральном штабе накануне войны не было выработано последовательной концепции начального периода войны. В этом случае командование ПрибОВО, как, впрочем, и других приграничных округов, нацеливалось на то, что главные силы немецкой армии перейдут в наступление не с началом войны, а после завершения приграничных сражений. Эта стратегическая ошибка окажет вскоре самое негативное влияние на ход боевых действий в полосе Северо-Западного фронта.

Как признавал впоследствии маршал Г.К. Жуков, накануне войны – начальник Генерального штаба РККА: «Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не предполагался. Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б.М. Шапошников, К.А. Мерецков и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов» [8] .

Кроме того, в основе стратегической концепции ведения войны лежала идея быстрого переноса военных действий, после отражения ударов агрессора в приграничной полосе, на его территорию. Идеологическое обоснование этой концепции содержалось в директиве начальника Главного политического управления Красной Армии А.С. Щербакова, изданной в начале июня 1941 г. В ней, в частности, говорилось: «…СССР живет в капиталистическом окружении. Столкновение между миром социализма и миром капитализма неизбежно. Исходя из неизбежности этого столкновения, наше первое в мире социалистическое государство обязано изо дня в день, упорно и настойчиво готовиться к решающим боям с капиталистическим окружением с тем, чтобы из этих боев выйти победителем и тем самым обеспечить окончательную победу социализма…

Ленинизм учит, что страна социализма, используя благоприятно сложившуюся международную обстановку, должна и обязана будет взять на себя инициативу наступательных

военных действий против капиталистического окружения с целью расширения фронта социализма.

До поры до времени СССР не мог приступить к таким действиям ввиду военной слабости. Но теперь эта военная слабость отошла в прошлое. Опираясь на свое военное могущество, используя благоприятную обстановку, СССР освободил Западную Украину и Западную Белоруссию, вернул Бессарабию, помог трудящимся Литвы, Латвии и Эстонии организовать советскую власть. Таким образом, капитализму пришлось потесниться, а фронт социализма расширился.

Международная обстановка крайне обострилась, военная опасность для нашей страны приблизилась, как никогда. В этих условиях ленинский лозунг «на чужой земле защищать свою землю» может в любой момент обратиться в практические действия» [9] .

К началу войны в состав Прибалтийского Особого военного округа (командующий – генерал-полковник Ф.И. Кузнецов) входили: 8, 11-я и 27-я армии; четыре укрепленных района; 5-й воздушно-десантный корпус; 110, 402-й и 429-й гаубичные артиллерийские полки большой мощности; 10, 12, 14-я бригады ПВО; 4, 6, 7, 8-я и 57-я смешанные авиационные дивизии.

8-я армия генерал-майора П.П. Собенникова имела в своем составе 10-й (10-я и 90-я стрелковые дивизии), 11-й (48-я и 125-я стрелковые дивизии) стрелковые и 12-й механизированный корпуса. С началом военных действий в ее оперативное подчинение поступали два укрепленных района, 9-я артиллерийская противотанковая бригада, а также 7-я смешанная авиационная дивизия.

Средняя укомплектованность стрелковых корпусов армии составляла: личным составом – 75 %, орудиями и минометами – 84, автомобильным транспортом – 51 и тракторами – 71 % штатной численности [10] .

Формирование 12-го механизированного корпуса началось весной 1941 г. на основании постановления Совета народных комиссаров СССР от 12 февраля 1941 г. «О мобилизационном плане на 1941 год». На укомплектование корпуса были обращены все танковые и часть моторизованных бригад округа. В его состав вошли 23, 28-я танковые и 202-я моторизованная дивизии, 10-й мотоциклетный полк, 380-й отдельный батальон связи, 47-й отдельный моторизованный инженерный батальон.

На вооружении корпуса находились танки устаревших конструкций. Так, 23-я танковая дивизия к началу войны насчитывала 381 танк, в основном Т-26.28-я танковая дивизия имела 314 танков, преимущественно БТ-7. В танковом полку 202-

й моторизованной дивизии имелось 105 танков. Всего в корпусе насчитывалось 806 танков (из них 6 – в управлении корпуса) [11] . В нем имелся очень большой некомплект автомобилей, специальных машин, тракторов и мотоциклов. За короткое время, прошедшее от момента его создания до начала войны, части, подразделения и штабы не успели пройти боевого слаживания. Особенно плохо были подготовлены мотострелковые полки. До начала войны в соединениях вообще не проводилась командирская подготовка – не хватало командно-начальствующего состава, а имевшиеся офицеры были заняты работой по формированию частей.

В состав 11-й армии генерал-лейтенанта В.И. Морозова входили 16-й (5, 33-я и 188-я стрелковые дивизии) и 29-й (179-я и 184-я стрелковые дивизии) стрелковые корпуса, 23, 126-я и 128-я стрелковые дивизии армейского подчинения, 3-й механизированный корпус. С началом военных действий в оперативное подчинение армии поступали два укрепленных района, 10-я артиллерийская противотанковая бригада и 8-я смешанная авиационная дивизия.

Средняя укомплектованность стрелковых дивизий армии составляла от 9201 до 11 260 человек, за исключением дивизий 29-го территориального стрелкового корпуса. Они содержались по штатам сокращенного состава и насчитывали: 179-я – 5947 и 184-я – 5994 человека.

В состав 3-го механизированного корпуса входили 2, 5-я танковые, 84-я моторизованная дивизии, 1-й мотоциклетный полк, 132-й отдельный батальон связи, 46-й отдельный моторизованный инженерный батальон.

2-я танковая дивизия являлась первой в Красной Армии, которая получила на вооружение танки КВ – всего 59 таких машин. Кроме них, в дивизии имелись танки БТ-7, Т-26, ХТ-26 и Т-28, причем последние были сильно изношены, и большая часть из них требовала ремонта. По результатам проведенных инспекторских проверок 2-я танковая дивизия была признана одним из лучших танковых соединений Красной Армии. Слабым местом дивизии было недостаточное количество средств эвакуации и связи, почти полное отсутствие боеприпасов для танков КВ-2, малый запас 45– и 76-мм бронебойных снарядов, дизельного топлива и запасных частей для танков КВ.

5-я танковая дивизия была единственной в округе, имевшей танки Т-34 – в марте 1941 г. она получила 50 таких машин. Однако ни один из этих танков до начала войны не эксплуатировался, все они были поставлены на хранение в парке. Кроме Т-34, в дивизии были БТ-7, Т-26 и сильно изношенные

Т-28. Дивизия имела хорошо подготовленные экипажи, так как ее основу составляла кадровая танковая бригада Красной Армии. К недостаткам дивизии следует отнести недостаток средств связи и эвакуации, а также плохую подготовку экипажей для Т-34.

84-я моторизованная дивизия начала получать боевую и другую технику только в конце 1940 г. и до начала войны не была в состоянии освоить ее в полном объеме. В целом, к июню 1941 г. в корпусе насчитывалось 642 танка (КВ – 51, Т-34 – 50, Т-28 – 57, БТ-7 – 431, Т-26 – 41, ХТ-26 – 12). Его части испытывали недостаток в радиостанциях, запасных частях для танков, автомобилях и тракторах, бронебойных снарядах и дизельном топливе [12] .

27-я армия генерал-майора Н.Э. Берзарина, которая была сформирована лишь в мае 1941 г., дислоцировалась в глубине территории округа – в Эстонской и Латвийской ССР. В ее состав входили 65, 22, 24-й стрелковые корпуса и 3-я отдельная стрелковая бригада. С началом военных действий в подчинение армии поступала 6-я смешанная авиационная дивизия.

Всего к началу войны в округе имелось 19 стрелковых, 4 танковые и 2 моторизованные дивизии, одна отдельная стрелковая бригада, 3 воздушно-десантные бригады (в составе 5-го воздушно-десантного корпуса).

Артиллерийским вооружением части Прибалтийского Особого военного округа были укомплектованы почти по штатам, особенно корпусные полки и полки Резерва Главного Командования (429, 402-й и 110-й гаубичные артиллерийские полки большой мощности). Вместе с тем в ряде артиллерийских частей, входивших главным образом в территориальные стрелковые корпуса, имелось на вооружении большое количество различных устаревших артиллерийских систем (калибров 20-, 40-, 47-, 114-, 200-мм и даже старые 18-дюймовые орудия). Весной 1940 г. их стали заменять на орудия советского производства, однако к началу войны этот процесс не был завершен. По свидетельству генерал-лейтенанта А.С. Ксенофонтова, накануне и в начале войны командира 22-го стрелкового корпуса: «Артиллерийские и гаубичные полки стрелковых дивизий, корпусной артиллерийский полк были вооружены немецкой артиллерией. Пулеметы, винтовки и револьверы все были немецкого производства. Снаряды, мины и патроны к ним имелись в ограниченном количестве» [13] .

Обеспеченность артиллерийских частей боеприпасами перед началом военных действий была удовлетворительной. В частях находилось от полутора до двух боекомплектов, а на складах хранилось по одному боекомплекту полковых, дивизионных и

противотанковых выстрелов. Мин имелось два боекомплекта. Артиллерия РГК имела четыре боекомплекта. Однако для складов боеприпасов не был предусмотрен транспорт на случай их эвакуации [14] .

Артиллерийские части округа имели большой некомплект средств тяги для артиллерийских орудий – всего к 1 июня 1941 г. имелось 2978 тракторов всех марок (включая танковые части) и 38 826 лошадей. Из-за этого многие артиллерийские подразделения не могли при подъеме по тревоге вывести все свои орудия, а взводы боепитания не могли обеспечить подвоз необходимого количества боеприпасов. Кроме того, большое количество средств механической тяги было неисправно. Например, из 13 525 грузовых автомобилей, имевшихся в частях ПрибОВО к 1 июня 1941 г., 5000 машин (т. е. 36 % всего парка) требовали ремонта [15] .

В апреле 1941 г. в округе началось формирование 9-й и 10-й артиллерийских противотанковых бригад. Однако до начала войны их не удалось полностью укомплектовать личным составом и боевой техникой. Особенно остро ощущался недостаток в средствах тяги. Так, в 9-й бригаде на 68 орудий имелось только 15 тракторов и автомашин [16] .

К началу войны не удалось завершить и формирование 10, 12-й и 14-й бригад ПВО, пяти отдельных зенитных артиллерийских дивизионов, двух отдельных батарей и зенитно-пулеметной роты. В частях и подразделениях противовоздушной обороны имелся значительный некомплект автотранспорта, они располагали незначительным количеством боеприпасов к зенитной артиллерии.

Военно-воздушные силы округа составляли пять смешанных авиационных дивизий. Из них три – 6, 7-я и 8-я выделялись для авиационного обеспечения действий трех армейских объединений, а две – 4-я и 57-я – подчинялись непосредственно командованию ВВС округа. Самолетный парк насчитывал 1262 боевых самолета, в том числе 744 истребителя, 453 бомбардировщика, 5 штурмовиков Ил-2, 60 самолетов-разведчиков [17] . Округ заметно отставал от других приграничных округов в получении и освоении новой авиационной техники. Наиболее распространенными были самолеты устаревших конструкций: бомбардировщики СБ (439 единиц) и истребители И-153, которых имелось 364. Лишь два авиаполка (15-й и 31-й истребительные) не только получили, но и овладели истребителями МиГ. Как отмечалось в составленном уже в ходе войны отчете о боевых действиях ВВС Северо-Западного фронта:«…Части ВВС ПрибОВО к началу войны были

подготовлены на старой материальной части – бомбардировочная авиация на самолетах СБ, истребительная авиация – на самолетах И-153 и И-16.

Война застала части ПрибОВО в период перехода на новую материальную часть – истребителей на самолеты МиГ-3, на которых летали два полка и овладели этим самолетом, а часть полков бомбардировщиков проходила переучивание на самолетах Пе-2 за пределами округа…» [18]

В 31-м истребительном авиационном полку поставка новых истребителей завершилась 19 февраля 1941 г. (всего имелось 31 МиГ-1 и 32 МиГ-3). Как отмечалось в отчете, «к 22 июня на них выпущено и оттренировано 58 летчиков. Еще 20 летчиков были подготовлены к самостоятельным полетам на МиГ-3, но не успели до войны вылететь самостоятельно». Несколько новых бомбардировщиков Пе-2 находились в стадии освоения 50-м и 54-м бомбардировочными авиационными полками, а штурмовики Ил-2 в 61-м штурмовом авиационном полку даже не собрали, и они оставались в ящиках: отправленные на завод в Воронеж летчики обратно в часть до 22 июня вернуться не успели [19] .

С весны 1941 г. в ПрибОВО намечалось строительство большого количества оперативных аэродромов в связи с необходимостью рассредоточить авиацию для более гибкого ее использования и приема новой материальной части. Однако это строительство не было своевременно развернуто. Военный совет округа затянул утверждение дислокации частей и тыловых органов районов авиационного базирования, а также участков для оперативных аэродромов. Всего ВВС округа располагали 70 аэродромами, из них постоянных – 21, оперативных – 49 [20] .

Их дислокация была не слишком продумана, не предусматривала вывод из-под ударов самолетов, расположенных на расстоянии 50 – 100 км от границы. На 23 аэродромах строились бетонные полосы, но к началу военных действий ни на одном из них работы закончены не были. Часть аэродромов, сданных в эксплуатацию строительными батальонами 15–20 июня, представляли собой голое поле с рядом временных построек полевого типа. Не было подготовлено убежищ для летного и технического состава. К тому же некоторые базовые аэродромы, например Каунасский, были построены в свое время для литовских ВВС германскими специалистами до прихода сюда Красной Армии, а другие – немецкая разведка тщательно изучила за несколько месяцев до начала войны [21] .

Важную роль в отражении первых ударов противника советское командование отводило укрепленным районам (УР). Поэтому осенью 1940 г. на территории округа началось

строительство Тельшайского, Шауляйского, Каунасского и Алитусского УР.

Тельшайский укрепрайон прикрывал границу в полосе шириной 75 км, от Паланги до Юрденяй, и насчитывал 8 опорных пунктов, в которых строилось 389 долговременных огневых сооружений (ДОТ). Из них к началу войны было готово только 23.

Шауляйский УР имел 6 опорных пунктов в 90-километровой полосе, от Паюрис до Юрбаркас. Всего здесь сооружалось 430 железобетонных точек, из которых к июню 1941 г было готово 27.

Каунасский УР был самым мощным – 10 опорных пунктов с 630 долговременными сооружениями, из которых было готово лишь 31. Укрепрайон прикрывал 106-километровый участок границы от Юрбаркас до Калвария.

Алитусский укрепрайон прикрывал границу в полосе шириной 57 км на стыке с Западным Особым военным округом. Он имел 5 опорных пунктов с 293 долговременными сооружениями, из которых было готово лишь 20.

На строительстве укрепленных районов было занято более 90 инженерных и саперных батальонов (в том числе 54 из внутренних военных округов), специально сформированные строительные батальоны и автотранспортные роты. С весны 1941 г. к этим работам стали привлекать вольнонаемных строителей и стрелковые части. Всего к началу войны на оборонном строительстве вдоль границы было занято около 60 тыс. человек [22] . Но, несмотря на это, из строившихся 1742 долговременных сооружений к июню 1941 г. успели закончить только 101 дот. Но и они не были приведены в боевую готовность. Больше половины из построенных долговременных огневых точек не имели вооружения, не были установлены броневые короба на дверях и амбразурах, отсутствовали силовые агрегаты, насосы для подачи воды, вентиляция, средства связи, электрооборудование. Лишь на части сооружений была проведена земляная обсыпка, и почти все они оставались незамаскированными. Кроме того, ни в одном укрепрайоне не имелось гарнизонов – лишь к осени 1941 г. планировалось развернуть здесь 29 артиллерийско-пулеметных батальонов [23] .

В тылу округа, на старой границе, имелось еще четыре укрепленных района постройки 1928–1939 гг. – Псковский, Островский, Себежский и Полоцкий. Причем Себежский УР, который начал сооружаться в 1939 г., имел всего 63 дота, строительство которых так и не было завершено. Псковский и Островский УР имели в общей сложности 147 долговременных огневых точек, а Полоцкий – 202. В этих трех укрепрайонах было развернуто по одному пулеметно-артиллерийскому батальону

(около 800 человек в каждом), а Себежский УР гарнизона не имел. К июню 1941 г. все доты в этих УР были законсервированы, вооружение и оборудование частично снято и находилось на складах. Все долговременные сооружения были замаскированы под сараи, дома или холмы и обнесены вокруг колючей проволокой [24] .

В связи с незавершенностью строительства укрепленных районов командование округа развернуло оборудование полевых оборонительных сооружений силами войск. Эти сооружения возводились перед укрепленными районами, в предполье, на наиболее угрожаемых направлениях и между узлами сопротивления УР. Всего в приграничной полосе в пределах Прибалтийского Особого военного округа возводилось 164 батальонных района обороны.

Однако полевое оборонительное строительство имело ряд существенных недостатков. Между батальонными районами оставлялись большие разрывы. Огневые точки нередко размещались без учета конкретных условий местности. Во многих случаях батальонные районы обороны намечались неудачно с тактической точки зрения. Например, в полосе 10-го стрелкового корпуса некоторые из них оборудовались всего в 200 м – 1,5 км от границы. Лишь в районе Швекшна они были отнесены от нее на 5 км. В полосе 8-й армии в полосе шириной свыше 20 км четыре батальонных района обороны были расположены между государственной границей и р. Минья, не использованной для организации на ней обороны. Как отмечал бывший начальник инженерных войск 11-й армии полковник С.М. Фирсов: «Передние огневые точки… в большинстве случаев находились в непосредственной близости от границы, в пределах десятков и сотен метров от нее (например, по р. Шешупе, служившей границей). Как эти точки, так и расположенные на удалении до 1–2 км, полностью просматривались противником… Некоторые из сооружений могли быть использованы в обороне, но они не имели гарнизонов, не было создано полевого усиления рубежей, каких-либо заграждений и препятствий перед ними. Начертание переднего края первой позиции УР непосредственно по границе вызывало сомнение в целесообразности такого решения… Отсутствие предполья позволяло немедленно обрушить всю мощь артиллерийского огня на сооружения и вслед за этим атаковать их без предварительной необходимости преодолевать полосу препятствий и заграждений» [25] .

К этому необходимо добавить, что Военный совет округа только 15 июня 1941 г. обратился к начальнику Генерального штаба с просьбой ускорить отправку в Каунас и Шяуляй

запланированных для округа 100 тыс. противотанковых мин, 40 тыс. тонн взрывчатки и 45 тыс. тонн колючей проволоки [26] .

Сложной проблемой являлась организация управления войсками. По довоенным взглядам считалось, что основным средством связи является проводная. При этом войска должны были базироваться на гражданскую сеть Народного комиссариата связи (НКС). Однако система связи в Прибалтике была развита слабо и приспособлена в основном для обеспечения местных нужд. Для устранения этих недостатков НКС планировал построить на территории округа новые линии и узлы связи, однако к началу войны строительство этих объектов было далеко от завершения. В результате в распоряжение 8-й и 11-й армий было выделено только по одной линии связи, притом без обходных направлений [27] . Имевшиеся же узлы связи находились в населенных пунктах и не были защищены от ударов авиации противника. Линии связи проходили вдоль шоссе и железных дорог и также были очень уязвимы в случае войны. Подземные линии связи отсутствовали.

Тыловое обеспечение боевых действий с началом войны должно было осуществляться с 45 различных складов, которые по организации и оснащению были очень несовершенны. В основном они были стационарными, привязанными к железным дорогам и не имели необходимого количества транспорта и специального оборудования.

14 мая 1941 г. в штаб округа поступила директива наркома обороны на разработку плана прикрытия территории ПрибОВО. В соответствии с ней на округ возлагались следующие задачи: «Не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника… Упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть отмобилизование, сосредоточение и развертывание войск округа… Противовоздушной обороной и действиями авиации обеспечить бесперебойную работу железных дорог и сосредоточение войск округа… Активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами по основным железнодорожным узлам, мостам, перегонам и группировкам войск нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника. Не допустить сбрасывания и высадки на территории округа воздушных десантов и диверсионных групп противника…» [28]

Согласно плану прикрытия государственной границы, разработанному штабом округа, в его полосе создавались три армейских района прикрытия. Район прикрытия № 1 (27-я армия) включал острова Даго и Эзель, прибрежные полосы Рижского залива и Балтийского моря до Паланги. На сухопутной границе

Советского Союза с Восточной Пруссией в полосе шириной 300 км – от Паланги до разграничительной линии с Западным Особым военным округом – должны были развернуться 8-я и 11-я армии.

В полосе 8-й армии (ширина около 160 км), от Паланги до Юрбаркас, в первом эшелоне должны были действовать три стрелковые дивизии 10-го и 11-го стрелковых корпусов. На правом фланге армии располагалась 10-я стрелковая дивизия 10-го корпуса. Ей была назначена полоса шириной в 80 км. Левее в полосе шириной 30 км имела задачу перейти к обороне 90-я стрелковая дивизия этого корпуса. 125-я стрелковая дивизия 11-го стрелкового корпуса, действуя в полосе шириной более 40 км, прикрывала главное направление армии – железную и шоссейную дороги из Тильзита на Шауляй через пограничный пункт Таураге. На этом же направлении, во втором эшелоне корпуса должна была занять оборону 48-я стрелковая дивизия.

В соответствии с решением командующего 11-й армией в ее полосе (ширина 140 км) создавались три участка прикрытия. В состав участка прикрытия № 1, для действий в полосе шириной 85 км, выделялся 16-й стрелковый корпус (5, 33-я и 188-я стрелковые дивизии). В составе участка прикрытия № 2 (20 км) планировалось использование частей 126-й стрелковой дивизии. Участок прикрытия № 3 (35 км) должны были занимать части 128-й стрелковой дивизии.

Таким образом, стрелковые дивизии первого эшелона армий должны были переходить к обороне в очень широких полосах и не могли создать глубокого боевого порядка, а также необходимых плотностей сил и средств для надежного огневого поражения противника и отражения ударов его танковых группировок. Так, еще в мае 1941 г. начальник штаба 8-й армии генерал-майор Г.А. Ларионов докладывал Военному совету ПрибОВО о том, что «стрелковые дивизии, находящиеся на участке границы 8-й армии, прикрыть государственную границу на сверхшироком фронте не в состоянии, фронт прикрытия 160 км слишком широк и никакими нормами и положениями не предусмотрен… Плотность огня ничтожная (одно орудие и два пулемета на 1 км фронта). Существующая дислокация 10-й и 125-й дивизий не отвечает требованиям занятия обороны, потребуется от суток до двух» [29] .

В целом окружной и армейские планы прикрытия госграницы не являлись, по сути, планами первых оборонительных операций начального периода войны, а включали в себя лишь отдельные их элементы. Оборонительные действия рассматривались лишь как временные, обеспечивающие переход в наступление. Внезапность

начала военных действий противником в них практически не учитывалась. Нереальность этих планов проявлялась также в том, что рассчитаны они были на полностью отмобилизованные и боеготовые войска.

Учитывая сложную обстановку на границе, 12 июня командование ПрибОВО под видом учений начало скрытно развертывать силы второго эшелона согласно плану прикрытия границы. 15 июня в своем приказе командующий войсками округа потребовал повысить боевую готовность соединений и частей. В нем, в частности, отмечалось: «… Немалое количество командиров живет и работает старыми порочными методами, совершенно не понимая современной международной обстановки, не понимая главного, что именно сегодня, как никогда, мы должны быть в полной боевой готовности. Этого многие командиры не понимают. Но это надо всем твердо и ясно понять, ибо в любую минуту мы должны быть готовы к выполнению любой боевой задачи.

Подготовку проводить без шума, спокойно, скрытно, но работать надо день и ночь, ночь и день. Всегда быть в полной боевой готовности. Каждый командир должен знать свою позицию, подготовить ее и быть в полной готовности разбить на этой позиции любого врага» [30] .

18 июня Военный совет округа отдал приказ о приведении в боевую готовность театра военных действий. Наряду с другими мероприятиями оборонительного характера в нем предусматривалось: «… Изъять из 22, 24-го и 29-го стрелковых корпусов все танки иностранных марок и бронемашины… и передать по 45 танков и по 4 бронемашины 8-й и 11-й армиям, которым танки использовать для стационарной противотанковой обороны в противотанковых районах, а бронемашины – для обороны командных пунктов армий…

Создать на тельшайском, шауляйском, каунасском и калварийском направлениях подвижные отряды минной противотанковой борьбы. Для этой цели иметь запасы противотанковых мин, возимых автотранспортом… Командующим войсками 8-й и 11-й армий с целью разрушения наиболее ответственных мостов… прорекогносцировать эти мосты, определить для каждого из них количество взрывчатых веществ, команды подрывников и в ближайших пунктах от них сосредоточить все средства для подрыва. План разрушения мостов утвердить Военным советам армий. Срок выполнения 21.6.41 г…» [31] Ставилась также задача привести в боевую готовность противовоздушную оборону, организовать затемнение городов Латвии и Литвы. Были намечены меры по борьбе с

воздушными десантами противника.

В тот же день командующие армиями получили указания о немедленном выводе соединений и частей прикрытия непосредственно на границу. Бывший командующий 8-й армией генерал-майор П.П. Собенников в своих воспоминаниях писал, что еще утром 18 июня 1941 г. он получил устное приказание от командующего войсками Прибалтийского Особого военного округа о немедленном выводе войск на границу. Штабу армии приказывалось к утру 19 июня занять полевой командный пункт (12 км северо-западнее Шауляя).

К концу дня им были отданы устные распоряжения о выводе соединений на границу. В течение 19 июня на свои участки прикрытия вышли 10, 90-я и 125-я стрелковые дивизии, личный состав которых располагался в траншеях и деревоземляных огневых точках. Штаб армии прибыл в указанный район в ночь на 20 июня. Даже в ночь на 22 июня, после того, как командующий армией получил лично от начальника штаба округа приказ об отводе войск от границы, части 8-й армии остались на занимаемых рубежах.

Выход соединений 8-й армии на участки прикрытия до начала боевых действий подтверждает и командир 10-й стрелковой дивизии генерал-майор И.И. Фадеев: «19 июня 1941 года, до начала военных действий, было получено распоряжение от командира 10-го стрелкового корпуса генерал-майора И.Ф. Николаева о приведении частей дивизии в боевую готовность. Во исполнение этого приказа все части дивизии были немедленно ночью выведены в свои районы обороны, заняли деревоземляные огневые точки и огневые позиции артиллерии. После этого командиры полков, батальонов, рот на местности проверяли и уточняли боевые задачи согласно ранее разработанному приказу и плану боевых действий дивизии, доводили их до командиров взводов и отделений».

Подобные мероприятия проводились и в полосе 11-й армии. Вот что писал об этом, в частности о 188-й стрелковой дивизии, генерал-майор Г.Н. Шафаренко: «Три батальона дивизии (по одному от стрелкового полка) и один артиллерийский дивизион находились на границе, остальные – как говорят, «занимались по расписанию»… В соответствии с директивой командующего округом… утром 20 июня командир дивизии Иванов П.И. провел совещание командиров частей и приказал им на следующий день провести рекогносцировку участков обороны и принять в свое подчинение находящиеся там строительные батальоны.

21 июня командиры полков вместе с небольшими группами офицеров штаба и командирами батальонов занимались

рекогносцировкой. В тот же день с оперативной группой офицеров выехал ближе к границе и командир дивизии. Основные силы дивизии по-прежнему оставались в лагерях (45–50 км от границы. – *Авт.*). Туда же после рекогносцировки поздно вечером вернулись и все офицеры частей, командиры полков остались ночевать на границе… Почти на 40-километровом фронте от Кибартай и южнее до оз. Вишптиспис по-прежнему оставалась лишь тонкая цепочка трех батальонов» [32] .

18 июня по приказу командира 12-го механизированного корпуса генерал-майора Н.М. Шестопалова подчиненные соединения и части также были приведены в боевую готовность и к 20 июня выведены в районы сосредоточения. В то же время в районы прикрытия под предлогом проведения тактических занятий по оборонительной тематике начали выходить части 128, 33, 5-й стрелковых дивизий и 3-го механизированного корпуса 11-й армии. Одновременно были подняты по тревоге и приведены в полную боевую готовность штабы армий, корпусов и дивизий. К утру 19 июня их узлы связи развернулись на полевых командных пунктах. В этот же день штаб округа под видом командно-штабных учений выехал на заранее подготовленный полевой командный пункт в 12 км северо-восточнее Паневежиса [33] . Но, как отмечал в своих воспоминаниях генерал-майор Г.Н. Шафаренко: «…Все это как-то было больше похоже на обычные учения, чем на последние приготовления к войне…» [34]

Вместе с тем эффективность всех этих, в общем-то правильных и своевременных, мероприятий значительно снижалась из-за большого количества ограничений в приведении войск в боевую готовность. Так, в очередной директиве от 19 июня командующий войсками округа генерал-полковник Ф.И. Кузнецов требовал «позиции предполья занимать только в случае нарушения противником госграницы» [35] . На следующий день эти его указания были продублированы командующим 8-й армией в его приказе командирам 10-го и 11-го стрелковых корпусов: «Еще раз подтверждаю, что боевые сооружения в полосе предполья частями не занимать. Подразделения держать позади сооружений в боевой готовности, производя работы по усилению обороны. Завалы производить таким образом, чтобы они не были заметны со стороны границы» [36] .

По воспоминаниям заместителя командующего войсками округа генерала Е.П. Сафронова, несколько командиров за три-четыре дня до войны отправили свои семьи из Таураге в глубь страны. Об этом узнали в Москве. «Начальник Генерального штаба генерал Жуков за это крепко меня выругал, – пишет Сафронов, – и заявил, что этими мероприятиями мы создадим

панику среди местного населения и что правительство Литвы обжаловало наши действия. Было строго запрещено эвакуировать семьи, чтобы этим не создавать паники» [37] .

Меры по затемнению городов Прибалтики были отрицательно восприняты И.В. Сталиным. Последовал очередной разнос наркому обороны и начальнику Генерального штаба (С.К. Тимошенко и Г.К Жуков. – *Авт.*). Последний 20 июня направил Ф.И. Кузнецову телеграмму, потребовав немедленно отменить приказ о приведении в боевую готовность системы противовоздушной обороны, так как он вызывает различные толки и нервирует общественность.

Этого распоряжения оказалось достаточно для того, чтобы Военный совет округа приостановил или замедлил выполнение других мероприятий, намеченных в ранее отданных приказах. «Части и соединения Прибалтийского Особого военного округа, – указывалось в оперативной сводке его штаба вечером 21 июня, – в пунктах постоянной дислокации занимаются боевой и политической подготовкой, выдвинув к государственной границе отдельные части и подразделения для наблюдения. Одновременно производится передислоцирование отдельных соединений в новые районы» [38] .

Между тем все это происходило на фоне непрекращавшихся докладов о военных приготовлениях на сопредельной стороне. По данным разведки, было известно, что в Восточной Пруссии жителей приграничной зоны переселяют в глубь своей территории на 5 км, якобы на три-четыре дня, ввиду предстоящих больших учений. Разведывательные органы докладывали, что на смотре войск в Эйдткунене командир 12-го немецкого армейского корпуса генерал фон Ленгвиц, обращаясь к солдатам и офицерам, сказал: «…Вы стоите на передовом посту, на границе. Я окажу вам большую честь. Вы первыми перейдете границу для войны с Россией» [39] . 18 июня командир 125-й стрелковой дивизии генерал П.П. Богайчук сообщал в штаб округа: «По агентурным данным и данным перебежчиков, последние дни в районе Тильзита немцами сосредоточено до семи дивизий, не считая войск, расположенных в районе Шилуте и северо-западнее. Часть войск непосредственно подтянута к границе. Имеются мотомеханизированные дивизии.

С нашей стороны мероприятий противооборонительного (так в тексте документа. – *Авт.*) характера, гарантирующих от нападения мотомеханизированных частей, не предпринято, и достаточно немцам пустить один танковый батальон, как удерживающий гарнизон может остаться захваченным врасплох» [40] .

Задержанный в ночь на 20.6.41 перебежчик… показал, что… все войска из Сувалки переброшены к границе. Пехота располагается в 5 км от границы, артиллерия на позициях… Немецкие части у границы окопы не копают, имея в виду переход в наступление… Вот уже 2 месяца, как солдат агитируют офицеры, говоря, что СССР – главный враг Германии» [41] .

Как вспоминает начальник инженерных войск Северо-Западного фронта, впоследствии генерал-лейтенант, В.Ф. Зотов: «Вечером 20 июня я прибыл в Таураге, на заседание Военного совета округа, которое проводилось в штабе 125-й стрелковой дивизии. На этом заседании начальник разведывательного отдела штаба фронта полковник Сафронов довольно подробно и детально докладывал обстановку на границе. Из доклада было ясно, что гитлеровские войска занимают исходное положение для наступления. Вся их артиллерия уже стояла на огневых позициях, войскам выданы противогазы и неприкосновенный запас продовольствия. Как доложил начальник разведки, наступление врага можно было ожидать 21 или 22 июня» [42] . Следует сказать, что, применив термин «штаб фронта», Зотов не ошибся. К этому времени основная часть штаба, выехавшая на полевой командный пункт, уже именовалась именно так, а незначительная часть, оставшаяся в Риге, сохранила наименование «штаб округа».

К исходу 21 июня 1941 г. в Прибалтийском Особом военном округе на линии государственной границы находились 10-я стрелковая дивизия и по три батальона от 5, 33, 90, 125-й и 188-й стрелковых дивизий. 11-я стрелковая дивизия, перевозившаяся из Ленинградского военного округа, разгружалась в районе Шауляя, а еще три стрелковые дивизии – 23, 48-я и 162-я – выдвигались к границе из глубины территории округа. Шесть дивизий 22, 24-го и 29-го территориальных корпусов, за исключением 181-й стрелковой дивизии, совершавшей марш в Рижский лагерь, находились в пунктах постоянной дислокации, где проводилось их переформирование. 3-й и 12-й механизированные корпуса были подняты по тревоге и выведены в районы сосредоточения. Штабы 8-й и 11-й армий, корпусов и дивизий находились на полевых командных пунктах. Всего командованию округа удалось привести в состояние боевой готовности, но без отмобилизования приписного состава и техники, шесть стрелковых дивизий этих армий, а также 3-й и 12-й механизированные корпуса [43] .

Но и выдвинутые к границе войска были далеко не полностью укомплектованы и обеспечены даже по штатам мирного времени. Вот что, в частности, докладывал начальник артиллерии 8-й армии: «Артиллерия армии выступила на фронт и вступила в боевые действия с большим некомплектом по штатам мирного

времени как в людском составе, так и в транспортных средствах, средствах связи и наблюдения. Частям не только не было приказано взять имущество до штатов военного времени, но они не были информированы о возможности боевых действий, поэтому имущество, положенное замене, транспорт, средства связи, средства наблюдения не были взяты до штатов военного времени» [44] . А в акте проверки боевой готовности 48-й стрелковой дивизии, проведенной комиссией штаба 8-й армии, отмечалось: «…Проверка показала крайне низкую мобилизационную и боевую готовность частей дивизии. Мобдокументация по «МП–41» (мобилизационный план. – *Авт* .) на лагерный сбор в частях дивизии не отработана… Вследствие того, что имущество для первого эшелона в лагерь не вывезено, личная боеготовность каждого бойца – крайне низка. 90 % автомашин 67-го отдельного батальона связи к походу не были готовы из-за отсутствия резины» [45] .

В этой связи вызывают интерес выводы, сделанные в журнале боевых действий Северо-Западного фронта за 18–21 июня 1941 г. (записи в журнале были сделаны позднее. – *Авт* .): «… Наша агентура и перебежчики указывали, что надо ожидать в ближайшее время вооруженного выступления Германии против нас. Почти точно указывались сроки начала наступления – 20–22 июня 1941 г.

Таким образом, война становилась фактом, события требовали принятия срочных мероприятий с обеих сторон, и в первую очередь в области оперативного развертывания войсковых соединений всех родов войск и сосредоточения их по плану для ведения операций.

Командованию Северо-Западного фронта в последние дни перед войной представлялась возможность немедленно передислоцировать ряд частей ближе к границе. Однако темпы сосредоточения и развертывания… усиливались крайне медленно. Необходимо было учитывать слабую пропускную способность железных дорог Прибалтики, разбросанность войск на большой территории и их удаленность от границы.

Вместе с тем представлялась полная возможность под видом вывода частей в лагеря произвести скрытное сосредоточение главных сил у границы, занять и совершенствовать полевые оборонительные сооружения при условии правильной оценки и предвидения надвигающихся событий на Северо-Западном фронте. Своевременно были выведены только 90, 188, 5-я сд, но и они в своем большинстве занимались оборудованием лагерей, меньше боевой подготовкой.

Таким образом, непосредственно у госграницы находились:

10-й ск – 10, 90-я сд и 125-я сд 11 ск; 16 ск – 5, 33, 188 сд и 128-я сд.

Эти части в основном располагались в лагерях, имея непосредственно у границы прикрытие от роты до батальона, по существу, усилив пограничную службу…» [46]

Следует сказать, что практически до начала войны штаб округа наряду с требованиями не спровоцировать немцев никаких указаний о приведении войск в полную боевую готовность не получал. Только в 1 час ночи 22 июня поступил приказ наркома обороны СССР, в котором говорилось о возможности внезапного нападения противника в течение 22–23 июня. В 2 часа 25 минут генерал-полковник Ф.И. Кузнецов направил 8-й и 11-й армиям директиву, в которой, в частности, указывалось: «Возможно в течение 22–23.6.41 г. внезапное нападение немцев на наше расположение. Нападение может начаться внезапно провокационными действиями. Задача наших частей – не поддаваться ни на какие провокационные действия немцев, могущие вызвать крупные осложнения.

Одновременно наши части должны быть в полной боевой готовности встретить внезапный удар немцев и разгромить противника. Приказываю:

В течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять оборону основной полосы. В предполье выдвинуть полевые караулы для охраны дзотов, а подразделения, назначенные для занятия предполья, иметь позади. Боевые патроны и снаряды выдать (значит, до этого момента боеприпасы в войсках отсутствовали? – *Авт.*). В случае провокационных действий немцев огня не открывать. При полетах над нашей территорией немецких самолетов не показываться и до тех пор, пока самолеты противника не начнут боевых действий, огня не открывать…

Семьи начальствующего состава 10, 125, 33-й и 128-й стрелковых дивизий перевозить в тыл только в случае перехода границы крупными силами противника…

Средства и силы противовоздушной обороны привести в боевую готовность номер один, подготовив полное затемнение городов и объектов. Противотанковые мины и малозаметные препятствия ставить немедленно» [47] .

Содержание этой директивы свидетельствует, что командование округа, четко выполняя указания не спровоцировать немецкую сторону на развязывание войны, проявляло нерешительность и непоследовательность в своих действиях. Но оно вынуждено было лавировать между требованиями быть в полной готовности, с одной стороны, и значительными ограничениями по ее достижению – с другой. К

тому же военно-политическое руководство страны было уверено, что боевые действия по прикрытию государственной границы будут непродолжительными, после чего войска перейдут в решительное наступление. Исходя из решения этих двух задач и создавалась группировка сил и средств в приграничных округах. Прибалтийский Особый не являлся исключением. Запрет на заблаговременное приведение войск в полную боевую готовность и занятие ими рубежей обороны вдоль госграницы, а также многообразие стоявших перед ними задач предопределили то, что к началу войны не было создано ни оборонительной, ни наступательной группировок. А имевшаяся не обеспечивала ни отражения ударов немецких войск, ни прикрытия мобилизации, ни своевременного сосредоточения и организованного вступления в сражение второго эшелона фронта.

И если к 22 июня советская сторона, по сути, не была готова к войне, на противоположной стороне границы, в Восточной Пруссии, все подготовительные мероприятия к ней были завершены в полном объеме. Здесь в полосе шириной 230 км, между Балтийским морем и районом Гольдап, была развернута немецкая группа армий «Север» (16-я и 18-я армии, 4-я танковая группа) под командованием генерал-фельдмаршала В. Лееба. Далее, на рубеже оз. Выштынец, Копцево (Канчиамиестис), в полосе шириной около 70 км развернулись 3-я танковая группа и часть сил 9-й армии группы армий «Центр».

К началу войны группировка немецких войск на северо-западном направлении насчитывала 24 пехотные, 7 моторизованных, 6 танковых и 3 охранные дивизии. Их действия должны были поддерживать соединения 1-го воздушного флота и 8-го авиационного корпуса 2-го воздушного флота. Всего в составе этой группировки насчитывалось свыше 634 тыс. человек, 1389 танков, 10 866 орудий и минометов [48] . Их поддержку с воздуха осуществляли 1070 боевых самолетов.

Группа армий «Север» имела задачу во взаимодействии с подвижными соединениями группы армий «Центр» уничтожить находящиеся в Прибалтике силы Красной Армии и захватом портов на Балтийском море, включая Ленинград и Кронштадт, лишить советский флот его баз [49] . Главный удар наносился в центре оперативного построения, из района Тильзита в направлении Даугавпилс, Опочка, Псков. В результате планировалось рассечь группировку Северо-Западного фронта и быстрым выдвижением танковых соединений в район Пскова не допустить отхода сохранивших боеспособность частей Красной Армии из Прибалтики на восток.

В первую очередь для этого предназначалась 4-я танковая

группа, которая имела задачу во взаимодействии с примыкавшими к ее флангам ударными группировками 16-й и 18-й армий прорвать оборону советских войск на участке оз. Виштынец, дороги Тильзит – Шауляй и захватить плацдарм на восточном берегу Даугавы в районе Даугавпилса. Затем она должна была как можно быстрее достичь района северо-восточнее Опочки, чтобы отсюда продолжать наступление в северо-восточном направлении.

На направлении действий группы было создано подавляющее численное превосходство в силах и средствах. К примеру, только против 125-й стрелковой дивизии 8-й армии в полосе шириной 40 км наносили удар три танковые (1, 6, 8-я) и две пехотные (268-я и 290-я) дивизии [50] .

Перед 16-й армией ставилась задача нанести главный удар по обеим сторонам дороги Эбенроде – Каунас, выйти на правый берег р. Даугавы в районе Даугавпилса и восточнее, а затем, следуя за 4-й танковой группой, достичь района Опочки.

18-я армия должна была нанести удар вдоль дороги Тильзит – Рига, форсировать главными силами Даугаву в районе Плявиняс и южнее, уничтожить советские войска юго-западнее Риги, а затем продвигаться к рубежу Псков, Остров с задачей воспретить отход частей Красной Армии в район южнее Чудского озера.

Взаимодействующая с группой армий «Север» ударная группировка соседней группы армий «Центр» имела задачу прорвать оборону советских войск на вильнюсском направлении и не допустить их отхода к Минску.

«Телефонные и радиостанции группы армий «Север» 21 июня в 13.00 приняли ключевое слово «Дюссельдорф»… Приказ был получен! Приказ, который одним махом перечеркнул все треволнения последних дней и недель. Приказ, подтвердивший: война с Советским Союзом! …Утренний туман еще клубился над лесами, лугами и долинами, когда 22 июня 1941 года в 3.05 утра немецкие орудия разверзли свои жерла, чтобы посеять над Россией огонь и смерть…» – так образно описывает обстановку на немецкой стороне границы в последние часы перед войной немецкий исследователь В. Хаупт [51] .

Ранним утром 22 июня немецкая артиллерия внезапно открыла огонь по пограничным заставам, пунктам управления, узлам связи, полевым и долговременным сооружениям в приграничной полосе. Одновременно авиация противника нанесла бомбовые удары по аэродромам, железнодорожным узлам, военно-морским базам, районам расположения войск, ряду городов Литвы и Латвии. Как сообщалось в разведывательной сводке штаба Северо-Западного фронта на 12.00 22 июня: «В 4.42

22 июня 1941 г. до 45 самолетов бомбили Шауляй… В 4.15 группа самолетов действовала над Виндавой; в 4.18 – 5 самолетов обстреляли Виштынец и эти же самолеты действовали над Кальварией; в 4.25 – на Юрбург сброшены бомбы; в 4.20 – до полка авиации бомбило Каунас, Кальварию; в 4.55 – 5 самолетов бомбили аэродром Паневежис. В этот же период времени были подвергнуты бомбардировке Кейданы, Симно, Алитус. В период с 9.08 до 9.12 12 Ю-88 пролетели на Шауляй и 9 бомбардировщиков с направления Россиены также на Шауляй. В 8.20 с высоты 3000 м бомбили Ораны и в 9.25 бомбили аэродром Шауляй» [52] .

В результате первых ударов с воздуха авиационные соединения и части Северо-Западного фронта понесли большие потери в самолетах и средствах аэродромного обслуживания. О том, что происходило на аэродромах фронта в первые часы и дни войны, дает представление донесение заместителя начальника 3-го Управления НКО СССР Ф.Я. Тутушкина И.В. Сталину: «Вследствие неготовности частей ВВС ПрибОВО к военным действиям, нераспорядительности и бездеятельности некоторых командиров авиадивизий и полков, граничащих с преступными действиями, около 50 % самолетов было уничтожено противником при налетах на аэродромы.

Вывод частей из-под удара авиации противника не был организован. Зенитные средства обороны аэродромов отсутствовали, а на тех аэродромах, где эти средства были, не было артснарядов.

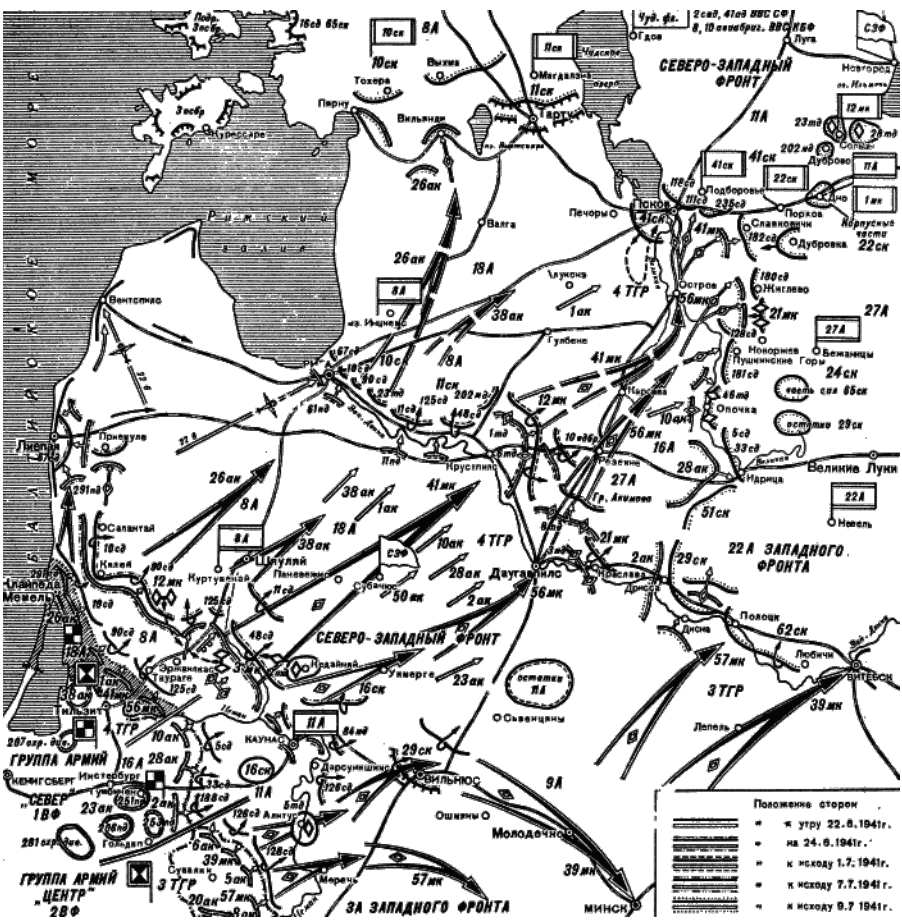
Руководство боевыми действиями авиачастей со стороны командиров 57, 7-й и 8-й авиадивизий, а также штаба ВВС фронта и округа было поставлено крайне плохо, связь с авиачастями с начала военных действий почти отсутствовала.

Потери самолетов на земле только по 7-й и 8-й авиадивизиям составляют 303 самолета. Аналогичное положение по 6-й и 57-й авиадивизиям…

Перебазировка авиачастей на другие аэродромы проходила неорганизованно, каждый командир дивизии действовал самостоятельно, без указаний командования ВВС округа, посадку совершали где кому вздумается, в результате чего на некоторых аэродромах скапливалось по 150 машин. Так, на аэродроме Пильзино противник, обнаружив такое скопление самолетов, налетом одного бомбардировщика 25 июня с.г. уничтожил 30 самолетов…» [53] А летчики Зорин, Гупал и Макаров в своем письме, адресованном И.В. Сталину, сообщали: «В Плотено 23 июня находились на маленькой площадке 33, 31, 35-й и 312-й авиаполки, прилетел один самолет противника, бросил 3 бомбы и

сжег наших 8 самолетов, а стоявшие на аэродроме истребители МиГ не взлетали потому, что не был отрегулирован щелчок пулемета» [54] .

Эти данные дополняет доклад начальника управления политической пропаганды Северо-Западного фронта бригадного комиссара Рябчего. В нем, в частности, отмечается, что 57-я смешанная авиационная дивизия потеряла 32 % имевшихся у нее до войны самолетов, а в 8-й смешанной авиационной дивизии противником на земле было уничтожено 156 самолетов (МиГ-3 – 67, И-16 – 20, И-153 – 59, И-15 и других марок – 10). Рябчий в своем докладе делает совершенно обоснованный вывод: «Большие потери материальной части привели к тому, что, во-первых, действия нашей авиации в первые дни боев были расстроены, а боевая их работа сужена; во-вторых, значительное число летчиков осталось без самолетов; и, в-третьих, что самое главное, противник получил господство в воздухе» [55] .



Ход боевых действий в полосе Северо-Западного фронта в

начальном периоде войны.

Стремительное наступление противника, особенно на вильнюсском и каунасском направлениях, вынудило уже вечером 22 июня начать отводить авиачасти в глубь территории Прибалтики. Так, командир 8-й авиадивизии полковник В.А. Гущин получил приказ эвакуировать самолеты и личный состав из Каунаса в район Маркистова. В формируемом около Рассейняй 240-м истребительном авиационном полку летчиков не хватало, и поэтому пришлось сжечь шесть И-15бис и один У-2. Как отмечалось в «Годовом отчете о боевой деятельности Военно-воздушных сил Северо-Западного фронта»: «…Военно-воздушные силы… фронта война застала в период перевооружения истребительных и бомбардировочных авиационных полков на новую материальную часть… Поэтому в истребительных авиационных полках на передовых аэродромах получилось по два комплекта самолетов (И-153 и МиГ-3, И-16 и МиГ-3). Впоследствии все заштатные самолеты были уничтожены налетами авиации противника и уничтожены эвакуационными командами из-за невозможности транспортировки в тыл в связи со скоротечной обстановкой» [56] .

В других случаях, наоборот, в полках почти не осталось исправных самолетов, и по дорогам двинулись колонны летно-технического состава. 29 июня командование 8-й смешанной авиационной дивизии попыталось учесть хотя бы самолеты новых типов. Например, по 15-му истребительному авиационному полку были представлены следующие данные: из 61 МиГ-3 в строю осталось только 6 машин. Выяснилось, что 5 «мигов» погибли в бою, 10 передали в другие части, 2 разбито в катастрофах, а остальные или уничтожил противник в ходе налетов на аэродромы, или их пришлось взорвать самим ввиду невозможности эвакуации. Только на аэродроме Поцукай, поспешно отступив, бросили 13 исправных МиГ-3.

Обстановка неразберихи, отсутствие твердого руководства принесли больше ущерба, чем непосредственно бомбардировки и обстрелы немецкими самолетами. Так, из 381 бомбардировщика СБ, имевшегося в семи авиаполках фронта, было потеряно от действий вражеской авиации и зенитного огня с земли в первый день войны 17 машин. На следующий день потери от подобного воздействия противника составили 20–25 таких самолетов, а между тем общее количество всех бомбардировщиков по состоянию на 24 июня сократилось с 397 до 216, то есть на 181 боевую машину [57] .

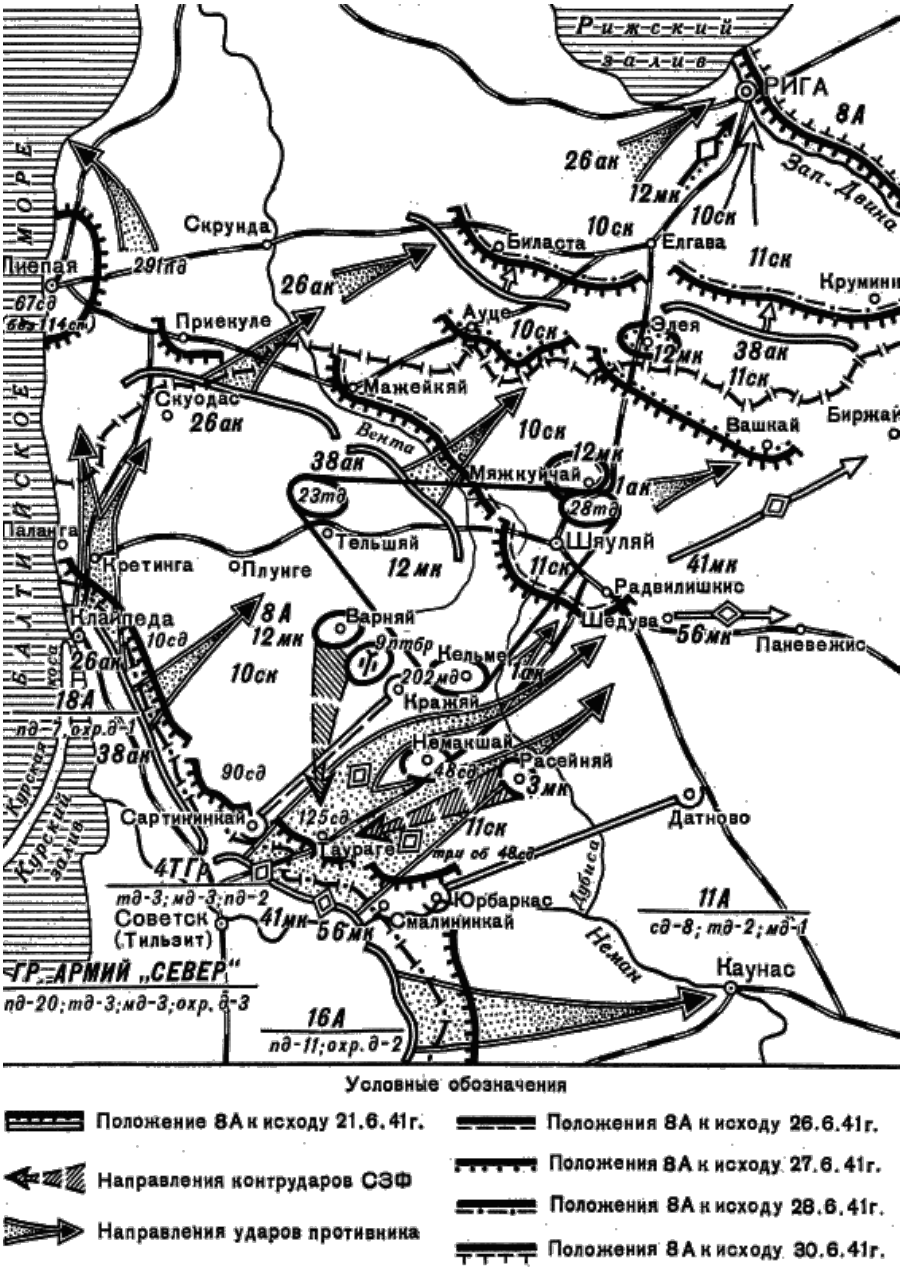
Значительные потери в самолетах, а также постоянные доклады наземных войск об отсутствии авиационного прикрытия

послужили поводом для отстранения от должности командующего ВВС фронта генерала А.П. Ионова, его заместителя по политчасти полкового комиссара И.В. Машина и начальника штаба комбрига С.С. Крупина. Еще через несколько дней Ионов был арестован. Его обвинили в некомпетентном руководстве, вредительстве и связях с врагами народа. 13 февраля 1942 г. он был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян через 10 дней. Реабилитировали А.П. Ионова посмертно в 1955 г. [58] .

С самого начала агрессии приграничные сражения советских войск развивались совсем не так, как это виделось военно-политическому руководству накануне войны и планировалось штабами округа и армий. В первые же часы боевых действий противнику удалось достичь значительных успехов. В оперативных сводках ОКХ, в частности, отмечалось: «… Внезапность при переходе границы полностью удалась… на отдельных участках по-прежнему лишь разрозненное сопротивление плохо управляемого противника» [59] .

На правом фланге 8-й армии вражеский удар приняли на себя части 10-й стрелковой дивизии генерал-майора И.И. Фадеева. Ее 62-й стрелковый полк в ночь на 22 июня был выдвинут на заранее подготовленные полевые позиции. Противник начал наступление одним пехотным полком с танками на Палангу, а другим – на Кретингу. Его первые атаки были отражены, однако остановить наступление численно превосходящих сил врага на Кретингу 62-й стрелковый полк оказался не в состоянии. К 6 часам немецким подразделениям удалось захватить город и выйти в район Паланги, который оборонял 1-й стрелковый батальон старшего лейтенанта Х. Сафиуллина.

Батальон, поддержанный 1-м дивизионом 30-го артиллерийского полка, вел оборонительный бой на побережье в полном окружении. К 11 часам он потерял до 50 % своего личного состава. К 12 часам дня в артдивизионе, орудия которого вели огонь с открытых огневых позиций прямой наводкой, не осталось ни одного снаряда. Орудия пришлось бросить, предварительно сняв с них и закопав в лесу затворы. Ценой больших потерь пехотинцам и артиллеристам удалось прорваться из окружения. Лишь через несколько дней они смогли соединиться с частями дивизии.



Боевые действия 8-й армии в июне 1941 г.

В первый день войны упорные бои вели и подразделения 204-го стрелкового полка 10-й дивизии. Его 3-й батальон под командованием старшего лейтенанта Варшавского в течение дня несколько раз поднимался в контратаки и удерживал свои позиции до получения приказа на отход. В районе Кулей он с боем вырвался из окружения. В целом к исходу 22 июня 10-я стрелковая дивизия, отражая удары соединений левого фланга и

центра 18-й немецкой армии, вела боевые действия под угрозой полного окружения, так как она была глубоко охвачена с флангов [60] .

Главный удар в полосе 8-й армии противник нанес силами 4-й танковой группы и правофланговых соединений 18-й армии на шауляйском направлении против 90, 125-й и находившихся на границе трех батальонов 48-й стрелковой дивизии 11-го стрелкового корпуса. Вот что писал о начале боевых действий его командир генерал-майор М.С. Шумилов: «Война началась в 4.00 22.6.41 г. … Мной немедленно было доложено командующему 8-й армией, который находился на своем командном пункте в лесу западнее Шауляя. Получил приказ: «Огня не открывать! На провокацию не поддаваться!» Но войска без приказа открыли ответный огонь» [61] .

90-я стрелковая дивизия полковника М.И. Голубева вступила в бой, занимая полосу обороны шириной 30 км. На правом фланге дивизии оборонялся 286-й стрелковый полк, поддерживаемый 96-м артиллерийским полком. На левом фланге оборону занимал 173-й стрелковый полк с 149-м гаубичным артиллерийским полком. 19-й стрелковый полк во втором эшелоне прикрывал стык между полками первого эшелона.

Основной удар врага пришелся по левофланговому полку дивизии, участок которого примыкал к полосе обороны 125-й стрелковой дивизии. Против 173-го стрелкового полка развернулось до двух немецких моторизованных дивизий. Около 8 часов утра начались бои в предполье, и к 11 часам на ряде участков противнику удалось продвинуться к главной полосе обороны дивизии. Тяжелые бои 90-я дивизия вела за населенный пункт Шилале, который два раза переходил из рук в руки. Дивизия оставила главную полосу обороны только после прорыва немецких танков в ее глубокий тыл. Артиллерия, израсходовав все боеприпасы, уже не смогла отражать удары врага. При выходе из боя погибли командир дивизии М.И. Голубев и его заместитель по политчасти Фролов.

125-я стрелковая дивизия генерал-майора П.П. Богайчука двумя стрелковыми полками занимала полосу обороны шириной около 40 км, прикрывая шоссе на Шауляй. Один стрелковый полк был выделен в резерв командира 11-го стрелкового корпуса. Артиллерийские полки дивизии действовали как артиллерийские группы поддержки пехоты полков первого эшелона. Приданный дивизии 51-й корпусной артиллерийский полк составлял группу дальнего действия соединения. Отдельный противотанковый артиллерийский дивизион был побатарейно придан стрелковым полкам для организации противотанковой обороны.

Как бы ни ожидалось нападение противника, тем не менее боевые действия для личного состава 125-й дивизии, как, впрочем, и для большинства других, начались внезапно. Вот что пишет об этом генерал-лейтенант В.Ф. Зотов, находившийся в начале войны в Таураге: «В 4.00 22 июня мы были разбужены взрывами артснарядов… От взрыва первых же снарядов загорелся дом, где размещался штаб 125-й стрелковой дивизии… Город обстреливался ураганным огнем вражеской артиллерии. Зная, что в городе постройки в основном деревянные, враг вел огонь, главным образом, зажигательными снарядами, вследствие этого через 15–20 минут после начала артиллерийского обстрела город горел» [62] .

Артиллерия дивизии открыла огонь через 30 минут после начала артиллерийской подготовки противника. Огневой налет был произведен по пехоте и танкам врага, сосредоточенным северо-восточнее Тильзита. С 7 часов утра в Таураге в бой вступили основные силы дивизии. Борьба за него продолжалась до середины дня, после чего дивизия под угрозой окружения вынуждена была оставить город. В 15.30 начальник штаба 8-й армии докладывал в штаб фронта: «По донесению командира 11-го стрелкового корпуса 125-я стрелковая дивизия охватывается на обоих флангах… Дивизия несет большие потери, снарядов мало, части постепенно отходят. Перед ней до трех пехотных дивизий и до двух полков танков… В 15.00 связи с КП 125 сд и 48 сд командир корпуса не имел» [63] .

В свою очередь, командование 125-й дивизии, оценивая результаты первого дня боев, отмечало: «Первоначальный успех противника на фронте дивизии (противник продвинулся за день на 12 км) объясняется его численным превосходством и тем, что дивизия вела бои на 40-километровом фронте. У нас не было танков, не хватало средств ПТО и транспорта для подвозки боеприпасов. Было мало ручных гранат» [64] .

В крайне тяжелых условиях оказалась 48-я стрелковая дивизия генерал-майора П.В. Богданова. Ее главные силы стали выдвигаться на шауляйское направление еще до начала военных действий. Из лагеря в районе Риги дивизия пешим порядком направлялась к госграницe, куда должна была прибыть к исходу 23 июня. Не зная о начале войны, походные колонны двигались без всякого прикрытия, под звуки оркестра. В районе Рассейняй дивизия подверглась удару авиации противника и еще до соприкосновения с его наземной группировкой понесла значительные потери. При этом у нее не имелось никаких средств противовоздушной обороны, а личному составу не были выданы боеприпасы, поскольку соединение ориентировалось на

обстановку мирного времени.

48-й стрелковой так и не суждено было выйти в предназначенный ей по плану район прикрытия. Вот что сообщал о ее судьбе в своем донесении в Главное управление политпропаганды Красной Армии бригадный комиссар Рябчий: «Получив приказание занять исходные рубежи на оборону, дивизия двинулась на Россиены и 23 июня вступила в бой с противником. В этот день дивизия подверглась жестокому артиллерийскому обстрелу и бомбардировке с воздуха. Тылы от дивизии были отрезаны и почти полностью уничтожены. На путях отхода дивизии враг взорвал мост. Затем окружил танками и мотопехотой. В этом кольце личный состав стрелковых частей оказывал врагу упорное сопротивление, нанося ему большие потери.

1-й батальон 301-го стрелкового полка дрался героически, 23 июня 1941 г. этот батальон отбил шесть атак противника силою до полка и почти полностью уничтожил его. Утром 24 июня батальон вновь вел бой с подошедшим подкреплением противника, имеющим тройное превосходство. 2-й батальон этого же полка два раза был окружен и каждый раз отбивал многочисленные атаки врага.

Героически сражались подразделения 328-го стрелкового полка. Проникнутые любовью и преданностью к своей Родине, бойцы и командиры этого полка, несмотря на превосходство сил противника, не оставляли занятого рубежа. Из двух батальонов мотострелкового (так в тексте документа. – *Авт.*) полка из окружения вышло всего 150 человек, остальные погибли смертью храбрых.

Артиллерия дивизии, будучи в окружении, не в состоянии была оказать врагу сопротивление, так как не имела снарядов. 48-я стрелковая дивизия в этих боях была разбита, лишь незначительная часть ее личного состава небольшими группами сумела просочиться из окружения. Эти люди использованы на укомплектование других соединений» [65] .

В дополнение к этому донесению следует сказать, что в ходе этого боя командир 48-й дивизии генерал П.В. Богданов попал в плен. Согласившись сотрудничать с немцами, он был назначен начальником контрразведки 1-й русской национальной бригады. После перехода бригады на сторону партизан Богданов был арестован и передан советским властям, казнен как предатель в 1950 г. [66] .

В целом в первый день наступления 4-я немецкая танковая группа, имея решающее превосходство в силах и средствах, преодолела сопротивление соединений 11-го стрелкового корпуса

и глубоко вклинилась в так и не созданную оборону 8-й армии. Если продвижение пехотных соединений противника составило 15–20 км, то его 41-й и 56-й моторизованные корпуса находились уже в 35–45 км от границы. Тем не менее немецкое командование вынуждено было признать нарастающее сопротивление советских войск. Так, если в первом донесении (в 7 часов утра) штаба 4-й танковой группы говорилось, что «до сих пор повсеместно только слабое сопротивление противника», то уже в 17.45 признавалось следующее: «Противник, оказывающий ожесточенное сопротивление на подготовленных позициях вдоль границы, перед 41-м танковым корпусом с середины дня отходит в северо-восточном направлении» [67] .

Еще более тяжелое положение сложилось в полосе 11-й армии. На ее правом фланге в полосе шириной 30 км оборонялась 5-я стрелковая дивизия полковника Озерова. Непосредственно на границу было выдвинуто по одному стрелковому батальону от каждого полка и два дивизиона артиллерии. Эти три передовых батальона, наряду с усилением охранения госграницы, одновременно вели и оборонительные работы. Главные силы дивизии располагались в отдалении от границы, в лагерях.

Отразить удар трех немецких дивизий передовые батальоны были не в состояние. Не внесло изменений в обстановку и вступление в бой подошедших из глубины главных сил дивизии. К исходу дня она с тяжелыми боями стала отходить в район Козло-Рудских лесов и далее на Каунас. Это, в свою очередь, привело к панике в самом Каунасе.

О том, что происходило в городе, дает представление письмо рядового коммуниста С. Болотского на имя председателя Государственного Комитета Обороны И.В. Сталина. В нем он сообщал: «В день вероломного военного нападения фашистской Германии на нашу родину, т. е. 22 июня с.г., правительство и ЦК КП (б) Литвы позорно и воровски бежали из Каунаса в неизвестном направлении, оставив страну и народ на произвол судьбы, не подумав об эвакуации госучреждений, не уничтожив важнейших государственных документов…

Уже в 15 часов 22.6. правительство и ЦК КП (б) Литвы формировали транспортный состав классных вагонов для эвакуации своих семей.

Каунас – город небольшой, настороженное население видело караван транспорта правительственных автомашин, идущих на предельной скорости по направлению вокзала, нагруженных женщинами, детьми и чемоданами. Все это внесло деморализацию среди населения, и последние стихийно потянулись к вокзалу. В 16 часов 22.6. на вокзале можно было

видеть такую картину: поголовно все члены правительства, члены ЦК и ответработники ЦК и правительства Литвы во главе с секретарями ЦК и уполномоченным ЦК ВКП (б) и СНК СССР Поздняковым выстроились на перроне вокзала в Каунасе, провожая свои семьи на Москву, будто отправляя их на курорты. Единственно, чего не хватало, так это цветов для отъезжающих. И все это происходило на глазах большого скопления людей на вокзале.

В 19 часов 22.6. правительство и ЦК КП (б) Литвы со своим тесным активом на своих автомашинах бесславно и позорно покинули Каунас, держа путь на Двинск… Часом позже оставили Каунас НКГБ и НКВД, и вся милиция была снята с постов. Погрузившись на автомашины со всем домашним скарбом (вплоть до кроватей и матрацев), потянулись из города по направлению Утян вслед за правительством. Эта чудовищная картина окончательно внесла замешательство и невообразимую панику среди населения…» [68]

33-я стрелковая дивизия генерал-майора К.А. Железнякова получила приказ выйти в полосу обороны к 4 часам утра. Она удерживала ее в течение 17 часов. Только к исходу дня части дивизии отошли в район Пильвишкяй, где заняли оборону на рубеже р. Шешупе.

Главный удар в полосе 11-й армии противник нанес на ее левом фланге, в стыке с 3-й армией Западного фронта. Здесь перешли в наступление главные силы 3-й немецкой танковой группы, усиленные соединениями 9-й армии.

188-я стрелковая дивизия 16-го стрелкового корпуса начала боевые действия тремя стрелковыми батальонами и одним артиллерийским дивизионом в полосе шириной 40 км. Все остальные части дивизии находились в 45 км от границы в Козло-Рудских лагерях. В полосе обороны дивизии вели наступление две танковые и две пехотные немецкие дивизии.

С 4 до 12 часов два передовых батальона 523-го стрелкового полка вели бой в предполье, в районе Вирбалис. После сильных бомбовых ударов авиации противника его пехота обошла батальоны с флангов, и они отошли на основной рубеж обороны, где в 16 часов в бой вступили подошедшие из глубины главные силы дивизии.

На вильнюсском направлении передовые подразделения 126-й стрелковой дивизии и 128-я стрелковая дивизия в полном составе прикрывали стык Северо-Западного и Западного фронтов. К 9 часам утра в район Лозьдзе прорвалось до 500 немецких танков. Они устремились клином к переправам через Неман в районе Алитуса. Ожесточенные бои на этом направлении

развернулись в районе озер Дусь, Живунтас и Местелес, а затем на подступах к Неману у Алитуса.

С целью локализации прорыва противника командующий 11-й армией генерал Морозов приказал выдвинуть главные силы 126-й стрелковой дивизии из Приенай в район оз. Живунтас. Однако приказ этот до дивизии не дошел. Для обороны Алитусского плацдарма на западном берегу р. Неман была направлена 5-я танковая дивизия 3-го механизированного корпуса (командир корпуса генерал-майор А.В. Куркин). Ее боевое охранение – несколько танков и две роты 5-го мотострелкового полка с артиллерией – еще ранним утром выдвинулось для прикрытия мостов через Неман.

Во второй половине дня к Алитусу подошла 7-я немецкая танковая дивизия. Одновременно с этим вражеская авиация нанесла удар по расположению частей 5-й танковой дивизии. Ее зенитный дивизион сначала открыл огонь по самолетам, а после появления немецких танков развернул орудия против них. Особенно удачно действовала здесь зенитная батарея лейтенанта Ушакова, которая сумела подбить 14 танков.

На подступах к мостам танки были встречены боевым охранением, подразделения которого в течение получаса сумели подбить 16 немецких боевых машин, но затем были уничтожены огнем танковых орудий и артиллерии. Следует сказать, что советские артиллеристы не имели бронебойных снарядов и для борьбы с танками использовали осколочно-фугасные снаряды. Поэтому почти все подбитые машины были восстановлены немецкими ремонтными службами уже к утру следующего дня.

В последние дни перед войной мосты через Неман были подготовлены к взрыву 4-м инженерным полком, но по неизвестным причинам в ночь на 22 июня по распоряжению представителей штаба округа они были разминированы (не исключено, что подобное распоряжение последовало от переодетых в советскую военную форму диверсантов. – *Авт.*). Поэтому немецкие танки, после уничтожения боевого охранения, теперь уже без помех переправились на правый берег Немана. Здесь их встретили части 9-го и 10-го танковых полков, спешно выдвинутые в этот район. Но из-за несогласованности действий и плохой разведки их подразделения вступали в бой разновременно. Первым вышел к мостам 2-й батальон 9-го танкового полка, атаковавший переправившиеся танки 7-й дивизии. Чуть позже его атаку поддержал и 1-й батальон, имевший 24 танка Т-28. Однако из-за того, что эти машины были сильно изношены и практически не имели моторесурса, они использовались для ведения огня с места. И все-таки благодаря

действиям 9-го танкового полка движение противника через северный мост было остановлено. При этом потери полка составили: 16 танков Т-28, два Т-34 и тридцать БТ-7 [69] .

В то же время подразделения 7-й танковой дивизии вермахта сумели прорваться через южный мост, который прикрывали 5-й мотострелковый и 10-й танковый полки. В ходе встречного боя советские танкисты сумели подбить около 30 немецких танков. Еще 6 машин вывели из строя мотострелки, подорвав их связками гранат. Но остановить немецкое наступление это не позволило. 5-я танковая дивизия понесла большие потери и ночью начала в беспорядке отходить на Вильнюс.

Противнику удалось захватить мосты через Неман: два моста у Алитуса и один – у Меркине. В результате такая крупная водная преграда, как Неман, не сыграла никакой роли в отражении вражеского наступления. «Для 3-й танковой группы, – отмечал ее командующий Г. Гот, – явилось большой неожиданностью то, что все три моста через Неман, овладение которыми входило в задачу группы, были захвачены неповрежденными… Захват трех мостов стал возможен благодаря тому, что нападение явилось полной неожиданностью для противника и что последний потерял централизованное управление войсками» [70] .

К исходу дня 11-я армия оказалась рассеченной на части, ее соединения, потеряв связь со штабом армии, неорганизованно отходили на Каунас и Вильнюс. Тем не менее командование 3-й танковой группы в своем донесении в штаб группы армий «Центр» вынуждено было признать: «Вечером 22 июня 7-я танковая дивизия имела крупнейшую танковую битву за период этой войны восточнее Олита (Алитус. – *Авт* .) против 5-й танковой дивизии. Уничтожено 70 танков и 20 самолетов (на аэродроме) противника. Мы потеряли 11 танков» [71] . Следует сказать, что в соответствии с немецкой системой учета потерь боевой техники в донесениях указывались только те танки, которые не подлежали восстановлению или не могли быть эвакуированы в свой тыл. Несомненно, что в первый день боевых действий получило повреждения и временно вышло из строя значительно большее число машин.

В первый день 11-я армия ко всему прочему потеряла огромное количество инженерной техники и имущества. По воспоминаниям начальника инженерных войск армии полковника С.М. Фирсова, еще в марте в нее прибыло более 30 саперных и инженерно-саперных батальонов, которые были полностью укомплектованы табельным инженерным имуществом, техникой и переправочными парками. Однако оружие имелось только у кадрового личного состава, а общая обеспеченность частей им не

превышала 20–25 %. До начала войны оружие так и не было получено, а вся техника оставалась в районах работ в приграничной зоне. Как пишет Фирсов: «Не имея возможности оказать какое-либо сопротивление противнику, все эти части рассыпались в первый же день и понесли очень крупные потери. Все их инженерное имущество, техника и переправочные парки (свыше 12 парков) оставались на местах и стали трофеями противника» [72] .

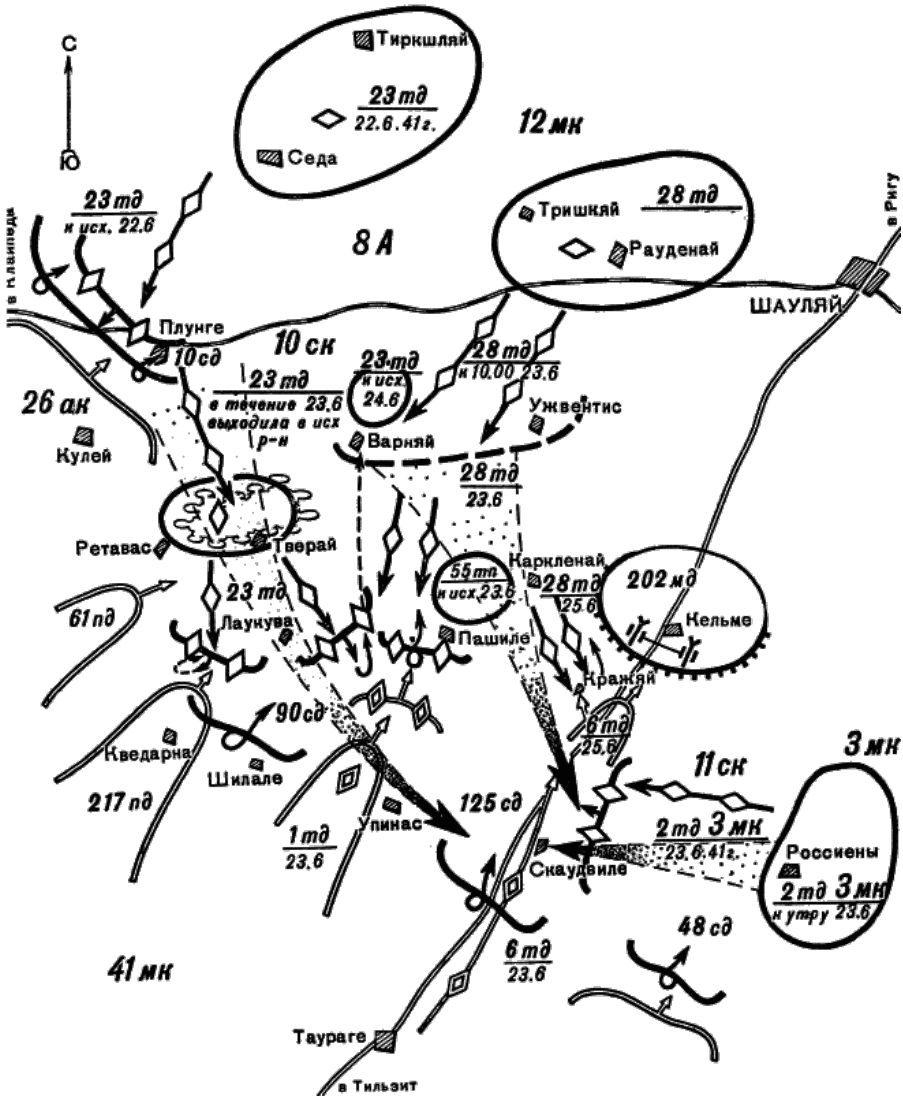
Как в 8-й, так и в 11-й армиях практически не были развернуты армейские тылы. Ввиду близкого размещения от границы подавляющей части складов и баз, большинство из них уже в первые часы войны было потеряно. Так, продовольственные склады № 865, 834, 969 были разрушены. Были уничтожены обозно-вещевые склады № 3, 367, 964, 683 и около 200 вагонов санитарного имущества. На артиллерийских складах № 258 и 259 было оставлено соответственно 520 и 208 вагонов с оружием и боеприпасами [73] . Как результат, войска уже в самом начале военных действий стали испытывать в них острый недостаток. Об этом свидетельствует телеграмма начальника артиллерийского управления фронта генерал-майора П. Белова заместителю наркома обороны маршалу Кулику, отправленная в 6 часов 23 июня: «В результате первого дня боевых действий ощущается острый недостаток следующих видов боеприпасов: 37-мм и 85-мм зенитных выстрелов – материальная часть этих калибров бездействует; 76-мм, 122-мм и 152-мм снарядов; ручных гранат; крупнокалиберных патронов. Прошу вашего приказания о срочной отгрузке» [74] .

В целом двумя сильными ударами противник уже в первые сутки расколол оборону Северо-Западного фронта. Его танковые клинья (4-я и 3-я танковые группы) пробили две глубокие бреши в обороне советских войск: юго-восточнее Тильзита и восточнее Сувалок. Наибольших успехов немецкие войска добились на левом крыле фронта, где переправились через р. Неман южнее Каунаса и продвинулись на 60 км. Соединения фронта, особенно 11-й армии, вынуждены были поспешно и неорганизованно отступать. В этом смысле можно признать правоту начальника генерального штаба сухопутных войск вермахта Ф. Гальдера, который, подводя итог первого дня войны, отмечал: «Наступление германских войск застало противника врасплох. Боевые порядки противника в тактическом отношении не были приспособлены к обороне. Его войска в пограничной полосе были разбросаны на обширной территории и привязаны к районам своего расквартирования. Охрана самой границы была, в общем, слабой.

Тактическая внезапность привела к тому, что сопротивление

противника в пограничной зоне оказалось слабым и неорганизованным, в результате чего нам всюду легко удалось захватить мосты через водные преграды и прорвать пограничную полосу укреплений на всю глубину (укрепления полевого типа)… Русские вынуждены принять бой в той группировке, в которой они находились к началу нашего наступления» [75] .

В такой обстановке в крайне тяжелом, если не сказать критическом, положении оказался личный состав строительных батальонов, возводивших укрепления на границе. Как отмечал в своих воспоминаниях начальник инженерных войск фронта В.Ф. Зотов: «Строительные батальоны, предназначенные для работ на границе, имели на вооружении по 2–3 десятка винтовок на батальон… Числа 14 июня, докладывая по телефону маршалу Б.М. Шапошникову о ходе оборонительного строительства, я указал, что в условиях обостряющейся обстановки на работах находится до 50 тысяч военных строителей без оружия. В связи с этим я просил дать указания об их вооружении. В ответ на это маршал заметил, что я вмешиваюсь не в свое дело…» [76] Думается, причина в том, что местное население, из которого в основном были сформированы строительные батальоны, в большинстве своем было недовольно насаждаемыми советскими порядками, а потому и считалось неблагонадежным.



Контрудар на шауляйском направлении 23-25 июня 1941 г.

Несмотря на это, с началом войны, когда невооруженная масса людей побежала от границы, решили вооружить и их. Так, в 7 часов 15 минут 22 июня начальник штаба фронта генерал П.С. Кленов направил командующему 8-й армией генералу Собенникову телеграмму следующего содержания: «Сегодня из Риги в Шауляй будет доставлено машинами 10 тысяч английских винтовок и 2 миллиона к ним патронов. Вооружайте стройбаты, оружие давать только безусловно преданным бойцам» [77] . Но в обстановке всеобщей неразберихи и глубоких прорывов немецких войск сделать это не удалось, а вскоре командованию фронта стало и вовсе не до строительных батальонов. И не случайно в одном из политдонесений фронта, адресованном начальнику Главного управления политической пропаганды РККА армейскому комиссару 1-го ранга Л.З. Мехлису, высказывалась просьба: «Очень прошу Вас разрешить вопрос со стройбатами. Это – десятки тысяч людей, причем невооруженных и имеющих неважный вид внешний. Когда же начинается бой, эта масса людей, бросая работу, бредет бесформенным, неудержимым потоком в тыл, оседая по селам и благодаря плохому, неорганизованному снабжению питанием люди в селах, деревнях ходят, выпрашивают хлеб и другие продукты» [78] .

Впрочем, недоверие со стороны советского командования проявлялось не только в отношении строительных батальонов, но и в отношении соединений территориальных корпусов. 22 июня в 9 часов 35 минут в своем донесении народному комиссару обороны генерал-полковник Кузнецов сообщал: «Крупные силы танков и моторизованных частей прорываются на Друскеники. 128-я стрелковая дивизия большею частью окружена, точных сведений о ее состоянии нет.

Ввиду того, что в Ораны стоит 185-я стрелковая дивизия, которая еще не укомплектована нашим составом полностью и является абсолютно ненадежной, 179-я стрелковая дивизия – в Свенцяны также не укомплектована и ненадежна, так же оцениваю 181-ю стрелковую дивизию – Гулбене, 183-я стрелковая дивизия на марше в лагерь Рига, поэтому на своем левом крыле и стыке с Павловым (командующий войсками Западного фронта. – *Авт.*) создать группировку для ликвидации прорыва не могу. Прошу помочь… 5-я танковая дивизия на восточном берегу р. Неман в районе Алитус будет обеспечивать отход 128-й стрелковой дивизии и прикрывать тыл 11-й армии от литовцев…» [79]

Впрочем, у командования фронта имелись все основания для подобного недоверия. Известный историк В.А. Анфилов в своей книге «Грозное лето 41 года» (М., 1995) приводит воспоминания

начальника штаба 29-го территориального стрелкового корпуса П.Н. Тищенко. «Незадолго до моего приезда (он прибыл в штаб корпуса 19 июня 1941 г.), – вспоминает Тищенко, – было арестовано около 300 человек офицерского состава из-за неблагонадежности. Кроме того, по информации особого отдела корпуса, были заготовлены списки на две с лишним тысячи человек сержантского и рядового состава, которые подлежали изъятию из частей корпуса…»

В первый день войны, продолжает Тищенко, «…перед нами встал вопрос об отводе своих войск к Вильно, ближе к своей базе. В то же время чувство дисциплины требовало, чтобы на отход получить приказ начальства, а с ним нет связи. К вечеру, после непрерывных вызовов по радио, вдруг ответил штаб округа и передал короткую шифровку. В ней было сказано: «Командиру 29-го стрелкового корпуса. Отходить на Вильно, принимая все меры к недопущению восстания в частях корпуса. Кузнецов. Диброва (член Военного совета фронта. – *Авт.*)». Как он указывает дальше, попытки восстания и перестрелки между русскими и литовцами были 22 июня и в последующие дни, пока все местное население не разбежалось из частей корпуса [80] .

Красноречивое свидетельство того, что местное население развернуло сопротивление в тылу советских войск, приводит немецкий исследователь В. Хаупт, который пишет: «Литовское население начало выступать против советских оккупационных войск. Это привело к бурным сценам. Некоторые гражданские с оружием в руках действовали против красноармейцев и советских чиновников. Местным партизанам 23 июня удалось захватить радиостанцию. Один представитель командования литовской армии в 19.30 прочитал воззвание к германскому Верховному командованию подвергнуть бомбардировке Ковно (Каунас. – *Авт* .) и отступающие Советы в городе!» [81]

Понятно, что такими силами, как 29-й стрелковый корпус, командующий войсками Северо-Западного фронта действительно не мог создать группировку войск для ликвидации прорыва 3-й танковой группы генерал-полковника Гота на смежном фланге с Западным фронтом.

В первый день военных действий ни командующий, ни штаб фронта не имели полного представления о положении своих войск на направлениях вражеских ударов и, следовательно, не могли своевременно влиять на развитие событий. Удары авиации противника по штабам и действия диверсантов приводили к систематическому нарушению связи с войсками. Как пишет в своих воспоминаниях генерал-лейтенант П.М. Курочкин, который в начале войны являлся начальником войск связи Северо-

Западного фронта: «От ударов немецкой авиации сильно пострадала проводная связь на территории… фронта. Наиболее сильно был разрушен узел связи в Шауляе и Укмерге, частично были повреждены узлы связи в Каунасе, Вильнюсе и Лиепае, а также многие линии, особенно проходившие вдоль железных и шоссейных дорог. В результате была нарушена проводная связь штаба фронта почти по всем основным направлениям.

Пытаемся установить связь по обходным направлениям по уцелевшим линиям. Работники узла связи и Паневежской конторы связи стараются выявить исправные линии и узлы связи и установить характер повреждений и разрушений. При этом появилось непредвиденное затруднение. Обслуживающий состав некоторых гражданских предприятий связи вдруг стал не понимать наших работников. На все вопросы, заданные на русском языке, получаем стандартный ответ – «не понимаем» (на литовском или латышском языках. – *Авт* .). Иногда после вопроса на русском языке такие станции вообще переставали отвечать на вызовы… Дело доходило до открытых диверсий. Так, на второй день войны были сильно повреждены антенные устройства мощной радиостанции, расположенной в Мадоне (120 км восточнее Риги). Неизвестные лица неоднократно спиливали телеграфные столбы и обрывали провода» [82] .

Вследствие всего этого командующий войсками фронта, а также командование армий не могли правильно оценить обстановку, быстро принять необходимые решения и организовать управление подчиненными войсками. «Не было никаких признаков целеустремленного и планового руководства войсками противника в целом, – указывается в отчетных документах 3-й немецкой танковой группы. – Непосредственное управление войсками отличалось малоподвижностью, схематичностью. Отсутствовали быстрая реакция и быстрое принятие решений в связи с меняющейся боевой обстановкой. Ни один советский войсковой начальник не принимал самостоятельного решения уничтожать переправы и мосты» [83] . Такая оценка событий была близка к истине.

О реально сложившейся обстановке не знало и политическое руководство страны. Тем не менее в своей директиве № 2 Главный военный совет отдал приказ Вооруженным Силам разгромить вторгшиеся войска агрессора. В первом пункте этой директивы требовалось «всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу…» [84] .

В 21 час 15 минут 22 июня Главный военный совет отдал Военным советам Северо-Западного, Западного и Юго-Западного

фронтов новую директиву (№ 3), в которой были сформулированы ближайшие задачи войск. Северо-Западному фронту приказывалось нанести мощный контрудар из района Каунаса во фланг и в тыл сувалкской группировки противника, уничтожить ее во взаимодействии с Западным фронтом и к исходу 24 июня овладеть районом Сувалки.

Как уже отмечалось, высшее военное и политическое руководство страны, ставя эти задачи войскам, не имело данных об истинном положении на фронте. А потому требование перейти на главных направлениях в наступление с целью разгрома ударных группировок врага и переноса боевых действий на его территорию не имело никаких шансов на успех. Уже после окончания Великой Отечественной войны Г.К. Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях», комментируя директиву № 3, писал: «Ставя задачу на контрнаступление, Ставка Главного Командования не знала реальной обстановки, сложившейся к исходу 22 июня. Не знало действительного положения дел и командование фронтов. В своем решении Главное Командование исходило не из анализа реальной обстановки и обоснованных расчетов, а из интуиции и стремления к активности без учета возможностей войск, чего ни в коем случае нельзя делать в ответственные моменты вооруженной борьбы» [85] . Таким образом, директивы Главного Командования в первый день войны не облегчали, а еще больше осложняли крайне тяжелую обстановку, в которой пришлось действовать советским войскам.

Между тем Главное Командование Красной Армии действовало в строгом соответствии с предвоенными разработками и планами. Как известно, в январе 1941 г. в Наркомате обороны под руководством наркома С.К. Тимошенко были проведены две оперативно-стратегические игры на картах по теме «Наступательная операция фронта с прорывом УР». Что касается Северо-Западного фронта, то по исходной обстановке на игры он, после отражения наступления «Западных» и до момента перехода в контрнаступление, должен был провести частные операции:

– по ликвидации противника на правом берегу р. Неман и подготовке к ее форсированию;

– по окружению и уничтожению «противника в районе Сувалкского выступа»;

– по ликвидации «удара противника в стыке с Западным фронтом»;

– по выдвижению резервов и выводу «в первый эшелон управления 27-й армии».

Помимо этого фронту ставилась задача «мощными ударами

авиации по подходящим резервам лишить «Западных» возможности подвода резервов, с тем чтобы бить его по частям». Итак, январь и июнь 1941 г.: в чем разница?

Таким образом, начавшиеся боевые действия показали, что характер действий противника и вероятное развитие событий прогнозировались весьма точно, практически один к одному. Но в соответствии с играми в результате упорной обороны армий прикрытия враг был остановлен и исчерпал свои наступательные возможности. Причем для этого потребовалось не менее недели. В реальности же ничего подобного не было. Но, несмотря на это, и Главное Командование РККА, и командование фронта пытались действовать не по реальной обстановке, а по благоприятным для них планам, предусматривавшим сокрушительный разгром агрессора в короткие сроки на его же территории.

Как известно, вопреки требованиям директивы № 3, совместный контрудар силами Северо-Западного и Западного фронтов против сувалкской группировки противника так и не состоялся. Дело в том, что еще задолго до получения этой директивы, в 9 часов 45 минут, генерал-полковник Кузнецов отдал войскам приказ на проведение контрудара против тильзитской группировки немецких войск, то есть в полосе 8-й армии. Во-первых, такие действия предусматривались окружным планом прикрытия. Во-вторых, вариант контрудара на этом направлении незадолго до войны разыгрывался на штабных учениях округа и был хорошо знаком командирам соединений и их штабам. И, в-третьих, за то, что происходило на смежных флангах двух фронтов, несли в равной степени ответственность оба командующих, а за действия в полосе Северо-Западного фронта – только непосредственно Кузнецов. Справедливости ради надо сказать, что для нанесения контрударов на двух направлениях он не имел ни сил, ни возможностей. К тому же установленные сроки не позволяли организовать взаимодействие с Западным фронтом, создать необходимые группировки сил и средств, обеспечить авиационное прикрытие войск и многое другое. И не случайно в дополнение к утреннему донесению, в котором командующий войсками фронта сетовал на ненадежность территориальных дивизий, в 22 часа 20 минут он вновь подчеркнул: «… Получился разрыв с Западным фронтом, который закрыть не имею сил ввиду того, что бывшие пять территориальных дивизий мало боеспособны и самое главное – ненадежны (опасаюсь измены)… Прошу: 1. Ускорить подачу приписного состава для бывших территориальных дивизий. 2. Помочь закрыть разрыв с Западным фронтом до ввода бывших территориальных дивизий в бой, что будет иметь место не ранее

3 июля…» [86] .

Контрудар на тильзитском направлении планировалось осуществить силами 12-го и 3-го (без 5-й танковой дивизии) механизированных корпусов. В его ходе предполагалось разгромить соединения 4-й немецкой танковой группы и восстановить положение по государственной границе. Таким образом, против восьми дивизий ударной группировки врага создавалась контрударная группировка из шести дивизий. Противник имел здесь около 123 тыс. солдат и офицеров, 1800 орудий и минометов и более 600 танков, а Северо-Западный фронт – около 56 тыс. человек, 980 орудий и минометов и 950 танков. Общее соотношение составляло: по людям – 2,2:1, орудиям и минометам – 1,8:1 в пользу противника, а по танкам – 1,5:1 – в пользу наших войск [87] .

Руководство боевыми действиями контрударной группировки было возложено на командующего 8-й армией генерал-майора П.П. Собенникова. В соответствии с его решением 12-му механизированному корпусу к 3 часам утра 23 июня приказывалось занять исходное положение в районе Варняй, а в 4 часа нанести удар в южном направлении. Одновременно командир 3-го механизированного корпуса должен был к 3 часам 23 июня сосредоточить в районе Расейняй 2-ю танковую и 84-ю моторизованную дивизии, а в 4 часа нанести удар в юго-западном направлении. Таким образом, планировалось нанесение ударов по флангам 4-й танковой группы противника по сходящимся на Таураге направлениям.

23 июня утром на правом фланге 8-й армии противник с боями занял Кулей, Риетавас и Тверай. Его кавалерийские части по лесам прорвались в Жаренай, а колонны пехоты – в направлении Лиепаи. 10-я стрелковая дивизия, не выдержав удара, отошла за р. Минья. Под давлением противника и 90-я стрелковая дивизия стала отходить своим правым флангом на Лаукуву. Между дивизиями образовался разрыв шириною до 20 км. Удар огромной силы приняла на себя 125-я стрелковая дивизия. Находясь уже вторые сутки в непрерывных боях, она понесла большие потери, особенно в командном составе. Например, в 766-м стрелковом полку потери командного состава достигали 40 % [88] .

В такой обстановке в полосе армии началось осуществление контрудара. Первой нанесла удар 2-я танковая дивизия (командир генерал-майор Е.Н. Солянкин) 3-го мехкорпуса в районе Расейняй. Здесь вела наступление силами двух боевых групп 6-я немецкая танковая дивизия, которая 23 июня сумела переправиться через р. Дубиссу и занять два плацдарма на ее

правом берегу. В 11.30 23 июня части 2-й танковой дивизии атаковали плацдармы и выбили с них противника. Разгромив 114-й моторизованный полк врага, танкисты заняли Расейняй, но вскоре вынуждены были оставить его. Всего за день этот населенный пункт четырежды переходил из рук в руки.

В этот день немецкие войска впервые почувствовали на себе ударную и огневую мощь советских танков КВ. Как отмечалось в одном из документов 6-й танковой дивизии: «Русские неожиданно контратаковали южный плацдарм в направлении Расейняя. Они смяли 6-й мотоциклетный батальон, захватили мост и двинулись в направлении города. Чтобы остановить основные силы противника, были введены в действие 114-й моторизованный полк, два артиллерийских дивизиона и 100 танков 6-й танковой дивизии. Однако они встретились с батальоном тяжелых танков неизвестного ранее типа. Эти танки прошли сквозь пехоту и ворвались на артиллерийские позиции. Снаряды немецких орудий отскакивали от толстой брони танков противника. 100 немецких танков не смогли выдержать бой с 20 дредноутами противника и понесли потери. Чешские танки Pz-35(t) были раздавлены вражескими монстрами. Такая же судьба постигла батарею 150-мм гаубиц, которая вела огонь до последней минуты. Несмотря на многочисленные попадания, даже с расстояния 200 метров, гаубицы не смогли повредить ни одного танка. Ситуация была критической. Только 88-мм зенитки смогли подбить несколько КВ-1 и заставить остальных отступить в лес» [89] .

В момент получения боевых задач соединения 12-го механизированного корпуса находились в 45–60 км от исходного района. С началом выдвижения к рубежам развертывания они стали подвергаться сильным ударам немецкой авиации. С утра и до 15 часов бомбардировщиками врага было совершено четыре налета на части корпуса, сильно замедлившие их движение. В результате этого намеченный по плану на 12 часов переход в наступление не состоялся, и атака была перенесена на 15 часов. Но и к этому сроку не все части были готовы к контрудару. Да и само решение о его нанесении претерпело значительные изменения в связи с прорывом противника на Кельме. В связи с этим 202-я моторизованная дивизия полковника В.К. Горбачева, пройдя менее 25 км, вынуждена была вступить во встречный бой с немецкими танками. Это обстоятельство, по сути, исключило ее из участия в контрударе. Вместе с тем дивизия смогла остановить дальнейшее наступление врага на Шауляй.

23-я танковая дивизия (командир – полковник Т.С. Орленко), которая согласно ранее отданному приказу выдвигалась на

правый флаг 10-го стрелкового корпуса, для участия в контрударе должна была осуществить перегруппировку на новое направление. К 6 часам дивизия сосредоточилась в районе Плунге, где получила приказ выдвинуться к Скаудвиле. Однако в последующем выдвижение дивизии дважды откладывалось, поэтому она начала марш лишь в 12 часов 30 минут и только к исходу дня сосредоточилась в лесах северо-восточнее Лаукувы.

28-я танковая дивизия полковника И.Д. Черняховского на марше постоянно подвергалась ударам авиации противника, несла потери и заняла исходное положение только к 10 часам. Но танки остались без горючего и не могли выполнять поставленную задачу. Для их заправки требовалось не менее 60–70 т бензина, а его на месте не было. Дивизионные склады все еще оставались в районе постоянной дислокации, в Риге, в 190 км от района сосредоточения дивизии. Начальник тыла корпуса полковник В.Я. Гринберг и начальник снабжения дивизии интендант 1 ранга Д.И. Дергачев делали все, чтобы своевременно обеспечить части горючим. Однако вражеские самолеты непрерывно преследовали высланные в Ригу колонны автоцистерн, и в результате оно было доставлено только в 15 часов [90] .

В целом состояние противовоздушной обороны корпуса было неудовлетворительным, и противник практически безнаказанно наносил по его соединениям сосредоточенные авиационные удары. В этой связи командир корпуса генерал Шестопалов в своем докладе командующему войсками фронта от 27 июня отмечал: «Зенитные дивизионы снарядами были обеспечены плохо. Так, например, 37-мм снарядов батареи имели только по 600 штук (это незначительное количество 37-мм снарядов было израсходовано в первые два дня операции), и полное отсутствие 85-мм зенитных снарядов еще в момент выхода частей по тревоге дает полную картину состояния противовоздушной обороны корпуса (ее активных форм). Это обстоятельство, а также отсутствие нашей истребительной авиации на этом направлении дали в руки неприятеля полное господство его авиации в воздухе. Поэтому неприятельские бомбардировщики совершенно безнаказанно делали то, что они хотели. Они громили части на маршах, на переправах, при расположении на месте, уничтожая материальную часть и выводя людей из строя, понижая тем самым боеспособность частей. При совершении одного марша авиация противника в течение одного дня успевала производить бомбежку одной и той же части по 2–3 раза… В результате боевых действий только в одной 28-й танковой дивизии в период ее действий в направлении к шауляйскому шоссе выбыло 27 танков; в 23-й танковой дивизии – 17 танков» [91] .

Дальнейшие же действия 28-й танковой дивизии 23 июня свелись к атаке всего одного полка. Как отмечалось в «Донесении штаба 12-го механизированного корпуса о боевых действиях в период с 22 июня по 1 августа 1941 г.»: «К 22 часам авангардный 55-й танковый полк атаковал противника в районе м. Колтыняны, уничтожил артиллерийскую батарею и до 7 противотанковых пушек противника и, потеряв во время атаки 13 танков, отошел на север. С наступлением темноты дивизия сосредоточилась в лесу 1 км севернее Пашиле. В этом бою погиб заместитель командира полка майор Попов, которому впоследствии присвоено звание Героя Советского Союза» [92] .

Следовательно, одновременный, сильный удар танковыми соединениями, как это планировалось, нанести не удалось. Одни из них вступали в сражение разновременно, не в полном составе, под воздействием вражеской авиации, другие – по различным причинам вообще не смогли принять участия в контрударе. О разгроме противника не могло быть и речи, он лишь приостановил свое наступление на некоторых направлениях.

Весьма неблагоприятно в этот день развивались события и в полосе 11-й армии на каунасском и вильнюсском направлениях. В районе Каунаса вели боевые действия 33-я и 188-я стрелковые дивизии. Они оказали противнику на Немане упорное сопротивление и на время задержали его продвижение. На основании этого командующий войсками фронта пришел к выводу, что на этом направлении можно перейти к более решительным действиям. В 20 часов он направил генералу Морозову боевое распоряжение, в котором указывал: «Перед вами равные силы противника, возможно меньшие. Приказываю ликвидировать прорыв противника в районе Каунаса, уничтожив его, не дав уйти за реку Неман. Возьмите управление в руки… Требую навести порядок, призвать и заставить каждого выполнить свой долг перед Родиной…» [93] Между тем никаких объективных условий для подобных действий на тот момент просто не было.

На вильнюсском направлении соединения 3-й немецкой танковой группы, поддержанные пикирующими бомбардировщиками 8-го авиационного корпуса генерала Рихтгофена, сломили сопротивление 5-й танковой дивизии и к исходу дня, продвинувшись вперед до 70 км, вышли в район Вильнюса. Чтобы остановить или хотя бы замедлить продвижение группы Гота, командующий 11-й армией не имел сил. Положение войск на левом крыле Северо-Западного фронта становилось критическим. Разрыв между ним и Западным фронтом к исходу дня достиг 130 км.

Несмотря на то, что Военный совет фронта поставил задачу с утра следующего дня возобновить контрудар в полосе 8-й армии, он тем не менее под давлением обстоятельств стал приходить к выводу о неизбежности отхода войск. Вечером 23 июня генерал Кузнецов отдал распоряжение начальнику инженерного управления немедленно приступить к подготовке фронтового оборонительного рубежа «по р. Западная Двина, Даугавпилс и далее на восток до укрепленных районов». При этом приказывалось: «Возведение рубежей производить по принципу обороны на широком фронте, широко использовав естественные препятствия для создания противотанковых районов» [94] .

В целом итоги 23 июня были неутешительными. Вот как они отражены в журнале боевых действий Северо-Западного фронта: «1. Противник на основных операционных направлениях добился успеха. Ему удалось поколебать фронт 11-го стрелкового корпуса 8-й армии и всей 11-й армии… 2. Для 8-й и 11-й армий начался кризис ведения оборонительной операции. 3. Части армий начали отход в беспорядке, положение усугублялось тем, что с ними вместе отходили 60–80 тысяч строительных рабочих и беженцы приграничной полосы. 4. Управление сверху донизу нарушено, армии управлялись через офицеров связи. 5. Авиадесанты и диверсионные группы начали нарушать работу тыла и препятствовать нормальному отходу частей. 6. 12-й механизированный корпус и 2-я танковая дивизия, рассредоточенные по ряду направлений, существенных изменений в оперативную обстановку не внесли» [95] .

На рассвете 24 июня бои соединений 12-го механизированного корпуса в полосе 8-й армии разгорелись с новой силой. По приказу генерала Собенникова два батальона 23-й танковой дивизии были приданы 90-й стрелковой дивизии с задачей совместными действиями уничтожить противника в районе Шавдов, Якайкай. С началом атаки пехота была отсечена огнем противника, и танковые батальоны, действуя самостоятельно, потеряли от артиллерийского огня до 60 % танков и отошли в исходное положение. Кроме того, как сообщалось в донесении командира корпуса, «в районе м. Жораны от танковых полков 23-й танковой дивизии противником были отрезаны 23-й гаубичный артиллерийский полк, 23-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион и 2-й батальон 23-го мотострелкового полка, которые распоряжением командира 10-го стрелкового корпуса были подчинены командиру 10-й стрелковой дивизии» [96] .

Из-за плохого знания обстановки и отсутствия разведки 28-я танковая дивизия вела наступление на Кельме, где в то время

занимала оборону своя же 202-я моторизованная дивизия. Участвовавший также в атаке 4-й танковый батальон 125-го танкового полка этой дивизии был встречен огнем своих мотострелков и потерял 4 танка подбитыми и 2 сгоревшими [97] .

После этого сюда вышли части противника, но их дальнейшее продвижение было остановлено 9-й артиллерийской противотанковой бригадой. По донесению ее командира полковника П.И. Полянского, «…за 24 июня бригада под Шауляем подбила 30 вражеских танков, но затем вынуждена была прекратить огонь из-за отсутствия снарядов» [98] .

2-я танковая дивизия 3-го механизированного корпуса первоначально имела успех, но, ведя наступление самостоятельно, без поддержки других соединений корпуса, вскоре оказалась в тяжелом положении. Дело в том, что предназначенная для совместных действий с ней 84-я моторизованная дивизия еще днем 23 июня в лесах восточнее Каунаса подверглась сильным ударам немецкой авиации и была дезорганизована. Затем она была обойдена с флангов частями 16-й немецкой армии, и к 25 июня ее главные силы понесли большие потери.

Тем не менее противник вынужден был признать возросшее сопротивление советских войск. Так, в донесении 4-й танковой группы за 24 июня отмечалось: «4-я танковая группа окружила в районе севернее Кедайняй – южнее Гринкискис – восточнее Расейняя крупные танковые силы противника. Они включают в себя по крайней мере одну танковую дивизию, может быть, это только части 2-й русской танковой дивизии, как говорят пленные, которая была усилена. Противник располагает здесь 40–60 танками, которые превосходят наши по вооружению и бронированию (лобовая броня 370 мм). 5-см противотанковая пушка и легкая полевая гаубица не оказывают на них никакого поражающего действия. До настоящего времени 5 таких танков было выведено из строя связками гранат и огнем из 8,8-см зенитных орудий. Противнику удалось осуществить прорыв отдельными танками через оборону 6-й танковой дивизии» [99] .

В ходе боевых действий 24 июня под Расейняем произошло событие, которое по праву вошло в летопись отечественных танковых войск. Речь идет о бое экипажа одного из танков КВ. Вот как описаны его действия в одном из немецких документов: «Одному из танков КВ-1 удалось выйти на пути подвоза немецких войск, находившихся на северном плацдарме, и блокировать их. Первые ничего не подозревавшие машины со снабжением были подожжены танком.

Попытка подбить танк с 450 м батареей 50-мм

противотанковых пушек, только что принятых на вооружение, окончилась тяжелыми потерями для расчетов и материальной части батареи. Танк остался невредимым, несмотря на 14 прямых попаданий. Снаряды оставляли только вмятины на броне. Когда была подтянута замаскированная 88-мм пушка, танк спокойно позволил ей занять позицию на расстоянии 600 м, а затем уничтожил ее и расчет прежде, чем они открыли огонь. Попытки подорвать его ночью при помощи саперов также оказались безрезультатными. Наконец он стал жертвой немецкой хитрости. 50 танкам было приказано с трех сторон имитировать атаку с тем, чтобы отвлечь внимание танка на эти направления. Под прикрытием этой ложной атаки удалось оборудовать и замаскировать позицию для другой 88-мм зенитной пушки в тылу танка так, что на этот раз она смогла открыть огонь. Из 12 прямых попаданий этой пушки 3 пробили танк и уничтожили его».

Этот же бой описан и в журнале боевых действий 11-го танкового полка 6-й танковой дивизии: «Один русский тяжелый танк перерезал коммуникации группы «Раус», прервав связь с ней на вторую половину дня и ночь. Действия батареи 88-мм зенитных орудий, направленной для уничтожения этого танка, оказались безуспешными. Не достигла результата и батарея 105 мм орудий. Провалилась и попытка штурмовой группы саперов подорвать танк, так как приблизиться к нему было невозможно из-за сильного пулеметного огня» [100] .

Несмотря на отдельные тактические успехи, к исходу 24 июня командованию 8-й армии и фронта стало ясно, что разгромить противника имеющимися силами, в том числе и прибывшей 11-й стрелковой дивизией, невозможно. Предпринятый контрудар к желаемым результатам не привел. Ввиду этого было принято решение отвести соединения армии на оборонительный рубеж по р. Вента, остановить на нем дальнейшее продвижение немецких войск на шауляйском направлении и обеспечить развертывание 65-го стрелкового корпуса. Отвод планировалось осуществить в течение двух дней, под прикрытием дивизий 12-го механизированного корпуса, которые должны были продолжать активные действия против 4-й танковой группы врага.

В полосе 11-й армии противник форсировал Неман и к вечеру 24 июня ворвался в Каунас. Дальнейшее развитие его наступления было задержано, так как понтонеры 4-го понтонного полка подорвали в этом районе все мосты через Неман. Соединения армии с боями отходили на р. Вилию. В этот же день советские войска оставили столицу Литвы – город Вильнюс. После этого 3-я танковая дивизия и 39-й армейский корпус

немецкой группы армий «Центр» повернули на Минск.

В ночь на 25 июня состоялось заседание Военного совета фронта, на котором старший помощник начальника оперативного отдела фронта капитан Назаров обрисовал обстановку в полосе 11-й армии. В докладе, в частности, он отмечал: «… Командующий армией управление потерял. Дивизии разрозненно и в беспорядке отходят на Ионаву. Фактически обороны нет. На автомагистралях Каунас – Двинск беспорядочное бегство тылов, строителей, беженцев» [101] . После этого генерал-полковник Ф.И. Кузнецов направил в 11-ю армию группу офицеров штаба фронта, которые должны были организовать контрудар силами 16-го стрелкового корпуса с целью восстановить положение в районе Каунаса и овладеть городом.

25 июня танковые соединения, действовавшие в полосе 8-й армии, выполняя уже не отвечавший обстановке приказ, пытались продолжить наступление. 23-я танковая дивизия 12-го механизированного корпуса в ходе выдвижения в исходный район для наступления подверглась сильным ударам с воздуха и артиллерийскому обстрелу. В ходе марша часть танков была направлена для предотвращения угрозы охвата дивизии с фланга, а остальные, теснимые противником с фронта, начали отход. При этом, как отмечалось в донесении командира корпуса: «23-й мотострелковый полк, прикрывавший отход, в результате бомбежки с воздуха и артиллерийского обстрела был рассеян и мелкими группами отходил в различных направлениях» [102] , а 144-й танковый полк оставил на поле боя около 60 % боевых машин.

«Танковые полки 28-й танковой дивизии, – по воспоминаниям начальника автобронетанковых войск фронта П.П. Полубоярова, – 25 июня, подойдя к м. Пашили, попали под сильный огонь тяжелой артиллерии и противотанковых орудий врага… 56-й танковый полк смелой и хорошо организованной атакой прорвал вражескую оборону, уничтожив при этом 3 тяжелых и 14 противотанковых орудий. Затем он с ходу ворвался в колонну 8-го моторизованного полка противника, и с подходом 55-го танкового полка наши танковые полки полностью уничтожили эту вражескую колонну» [103] .

Но при этом 28-я танковая дивизия потеряла подбитыми и сгоревшими на поле боя 84 танка. В боях погибли командир 55-го танкового полка майор С.Ф. Онищук, командиры танковых батальонов майор Н.К. Александров и капитан И.В. Иволгин.

В наиболее тяжелом положении в этот день оказалась 2-я танковая дивизия 3-го механизированного корпуса. Против нее были дополнительно введены в бой части 36-й моторизованной и

269-й пехотной дивизий. Вот что сообщалось в донесении 4-й танковой группы: «…В течение 25 июня 269-й пехотной, 36-й моторизованной, 1-й и 6-й танковым дивизиям удалось еще больше сузить кольцо вокруг окруженного в этом районе танкового соединения противника. До настоящего времени уничтожено более 100 танков» [104] .

Дивизия понесла серьезные потери в людях и технике, в частях практически полностью закончились боеприпасы и горючее. 25 июня командир 3-го механизированного корпуса генерал-майор Куркин, находившийся в боевых порядках 2-й танковой дивизии, по радио открытым текстом доложил в штаб 8-й армии: «Помогите, окружен» [105] . Учитывая тяжелое положение дивизии, генерал-майор Солянкин вечером того же дня отдал своим частям приказ на прорыв из окружения.

В ночь на 26 июня и всю первую половину дня остатки дивизии пытались пробиться через фронт 1-й танковой и 36-й моторизованной дивизий 41-го немецкого моторизованного корпуса. Однако удалось это очень немногим, большая часть погибла или попала в плен. Среди погибших был и командир дивизии генерал-майор Е.Н. Солянкин (по некоторым источникам, генерал Солянкин застрелился).

Пока шло ожесточенное танковое сражение с превосходящими силами противника, все пять стрелковых дивизий 8-й армии сумели организованно отойти и 26 июня занять оборону между населенными пунктами Мажейкяй и Радвилишкис, в полосе шириной около 110 км. При этом фланги армии были открыты. Справа разрыв между 67-й стрелковой дивизией, оборонявшей г. Лиепая (ВМБ Либава), и 10-й стрелковой дивизией достигал 85 км. В этот разрыв немецкое командование незамедлительно направило 26-й армейский корпус. Слева 56-й моторизованный корпус противника развивал успех в направлении Паневежис, Даугавпилс.

В полосе 11-й армии 25 июня 16-й стрелковый корпус, в соответствии с приказом командующего войсками фронта, приступил к осуществлению контрудара с целью восстановления положения в районе Каунаса. Никаких объективных условий для этого контрудара не существовало. Группировка противника не была остановлена, не исчерпала своих наступательных возможностей и, владея инициативой, готовилась развить успех в направлении Вильнюса. Корпус не то что не обладал необходимым для наступления преимуществом, но и значительно уступал врагу в силах и средствах. У него не было танков, имелось ограниченное количество боеприпасов к артиллерии, отсутствовала авиационная поддержка.

Около 14 часов части 23-й и 33-й стрелковых дивизий корпуса юго-западнее населенного пункта Кармелава вступили в бой с двумя немецкими пехотными дивизиями, которые были поддержаны огнем артиллерии и ударами авиации. 23-я и 33-я дивизии вынуждены были с боями отходить. Командующий армией генерал Морозов принял решение развернуть 5-ю стрелковую дивизию для нанесения удара во фланг и тыл вражеской группировки. Однако в ходе выдвижения дивизия сама внезапно попала под сильный фланговый удар противника и начала отход. Чтобы избежать полного окружения армии, командарм приказал 84-й моторизованной дивизии нанести удар на Ионаву, которая к тому времени уже была захвачена немецкими частями. В течение дня она неоднократно атаковала, пытаясь прорваться через Ионаву на северный берег р. Вилия, но понесла большие потери и успеха не имела.

Положение 11-й армии после неудачного контрудара стало критическим. Командующий и штаб армии, по сути, потеряли управление войсками. Соединения осуществляли отход, не имея взаимодействия с соседями и связи со штабом армии. А начинавшая боевые действия в ее полосе 5-я танковая дивизия вообще оказалась за пределами фронта. Так, в оперативной сводке соседнего Западного фронта за 25 июня сообщалось: «Остатки 5-й танковой дивизии Северо-Западного фронта сосредоточены в 5 км юго-восточнее Молодечно (территория Белоруссии. – *Авт.*). В наличии – три танка, двенадцать бронемашин, сорок грузовых автомашин» [106] .

К исходу четвертого дня войны войска Северо-Западного фронта оказались в тяжелом положении. Основная задача – задержать противника в приграничной полосе и обеспечить развертывание главных сил Красной Армии – фронтом выполнена не была. Не удались и попытки ликвидировать глубокие прорывы немецких танковых группировок на важнейших направлениях. 8-я и 11-я армии фронта понесли большие потери и совершали отход по расходящимся направлениям. Соединения 8-й армии, непрерывно атакуемые противником с фронта и открытого левого фланга, отступали на север, в направлении Риги. В результате создалась реальная угроза прорыва противника к Даугаве. Плохо управляемые соединения 11-й армии с тяжелыми боями пробивались на восток, в направлении Полоцка, оставляя открытым направление на Даугавпилс. Как отмечалось в журнале боевых действий фронта за 25 июня: «Фронт вел две разнохарактерные операции. 8-я армия производила отход… Части отходили неорганизованно, иногда панически, управление терялось. 11-я армия частями 16-го стрелкового корпуса вела

наступательную операцию с целью овладения Каунасом. Операция не была подготовлена… Отсутствие авиационной и плохая организация наземной разведки не позволили вскрыть подход двух свежих пехотных дивизий противника, которые и решили судьбу операции. Войска не были приведены в порядок, управление терялось» [107] .

И без того тяжелое положение войск усугубили действия националистов. Удар в спину готовился в глубоком подполье еще до войны. Об этом, в частности, свидетельствуют документы немецкого 800-го полка «Бранденбург». В них говорится, что в Литве «организованы активисты на территории противника. Это бывшие граждане прибалтийских стран, обученные специально для подрывных акций, саботажа и для охраны объектов. По данным руководителей, в настоящее время в каждом литовском населенном пункте существует такая группа. В Латвии и Эстонии такое же положение» [108] .

Вечером 25 июня командующий войсками фронта получил директиву Ставки, в которой приказывалось организовать силами отходивших войск, резервов и соединений второго эшелона оборону рубежа по р. Даугава от ее устья до Краславы. Решением Ставки из состава войск Московского военного округа на него выдвигался 21-й механизированный корпус генерал-майора Д.Д. Лелюшенко с задачей не допустить форсирования противником Даугавы на участке Ницгале, Краслава. Этот корпус начал формироваться в Московском военном округе в апреле 1941 г. и по планам Генерального штаба должен был быть полностью укомплектован лишь к весне 1942 г. К июню 1941 г. в его состав входили 42, 46-я танковые и 185-я моторизованная дивизии. О состоянии корпуса к этому времени дают представление доклады его командира генерала Лелюшенко. В них, в частности, отмечалось: «К началу войны корпус был укомплектован личным составом на 80–90 %, из них до 70 % апрельско-июньского призыва. Материальной частью корпус был обеспечен на 10–15 % (колесные и специальные машины). На фронт корпус выступил со значительным некомплектом артиллерии, станковых и ручных пулеметов и автоматических винтовок, а также минометов. Большинство 76-мм пушек были без панорам, а малокалиберные зенитные пушки – без дальномеров (были даны за два дня до войны и в процессе войны). Корпус выведен на войну по тревоге неотмобилизованным и неукомплектованным материальной частью всех видов, со значительным количеством необученных бойцов. Отсутствие вооружения, материальной части и неподготовленность новобранцев заставили меня оставить в районах зимних квартир до 17 тысяч необученных солдат с

задачей их подготовки, вооружения и сколачивания… Части корпуса фактически представляют из себя моторизованные группы, сформированные за счет старослужащих и частью молодых бойцов. В корпусе танков нет, кроме незначительного числа машин учебного временного парка, так как корпус к началу войны не закончил своего формирования и подготовки специалистов» [109] .

Во исполнение директивы Ставки командование фронта начало перегруппировку на даугавпилсское направление 5-го воздушно-десантного корпуса и полевого управления 27-й армии. До их прибытия для организации обороны Даугавпилса был направлен помощник командующего войсками фронта генерал-лейтенант С.Д. Акимов. Ему было приказано из всех оказавшихся в городе воинских частей, подразделений и отдельных бойцов, а также из местных жителей спешно создать боевые отряды и группы и не допустить противника в Даугавпилс.

Однако все эти меры были запоздалыми. Противник, обладая преимуществом в подвижности, сорвал организацию обороны по Даугаве. Он доказал, что смелые, нестандартные действия порой приносят больший результат, нежели шаблонное фронтальное наступление. Ранним утром 26 июня неожиданно для гарнизона Даугавпилса передовые части 56-го моторизованного корпуса Манштейна вышли к городу и захватили мосты через Даугаву. В этом не последнюю роль сыграло диверсионное подразделение из состава 800-го полка «Бранденбург». В 7 часов утра немецкие диверсанты, переодетые в советскую форму, на четырех трофейных грузовиках подъехали к железнодорожному и автомобильному мостам и в ходе боя с охраной захватили их. Уже в 8 часов утра Манштейн получил радиограмму: «Атака на город Даугавпилс и мосты прошла успешно. Автомобильный мост захвачен целым. Железнодорожный – немного поврежден в результате взрыва подрывного заряда, но движение возможно» [110] .

Захват неповрежденных мостов через Даугаву имел для немецкого командования большое оперативное значение. Оборона советских войск по ее рубежу теперь теряла всякий смысл, так как противник имел возможность выйти им в тыл. Для того чтобы не потерять выгодный оборонительный рубеж, выход был только один – срочно, еще до подхода главных сил Манштейна, восстановить положение в районе Даугавпилса и отбросить врага за Даугаву. Прекрасно понимая это, командующий войсками фронта приказал генералу Акимову во что бы то ни стало выбить немецкие авангарды из города. Однако наступление его группы оказалось безуспешным. В своем

донесении в штаб фронта он сообщал: «Согласно вашему личному приказу организовал наступление по овладению городом Двинск (Даугавпилс. – *Авт.*) с 17.00 26.6.41 г. Наступление захлебнулось. Отдельные взводы и отделения проникли в город с северной и северо-восточной окраин города, но подведенными резервами и особенно усилившимся автоматическим огнем и артиллерией противника были отброшены. Противником была применена масса автоматического оружия, крупнокалиберные пулеметы, танки как неподвижные огневые точки. Масса огня применялась из окон домов, чердаков и с деревьев. В результате трехчасового боя наши части были отброшены. Основные причины нашего неуспеха – полное отсутствие с нашей стороны танков и очень малое количество артиллерии – всего 6 орудий» [111] .

В полосе 11-й армии с утра 26 июня противник нанес удары на двух направлениях – со стороны Укмерге и со стороны Ионавы. Соединения армии под воздействием сильных ударов наземной и воздушной группировок врага отходили к р. Вилия. В ночь на 26 июня армейские саперы навели паромную переправу и мост через реку. Дорога от него до ближайшего леса, на протяжении около 1 км, проходила через открытое поле, на котором к утру скопилось большое количество машин. По воспоминаниям начальника инженерных войск армии полковника С.М. Фирсова: «..Около 8 часов авиации противника удалось установить местонахождение моста, по которому был произведен первый налет силами до 20–25 «юнкерсов». К этому времени на плато скопилось много машин с боеприпасами, артиллерии, машин с тыловыми грузами. Противник обрушил свои бомбовые удары как по мосту, так и по этому скоплению и колоннам, втягивавшимся с плато в лес… На плато в огромной куче всяческих машин начались пожары, сопровождавшиеся взрывами боеприпасов, скоро дым затянул всю площадь леса… Повторным налетом авиации противника мостовая переправа была разрушена…». Что касается паромной переправы, то «после взрыва нескольких бомб… командир роты вообразил, что приближается противник, и дал команду затопить паромы».

К этому времени на левом берегу реки оставались арьергарды стрелковых соединений, остатки прикрывавшей отход и разгромленной противником 23-й стрелковой дивизии и 84-я моторизованная дивизия. Ее разрозненные части подходили к реке, не имея переправочных средств. А саперы смогли собрать только один паром. По скоплению людей и техники враг открыл артиллерийский огонь. «Когда стало очевидным, – пишет Фирсов, – что нет возможности переправить основную часть

техники и личного состава 84-й дивизии, командующий прекратил переправу и разрешил командиру дивизии генерал-майору Фоменко П.И. выходить на восток самостоятельно, на Даугавпилс или южнее. Только в первой половине июля (около 12–15.7.) остатки личного состава дивизии, ведомые генералом Фоменко, без техники и вооружения, сумели пробиться и выйти к нам в районе г. Старая Русса» [112] .

В вечернем донесении народному комиссару обороны генерал-полковник Ф.И. Кузнецов доложил: «11-я армия – штаб и Военный совет армии, по ряду данных, пленен или погиб. Немцы захватили шифродокументы. 5, 33, 188, 128-я стрелковые дивизии неизвестно в каком состоянии и где находятся. Много отставших и убежавших, задерживаемых на направлении Двинск. Много брошено оружия. 11-я армия не является организованным боеспособным соединением (так в тексте, на самом деле армия является объединением. – *Авт.*). На вильнюсском направлении необходимо развертывание новой армейской группировки немедленно» [113] . Что из себя представляла 11-я армия после мощных ударов противника и последующего отхода в полосу соседнего Западного фронта, дает представление изданная в начале июля директива Ставки, в которой, в частности, приказывалось: «11-ю армию с управлением и всеми входящими в ее состав войсками передать из состава 22-й армии в состав войск Северо-Западного фронта. Командованию Северо-Западного фронта принять все меры к скорейшему пополнению частей 11-й армии личным составом, вооружением и материальной частью. Договоритесь с ЛВО (Ленинградский военный округ. – *Авт* .) о довооружении этих частей артиллерией 1902–1930 годов, снятой с вооружения, и 76-мм зенитными пушками образца 14–15 года и прочее» [114] .

Штаб фронта по-прежнему не имел полной информации о положении подчиненных войск, проводная связь отсутствовала, а радиосвязь работала с большими перебоями. Кроме того, учитывая угрозу прорыва противника и внезапного захвата штаба, он вынужден был постоянно совершать перемещения из одного района в другой. Тем самым командующий войсками фронта терял нити управления войсками. Вот что вспоминает об этом генерал-лейтенант П.М. Курочкин: «… В Даугавпилс прибыли Военный совет и штаб фронта… От оперативной группы из Паневежиса получили данные о том, что немецко-фашистские войска стремительно продвигаются к Западной Двине в направлении на Даугавпилс. Как бы в подтверждение этому сообщению противник начал обстреливать город, его передовые части вплотную подходили к левому берегу Западной Двины.

Командующий генерал-полковник Кузнецов дает команду: «По машинам!». Я пытаюсь узнать, куда едет штаб. Командующий отвечает: «Следовать за мной. Я в пути дам указания». Проехали километров 35 и остановились. Командующий решил разместить штаб в лесу, в 3–4 км вправо и влево от шоссейной дороги, и сам стал указывать – какому управлению в какой части леса располагаться. Я пытаюсь доложить начальнику штаба, что нельзя здесь располагать штаб, т. к. совершенно нет никаких средств связи. Пробую убедить в том, что целесообразно расположить штаб в районе крупного узла гражданской связи – в Резекне, что для этого нужно проехать еще 50–60 км. Там будет хоть какая-нибудь возможность установить связь с войсками… Мои соображения не учитываются… Таким образом, получилось, что все средства связи штаба Северо-Западного фронта состояли из одной автомобильной радиостанции…»

После этого, продолжает П.М. Курочкин, в лесу случайно была обнаружена линия связи, по которой через множество инстанций, как это ни удивительно, удалось выйти на офицера по особым поручениям маршала Б.М. Шапошникова. «Я, обрадованный, бегу к командующему и докладываю, что установлена телефонная связь с Москвой, с кабинетом начальника Генерального штаба. Командующий далеко не разделил мою радость. Он проворчал: «Что толку с вашей связью с Москвой, сейчас потребуют доклад о положении войск, а что докладывать? Связи нет ни с одной армией, что делают войска – не знаем, идите, разговаривайте сами с Москвой. Вы с армиями обеспечьте мне связь, это меня больше всего интересует, а вы ко мне лезете с Москвой» [115] . Но, как отмечает Курочкин, о том, где находятся штабы армий, никто в штабе фронта не знал и не представлял поэтому, каким образом можно получить от них информацию об обстановке, куда направлять подвижные средства связи.

По-человечески командующего войсками фронта можно понять, но, с другой стороны, общение с вышестоящей инстанцией предполагает не только выслушивание справедливых (и несправедливых) упреков, но и получение информации от нее о принимаемых ею мерах в полосе фронта, положении соседей и т. п. В создавшейся обстановке Кузнецов мог получить такую информацию, как говорится из первых уст, минуя длительную цепочку посредников, но почему-то такой возможностью пренебрег.

К 27 июня на обоих флангах 8-й армии создалось угрожающее положение. Чтобы избежать окружения, Военный совет армии на основе указаний штаба Северо-Западного фронта

решил отвести войска за р. Западная Двина. Но так как оторваться от противника не удалось, планировалось задержать его продвижение на промежуточных рубежах. На первый из них соединения отходили под непрерывными атаками вражеских войск. Прикрывавшие отход арьергарды стрелковых дивизий не могли длительное время сдерживать противника и несли большие потери. В этот день врагу удалось окружить в районе населенного пункта Борисены (севернее Шауляя) командный пункт 12-го механизированного корпуса. При прорыве из окружения погибли: командир корпуса генерал-майор Н.М. Шестопалов, военком корпуса бригадный комиссар П.С. Лебедев, начальник штаба полковник П.И. Калиниченко, начальник медицинской службы бригадный врач И.И. Скачков, секретарь парткомиссии старший политрук Н.Е. Марченко, помощник начальника Оперативного отдела майор В.В. Высокоостровский, председатель военного трибунала военный юрист 2-го ранга А.Н. Чернявский и многие другие офицеры. Во временное командование корпусом вступил полковник В.Я. Гринберг [116] .

В районе Даугавпилса в этот день атаковали противника части 42-й танковой дивизии 21-го механизированного корпуса. Однако сильный артиллерийский огонь и контратаки танков и пехоты заставили их отойти в исходное положение. Понесли большие потери и части 46-й танковой дивизии, включенной в группу генерал-лейтенанта Акимова.

Быстрый захват Даугавпилса немецкими войсками отрезал пути отхода 11-й армии на северо-восток. Поэтому ее плохо управляемые части вынуждены были двигаться в восточном направлении и 30 июня в районе Полоцка вышли в полосу Западного фронта. В очередном донесении народному комиссару обороны генерал Кузнецов докладывал: «8-я армия, понесшая 40 % и более потерь, отходит на северный берег Западной Двины. 2-я танковая дивизия, видимо, погибла. 11-я армия как соединение не существует. Положения 5, 33, 188, 128, 23 и 126-й стрелковых дивизий, 5-й танковой дивизии и 84-й моторизованной дивизии не знаю… Связи для твердого управления не имею…» [117] Почему командующий войсками фронта не знал положения соединений 11-й армии и не имел «связи для твердого управления», пишет в своих воспоминаниях генерал П.М. Курочкин: «…Трагично получилось с радиосвязью с 11-й армией. Штаб этой армии… из района Каунаса отходил с войсками в направлении на Полоцк. С ним у нас была регулярная радиосвязь, с помощью которой штаб фронта получал довольно регулярно информацию.

Однажды меня вызвал к себе командующий Кузнецов.

– Подойдите сюда, – обратился ко мне командующий. – Посмотрите на эти документы, – сказал он, указывая на несколько разложенных в ряд расшифрованных телеграмм.

Я внимательно прочитал каждую телеграмму (их было пять-шесть). В них командующий 11-й армией генерал-лейтенант В.И. Морозов доносил о тяжелом положении в полосе действий армии и просил об оказании помощи. В последних телеграммах были гневные упреки в адрес командующего фронтом по поводу бездействия в оказании помощи в выходе из окружения войск 11-й армии».

П.М. Курочкин далее пишет, что на основании своего утверждения, что «такой дисциплинированный и тактичный человек, как Морозов, писать в такой грубой форме не может», командующий войсками фронта сделал вывод: «…Эти шифровки мы получаем не из штаба 11-й армии, а от немцев, от наших врагов. Ведь можно допустить, что штаб 11-й армии попал в плен, не успев уничтожить шифры. Могла попасть в плен и радиостанция. Вот немцы, используя наш порядок передачи телеграмм, пытаются нас спровоцировать на ведение неправильных боевых действий…». Все возражения начальника войск связи фронта не были приняты во внимание, и командующий в категоричной форме приказал: «Вот что – немедленно прекратите связь с так называемым штабом 11-й армии, а фактически с немцами».

Не выполнить приказ было нельзя, и Курочкин решил обратиться к члену Военного совета фронта корпусному комиссару Диброву. Тот предложил соединить его с членом Военного совета 11-й армии для ведения прямых переговоров с ним. Диброва передал в эфир позывные и открыто назвал себя. Однако армейские связисты, приняв вызов, в течение длительного времени сообщали об отсутствии вызываемого члена Военного совета 11-й армии, а затем внезапно прекратили передачу и больше на связь со штабом фронта не выходили.

Через некоторое время командующий войсками фронта поинтересовался у Курочкина: «Что, прекратили связь с фашистами?» И, услышав в ответ, что радиостанция 11-й армии не отвечает на запросы в течение двух суток, с удовлетворением констатировал: «Поняли, что нас не обманешь, поэтому и прекратили с нами связь».

Однако после того как штаб 11-й армии вышел из окружения, выяснилось, что радиостанция была исправна, штаб армии в плен не попадал, а шифровки были в действительности подписаны генералом Морозовым. Основанием же для прекращения связи послужил разговор по радио корпусного комиссара Диброва.

Когда в штаб доложили, что Диброва открытым текстом назвал себя и вызывает для переговоров члена Военного совета армии, пришли к выводу о том, что штаб и Военный совет фронта попали в плен, и противник пытается ввести командование армии в заблуждение. Поэтому был отдан приказ о прекращении всех контактов со штабом фронта по радио [118] .

По директиве Военного совета фронта его войска с 28 июня должны были занять оборону по северному берегу Даугавы и «не допустить дальнейшего распространения противника». 8-й армии было приказано переправиться через реку и организовать оборону рубежа от Риги до Ливаны. 27-я армия по этой директиве должна подготовить оборону рубежа от Ливаны до Краславы. Одновременно ей ставилась задача: «В ночь на 28.6.41 г. группой частей под руководством генералов Акимова и Белова атаковать противника и овладеть Двинском, надежно закрепив его за собой» [119] .

В течение ночи дивизии 21-го механизированного корпуса заняли исходное положение и в 5 часов 28 июня перешли в наступление. 185-я моторизованная дивизия завязала бой в 20 км от Даугавпилса, а 42-я танковая дивизия достигла населенного пункта Сергелишки, где была остановлена и дальше продвинуться не смогла. Но 46-й танковый полк дивизии смог выйти к Даугавпилсу и завязал ожесточенный бой за его восточную и северо-восточную окраины, который продолжался в течение всего дня. К вечеру противник, введя в бой дополнительные силы, после сильной артиллерийской и авиационной подготовки возобновил наступление и отбросил части 21-го корпуса в исходное положение. Тем не менее этот контрудар не прошел для немецких войск бесследно. Свидетельство этому находим у немецкого исследователя Хаупта, который писал: «Борьба за плацдарм, который с помощью 3-го моторизованного полка был расширен на 10 км в глубину, становилась все тяжелее. Советы произвели контрудар 5-м воздушно-десантным корпусом и 21-м механизированным корпусом… Солдаты генерала фон Манштейна сопротивлялись ожесточенно. Хотя 28 июня они подбили 74 вражеских танка, им пришлось смириться с тяжелыми потерями. Дивизия СС «Мертвая голова» в эти дни потеряла треть своего состава и позднее даже была сведена в один полк!» [120]

29 июня командующий войсками фронта направил в 8-ю армию очередную директиву, в которой содержались совершенно необоснованные обвинения в адрес ее командующего генерала Собенникова: «Вы преступно оставили войска на произвол судьбы и укрываете свою шкуру. Для такой ответственной операции, как отход целой армии, нужно было составить план, отводить войска

от рубежа к рубежу (что армия и пыталась делать. – *Авт* .) и крепко управлять отходом каждого соединения.

Требую немедленно это сделать. Оперативной группе штаба вернуться в Митаву и руководить отходом. Левофланговую 11-ю стрелковую дивизию направьте немедленно на Екабпилс. Продумайте устройство переправ за счет всех возможностей, какие можно найти в центре вашего фронта… Держите радиосвязь со штабом фронта. Вы уклоняетесь от связи, видимо, с намерением, потому что ничего не знаете и не хотите знать о своих войсках (как здесь не вспомнить нежелание генерала Кузнецова вести переговоры с Москвой. – *Авт.*).

28 и 29.6.41 г. продолжайте отход, закончите 30.6.41 г., выведите все войсковые соединения. Ободрите войска. Сохраните их боеспособность и ждите в Риге. На главном маршруте следования организуйте крепкую противовоздушную оборону, для чего в ваше подчинение поступает 6-я смешанная авиационная дивизия, аэродром – в Риге.

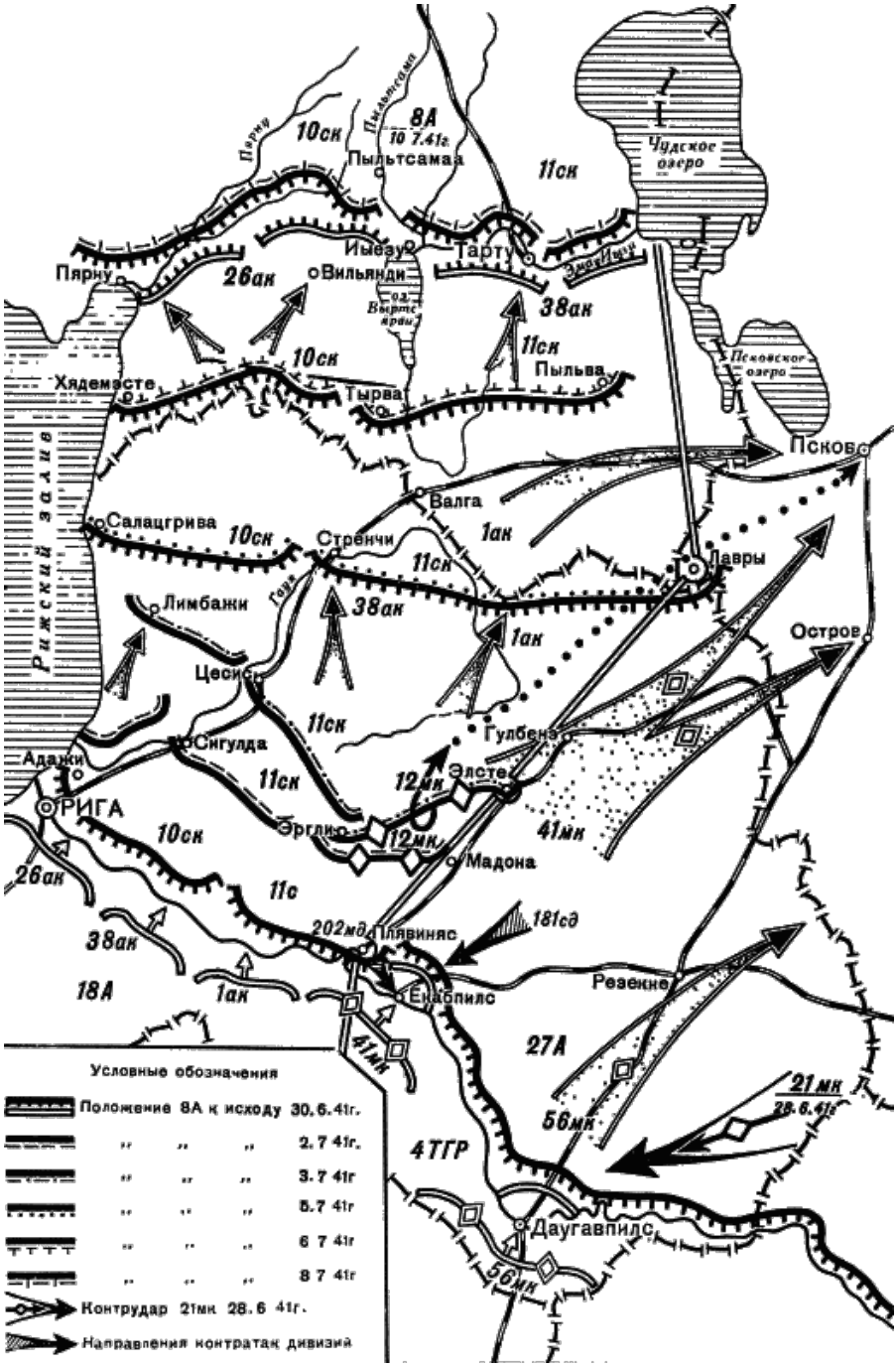
Директиву изучить члену Военного совета фронта Калнберзину, генералу Сафронову, на которых возлагаю ответственность за вручение директивы Военному совету 8-й армии и последнему в выполнении» [121] .

В общем, как следует из директивы, никаких конкретных указаний, направленных на улучшение положения армии, она не содержала и включала в себя, наряду с огульными обвинениями, лишь благие намерения генерал-полковника Ф.И. Кузнецова, а именно использовать «все возможности», вывести «все войсковые соединения», «сохранить их боеспособность» и т. п. Складывается впечатление, что директива направлена только для того, чтобы войска не забывали, что у них есть командующий. Это те войска, которые, по мнению Хаупта, «уже не имели возможности переправиться на спасительный северный берег». Это те войска, которые «не разбегались, а вели боевые действия на собственный страх и риск» [122] . Их не надо было «ободрять», им необходимо было оказывать реальную помощь, чего командующий войсками фронта как раз-то сделать и не мог.

Переправа соединений 8-й армии через Даугаву проходила по оставшимся мостам, на лодках и подручных средствах, под непрерывным огнем авиации и артиллерии противника. Практически одновременно с отходившими частями 10-го стрелкового и 12-го механизированного корпусов к реке в районе Риги вышли главные силы 26-го немецкого армейского корпуса. 29 июня его боевые группы ворвались в город по Баускому шоссе. Попытка отбросить их за городскую черту успехом не увенчалась. Как сообщалось в отчете 12-го механизированного корпуса:

«Командиром 144-го танкового полка полковником Кокиным был организован отряд в составе 10 танков, 3 противотанковых орудий, двух рот пехоты 10-й стрелковой дивизии, отряда пограничников и 6 бронемашин для борьбы с ворвавшимся в Ригу противником. Отряд успеха не имел и, будучи окруженным и отделенным от своих войск речной преградой, уничтожив 14 своих танков, переправился на северный берег р. Западная Двина» [123] .

После этого подразделения противника вышли к мостам. Два автомобильных моста тут же были взорваны саперами 8-й армии, однако за несколько минут до взрыва железнодорожного моста по нему успел переправиться небольшой немецкий передовой отряд – «пять штурмовых орудий 3-й батареи 185-го штурмового дивизиона, три зенитных орудия, одно 3,7-сантиметровое противотанковое орудие, отделение 10-й роты 43-го пехотного полка и отделение саперного взвода 43-го пехотного полка» [124] . Но подошедшие к этому времени части 10-й и 125-й стрелковых дивизий, полк НКВД и рабочие отряды Риги при поддержке бронепоезда не позволили врагу закрепиться на плацдарме и уничтожили его. «Отрезанная немецкая боевая группа отбивала ожесточенные контрудары Советов. 9 офицеров и 82 рядовых и унтер-офицера пали в уличных боях в Риге», – так освещает эти события Хаупт [125] .



Боевые действия 8-й армии в первой половине июля 1941 г.

Положение в Риге стабилизировалось, но в тот же день части 1-й немецкой танковой дивизии 4-й танковой группы форсировали Западную Двину у Екабпилса. Попытки сдержать немецкие танки силами частей 48-й стрелковой дивизии не

увенчались успехом: 1-я танковая и переправившаяся вслед за ней 36-я моторизованная дивизии противника, преодолевая сопротивление частей Красной Армии, двигались на Остров. Поэтому 1 июля командование Северо-Западного фронта отдало приказ об оставлении Риги. В тот же день в город вошли части 26-го армейского корпуса группы армий «Север». Как отмечал Хаупт: «Ни одного врага в городе уже не было. Советы ночью покинули Ригу. Латышское население заполонило улицы и приветствовало входящие немецкие войска как освободителей. Сам город являл картины ужасающих боев. Символы города – Орденский замок, ратуша и церковь Святого Петера – пылали, как факелы» [126] .

Таким образом, войска Северо-Западного фронта не смогли организовать устойчивую оборону на рубеже р. Западная Двина. Противник сумел упредить выдвигавшиеся из глубины либо отходившие под его ударами соединения фронта в занятии назначенных им полос обороны. В результате на флангах 8-й армии, на северном берегу Западной Двины немецкие войска захватили два оперативных плацдарма: один – в районе Риги, второй – в районе Екабпилса. Используя их, главные силы 16, 18-й полевых армий и 4-й танковой группы завершили переправу через реку и приступили к развитию успеха на псковском направлении с задачей отрезать пути отхода советским войскам из Прибалтики и выйти на подступы к Ленинграду.

Еще 29 июня Ставка Главного Командования приказала командующему войсками Северо-Западного фронта, одновременно с организацией обороны по Западной Двине, подготовить и занять рубеж по р. Великой, опираясь при этом на имевшиеся там укрепленные районы в Пскове и Острове.

Неправильно поняв задачу фронта, генерал Кузнецов 30 июня приказал войскам, оборонявшимся вдоль Западной Двины, отходить в Псковский, Островский и Себежский укрепленные районы, и они немедленно приступили к выполнению приказа. Генеральному штабу об этом стало известно лишь вечером, после чего Жуков срочно направил Кузнецову телеграмму: «Вами приказ Ставки не понят. Сложившаяся обстановка требует в течение ближайших 3–4 дней задержать противника на рубеже р. Западная Двина. Примите все меры, чтобы не допустить распространения противника на северном берегу» [127] . Командование фронта, отменив свои предыдущие распоряжения, потребовало от войск с утра 2 июля восстановить оборону по Западной Двине.

Во фронте в это время насчитывалось всего 150 танков и 154 самолета. К тому же быстрая и неожиданная смена решений, причем без учета времени, привела к тому, что войска оказались

не готовыми ни к отходу, ни к обороне. По этому поводу командующий автобронетанковыми войсками фронта, впоследствии маршал бронетанковых войск П.П. Полубояров отмечал в своих воспоминаниях: «Как показали последующие события, это решение было ошибочным, оно не учитывало обстановку, сложившуюся на этом участке фронта. Прежде всего войска 27-й армии не имели достаточного времени для подготовки к наступлению, не имели необходимых сил и средств для разгрома превосходящих сил противника, сосредоточившего ко 2 июля по северному берегу Даугавы, на участке Крустпилс, Краслава, до десяти боеспособных дивизий, полностью изготовившихся для перехода в наступление.

В самом деле, если вспомнить, как мы организовывали в те дни контрудары, то очень легко можно объяснить и первоначальные успехи гитлеровцев в первые дни войны. В большинстве своем контрудары наносились нашими войсками фронтально, зачастую разрозненно, не сосредоточив основных усилий на решающих направлениях, по нерасстроенным и сильным группировкам противника. За редким исключением они не были внезапными для противника… Удавалось ли при таком способе где-либо добиться решающего успеха при нанесении контрудара? Я что-то не припомню ни одного подобного примера в начальном периоде войны. Так произошло и под Даугавпилсом.

В 11 часов 2 июля крупные силы немецко-фашистских войск возобновили наступление, упредив удар 27-й армии. В создавшихся условиях наши войска вынуждены были, отбивая атаки танков и пехоты противника, отходить в северо-восточном направлении. Против соединений, например, 21-го механизированного корпуса наступали: часть сил 8-й танковой дивизии, 3-я моторизованная дивизия, моторизованная дивизия СС «Мертвая голова» и 290-я пехотная дивизия, входившие в состав 56-го моторизованного корпуса 4-й танковой группы, а также часть сил 121-й пехотной дивизии 16-й армии.

Против оборонявшихся правее 21-го механизированного корпуса незначительных сил 10-й воздушно-десантной бригады и ослабленной в предыдущих боях за Даугавпилс группы генерал-лейтенанта Акимова, прикрывавшей шоссе Даугавпилс – Резекне, немецкое командование бросило две танковые и одну моторизованную дивизии, которые прорвали редкие боевые порядки наших войск и вышли к исходу 2 июля в район 15–30 км юго-западнее и южнее Резекне.

В результате прорыва в направлении Резекне вражеским войскам удалось обойти правый фланг 46-й танковой дивизии, временно входившей в группу генерала Акимова, которая

вынуждена была под натиском 8-й танковой и 3-й моторизованной дивизий немцев отступить в северо-восточном направлении…» [128]

После этого чаша терпения Ставки переполнилась, и за неумелое управление войсками генерал-полковник Ф.И. Кузнецов был отстранен от занимаемой должности. Такая же участь постигла члена Военного совета П.А. Диброва и начальника штаба П.С. Кленова. С 4 июля в командование войсками фронта вступил генерал П.П. Собенников. Членом Военного совета был назначен корпусной комиссар В.Н. Богаткин, а начальником штаба стал генерал Н.Ф. Ватутин – заместитель начальника Генерального штаба, находившийся на фронте с 22 июня.

Не имея объективных возможностей для того, чтобы коренным образом изменить обстановку, новое командование фронта вынуждено было доказывать свою необходимость направлением в войска и вышестоящие инстанции боевых распоряжений и предложений, которые не могли быть обеспечены ни материально, ни морально. Так, за подписью начальника штаба фронта Н.Ф. Ватутина в войска была направлена «Инструкция по борьбе с танками противника», в которой рекомендовалось: «Израсходовав гранаты и бутылки с горючей смесью, бойцы-истребители заготавливают грязь-глину, которой забрасывают смотровые щели танка» [129] . Ну что же, после огромных потерь в артиллерии и танках бороться с бронеобъектами врага остается только «грязь-глиной». Да, вот только как это осуществить, представить трудно. В этой связи не понятно, на что рассчитывал и член Военного совета фронта В.Н. Богаткин, который в донесении начальнику Главного управления политической пропаганды РККА Л.З. Мехлису сообщал: «Я лично настаиваю перед Военным советом о необходимости активного наступления на одном из участков фронта и уверен в успехе этого, т. к. силы немцев на нашем фронте не так-то уж особенно велики. Мне кажется, что, если командование фронта вырвет инициативу у немцев и возьмет ее в свои руки на том или ином участке, хотя бы и небольшом, и навяжет им свою волю, тогда, несомненно, последует перелом в настроении как среди командиров, так и бойцов… Военный совет до сего времени не имеет хорошо продуманного, разработанного плана операций и бросает части с участка на участок, затыкая ими дыры, прорванные в линии фронта немцами, что наблюдается и в армиях» [130] . Так о каком наступлении может идти речь, если сил едва хватает для того, чтобы «затыкать дыры» в обороне? При этом «план», конечно, составить можно, вот только «утвердит» ли его противник?

В связи с создавшейся тяжелой обстановкой и угрозой окружения главных сил фронта, а также в целях недопущения продвижения противника на Ленинград командующий войсками фронта принял решение вывести 22-й территориальный (эстонский) стрелковый корпус в район Порхова, где занять оборону фронтом на юг и юго-запад. Одновременно из резерва Ставки и Северного фронта на рубеж Островского и Псковского УР выдвигались 41-й стрелковый и 1-й механизированный корпуса, а также 234-я стрелковая дивизия.

41-й стрелковый корпус (командир – генерал-майор И.С. Кособуцкий) в составе 111, 118-й и 235-й стрелковых дивизий с 1 июля начал выгружаться на станциях Псков и Черская. Однако перевозка его соединений по железной дороге из-за постоянных бомбежек шла крайне медленно.

1-й механизированный корпус (командир – генерал-майор М.Я. Чернявский) имел на вооружении танки старых конструкций, к тому же сильно изношенные, так как они использовались еще в ходе советско-финляндской войны. Еще до 22 июня 1941 г. из состава корпуса убыли 50-й моторизованный инженерный батальон и 1-я танковая дивизия. В течение 26–28 июня из него были изъяты 20 бронеавтомобилей, направленных в Псков, зенитный дивизион 3-й танковой дивизии и 3-й танковый батальон 25-го танкового полка 163-й моторизованной дивизии. В свою очередь, сама эта дивизия с 1 июля вошла в подчинение командующего 27-й армией. По сути, в подчинении командира корпуса оставались некоторые специальные подразделения и 3-я танковая дивизия, которая сосредоточилась в районе 20 км северо-восточнее Пскова. Но и после этого растаскивание корпуса продолжилось. 4 июля начальник штаба Северо-Западного фронта приказал выделить из 3-й танковой дивизии отряд в составе одного танкового батальона, мотострелкового полка в полном составе и двух рот 5-го мотоциклетного полка. Ему была поставлена задача перейти к обороне в полосе шириной 60 км и «не допустить проникновения противника в направлении Псков, Остров».

3 июля войска фронта, с трудом отражая удары немецких танковых и моторизованных соединений, с боями продолжали отход по расходящимся направлениям: 8-я армия – на север, 27-я – на восток. К исходу дня противник захватил танками и мотопехотой Гулбене. В результате пути отхода на рубеж р. Великая для 8-й армии были отрезаны. Одновременно, обойдя Резекне с запада, немецкие части вышли на правый фланг и в тыл 27-й армии. После этого наиболее важное направление на Остров оказалось открытым.

Что к этому времени являли собой 8-я и 27-я армии, дают представление следующие документы. Первый из них – это донесение Управления политической пропаганды фронта. В нем, в частности, сообщалось:

«Состояние частей 8-й армии тяжелое. Все соединения армии настолько потрепаны и переутомлены непрерывными боями с 22 июня, что совершенно необходим их выход из боя для приведения в порядок, отдыха, доукомплектования личным составом и матчастью.

Такой вывод подтверждается данными о состоянии дивизий армии. 10 сд – штаб дивизии сохранился. В 62 сп – личного состава 150 человек и один станковый пулемет, другой материальной части нет. В 204 сп сохранилось 30 человек, дополнительно влито 600 человек, задержанных в тылах. Из вооружения полк имеет лишь винтовки и ручные пулеметы. 98 сп не существует. 30 ап потерял 23 орудия. Дивизион ПТО имеет 2 орудия. Следовательно, 10 сд как дивизия не боеспособна.

90 сд – остатки частей дивизии противником рассеяны. Штаба дивизии нет. Дивизия организационно не существует и формируется вновь.

125 сд – штаб сохранился. В 466 сп – 210 человек, 3 станковых пулемета, одно орудие ПТО. 657 сп – 185 человек, 2 пушки, 2 станковых пулемета и зенитная установка. В 749 сп – 250 человек, одна пушка, 8 минометов, 2 зенитные установки. В 414 ап – 35 человек и одно орудие. В 459 гап имеется только 8 орудий. В орб – 15 человек, 2 танкетки. Следовательно, 125 сд как дивизия не боеспособна.

48 сд – штаб дивизии сохранился на 40 процентов. В 328 сп – 170 человек, две пушки. В 268 сп – 450 человек, 4 пушки, 6 орудий ПТО, 12 станковых пулеметов. В 301 сп – 500 человек, одна пушка, 3 орудия ПТО, 6 станковых пулеметов. 10 ап имеет 6 орудий. 14 гап имеет 11 орудий. В дивизионе ПТО – 2 орудия.

12 мк имеет около 50 танков. В том числе в 23 тд – 10 и в 28 тд – 22. В 202 мсд – 600 человек. Мотоциклетный полк не существует.

9-я артиллерийская бригада имеет 650 человек, 15 орудий 76-мм и 5 орудий 85-мм. Один артиллерийский полк бригады не существует.

Несколько лучше положение в 11 сд. Здесь личного состава до 4000 человек. Штаб дивизии сохранился. В материальной части есть потери.

Все соединения 8-й армии не обеспечены автотранспортом, в связи с чем доставка боеприпасов, продовольствия, эвакуация раненых проходят с перебоями. Части армии на протяжении всех

дней войны испытывали большой недостаток в артиллерийских снарядах, особенно бронебойных» [131] .

Второй документ – это доклад командующего 27-й армией генерал-майора Берзарина, в котором отмечалось:«… Существующие корпуса и дивизия носят лишь только это название, а на самом деле это выглядит так.

а) 24-й стрелковый корпус – совершенно неподготовленные части, не имеющие нашей техники, вооруженные всеми системами оружия всех марок мира. Снабжение их боеприпасами и запасными частями невозможно. Штабов нет, средств связи нет, укомплектованность начальствующим составом – до 12–15 %, некомплект – до 90 %. Сейчас в этом корпусе (181-я плюс 128-я стрелковые дивизии) не более 8 тысяч человек.

б) 21-й механизированный корпус вынес тяжелые бои, выбывают его специальные подразделения, и фактически корпус поедается противником.

в) 163-я моторизованная дивизия после тяжелых боев совершенно небоеспособна, потеряв людей (до 60 %), потеряв артиллерию (до 70 %), потеряв танки (до 50 %). Все эти данные только приблизительные – сейчас ведется сбор и подсчет. Брошенной быть в бой дивизия не может.

г) 235-я стрелковая дивизия (прибыла одним 806-м стрелковым полком) – мне не известно, где она и когда будет у нас на фронте.

Короче говоря, создалось довольно сложное положение, которое можно выправить только кардинальным решением – создать прочную оборонительную полосу в глубине свежими частями, а весь перечисленный состав отвести за какой-то барьер и формировать для новых действий. Необходимо иметь в виду, что армия в своем составе имеет тысячи примеров храбрости и героизма всех и многих людей. Но беда состоит в том, что мы не имеем налаженного управления, не имеем авиации, а противник, используя наши слабые места, настойчиво их использует. Достаточно сказать, что авиация противника буквально терроризирует наши части, будучи безнаказанной» [132] .

В образовавшийся между 8-й и 27-й армиями разрыв немецкое командование направило соединения 41-го танкового корпуса 4-й танковой группы. С другой стороны, командование Северо-Западного фронта запаздывало с проведением основных мероприятий по укреплению обороны по рубежу р. Великой и закреплению в Псковском и Островском укрепрайонах. К утру 4 июля 1-я немецкая танковая дивизия достигла южной окраины г. Остров. Противник, действуя подвижными отрядами в составе батальона мотопехоты, до роты танков и артиллерии, после

мощного авиационного налета и короткой по времени артиллерийской подготовки стал переправляться через р. Великую по двум мостам – автодорожному и железнодорожному, которые наши саперы не успели взорвать. Уже во второй половине дня город был захвачен врагом. Как отмечалось в журнале боевых действий группы армий «Север» за 4 июля: «К вечеру 4-я танковая группа главными силами обоих корпусов, преодолевая упорное сопротивление противника, подошла к балтийско-русской границе. На правом фланге уже удалось ее перейти. Быстрым броском 1-я танковая дивизия достигла южной части Острова. Железнодорожные и дорожные мосты захвачены в исправном состоянии» [133] .

Командующий войсками фронта генерал-майор П.П. Собенников, учитывая важное оперативное значение Острова, приказал с рассветом 5 июля совместными действиями 3-й танковой и 111-й стрелковой дивизий, при поддержке авиации, уничтожить прорвавшегося противника и вновь овладеть городом. Как протекал этот бой и чем он завершился, свидетельствует доклад начальника штаба 1-го механизированного корпуса полковника Лимаренко: «… Командир корпуса в 8.20 5.7.41 г. отдал боевой приказ № 6, ставя задачу командиру 3-й танковой дивизии атаковать гор. Остров с севера и северо-востока двумя танковыми полками (5-м и 6-м танковыми полками без одного танкового батальона). Атака началась в 15.25 5.7.41 г.

В результате боя с танками и артиллерией противника 5-й танковый полк 3-й танковой дивизии выходом отдельных подразделений на левый берег р. Великая овладел гор. Остров, но, не имея артиллерийской и авиационной поддержки (в бою участвовал только 3-й гаубичный артиллерийский полк в количестве 24 орудий, а авиация участия не принимала), в этом бою дивизия понесла от противотанкового и артиллерийского огня противника большие потери в материальной части и личном составе. Для закрепления занятого рубежа и очищения города от противника пехота отсутствовала (было до полутора батальонов 111-й стрелковой дивизии 41-го стрелкового корпуса, а остальная пехота беспорядочно отошла). Потери дивизии в материальной части, по неточным данным, к концу боя достигали до 50 %.

5 июля в 15 часов 55 минут противник при сильной артиллерийской и авиационной поддержке перешел в контратаку. 3-я танковая дивизия, не получив подкрепления (и особенно пехоты), упорно сдерживала атаку до 17 часов. Но под ударом пикирующих бомбардировщиков, применивших зажигательные бомбы и горючую смесь, мощной артиллерии и минометов, неся

большие потери, в 19 часов начала отход 5-м танковым полком по шоссе на Порхов, а 6-м танковым полком в северном направлении… В результате этого боя, по неточным данным, в дивизии осталось: в 5-м танковом полку – 1 танк Т-28 и 14 танков БТ-7; в 6-м танковом полку – 2 танка КВ, 26 танков БТ-7» [134] .

Отход 8-й и 27-й армий на север и восток соответственно привел к образованию в полосе обороны фронта двух самостоятельных, не связанных между собой операционных направлений. Поэтому командование фронта приняло решение силами 8-й армии прикрыть территорию Эстонии с юга и не допустить высадки вражеских десантов на остовах Эзель и Даго. 27-й армии приказывалось не допустить прорыва противника в направлении Остров, Псков. 41-му стрелковому корпусу была поставлена задача оборонять Псковский и Островский укрепленные районы.

В ночь на 5 июля соединения 8-й армии начали отходить в Эстонию, на рубеж Пярну, Тарту. К утру 7 июля они вышли на указанный рубеж и приступили к организации обороны на танкоопасных и наиболее вероятных направлениях наступления противника. Для обороны полосы шириной 225 км, около 250 км побережья и островов Сааремаа и Хиума армия располагала шестью стрелковыми дивизиями. Из них пять, отходивших с боями от самой границы, понесли большие потери. Например, в 67-й стрелковой дивизии после ее прорыва из окружения в районе Лиепаи, а также в 48-й и 125-й стрелковых дивизиях после многодневных боев осталось не более 10–15 % их штатного состава. В 22-й мотострелковой дивизии НКВД, также понесшей большие потери, оставалось только стрелковое оружие.

Оборона участка от Пярну до озера Выртс-Ярв на труднопроходимой местности была возложена на 10-й стрелковый корпус в составе 10-й стрелковой дивизии, 22-й мотострелковой дивизии НКВД и одного полка 11-й стрелковой дивизии. Эти соединения должны были не допустить прорыва противника к Таллину.

11-й стрелковый корпус в составе 125-й и 48-й стрелковых дивизий и одного батальона 11-й стрелковой дивизии должен был обороняться на рубеже р. Эма-йыги от озера Выртс-Ярв до озера Псковское с задачей не допустить прорыва немецких войск вдоль западного побережья Псковского и Чудского озер в направлениях Нарвы и Таллина.

Оборона стрелковых дивизий строилась в широких полосах (до 50 км). Все их силы и средства в связи с этим находились в первом эшелоне. Между частями и подразделениями имелись значительные незанятые промежутки, не прикрытые огнем и

заграждениями. В войсках остро ощущался недостаток боевой техники и вооружения, особенно артиллерии. У них имелось всего 185 орудий и минометов разных калибров. Поскольку все танковые и моторизованные дивизии отошли в направлении Пскова, 8-я армия оказалась без танков.

В то же время немецкое командование считало, что отошедшие в Эстонию советские войска окончательно разбиты и деморализованы. Поэтому для захвата Таллина были направлены только две пехотные дивизии (61-я и 217-я) 26-го армейского корпуса и один подвижный отряд 1-го армейского корпуса. Противник вошел в соприкосновение с частями 8-й армии на рассвете 8 июля. Уже к 9 часам его танки блокировали г. Вильянди и одновременно продвинулись на север от него на 25 км. На пярнуском направлении утром 8 июля началась высадка на побережье вражеского морского десанта. Направленные для его ликвидации подразделения 10-го стрелкового корпуса не смогли оказать десанту длительного сопротивления, и вечером 8 июля советские войска под давлением противника оставили город Пярну. В течение последующих трех дней тяжелые бои с немецкими войсками велись в районе Пярну, севернее Вильянди и в городе Тарту, куда их части ворвались 11 июля.

На псковском направлении после неудачной попытки выбить противника из Острова обстановка стала еще хуже. Под ударами противника многие части начали неорганизованный отход. Вот что, в частности, докладывал в Оперативный отдел штаба фронта начальник направления майор З.К. Горбачев: «Будучи послан делегатом связи в 27-ю армию… по дороге наблюдал паническое бегство пехоты, которая никем не организовывалась и не останавливалась. Командный состав встречаемый не знает, куда идет и зачем идет. Отвечает на вопрос, что нас разбили и, где части, не знает. Где штабы, никто не знает. Командный состав, уходя с поля боя и направляясь в Псков, стремится скорее вперед (отходить подальше от поля боя), не пытаясь задерживать отходящих бойцов и направлять их обратно на поле боя, т. е. совершенно не инициативен и дезорганизован…

При появлении самолетов, безразлично чьих, бойцы, никем не инструктируемые, беспорядочно разбегаются. Как действовать при появлении самолетов, начальствующий состав не знает, а следовательно, не учит и бойцов…

Из разговора с начальником Оперативного отдела штаба 24-го стрелкового корпуса полковником Савиновым мне стало известно, что части 24-го корпуса не имеют ни артснарядов, ни патронов, ни продфуража, и где их брать, они совершенно не

знают, указаний по снабжению не имеют…» [135]

7 июля немецкие танки, ведущие наступление в полосе 41-го стрелкового корпуса, прорвались в район Филатова Гора, Выдра и к переправе через р. Многу. В районе Черехи, вдоль шоссе Остров – Псков занимали оборону только остатки 23-й танковой дивизии 12-го механизированного корпуса. Для ее усиления из резерва фронта сюда был направлен 3-й мотострелковый полк 3-й танковой дивизии, а также один стрелковый батальон, усиленный минометной батареей из 118-й стрелковой дивизии.

Вечером 7 июля части 1-й немецкой танковой дивизии завязали бой с подразделениями 23-й танковой дивизии и 3-го мотострелкового полка. Бой продолжался всю ночь. Утром 8 июля противнику удалось оттеснить наши ослабленные подразделения на северный берег р. Черехи в район Кресты и на южную окраину Пскова.

Ночью 8 июля на командный пункт 41-го стрелкового корпуса прибыл командир 118-й стрелковой дивизии генерал Н.М. Гловацкий. Он доложил, что все попытки противника переправиться через р. Великую в районах Выдра и Филатова Гора были успешно отражены подразделениями 527-го стрелкового полка, после чего мосты в этих местах были взорваны, а вражеские танки здесь больше не появлялись. Однако после того как части 1-й немецкой танковой дивизии прорвались к переправам через реку Череху с юга по шоссе Остров – Псков, создалась угроза их выхода в тыл 118-й дивизии. В связи с этим генерал Гловацкий обратился с просьбой к командиру корпуса разрешить отход дивизии за р. Великую.

Сам по себе отход, если бы он был хорошо организован, еще не означал катастрофы, так как 118-я и 111-я стрелковые дивизии сохранили основную часть личного состава и вооружения, что позволяло рассчитывать на упорную оборону. Однако в результате паники в ряде подразделений, в возникшей неразберихе, когда прямой угрозы со стороны противника не было, мост через р. Великую был взорван. Оставшиеся на противоположном берегу части 111-й и 118-й стрелковых дивизий, а также 25-го укрепленного района вынуждены были переправляться на подручных средствах. Все это привело к большим потерям в людях и технике. После отхода за р. Великую командир 118-й стрелковой дивизии принял некоторые меры по организации обороны. Но деморализация личного состава и окончательная потеря связи со штабом корпуса сделали ее оборону малоустойчивой. Отход же остатков 23-й танковой дивизии и 3-го мотострелкового полка с южной окраины Пскова вечером 8 июля поставил левый фланг дивизии под угрозу охвата

и прижатия ее к Псковскому озеру. Все это вынудило командование 41-го стрелкового корпуса начать отход по расходящимся направлениям: на Гдов (118-я стрелковая дивизия) и Лугу (111, 235, 90-я стрелковые дивизии) [136] .

В целом боевые действия на линии укрепленных районов по р. Великой не дали ожидаемых результатов. После этого последовала реакция Ставки в виде очередной директивы, в которой выражалось недовольство «работой командования и штаба Северо-Западного фронта». В директиве командованию фронта ставились упреки в том, что «во-первых, до сих пор не наказаны командиры, не выполняющие Ваши приказы и, как предатели, бросающие позиции и без приказа отходящие с оборонительных рубежей. При таком либеральном отношении к трусам ничего с обороной у Вас не получится.

Истребительные отряды у Вас до сих пор не работают, и плодов их работы не видно, а как следствие бездеятельности командиров дивизий, корпусов, армий и фронта части Северо-Западного фронта все время катятся назад. Пора позорное это дело прекратить. Немедленно перейти к активным действиям, в первую очередь к ночным истребительным действиям мелкими отрядами.

Командующему и члену Военного совета, [военному] прокурору и начальнику 3-го управления немедленно выехать в передовые части и на месте расправиться с трусами и предателями, на месте организовать активные действия по истреблению немцев, гнать и уничтожать их, главным образом ночами.

В Порхов пока перебрасывается одна танковая дивизия. Две стрелковые дивизии можем бросить в район Порхова только тогда, когда Вами будет восстановлено положение в районе Пскова. Без ликвидации прорыва из района Луги снять две дивизии невозможно. Для придачи большей устойчивости и активности стрелковыми корпусами придайте танковые части стрелковым дивизиям. Сегодня с утра надо жечь огнем с самолетов мотомехчасти противника, его артиллерию и тылы» [137] . Но все эти указания остались лишь благими пожеланиями, войска же – продолжали отход.

Таким образом, первая оборонительная операция Северо-Западного фронта в Прибалтике закончилась неудачей. За 18 дней боев Красная Армия отступила в глубину на 450–500 км. Фронт потерял, по официальным данным, свыше 90 тыс. человек, более 1 тыс. танков, 4 тыс. орудий и минометов и более 1 тыс. самолетов. Значительную роль в неудачах первых недель войны в Прибалтике и потере рубежей рек Даугавы и Великой сыграли

грубые ошибки командования войсками Северо-Западного фронта. «…Генерал-полковник Ф.И. Кузнецов, при всех его положительных качествах, не обладал необходимой оперативно-стратегической подготовкой и опытом руководства крупными оперативными объединениями в условиях войны. Поставленный внезапным нападением врага в исключительно тяжелое положение, он не смог правильно оценить создавшуюся обстановку и проявить необходимую инициативу и умение в использовании больших сил, которые имелись в его распоряжении…» – такая оценка действий командующего войсками фронта дана в «Истории Великой Отечественной войны» [138] .

Командованию фронта не удалось создать оборонительную группировку, способную отразить удар агрессора. В то время как руководство вермахта сосредоточило на главных направлениях сильные компактные ударные группировки, объединения и соединения фронта занимали оборону в широких полосах и не могли создать высоких плотностей сил и средств. При организации обороны недостаточно использовались такие естественные рубежи, как крупные реки и межозерные дефиле. Поэтому войска фронта не сумели закрепиться на реках Неман, Западная Двина, Великая. Оборона здесь была очаговой и характеризовалась линейным расположением соединений, наличием больших разрывов и открытых флангов в оперативном построении, слабым инженерным оборудованием местности при нехватке противотанковых средств. Переход армий и дивизий к занятию промежуточных рубежей осуществлялся в условиях отхода под постоянным воздействием врага, при отсутствии времени на подготовку к боевым действиям.

Трудные условия, сложившиеся на северо-западном направлении, не позволили осуществить развертывание армейского и фронтового тыла. Войска вынуждены были обороняться без тылов, которые по мере формирования уже в ходе боевых действий с большим опозданием прибывали в состав фронтов, армий и дивизий. Местонахождение многих складов оставалось неизвестно частям и соединениям, и они испытывали острый недостаток в боеприпасах и горючем.

И тем не менее немецкому командованию не удалось достигнуть предусмотренных планом «Барбаросса» стратегических целей – разгромить части Красной Армии в Прибалтике. Как писал после войны немецкий генерал Типпельскирх: «Немецкая армия не смогла до 10 июля нанести сокрушительный удар войскам противника в полосе действия группы армий «Север», а только отбросила их назад» [139] .

Глава 2 Первые поражения Балтийского флота

В не менее трудной и драматичной обстановке в начале войны пришлось действовать силам Балтийского флота и частям Красной Армии, выделенным для охраны и обороны имевшихся на Балтике военно-морских баз. Необходимо отметить, что в соответствии с планом «Барбаросса» немецкая группа армий «Север» должна была сразу же после начала боевых действий вести наступление на двух направлениях: главном – ленинградском и вспомогательном – приморском. В плане, в частности, говорилось, что «в ходе этих операций русский Балтийский флот быстро потеряет свои базы и окажется, таким образом, не способным продолжать борьбу…». Далее в разделе, где ставились задачи немецким ВМС, делалось интересное уточнение: «Учитывая, что после выхода к Ленинграду русский Балтийский флот потеряет свой **последний** (выделено авт.) опорный пункт и окажется в безнадежном положении, следует избегать до этого момента крупных операций на море». Таким образом, занятие военно-морских баз Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) в Прибалтике планировалось осуществить еще до захвата Ленинграда, а это неизбежно отвлекало часть сил с главного направления.

Чем же было обусловлено такое внимание противника к советскому Балтийскому флоту и его базам? В первую очередь тем, что высшее командование вермахта не располагало достаточными силами, чтобы развернуть адекватную КБФ группировку на Балтике. В директиве № 21 подчеркивалось что «основные усилия военно-морского флота должны также и во время восточной кампании, безусловно, сосредоточиваться против Англии». В то же время КБФ являлся самым мощным из всех четырех флотов ВМФ СССР (2 линкора, 2 легких крейсера, 22 лидера и эсминца, 68 подлодок, 636 боевых самолетов [140]) и единственным, который, пусть и теоретически, мог себе позволить непосредственные действия у берегов самой Германии. Болевой точкой являлись и балтийские коммуникации Третьего рейха, по которым импортировалась богатая никелем шведская железная руда. Именно она использовалась для изготовления броневой стали, а объем перевозок 1941 г. – 9,3 млн тонн [141] – говорит сам за себя. Даже, несмотря на то что командование немецкого флота не могло выделить для обороны коммуникаций сколько-нибудь значимых сил, эти перевозки продолжались и

после начала войны, причем все они были перенесены в территориальные воды Швеции и западную часть Балтийского моря. Поскольку уважение советским командованием статуса шведских тервод вызывало обоснованные сомнения, с угрозой, создаваемой КБФ на море, следовало покончить как можно скорей. Поэтому был выбран способ, уже полностью оправдавший себя во время французской кампании 1940 г., – сковывание вражеского флота на море действиями авиации, легких сил флота и минной войной, в то время как сухопутные войска стремительно захватывают базы. В силу флотской специфики разрушение системы базирования даже при условии сохранения кораблей обрекает флот на бездействие, и это очень хорошо понимали в немецких сухопутных и морских штабах.

Какой же системой базирования располагал КБФ к началу войны? Она включала главную военно-морскую базу (Таллин), военно-морские базы Ханко, Кронштадтскую и Прибалтийскую (Рига). Приказ на формирование последней был отдан наркомом ВМФ Н.Г. Кузнецовым за сутки до начала войны. Правда, формировалась база не на пустом месте, а на основе Либавской ВМБ, существовавшей фактически еще с конца 1939 г. [142] . Кроме того, существовал еще так называемый Балтийский район, куда входили части и подразделения, дислоцировавшиеся на островах Моонзундского архипелага. Каждая военно-морская база имела корабли и катера охраны водного района, противовоздушную и береговую оборону, части специального и тылового обеспечения, а также корабли и катера охраны рейдов.

Береговая оборона КБФ была размещена в операционных зонах военно-морских баз и была им подчинена. К началу войны она насчитывала 22 артиллерийских дивизиона, три железнодорожных дивизиона, восемь отдельных артиллерийских батарей, два бронепоезда и четыре отдельные железнодорожные батареи. Морская пехота была представлена 1-й особой бригадой, дислоцировавшейся в районе Выборга.

Хотя вышеописанная система базирования КБФ сложилась только в 1940 г., после вхождения в состав СССР прибалтийских республик, она далеко не полностью соответствовала планам использования флота в будущей войне и фактически являлась наследием замыслов штабистов еще царского флота времен Первой мировой войны. Тогда противником на море являлась кайзеровская Германия, обладавшая вторым в мире военным флотом. Хотя главным театром его действий являлось Северное море, в любой момент он мог Кильским каналом перейти в Балтику и несколько раз делал это. Россия не располагала на этом театре сколько-нибудь значимыми морскими

коммуникациями, и главная угроза для нее исходила от десантов на побережье. В конце 1917 г. такой десант был высажен на Моонзундские острова, утрата которых создавала непосредственную угрозу революционному Петрограду. Лишь заключение Брестского мира большевистским правительством позволило избежать нависшей опасности.

В конце 1918 г. немецкий флот был сменен на Балтике английским. Хотя англичане не располагали достаточными силами для высадки десантов в тыл Красной Армии, район боевых действий переместился к Кронштадту, что воспринималось командованием РККА и РКВМФ весьма болезненно. Уроки мировой и гражданской войн привели к тому, что главной задачей КБФ, да и других флотов СССР, стала защита прибрежных политических и экономических центров страны от ударов и захвата с моря. Защищать их планировалось при помощи минно-артиллерийских позиций, которые усиливались действиями немногочисленных кораблей РККФ, сохранившихся от царского флота.

Следует подчеркнуть, что предвоенные учения показали, что создание минно-артиллерийской позиции в восточной части Финского залива совершенно не гарантирует Ленинград от внезапного удара с моря, и удовлетворительным в этом смысле может считаться только создание позиции в устье залива, берегами которого планировалось овладеть в результате первых операций РККА в будущей войне. Именно это в конце 1939 г. стало основным лейтмотивом советских требований, выдвигавшихся на переговорах с прибалтийскими государствами и Финляндией при заключении договоров о взаимопомощи. Правительства Эстонии, Латвии и Литвы тогда уступили нажиму, в результате чего КБФ получил базы в Таллине, Палдиски и Лиепае (Либаве). Руководство же Финляндии ответило отказом. Именно его твердая и неуступчивая позиция в отношении создания советской базы на полуострове Ханко стала тем решающим моментом, который привел к небезызвестной «зимней войне».

Ханко удалось получить уже после этой войны, по условиям Московского мирного договора. После этого там начала создаваться база с сильной береговой артиллерией. При этом на второй план ушло то обстоятельство, что флоты стран Антанты, от которых планировалось защищать Ленинград, теперь были далеко и сами находились под угрозой ударов немецкой авиации и подводных лодок. Стратегический партнер и по совместительству вероятный противник в будущей войне – Германия – не располагала настолько мощным надводным

флотом, чтобы создать угрозу Ленинграду, что и подтвердил опыт Великой Отечественной войны.

Наиболее дальновидные из советских флотских стратегов еще в конце 1930-х гг. предупреждали, что в связи со сменой вероятных противников оперативные планы флота устарели. Так, в 1937 г. командовавший в то время КБФ И.С. Исаков писал, что немецкие «сверхлинкоры и большие подлодки абсолютно не нужны для войны против нас». Он справедливо считал, что в случае войны главной задачей германского флота будет оборона своих коммуникаций, по которым осуществляется подвоз шведской руды и финского леса. Для выполнения этой задачи «германский флот… будет стремиться заблокировать Красный флот в Финском заливе, … уничтожить его атаками легких сил и авиации…» [143] . Однако привычка не перечить «генеральной линии» у этого безусловно способного, но недостаточно принципиального флотоводца, который к 1941 г. вырос до заместителя наркома ВМФ, оказалась сильней здравого смысла.

На остальных лиц высшего руководства ВМФ озарение относительно истинных замыслов противника снизошло много позже окончания войны. В 1971 г. в своем частном письме отставному наркому Н.Г. Кузнецову бывший в 1941 г. начальником штаба КБФ адмирал Ю.А. Пантелеев писал: «Все, что Вы напечатали уже в журналах (впервые мемуары Н.Г. Кузнецова о войне вышли в виде серии статей в журнале «Октябрь» в 1968 г. – *Авт* .), очень высоко оценено военной общественностью и вообще мыслящими людьми… Возможно, все, что я пишу, Вы уже знаете и со всем не согласитесь, но я говорю о том, что знают многие балтийцы тех лет… Судьба поставила КБФ на одно из важнейших стратегических направлений фашистов: Пруссия – Ленинград через Прибалтику. Оно намечалось гитлеровцами как сухопутное или приморское, но не морское. Флот же готовился годами к войне на море, прежде всего:

а) к действиям на коммуникациях;

б) к бою на минно-артиллерийской позиции в устье Финского залива;

в) к обороне военно-морских баз с моря;

г) к противодесантной обороне островов Моонзунд.

Получилось все наоборот и по вариантам, которые никогда не рассматривались ни в Академии, ни в Главморштабе, ни на флоте:

а) Гитлер в первые месяцы 1941 г. прекратил сознательно торговое судоходство по открытой части моря. Транспорты ходили шведскими шхерами. Наши подводные лодки не имели целей. Да и вообще о «колоссальном» значении коммуникаций

для немцев больше мы сами кричали и собирались их громить. Стратегического значения, решающего, они для Германии не имели (германское командование придерживалось иного мнения. – *Авт* .);

б) фашистский флот не собирался вторгаться в Финский залив. Наоборот, он намеревался нас в нем блокировать. Мы же выставили «историческую» минно-артиллерийскую позицию и на этой операции потеряли нос крейсера «Максим Горький» и один эсминец;

в) противник ни одну военно-морскую базу не собирался брать с моря, а брал их с тыла, где не было никаких укреплений, и флот не имел своих войск. Сухопутная оборона берегов поручена была армии, но армия в Прибалтике к этому не была готова. Укрепленные районы не были достроены. Части не развернуты. Плохо, что мы этого не предугадали;

г) десанты в тыл фашисты не собирались высаживать, и вся наша противодесантная оборона флота тоже оказалась ненужной.

Таким образом, проблема морской войны на Балтике решалась фашистами на суше. Это было совершенно новое обстоятельство. Флот остался как бы без противника на море, начав последовательно терять все свои базы, занимаемые фашистами с суши. Слова «отход» и «эвакуация» вообще не существовали ни в учебных планах академии, ни в директивах Главного морского штаба. А ведь это очень сложная операция. К ней никто никогда не готовился и расчетов не производил» [144] . К сожалению, ответ Н.Г. Кузнецова автору письма неизвестен.

Что же конкретно представляли собой базы флота в Прибалтике?

На 1 января 1941 г. по приказу командующего КБФ вице-адмирала В.Ф. Трибуца существовавшая на тот момент Либавская ВМБ включала:

– охрану водного района (ОВР) в составе 1-го дивизиона тральщиков (7 единиц), группы тральщиков в Риге (3 единицы), 5-го дивизиона сторожевых катеров (формировался в Кронштадте), отряда торпедных катеров (4 единицы), охраны рейдов Либавы и Виндавы (несколько катеров из состава бывших флотов прибалтийских республик) и двух посыльных судов;

– сектора береговой обороны – два артдивизиона (98-й стационарный и 10-й железнодорожный), шесть отдельных батарей – четыре 180-мм и шесть 152-мм орудий на железнодорожных платформах, три 152-мм и двадцать два 130-мм стационарных орудия, два бронепоезда, шесть 76-мм зенитных орудий.

– участок ПВО – два дивизиона (43-й и 84-й), две отдельных

батареи – тридцать два 76-мм орудия.

Кроме того, в оперативном подчинении у командира базы имелась 43-я отдельная морская разведывательная авиационная эскадрилья (омраэ) – 13 летающих лодок МБР-2.

Состав корабельных соединений этой и остальных баз постоянно изменялся, поэтому их целесообразно рассматривать только непосредственно на момент начала военных действий. Так, например, в Либаве к этому моменту оставались из вышепоименованных только отряд торпедных катеров (5 единиц) и охрана рейдов (4 катера). Единственный тральщик 1-го дивизиона – Т-204 «Фугас» прибыл из дозора в Ирбенском проливе только в 2 часа ночи 22 июня, в то время как остальные корабли продолжали траление в Финском заливе после советско-финляндской войны. Кроме того, в подчинение командования базы перешел 4-й дивизион пограничных катеров МО-4 (девять единиц). Состав частей береговой обороны, ПВО и ВВС не претерпел особых изменений.

Из тыловых подразделений базы можно отметить 32-й отдельный местный стрелковый батальон двухротного состава, пулеметную, прожекторную и железнодорожную роты, флотский полуэкипаж, госпиталь на 150 коек, береговую базу 1-й бригады подводных лодок (БПЛ). В Либаве находилось и училище ПВО флота (начальник – генерал-майор береговой службы И.И. Благовещенский), развернутое в апреле 1941 г. на базе курсов усовершенствования комсостава. Общая численность личного состава флотских частей, дислоцировавшихся в районе ВМБ, составляла не менее 4000 человек, а с личным составом кораблей и более. На складах базы находилось около 2,5 тыс. мин и минных защитников, 146 торпед, 41 трал, до 3 тыс. глубинных бомб, 585 тонн бензина, 10 505 тонн угля, 13,5 тыс. тонн мазута, 200 (по другим данным, 1911 тонн) соляра (63 % текущего запаса мазута и 100 % соляра КБФ).

Как же распределялись по базам основные корабельные соединения КБФ? По приказу комфлота на главную базу в Таллине должны были базироваться эскадра (два лидера и 10 эсминцев, включая проходившие испытания; при этом линкоры «Марат» и «Октябрьская Революция» находились в Кронштадте) и в полном составе Отряд легких сил (ОЛС) – легкие крейсеры «Киров» и «Максим Горький», а также девять эсминцев. Там же находилась 2-я бригада подводных лодок (БПЛ) в составе 14 вымпелов. 3-я БПЛ (расформирована в феврале 1941 г., субмарины распределены по другим бригадам) – 21 подлодка «малютка» – находилась на Ханко. Там же стояла 1-я бригада торпедных катеров. 2-я катерная бригада Кронштадской ВМБ

размещалась в поселке Пейпия в Копорском заливе недалеко от Ленинграда. На Либаву базировалась только 1-я БПЛ – 15 подлодок. Из соединений ВВС главные силы – 8-я бомбардировочная и 61-я истребительная бригады – находились на аэродромах под Ленинградом, а недавно сформированная 10-я смешанная авиабригада – в Северной Эстонии [145] .

Основные оперативные задачи на военное время Краснознаменному Балтийскому флоту были поставлены в директиве народного комиссара ВМФ адмирала Н.Г. Кузнецова от 26 февраля 1941 г. КБФ должен был: не допустить высадки морских десантов на побережье Прибалтики и на острова Хиума (Даго) и Сааремаа (Эзель); нанести поражение германскому флоту при его попытках пройти в Финский залив, не допустить проникновения кораблей противника в Рижский залив; содействовать сухопутным войскам, действующим на побережье Финского залива и на полуострове Ханко, обеспечивая их фланги и уничтожая береговую оборону противника; быть в готовности обеспечить переброску одной стрелковой дивизии с побережья Эстонии на Ханко. С началом военных действий планировались постановка оборонительных минных заграждений и создание в Финском заливе трех минно-артиллерийских позиций [146] .

Тем удивительней выглядит переразвертывание части сил флота с началом навигации 1941 г. на южные базы, в частности на Либаву, куда перешел ОЛС. Двинулись вперед и линкоры – из Кронштадта в Таллин. Зачем? В связи с этим весьма интересно проанализировать фрагмент из мемуаров Н.Г. Кузнецова, посвященный событиям начала мая 1941 г.: «Опять возник вопрос о Либаве. Как я уже писал раньше, скученность кораблей в этой базе нас беспокоила и раньше. Но теперь, в обстановке надвигающейся военной грозы, требовалось предпринимать решительные меры. Необходимо было перевести часть кораблей оттуда, но мы знали, что **И.В. Сталин смотрел на дело иначе** (выделено авт.). Решили обсудить вопрос официально на Главном военном совете ВМФ в присутствии А.А. Жданова.

Андрей Александрович приехал за полчаса до заседания. Войдя в мой кабинет, прежде всего спросил:

– Почему и кого вы собираетесь перебазировать из Либавы?

Я развернул уже приготовленную подробную карту базирования кораблей.

– Тут их как селедок в бочке. Между тем близ Риги – прекрасное место для базирования. Оттуда корабли могут выйти в любом направлении.

– Послушаем, что скажут другие, – ответил Жданов.

На совете разногласий не было. Все дружно высказались за

перебазирование отряда легких сил и бригады подводных лодок в Рижский залив. Так и решили.

– Нужно доложить товарищу Сталину, – заметил А.А. Жданов, прощаясь.

А.А. Жданов, бесспорно, помогал флоту, но в то же время в решении некоторых вопросов ограничивал наши права.

– Я ведь не обычный член Главного совета, – заметил он однажды, когда я не известил его об одном из своих решений. Этим он хотел подчеркнуть и свои контрольные функции в нашем наркомате. Выполняя эти функции, Жданов не всегда брался отстаивать нашу позицию, если она расходилась с мнением верхов. Так, он не поддержал меня, когда я возражал против посылки подводных лодок в глубь финских шхер к порту Або (речь идет о событиях советско-финляндской войны. – *Авт* .), не высказался в защиту точки зрения моряков, **когда Сталин предложил базировать линкор в Либаве** (выделено авт.).

На этот раз я, кажется, убедил Андрея Александровича в том, что корабли целесообразно перебазировать в Усть-Двинск. Жданов предложил мне написать об этом Сталину, но не захотел говорить с ним сам. А дело-то было спешное.

Я сразу же направил письмо, но ответа не получил. Так случалось нередко. Поэтому, направляясь в Кремль, я постоянно держал при себе папку с копиями наших писем. В кабинете И.В. Сталина, улучив момент, раскрывал ее: «Вот такой-то важный документ залежался. Как быть?»

Часто тут же на копии накладывались резолюции. На этот раз я напомнил о своем письме и решении Главного военного совета ВМФ о перебазировании кораблей. Сталин, правда, резолюции писать не стал, но устно дал свое согласие.

Вернувшись к себе в наркомат, я первым делом позвонил командующему Балтфлотом: действуйте, разрешение получено… Беспокоились мы и о Таллине – главной базе Балтийского флота. Расположенный в Финском заливе, Таллинский порт был плохо защищен от нападения с севера. К тому времени рейд еще не успели оборудовать хорошими бонами и сетями, а на нем ведь стояли два линкора. Посоветовавшись с начальником Главного морского штаба и командующим флотом, решили перебазировать линкоры в Кронштадт. Всего за несколько дней до войны из Таллина ушел «Марат», а второй линкор, «Октябрьская революция», перебазировался только в июле, когда уже шла война, с большим риском» [147] .

Из приведенного ясно, что сторонником перевода части сил флота в базы южной части театра был сам вождь, причем делал он это в прямом приказном порядке, не посвящая даже военных

моряков в свои замыслы. Интересно отметить и другое – пытаясь вывести корабли из базы, расположенной всего в 120 км от границы, но в то же время не решаясь перечить Сталину, Н.Г. Кузнецов предложил перевести ОЛС и 1-ю БПЛ в Усть-Двинск, что вряд ли было хорошим выбором. Дело в том, что и в Риге, и в Усть-Двинске еще только предстояло создать флотскую инфраструктуру и запасы материально-технических средств. А главное, при базировании здесь корабли попадали в ловушку, поскольку западный выход из Рижского залива – Ирбенский пролив – мог быть легко блокирован минными постановками, а северный – пролив Моонзунд (Мухувяйн) – был мелководным и не позволял пройти крейсерам. Очень скоро командованию КБФ пришлось столкнуться со всеми этими проблемами, а тогда, в конце мая, в Либаве пришлось оставить больше половины подлодок 1-й бригады (15 из 23 [148]), а также ремонтировавшийся эсминец «Ленин».

Либава – небольшой латвийский город – занял в истории российского флота особое место. В 1890–1908 гг. для базирования кораблей русского Балтийского флота в 3 км севернее города здесь под руководством военных инженеров Корсакевича и Мак-Дональда был построен «военный порт Александра III». Он состоял из обширного аванпорта, двух искусственно вырытых бассейнов, внутреннего вычерпанного землесосами канала, соединяющего аванпорт с бассейнами, и групп береговых сооружений, располагавшихся по северную сторону канала. С городом порт соединяется необычным разводящимся поворотным Воздушным мостом. В самые суровые зимы льдом покрывались лишь внутренний канал и бассейны, но своевременная прокладка ледоколом ледового канала обеспечивала бесперебойную работу порта. Между внутренними бассейнами, примыкавшими друг к другу под прямым углом, разместился судоремонтный завод «Тосмаре». Вокруг города для сухопутной обороны было выстроено кольцо фортов.

Именно в Либаве собиралась в свой поход печально известная 2-я Тихоокеанская эскадра, потерпевшая сокрушительное поражение в Цусимском морском сражении. Здесь же в 1906 г. был сформирован первый в русском флоте отряд подводного плавания. В годы Первой мировой войны Либава была маневренной базой. Учитывая ее близость к границе Германии, до которой было всего около 120 км, русские корабли и суда покинули гавань порта Александра III уже к 30 июля 1914 г. До середины 1915 г., когда войска кайзера заняли город, Либаву использовали русские и английские подводные лодки, действовавшие на немецких коммуникациях в Балтийском море.

В период существования Латвийской республики база пришла в запустение – у правительства не было ни средств, ни потребности в ее содержании. Все это обусловило большой объем работ по приведению базы в удовлетворительное состояние, и к лету 1941 г. далеко не все из них были закончены.

Сухопутную оборону баз флота и побережья должны были осуществлять войска Прибалтийского Особого военного округа. В первой половине мая штаб округа получил директиву НКО и НГШ РККА № 503920/сс/ов, которой предписывалось «с целью прикрытия отмобилизования, сосредоточения и развертывания войск ПрибОВО к 30 мая 1941 года… разработать детальный план обороны государственной границы Литовской ССР от Паланги до иск. Капчиамиестис, план противодесантной обороны побережья Балтийского моря к югу от залива Матсалу и островов Даго и Эзель». Далее в документе ставились задачи армейским объединениям. На приморском направлении в районе прикрытия № 1 переходила к обороне 27-я армия генерал-майора Н.Э. Берзарина. В соответствии с директивой в ее состав включались «67-я стрелковая дивизия; 189-я стрелковая дивизия; 3-я отдельная стрелковая бригада; береговая оборона побережья и островов Эзель и Даго; пограничные части.

Начальник района – командующий 27 армией. Штарм – Рига.

Границы слева – Мажейкай, иск. Паланга.

Задачи:

а) обороной побережья от залива Матсалу, Паланга (иск.) и островов Эзель и Даго не допустить высадки на побережье и на острова морских десантов противника. На острове Эзель особое внимание обратить на оборону залива Тагалахт;

б) береговой обороной островов Эзель и Даго во взаимодействии с КБФ, авиацией и береговой обороной Виндавского побережья и полуострова Ханко закрыть флоту противника вход в Рижский залив через проливы – Ирбенский, Соела и Суур-Вейн и выход в Финский залив;

в) оборона базы в Лиепая;

г) быть готовым оказать помощь живой силой гарнизону обороны островов Эзель и Даго» [149] .

Следует отметить, что к началу войны 27-я армия имела несколько иной состав, чем указан в документе. 189-я дивизия в ее состав так и не прибыла, зато в нее входили 22-й (180-я и 182-я стрелковые дивизии) и 24-й (181-я и 183-я стрелковые дивизии) стрелковые корпуса, которые были образованы в 1940 г. в результате переформирования войск бывших эстонской и латвийской армий. Латвийский корпус находился под Ригой, эстонский – между Тарту и Псковом. Кроме того, в районе

Таллина находилась 16-я стрелковая дивизия 65-го корпуса, которую планировалось перебросить в район Шауляя и передать в состав 8-й армии, но этого до начала войны сделать не успели из-за нехватки железнодорожных вагонов.

Поскольку 3-я особая стрелковая бригада находилась на Моонзундских островах, в первых боях на приморском направлении участие приняла только 67-я стрелковая дивизия (командир – генерал-майор Н.А. Дедаев), в которую входили 56, 114-й и 281-й стрелковые, 242-й гаубичный и 94-й легкий артиллерийские полки, 99-й противотанковый и 389-й зенитный артиллерийские дивизионы, 11-й разведывательный (имел на вооружении 16 малых плавающих танков Т-38 и 10 бронеавтомобилей БА-10), 83-й саперный, 64-й автомобильный, 36-й связи, 72-й медико-санитарный батальоны, 194-й полевой пункт связи, 56-й полевой автохлебозавод, 583-я полевая касса госбанка. Численность дивизии составляла около 7 тыс. человек. Однако 114-й стрелковый полк с одним артдивизионом базировался в районе Вентспилса, 389-й зенитный артиллерийский дивизион – в районе Риги [150] , 83-й саперный батальон находился в Паланге на строительстве оборонительных сооружений. Дивизия была переведена с территориальной на кадровую основу еще в 1938 г., первой вошла в Латвию в конце 1939 г., была достаточно хорошо вооружена, укомплектована опытным командным составом. Следует заметить, что указанное соединение по итогам боевой и политической подготовки за 1940 г. являлось лучшим в Прибалтийском Особом военном округе.

Накануне войны, в связи с возраставшей угрозой нападения немецких войск, командование дивизии и военно-морской базы провело отдельные мероприятия для повышения боевой готовности сил и средств. Приказом командующего флотом от 19 июня для военно-морской базы была установлена оперативная готовность № 2. Она предусматривала: 4-часовую готовность к выходу в море боевого ядра флота и 6-часовую готовность к вступлению в боевые действия остальному составу флота, форсирование ремонта кораблей, несение дозора у всех баз и систематическую разведку на море. Авиация флота была рассредоточена на оперативных аэродромах. С 20 июня были взяты под охрану узлы связи и введена светомаскировка, поскольку начиная со следующего дня планировалось провести учения местной противовоздушной обороны.

Тем временем 56-й стрелковый и 94-й артиллерийский полки вышли из Либавы на учения по отражению воздушных и морских десантов противника на 40-км участке от Либавы до Павилосты.

Вопреки тому, что писалось в литературе советского периода, проведенное по горячим следам политуправлением КБФ расследование боев и эвакуации Либавской ВМБ показало, что «совместные действия Л[ибавской] ВМБ с 67 сд до войны не были отработаны. Единственное, что было сделано, это 21.6.41 г. была отработана таблица взаимодействия артиллерии базы и сд по отражению десанта противника с моря. Кроме того, единое оперативное руководство в Либаве было установлено [всего] за несколько часов до военных действий. Только в 01 ч. 22.6.41 г. командир 67 сд, прибыв в штаб ЛВМБ, объявил, что база входит в его оперативное руководство». Такое подчинение было заранее предусмотрено совместным решением Генерального штаба РККА и Главного морского штаба (ГМШ), и можно только сожалеть, что оно не было осуществлено еще в мирное время [151] . Комдиву Дедаеву пришлось уже в ходе боев вникать в состав сил и средств, которыми располагала база, и принимать решение по их использованию на сухопутном направлении.

Впрочем, имелся и еще один итог столь позднего создания единого руководства обороной ВМБ: Дедаеву оказались не подчинены некоторые части, которые находились в районе Либавы, но организационно не входили ни в состав дивизии, ни в состав ВМБ. Например, многочисленные строительные подразделения армии и флота (не менее трех батальонов), а также пограничники. Охрана государственной границы возлагалась на 25-ю погранзаставу (начальник лейтенант Запорожец) 12-го погранотряда (начальник майор Якушев), штаб которого располагался в Руцаве. Личный состав погранотряда насчитывал 1190 человек. Но и этим список не исчерпывался.

Военный совет Прибалтийского Особого военного округа в феврале 1941 г. принял решение о создании 41-го (Лиепайского) укрепленного района с целью прикрытия этого важного участка со стороны госграницы. 4 июня УР был сформирован, но сведениями о том, что в нем был хотя бы один полностью построенный дот, мы не располагаем. Комендантом укрепрайона был назначен опытный военный – дивизионный комиссар С.П. Николаев, упоминаемый иногда в воспоминаниях участников обороны города как «командир с двумя ромбами на петлицах». Известно, что С.П. Николаев занимал ряд ответственных должностей в армии в середине 1930-х годов, закончил Военно-инженерную академию имени В.В. Куйбышева. Известны также имена заместителя коменданта укрепрайона по политической части полкового комиссара М.А. Васечкина и начальника артиллерии укрепрайона С.Е. Белобородова. Все они погибли в боях за город.

Другой частью являлся 148-й истребительный авиаполк 6-й смешанной авиационной дивизии ВВС 27-й армии, дислоцировавшийся на Батском аэродроме восточнее города. Полк располагал 69 истребителями И-153, из них 55 в боеготовом состоянии. Правда, к ним имелось всего 33 пилота, поскольку остальные находились на переучивании на новый истребитель МиГ-3. Если добавить к этому списку подразделения 10-й стрелковой дивизии 8-й армии, оборонявшей государственную границу от истоков р. Юра до Балтийского моря у Паланги (полоса шириной 80 км), то станет ясно, что противнику на пути к Либаве предстояло сломить сопротивление не менее чем 15–20 тыс. советских воинов. Правда, эти силы не были объединены под единым командованием, были разбросаны на значительной территории, что позволило во многих ситуациях громить их по частям.

Для наступления на Либаву германское командование выделило 291-ю пехотную дивизию (504, 505, 506-й пехотные, 291-й артиллерийский полки; генерал-лейтенант К. Херцог), непосредственно подчиненную штабу 18-й полевой армии. Дивизию усиливали морской ударный батальон (Marinestosstruppenabteilung) корветтен-капитана фон Диста и флотская специальная команда (Sonderkommando) капитан-лейтенанта Биглера, а также 530-й дивизион морской артиллерии. Немецкие танковые подразделения в боях за Либаву участия не принимали, хотя не исключено, что дивизия была усилена несколькими батареями штурмовых орудий StuG III. Не участвовал, вопреки некоторым советским мемуарам, и немецкий бронепоезд – он просто не мог двигаться по широкой советской железнодорожной колее, пока ее не перешьют на немецкий лад. Общую численность немецкой группировки тоже можно оценить в 20 тыс. человек, но в большинстве конкретных боев противник имел преимущество.

Как же прошла в Либаве ночь на 22 июня?

Начнем с выяснения того, когда именно в Либавской ВМБ была объявлена боевая готовность № 1. Командующий флотом В.Ф. Трибуц в своих мемуарах утверждал, что связался с командиром базы капитаном 1 ранга М.С. Клевенским по прямой телефонной линии в период 23.00–23.30 21 июня. «В 23 часа 37 минут 21 июня весь состав флота был готов к немедленному отражению нападения противника, о чем было доложено народному комиссару ВМФ», – утверждал бывший комфлота. Однако между разговором по телефону с командиром базы и реальным приведением ее в боевую готовность лежит огромная разница. Поставил ли Клевенский своим подчиненным задачу

отражать силой оружия всякую попытку нападения, как того требовала директива наркома ВМФ? По многочисленным свидетельствам – нет!

Вот что писал в донесении о своем первом боевом походе командир «Л-3» капитан 3 ранга П.Д. Грищенко: «22.06.41 в 04.30 был разбужен сильными взрывами бомб. Выйдя из помещения, увидел пять немецких самолетов над Либавой. Личный состав был уже на ПЛ и готов открыть огонь. На вопрос у оперативного дежурного штаба Либавской базы, можно ли нам стрелять, последний ответил: «А разве подводные лодки могут стрелять?», и, установив, что могут, дал отказ, ссылаясь на неясную обстановку. Видя такую неясность, я побежал на ПЛ и решил открыть огонь, но по пути меня встретил специалист СКС и дал прочесть шифровку командующего флотом, где он категорически приказывает прекратить разговоры о войне и заняться боевой подготовкой. Прочитав такую шифровку, я решил не стрелять и принял самолеты противника за свои, которые производят учения по плану МПВО, накануне объявленные по радио. Радиовахту на ПЛ приказал не закрывать. В 7.00 22.06.41 г. получил радио по флоту: «Война с Германией»; самолетов уже над Либавой не было. Таким образом, обстановка до 7.00 22.06.41 г. не была ясна, и все были уверены, что это учение» [152] .

Примерно в тех же выражениях вспоминает начало войны в Либаве и другой очевидец, штурман субмарины «С-9» старший лейтенант В.В. Правдюк: «Ночью мы проснулись от звуков артиллерийской стрельбы. Я успокоил жену, сказав, что это обычные учения противовоздушной обороны – готовимся к войне… В 6 часов утра, как обычно, встал, попрощался с женой и сыном и ушел, не ведая, что расстаемся не на две недели.

Выйдя на улицу, необычно пустынную, обратил внимание на дворников. С противогазами загоняют всех прохожих в подворотни (подумал, что продолжаются учения по ГО), меня, поскольку был в форме, пропустили беспрепятственно. Однако на автобусной станции, кроме меня и незнакомого мне капитана 2 ранга, других пассажиров на военный городок не оказалось, хотя обычно в это время толпа командиров и сверхсрочников штурмовала автобусы.

Лодка стояла у стенки Военной гавани с работающим на подзарядку аккумуляторных батарей дизелем. Только тут я узнал о начале войны. Каким-то образом меня не оповестили при объявлении общей тревоги, несмотря на наличие телефона на квартире (хотя при всех, довольно частых учебных тревогах меня всегда вызывали)».

Еще более непохожую на подъем по тревоге картину

приводит торпедист подлодки «Спидола» П.В. Ермолаев: «22 июня 1941 года утро было обычным. Подъем, зарядка, завтрак и корабельная работа. В 9 или в 10 часов началась пальба, в воздухе летали фашистские самолеты. Была дана и нам команда вести обстрел… Я помню, как мы обстреливали фашистские самолеты утром 22-го… Поскольку мы были разоружены, нам пришлось снаряды носить со склада. Делали мы это как-то вроде не всерьез, с шутками, как на учении, хотя обстановка и атмосфера последних дней в душе каждого заставляла к чему-то быть готовым, чувствовалось недоброе».

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что никакого централизованного объявления тревоги в базе не было. Тревога объявлялась лишь на отдельных кораблях по инициативе их командиров или дежурно-вахтенной службы, остальные же члены экипажей прибывали в части по собственной инициативе. Столь спокойное отношение к взрывам бомб и стрельбе зенитных батарей (экипаж «Спидолы» даже не поднялся раньше положенного по обычному распорядку дня!) объяснялось тем, что уже до этого в городе в течение двух дней велись учения ПВО, о чем повсеместно сообщалось в объявлениях и плакатах. Когда же личный состав собрался на кораблях, он был дезориентирован шифровкой комфлота, о которой упоминал П.Д. Грищенко. Ее наличие подтверждает и комбриг Н.П. Египко, к которому она поступила в 01.00. Жаль, что мало кто из читавших обратил внимание на подписное время шифровки – 17.00 21 июня. Получилось так, что она была отправлена раньше приказа перейти в готовность № 1, а поступила позже. Моряки же отрабатывали команды в порядке поступления…

Общая ситуация неразберихи, растерянности, а временами даже паники подтверждалась и материалами расследования политуправления КБФ: «В 04 ч. 22.6 был первый налет и бомбежка города немецкими самолетами. Вначале населением города это было принято, как учебный налет наших самолетов. Руководством же дивизии и ЛМВБ, вплоть до речи т. Молотова по радио, нападение немцев было оценено не как начало военных действий, а как провокация, хотя частям и кораблям еще до речи т. Молотова были даны указания отражать огнем и всеми имеющимися средствами самолеты противника.

Был такой казус: командир Либавского порта Синкевич, несмотря на то что немцы непрерывно бомбили город, отказывался выдавать частям и кораблям оружие, ссылаясь на то, что правительством не объявлена мобилизация и личному составу кораблей оружия по табелю не положено. Потребовался категорический приказ командования базы».

Следует сказать, что главной целью налетов вражеских бомбардировщиков являлся отнюдь не порт и стоявшие в нем корабли, а аэродром 148-го авиаполка. Еще около 4 часов утра наблюдатель 841-й зенитной батареи матрос Колотенков услышал гул самолетов, подходивших со стороны моря. Согласно инструкции Колотенков немедленно объявил по батарее боевую тревогу и доложил по телефону на КП о приближающихся самолетах. С КП дивизиона последовала команда: «Огня не открывать». Самолеты шли в направлении Батского аэродрома, откуда вскоре послышались сильные взрывы.

Капитан Герхард Бэкер (Gerhard Backer), служивший в бомбардировочной группе III./KG 1 и принимавший участие в первом налете, впоследствии вспоминал: «В 02.11 (приводится среднеевропейское летнее время, которое на час меньше московского. – *Авт*.) мы взлетели, чтобы совершить наш первый вылет на Востоке. Это была светлая ночь, и горизонт был ярок от полуночного солнца на далеком севере. Нашей целью был аэродром в Либаве. Он был занят подразделением истребителей, и так называемые «крысы» стояли, припаркованные, плотными рядами, служа нам хорошей целью светлой ночью». Обер-лейтенант М. фон Коссарт (M. von Cossart), командовавший 7-й эскадрильей этой же эскадры, свидетельствовал, что противодействие оказал единственный зенитный пулемет, установленный около взлетной полосы, но он не причинил никакого вреда.

В результате первого внезапного удара, согласно журналу боевых действий 27-й армии, было уничтожено всего четыре истребителя, ранено три красноармейца. За первой группой с небольшим интервалом последовали новые эскадрильи и звенья бомбардировщиков. Всего в течение суток немецкие самолеты появлялись в районе Либавы 15 раз, совершив 135 самолето-пролетов. Только 7-я эскадрилья вылетала бомбить Батский аэродром еще дважды. «Хотя большое количество истребителей стояло на поле, ни первый, ни третий налеты не встретили противодействия, – вспоминал фон Коссарт. – Если первый удар был, видимо, внезапным, то третий разрушил взлетную полосу и повредил самолеты. При второй атаке самолеты И-16 (на аэродроме базировались И-153. – *Авт*.) были приведены в боевую готовность только при приближении немецких бомбардировщиков. Русские взлетали и вступали в бой, но в их действиях не угадывался какой-либо строй, не было даже пар или звеньев. Каждый атаковал в одиночку, стрелял примерно с 500 м и, оканчивая стрельбу, переходил в пикирование».

Очевидцем последующих ударов по аэродрому стал замполит

6-й сад А.Г. Рытов, который сразу же после получения тревожных донесений вылетел туда из Риги. Буквально перед его взлетом офицер оперативного отдела принес последнюю шифровку из штаба ВВС округа, где в очередной раз подчеркивалось: «на провокации не поддаваться, одиночные немецкие самолеты не сбивать». Видимо, здесь, как и у моряков, свою роль сыграла плохая организация радиосвязи и слабая подготовка шифровальщиков, которые приводили к тому, что время прохождения шифрованных радиограмм нередко занимало до 8–9 часов.

«В Либаве я застал невеселую картину, – вспоминал Рытов. – Аэродром рябил воронками, некоторые самолеты еще продолжали тлеть. Над ангарами стлался дым, а языки пламени дожирали остатки склада горюче-смазочных материалов.

– Плохо дело, товарищ комиссар, – доложил майор Зайцев (командир 148 иап. – *Авт* .). – Подняли мы самолеты по тревоге, но стоял туман, и вскоре пришлось садиться. Тут-то нас и накрыли…

Сигнал воздушной тревоги прервал наш разговор. Истребители пошли на взлет.

– Идемте в щель. Сейчас будет второй налет, – сказал майор…

– Сколько же будем играть в кошки-мышки? – спросил Зайцев, когда мы вылезли из щели. – Смотрите, что они, гады, наделали, – обвел он рукой дымящееся поле аэродрома. – Нас бомбят, мы кровью умываемся, а их не тронь.

– Потерпи, Зайцев, приказа нет, – уговаривал я командира полка, хотя у самого все кипело внутри от негодования.

«Юнкерсы» начали сбрасывать фугасные и зажигательные бомбы. Нет, это не провокация, а самая настоящая война! Прав Федоров (командир 6 сад. – *Авт* .): бить фашистов надо, беспощадно бить!

К нам подошел комиссар Головачев (замполит 148 иап. – *Авт* .). Глаза его были воспалены.

– До каких пор нам руки связанными будут держать? – Он зло пнул подвернувшийся под ногу камень. – В общем, докладываю: летчики решили драться, не ожидая разрешения сверху. За последствия буду отвечать вместе с ними.

Я связался по телефону с членом Военного совета округа и доложил обстановку в Либаве, надеясь получить совет или приказ. Но он ничего вразумительного не сказал. Напомнил только об одном:

– Что будет нового – докладывайте.

Стало ясно, что в этой труднейшей и запутанной ситуации

приходится рассчитывать только на свой боевой опыт и поступать так, как подсказывает партийная совесть» [153] .

Очевидно, именно после этого эпизода пилоты по собственной инициативе отразили налет, описанный в воспоминаниях Коссарта. Лишь около 10 часов полк получил приказ о начале боевых действий и разрешении неограниченно применять оружие. В течение дня некоторые из летчиков провели по шесть воздушных боев. В этот день они доложили о двух победах – капитан Титаев и старший политрук Кудрявцев сбили по одному бомбардировщику типа «хейнкель». По немецким же данным, бомбардировочная эскадра KG 1 «Гинденбург» в первый день войны никаких потерь не понесла. В любом случае баланс оказался не в пользу советской стороны – до конца дня бомбардировкой на аэродроме было уничтожено восемь «чаек». По утверждению фон Коссарта, немецкие радисты даже перехватили передачу открытым текстом: «Нечем прикрыть с воздуха. Наш истребительный полк погиб под бомбами». Вечером по приказу командира 6-й смешанной авиационной дивизии полк перелетел в район Риги. Так как на 28 истребителей не имелось пилотов, эти машины пополнили графу «неучтенная убыль», которая вскоре стала основной в потерях материальной части советских ВВС в ходе летне-осенней кампании 1941 г. Таким образом, уже в первый день войны Либавская ВМБ осталась без прикрытия истребительной авиации с воздуха, и вся тяжесть противовоздушной обороны легла на зенитчиков. Истребительная авиация Балтийского флота, даже при всем желании, прикрыть Либаву не могла, так как ближайший флотский сухопутный аэродром Кагул находился на острове Сааремаа.

22 июня стало единственным днем обороны, когда командование ВМБ хоть как-то интересовалось действиями на морском направлении и ставило задачи подчиненным кораблям. Еще утром подлодки «М-81» и «М-83» вышли для несения ближнего дозора у базы, но этого показалось мало, и вечером Клевенский добавил к ним «Л-3» и «М-79». Остальные субмарины требовалось немедленно перевести в Виндаву и Усть-Двинск. Старшим над либавской группой подлодок 1-й БПЛ являлся командир 3-го дивизиона капитан 3 ранга А.К. Аверочкин, которому и надлежало выполнить это приказание. До вечера из порта ушли «Лембит», «Калев», «С-9», «М-77» и «М-78» (последняя утром 23 июня потоплена в районе Виндавы немецкой подлодкой «U 144». – *Авт.*), причем на «Калеве» в Виндаву ушел и сам Аверочкин. Кроме того, из базы в сопровождении всего одного пограничного катера ушел флотский танкер «Железнодорожник», на котором удалось эвакуировать часть запасов жидкого топлива.

Лишь случайно он не стал жертвой постоянно летавших в районе Либавы вражеских бомбардировщиков. Командование ожидало, что оставшиеся шесть субмарин и 18 транспортов покинут базу на следующий день, но этого не произошло.

Единственным светлым пятном стали оборонительные минные постановки, выполненные тральщиком «Фугас» (старший лейтенант В.Л. Гиллерман). В течение 22–23 июня он, несмотря на постоянные атаки с воздуха, выставил на подходах к базе шесть полей (206 мин образца 1912 г.). До конца года на его минах погибли немецкий охотник за подлодками «Uj 113» (10 июля), сторожевик «V 309» (28 октября), тральщики «M 1706» (31 октября) и «M 1707» (22 ноября), а также, возможно… советская подлодка «С-10» (капитан 3 ранга Б.К. Бакунин), которая вечером 27 июня самовольно покинула позицию в устье Данцигской бухты и пошла в Либаву. Еще до того, как на нее успели передать запрещающий приказ, в ночь на 28 июня был получен сигнал «Авария подводной лодки», который не мог исходить ни от кого, кроме «С-10». Поскольку к этому времени она уже должна была подходить к порту, а корабли и самолеты противника, по имеющимся документам, на ее потопление не претендуют, наиболее вероятной причиной гибели является подрыв на минах.

Тем временем тяжелые бои разгорелись на сухопутном направлении. В 4 часа утра передовые отряды 291-й пехотной дивизии под прикрытием огня артиллерии перешли границу и атаковали советские пограничные заставы и подразделения 10-й стрелковой дивизии.

В течение утренних часов начальник 12-го Либавского пограничного отряда принял решение сосредоточить все находившиеся на охране побережья пограничные заставы к штабам пограничных комендатур, организовать из них взводы и роты, которыми и вести бой с наступавшим противником до подхода частей Красной Армии. К 12.00 это решение было выполнено. Левофланговая 5-я пограничная комендатура к 13.30 заняла оборону на шоссе в районе местечка Руцава. Командование возглавил начальник штаба отряда майор В.А. Черников. Исходя из условий лесисто-болотистой местности, позволявшей движение в основном только по шоссе, ограниченности своих сил и учитывая умение пограничников скрытно действовать, майор Черников построил боевой порядок углом назад. Из имевшихся шести станковых пулеметов два были приданы роте, оборонявшейся в центре, на дороге, и по два – фланговым ротам. Резерв в составе взвода был расположен за боевым порядком правофланговой роты. Вперед была выслана разведка в составе отделения.

В 15.30 появилась немецкая разведка в составе 14 мотоциклистов. Их пропустили в район обороны центральной роты, где огнем из пулеметов, автоматов и винтовок всех уничтожили. В 16.20 появилась вторая разведывательная группа противника в составе 30 мотоциклистов. Эта группа повторила судьбу первой. В 16.40 разведка доложила о приближении колонны пехоты силою до батальона. Когда враг подошел на 50 метров к району обороны центральной роты, по колонне с фронта и флангов был открыт огонь из станковых и ручных пулеметов, автоматов и винтовок. Внезапность настолько ошеломила немецкие подразделения, что они даже не попытались развернуться в боевой порядок, а в панике стали отступать назад по дороге. Резервный взвод, выдвинутый к этому времени Черниковым на дорогу, встретил врага огнем. По команде майора все три роты с разных направлений атаковали ошеломленного противника и штыковым ударом завершили разгром колонны. В этом бою пограничники захватили 45 мотоциклов, 6 станковых и 12 ручных пулеметов, много автоматов и винтовок, насчитали на поле боя около 250 вражеских трупов.

В 20.30 пограничная комендатура была атакована пехотным батальоном противника, усиленным ротой бронемашин и штурмовых орудий. Пограничники связками гранат подбили два вражеских орудия, но остальные ворвались в район обороны центральной роты и почти полностью уничтожили ее. Не имея противотанковых средств борьбы, пограничная комендатура отошла с дороги в район местечка Папе, а к 22 часам в район селения Ница (17 км южнее Либавы), где соединилась с передовыми подразделениями 67-й дивизии. На следующий день остатки пограничников отошли к селению Бернати, где с 14.30 и до вечера вели тяжелый бой с превосходящими силами противника. В этом бою погибли майор В.А. Черников и почти весь личный состав пограничной комендатуры [154] .

В то время как на приморском шоссе весь день продолжались ожесточенные бои, на северо-восточном шоссе после захвата Кретинги немецкие части продвигались, вообще не встречая сопротивления. Уже к 12 часам 22 июня передовой отряд усиленного 505-го полка вошел в Скуодас, выполнив тем самым задачу дня. Вечером противник пересек литовско-латвийскую границу и утром 23 июня без боя занял железнодорожную станцию Прекуле (30 км восточнее Либавы), углубившись за 34 часа с начала войны в советскую территорию на глубину 70 км.

Генерал Дедаев не знал и половины происходившего на подступах к городу, но уже после полудня он понял, что задача дивизии состоит теперь в обороне базы не с моря, а с суши.

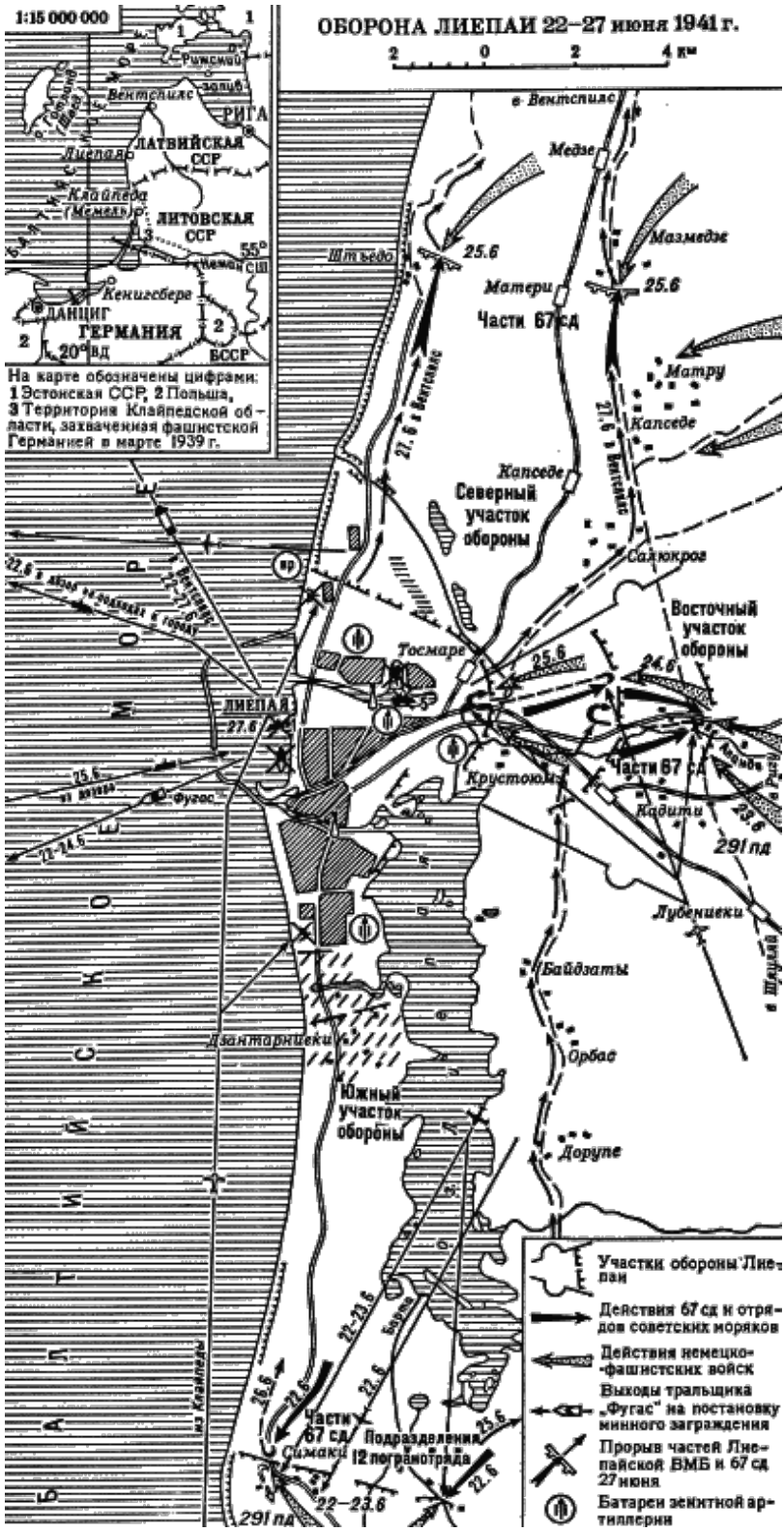
В 15.20 22 июня он доложил в штаб армии: «Части 10 сд отступают по донесению быстро. Находятся подходом Руцава; Либаву без крепкой помощи удержать трудно. Просим поддержки. Либаву обороняет строительный батальон, на Либаву сделано 13 налетов. Зенитная артиллерия не задерживает [самолеты противника]» [155] . Дело в том, что главные силы дивизии находились севернее города на учениях, и, если бы не героическое сопротивление воинов 10-й дивизии и пограничников, ситуация могла сложиться так, что Либава могла быть захвачена внезапным ударом уже к утру 23 июня, так же как и равноудаленная с ней от границы станция Прекуле. В ответ командарм Берзарин радировал: «Либаву держать, ни в коем случае не оставлять. Сил у вас достаточно. Доносите обстановку» [156] . После этого Дедаев отправил в направлении Руцавы два батальона 281-го полка: один на автомашинах, а другой эшелоном. К ним также присоединился разведбат дивизии капитана Шапошникова. Вечером они в районе Ницы вступили в соприкосновение с противником. 56-й полк (без одного батальона, оставленного для обороны побережья севернее Либавы), 3-й батальон 281-го полка и артиллерия дивизии вернулись в город, где приступили к созданию оборонительных рубежей.

В течение всего дня 23 июня на южных подступах к городу велись тяжелые оборонительные бои. Встретив упорное сопротивление в районе Ницы, противник начал обходить оборону советских частей с востока. В 12 часов его подразделения попытались форсировать р. Барта. Однако действиями 281-го стрелкового полка, поддержанного огнем гаубичного артиллерийского дивизиона, эта попытка была отбита. Тем не менее во второй половине дня батальоны полка вынуждены были под давлением превосходящих сил врага отойти к Либаве. В бою погиб командир 281-го стрелкового полка подполковник И.К. Есин. И все-таки непосредственная угроза порту на тот момент отсутствовала, поскольку на пути противника оказалось широкое Либавское озеро, а лесисто-болотистая местность вокруг него затрудняла наступление.

С этого дня защитников базы активно поддерживали 23-я и 27-я стационарные 130-мм батареи и 43-я разведэскадрилья капитана Вахтермана. Ее тихоходные гидросамолеты были превращены в бомбардировщики (могли брать на внешнюю подвеску до 400 кг бомб) и приступили к бомбардировкам войск противника, двигавшихся на Либаву с юга. Только за 23 июня летающие лодки совершили до 100 вылетов и нанесли сильные удары по колоннам врага в районе р. Барта. И лишь около 19

часов, когда передовые немецкие части находились уже в полутора километрах от аэродрома эскадрильи на озере Дурбе, командир военно-морской базы приказал ей перебазироваться в Ригу. Эвакуация проходила в спешке, и в сейфе комэска оказались оставлены секретные документы: техописания МБР-2 и авиабомб, наставления по боевой деятельности минно-торпедной и разведывательной авиации ВМФ. Сотрудники 3-го управления (военная контрразведка) собирались арестовать Вахтермана, но к тому времени, когда они узнали об утрате документов, он был уже мертв. 4 июля его летающая лодка производила рекогносцировку одного из озер близ Таллина, откуда предстояло действовать эскадрилье. Из окружающего озеро леса прогремел одиночный выстрел, которым командир эскадрильи был убит.

Утром 23 июня по приказу командующего КБФ была отправлена на восток и 18-я железнодорожная 180-мм батарея. Как писалось в расследовании, «на пути командование батареи получало ряд провокационных слухов даже от официальных лиц (некоторые начальники станций сообщали, что впереди немцами взорваны ж.д. мосты, на самом деле все они были не тронуты на всем пути следования батареи)». 24 июня батарея прибыла в Ригу, отразив в пути следования несколько налетов авиации противника.


ОБОРОНА ЛИЕПАЯ 22–27 июня 1941 г.
2 0 2 4 км
1:15 000 000
Рижский залив
Вентспилс
РИГА
ЛАТВИЙСКАЯ ССР
Лиепая
Клайпеда (Мемель)
ЛИТОВСКАЯ ССР
Неман
Кенигсберг
ДАНЦИГ
ГЕРМАНИЯ
20° вд
55° сш
БССР
На карте обозначены цифрами: 1 Эстонская ССР, 2 Польша, 3 Территория Клайпедской области, захваченная фашистской Германией в марте 1939 г.
Медзе
Мазмедзе
Штыёдо
Матери
Части 67 сд
Матру
Капседе
Северный участок обороны
Восточный участок обороны
Саякюрге
Тосмаре
ЛИЕПАЯ
Крустокюр
Кадити
291 пд
Лубенишки
Байдзаты
Орбас
Дзинтарниеки
Южный участок обороны
Дорупе
Симаки
Подразделения 12 погранотряда
Участки обороны Лиепаи
Действия 67 сд и отрядов советских моряков
Действия немецко-фашистских войск
Выходы тральщика „Фугас" на постановку минного заграждения
Прорыв частей Лиепайской ВМБ и 67 сд 27 июня
Батареи зенитной артиллерии

Тем временем 505-й немецкий полк полковника Лоймера изменил направление своего движения на 90 градусов и начал наступление на Либаву с востока. На своем пути противник вновь не обнаружил советских частей, и тогда возник дерзкий план внезапной атаки с использованием обычного железнодорожного поезда, захваченного на станции Прекуле. По-видимому, немцы собирались этим железнодорожным десантом занять мосты между городскими фортами постройки начала века и обеспечить движение через них передового отряда, двигавшегося следом на автотранспорте. На возражение машиниста, что в Лиепае красные, немецкий офицер ответил: «Они уже оставили Лиепаю, и туда можно ехать свободно. Но, смотри, за каждую ошибку получишь пулю!» – и пригрозил пистолетом. В шести вагонах поезда находилось до сотни немецких солдат – два усиленных взвода с пулеметами.

Когда поезд проходил станцию Гавиезе (она расположена в 16 км от Лиепайских укреплений), дежурный по станции И.Н. Огоньков заметил в поезде немецких солдат и по телефону срочно сообщил об этом в Либаву. Железнодорожники отреагировали молниеносно и нашли асимметричный ответ – навстречу вражескому эшелону был направлен паровоз. Инициатива принадлежала помощнику военного коменданта станции старшему лейтенанту Антонову. Немцы, находящиеся в поезде, заметили двигавшийся на них с большой скоростью паровоз, они стали подавать сигналы, а затем, остановив состав, пытались дать задний ход, но было поздно. Через 12 минут после того, как паровоз вышел со станции, произошло столкновение, локомотивы сошли с рельсов, из паропроводов со свистом вырывался пар, вагоны были сильно повреждены. Из покореженных дверей и выбитых окон вагонов выбирались перепуганные солдаты. Крушение произошло вечером 23 июня у разъезда Крустоюмс в 6,5 км от станции Лиепая и в 2 км от бывших городских укреплений. Впрочем, вражеские солдаты вскоре пришли в себя и, соединившись с передовым отрядом полка, двинулись на Либаву в пешем порядке. Вскоре они вступили в боевое соприкосновение со спешно высланной навстречу ротой 56-го стрелкового полка и отрядами морской пехоты. Их совместными усилиями возможный прорыв врага был сорван, хотя ему и удалось овладеть поселком Гробиня в 6 км от города и Батским аэродромом, где он развернул свои артиллерийские и минометные батареи, начавшие обстрел порта. Нельзя проигнорировать тот факт, что внезапное появление противника на окраине города с совершенно нового направления

вызвало у некоторых бойцов и даже командиров панику и бегство со своих позиций в тыл.

Чем же на протяжении дня 23 июня занималось командование военно-морской базы? В материалах расследования на этот вопрос давался следующий ответ: «С началом военных действий в результате нажима противника на Либаву выяснилось, что сил для обороны Либавы с суши недостаточно. Командованием базы было принято решение сформировать из частей базы морские отряды. Был сформирован ряд отрядов из береговых частей, и часть личного состава была взята с кораблей, причем проводилось это без учета сохранения боевой готовности кораблей. Всего отряд составлял до 700 человек, все это возглавлялось генерал-майором береговой службы т. Благовещенским. В обстановке, когда противник проявлял активные действия на сухопутном фронте и бездействовал со стороны моря, а в ЛВМБ такая обстановка и была, командование ЛВМБ допустило в своем руководстве крупнейшую ошибку, закончившуюся тяжелейшими последствиями. Эта ошибка заключалась в том, что командование базы было приковано к руководству на суше и совершенно забросило все боевые средства, находившиеся на море».

Вывод кораблей из базы был прекращен. К вечеру 23 июня с большим трудом удалось вывести из дока подлодки «С-1» и «С-3», причем первая из них не могла идти своим ходом, так как не был окончен ремонт дизелей, а вторая – погружаться. Так и не была устранена мелкая поломка на «малютке» «М-80», из-за которой она не могла самостоятельно пополнять запасы сжатого воздуха, необходимого для всплытия. Отчасти работы на подлодках были сорваны по причине того, что практически весь личный состав береговой базы 1-й БПЛ во главе со своим командиром интендантом 1 ранга К.П. Павловым был сведен в отряд морской пехоты и отправлен на рубеж обороны по р. Барта. Экипаж эсминца «Ленин» смог ввести в действие два из четырех котлов корабля, что обеспечивало ему 24-узловой ход. «Когда утром 23-го эсминец самостоятельно отошел от стенки и встал под прием мазута, – вспоминал военфельдшер корабля И.С. Амосов, – моряки плакали от радости». Их радость была не случайной. Тот же Амосов писал, что еще в предыдущий день, сразу после речи В.М. Молотова по радио, командир эсминца капитан-лейтенант Ю.М. Афанасьев съездил в штаб базы и вернулся с приказом «Корабль подорвать и всем на фронт!». Тогда экипаж заверил командира, что сможет ввести в строй механизмы в кратчайший срок, что и было выполнено. Эсминец принял полный запас мазута и был готов к переходу, но команды выйти в море все

никак не поступало.

Тем временем командование базы с утроенной энергией взялось за формирование отрядов морской пехоты. Руководство этим осуществляли замполит ВМБ полковой комиссар П.И. Поручиков и заместитель начальника политотдела батальонный комиссар М.И. Дьяченко. При этом Поручиков, желая подбодрить моряков, сообщал им явную дезинформацию, которая при опровержении суровой действительностью приводила лишь к еще большей панике. Так, например, он заявлял, что «на всех фронтах наши войска имеют успехи; в Германии началась революция; 2 немецких полка перешли на нашу сторону» и т. д. По его поручению 25 июня в политотделе базы для информирования бойцов была составлена сводка, излучавшая еще больший оптимизм: «… Взяты Бухарест, Варшава, наши войска от Берлина в 60 км, Хельсинки окружены». «Взбодренные» таким образом моряки шли на передовую, где сталкивались с упорно и умело атаковавшими немецкими солдатами, которых тяжело было заподозрить в революционных настроениях и желании перейти на сторону РККА. Неудивительно, что в такой ситуации многие паниковали. Невероятной казалась сама ситуация, когда к вечеру второго дня войны не мы осаждали стены передовой военно-морской базы врага в Мемеле, а противник штурмовал Либаву! Это отчасти и предопределило трагедию, разыгравшуюся в ночь на 24 июня.

Из материалов расследования политуправления КБФ: «Обстановка на фронте Либавы с 23 на 24.6 заключалась в сильном нажиме противника и некотором продвижении его на отдельных участках. В общем же в момент уничтожения указанных выше кораблей противник находился от г. Либавы в 12–15 км. Ружейной и пулеметной стрельбы в городе не было слышно. Но противник обстреливал артогнем город. В этой обстановке в ЛВМБ происходили следующие события.

Вечером 23.6.41 г. командир базы т. Клевенский приказал командиру дивизиона ТКА капитан-лейтенанту т. Осипову приготовить катера для эвакуации штаба, причем, как показывает т. Осипов, к нему затем прибежал оперативный дежурный штаба капитан Большев и сообщил: «Немцы уже в городе и режут наши семьи». Остальные командиры кораблей запрашивали штаб, что им делать. Оттуда отвечали: «Действуйте по обстановке». К этому надо добавить, по указанию со штаба базы младший командир-подрывник (фамилии сейчас никто не помнит) пришел к командирам кораблей и заявил: «Все с Либавой кончено», что он имеет указания со штаба базы взорвать минный склад и что к взрыву все подготовлено, поэтому просит все боевые средства

убрать на рейд. Что было выполнено. В 04.20 24.6 был взорван минный склад [157] .

В эту же ночь был подорван ЭМ «Ленин», причем, как показывает начальник штаба базы капитан 3 ранга т. Радкевич, в 18 ч 23.6 к нему обратился по телефону командир БЧ-2 ЭМ «Ленин» и доложил, что миноносец к подрыву готов, ему было сказано: «Все оставить так». В результате, когда к ночи 23.6 обстановка усложнилась и всем командирам со штаба отвечали: «Действуйте по обстановке», ЭМ «Ленин» был подорван, за ним подорвали все шесть указанных выше подлодок [158] и минный склад» [159] .

Как именно проходил подрыв подлодок, вспоминал торпедист подлодки «Спидола» Ермолаев: «Все [встали] по местам, оделись по-парадному… Начальство совещалось, затем развели по лодкам и начали подрывные работы, вернее подготовка… Во время подрыва кораблей подводная лодка «С-3», которой командовал капитан-лейтенант Костромичев (он не подчинился приказу), ушла с бухты в море. Он выходил из дока и делал разворот к пирсу и не стал, а ушел… Подводная лодка («С-3» было на рубке) делала переход и разворот к пирсу, послышался голос командира: «Ложись, полный вперед», и они ушли без приказа… Нам тогда всем хотелось быть на его корабле, мы завидовали им за смелость, за сохранение корабля… Мы им завидовали, считали их счастливыми, они ушли в море, а [мы], «пехота», подорвали лодки и эсминец «Ленин».

Из двух этих описаний можно сделать ряд интересных выводов. Во-первых, никакой паники среди экипажей не было – у моряков было время, чтобы переодеться в парадную форму, подготовить корабли к подрыву. Да и из-за чего было паниковать, если ни одного вражеского солдата матросы не видели, как не слышали и стрельбы из стрелкового оружия. Из документов и воспоминаний однозначно вытекает, что источником паники был сам штаб базы, откуда прибыло как минимум два человека (оперативный дежурный и подрывник), утверждавших, что с Либавой «все кончено». Есть и прямые указания на то, что Клевенский в тот момент изменил своему рефрену «Действовать по обстановке» и все-таки отдал прямой приказ на подрыв эсминца и подлодок. По крайней мере, именно это утверждал на суде Афанасьев. Клевенский же в своем отчете об обороне базы доказывал, что «командир эсминца «Ленин», приняв отходившие в беспорядке части за противника, не доложив об этом на КП и не приняв никаких мер не только к обороне, но и по выяснению истинной обстановки, взорвал миноносец «Ленин» и отдал приказ взорвать подводные лодки». Можно только удивляться тому,

сколько лжи может заключаться в одной лишь фразе! Здесь и отходящие в беспорядке части, которых на самом деле не было, и якобы отсутствие докладов на КП, и непринятие мер по отражению ударов наступающего противника, которого в действительности никто не видел, и, наконец, приказ о взрыве лодок, которые Афанасьеву не подчинялись ни в каком отношении! Должность «старшего в группе ремонтирующихся кораблей» ему придумали Клевенский и прокуратура КБФ – ведь никакой группы не было хотя бы потому, что из взорванных подлодок только «С-1» и «С-3» к началу войны числились в ремонте, а остальные – в строю. У субмарин был свой старший – командир «С-1» капитан 3 ранга И.Т. Морской, который и по званию и по опыту службы вряд ли нуждался в советах со стороны Афанасьева. И напротив, Клевенский, который сам по «происхождению» являлся подводником (в 1933–1938 гг. командовал тихоокеанскими «Щ-113» и «Л-13»), в той ситуации проявил по меньшей мере поразительное равнодушие к судьбам своих коллег.

Подрыв эсминца, подлодок и склада происходил на глазах у многих моряков других кораблей и катеров и фактически послужил сигналом к массовой эвакуации или, если угодно, стихийному бегству. Были взорваны флотский танкер «Горняк», ледокол «Силач», паровая шаланда «Тунгуска», плавучая мастерская «Хабаровск», буксир КП-4. Уничтожались объекты базы, а командиры ее подразделений (например, начальник гидроучастка инженер 3 ранга Шаталов и начальник ОХРа капитан-лейтенант Свирса) самовольно убывали в Ригу и Виндаву. Город спешно покидало и мирное население, в первую очередь семьи советских, партийных работников и военнослужащих. В 3 часа 30 минут 24 июня из города ушел последний железнодорожный эшелон. Не дождавшись указаний и считая, что раз подлодки взорвали, с минуты на минуту в порту появится противник, акваторию базы покинули катера охраны рейда, а около 5 часов утра – дивизион пограничных катеров «МО» в составе девяти вымпелов. Еще раньше, вечером 23 июня, с возникновением неразберихи из базы ушел тральщик «Фугас». Оба командира отрядов катеров, проявляя сознательность и инициативу, брали под охрану желавшие выйти в море транспорты и уводили их в Виндаву. Правда, таких оказалось только три – паровая шаланда «Амга» с русским экипажем и эстонские пароходы «Майя» и «Мееро» [160] . Экипажи остальных судов, в большинстве своем ранее принадлежавших Латвии, выходить в море не захотели, поскольку и так находились «дома». К этим же стихийно образовавшимся конвоям могли бы

присоединиться и «Ленин», и подлодки, но они к тому времени были уже бессмысленно уничтожены. Погибла к этому моменту и единственная попытавшаяся выйти в море «С-3». Утром 24 июня в районе маяка Ужава не имевшую возможность погрузиться субмарину атаковали два немецких торпедных катера и после продолжительного боя потопили. Из числа около сотни подводников, которые эвакуировались на ней из Либавы, противник смог подобрать с воды только 18 человек, остальные погибли.

«Таким образом, – подводились итоги в расследовании, – в ночь с 23 на 24 июня вследствие растерянности и паники в руководстве ЛВМБ были уничтожены без вынужденной на то обстановки все находившиеся в Либаве боевые корабли, самостоятельно распущены и ушли все обеспечивающие средства, подорван минный склад и т. д., и в базе остался только дивизион ТК в составе пяти катеров» [161] .

Царившая в руководстве базы растерянность и паника усугублялась постоянными перебоями со связью между командованием дивизии и штабом 27-й армии, а также неясностью общего положения на фронте. В свою очередь, в штабе армии тоже не до конца представляли себе обстановку, сложившуюся вокруг города. В оперсводке 27-й армии на 8 часов утра 24 июня указывалось: «1. Противник продолжает нажим на Либаву, распространяясь мелкими группами на сев[ер], сев[еро]-восток. Положение Либавы точно не установлено, но имеются непроверенные данные, что гарнизон Либавы держится…

4. 67 сд – двумя батальонами 56 сп и 281 сп ведут бои, удерживая Либаву… (данные требуют проверки, приняты меры к выяснению). 114 сп и 1/56 сп (1-й батальон 56-го стрелкового полка. – *Авт.*) обороняют побережье на участке Колкасрагс, Павилоста. Потери не установлены…

В состав дивизии включены до 600 чел[овек] из различных частей, дивизия имеет возможность их вооружить, имея 800 винтовок» [162] .

В следующей оперсводке уточнялось, что связь со штабом 67-й дивизии [163] потеряна с 0 часов и по состоянию на 15.20 все еще не восстановлена. Еще в конце предыдущих суток командарму Берзарину стало ясно, что имевшихся сил для удержания Либавы недостаточно, тем более что четыре из девяти батальонов дивизии все еще продолжали охранять побережье между Павилостой и входом в Ирбенский пролив. В условиях, когда войска и мирное население были охвачены настоящей десантоманией, снять их оттуда и перебросить к городу не было никакой возможности.

Дело в том, что на рассвете 24 июня береговые батареи в районе Ужавы и Павилосты обнаружили неизвестные транспорты с катерами, по которым незамедлительно был открыт артиллерийский огонь. После того как они отошли в море, приказом командира Прибалтийской ВМБ контр-адмирала П.А. Трайнина на разведку вылетели летающие лодки 41-й и 43-й разведэскадрилий, которые в 10.20 обнаружили миноносец и четыре транспорта в районе Ужавы и еще два транспорта в 10 милях южней. Информация о том, что враг собирается высадить крупный десант, немедленно ушла в штаб КБФ, где сразу же решили нанести по судам удар авиацией. Пока летчики готовились к вылету, выяснилось, что обнаруженные катера и суда были теми самыми «беженцами» из Либавы, которые «действуя по обстановке» покинули порт незадолго до рассвета. Поскольку штаб Либавской ВМБ не оповестил никого об их уходе и направлении движения (а скорей всего и вовсе не знал о факте их выхода), обстрел береговыми батареями был неминуем. Лишь во второй половине дня катера и суда смогли обменяться опознавательными сигналами с батареями и войти в гавань Виндавы. Это оказалось весьма своевременным, поскольку примерно спустя час в этом районе показались самолеты всех трех ударных полков ВВС КБФ – 1-го минно-торпедного (мтап), 57-го и 73-го бомбардировочных.

Не обнаружив обещанного десанта противника, 23 машины 1-го мтап (еще 21, под которыми были подвешены торпеды для низкого торпедометания, вернулись на базу) пошли на запасную цель – Мемель, где и сбросили свой бомбовой груз. Из 23 ДБ-3 и 9 СБ 57-го полка девять ДБ-3 бомбили Шилуте, такое же число Мемель, а остальные вернулись обратно. 28 СБ 73-го полка (еще 15 вернулось) не могли достигнуть Мемеля из-за ограниченной дальности полета и сбросили бомбы на две шаланды в гавани Павилоста, который к тому времени уже был занят противником. Над Мемелем противодействие нашим самолетам осуществлялось исключительно силами зенитной артиллерии, которая, при стрельбе на большие высоты, продемонстрировала свою полную неэффективность (правда, два ДБ-3 1-го мтап оказались разбиты при посадке – один при вынужденной, другой скапотировал на таллинском аэродроме). С воздуха эффект бомбардировки выглядел настолько впечатляюще, что сразу после налета командующий ВВС КБФ генерал-майор В.В. Ермаченков доложил начальнику штаба КБФ адмиралу Ю.А. Пантелееву:

«Товарищ начальник штаба! Военно-морской базы Мемель у фашистов больше нет!

– Куда же она девалась?

– Мы все там разбомбили…» [164]

Мемель, конечно же, никуда не делся, тем не менее его бомбардировка не прошла незамеченной. По немецким данным, в городе погибло 23 человека, а еще 250 лишились крыши над головой. Этот налет стал единственным крупным ударом советской авиации по объектам на немецкой территории за весь 1941 год! И все-таки сложно считать, что этот налет оказал хоть какое-то влияние на сухопутную обстановку в районе Либавы, как это пытался показать в своих мемуарах командующий флотом Трибуц.

Тем временем штаб армии предпринимал более реальные меры, чтобы оказать помощь гарнизону. Еще вечером 22 июня для борьбы с возможными авиадесантами противника южнее и юго-западнее Риги была создана группа войск в составе 28-го мотострелкового полка 28-й танковой дивизии (подполковник Шеразедишвили) и двух батальонов Рижского пехотного училища (один на автотранспорте, другой передвигался по железной дороге). Уже днем 23 июня полк получил задачу восстановить сухопутную связь с Либавой, но в 12.30, находясь на марше, подвергся удару девятки бомбардировщиков, потерял 5 машин, 10 человек убитыми и 30 ранеными. Очевидно, после этого командование полка потеряло связь с реальностью и начало дезинформировать командование армии о своем истинном местоположении и действиях. В 14.30 от него поступило донесение, что полк развернул 1,5 батальона перед Гробиня (то есть в 6 км восточнее Либавы, там, где в этот момент находился передовой отряд 505-го немецкого полка!) и вступил в бой с мелкими подразделениями врага, которые особого сопротивления не оказывают. Командование армии приказало полку решительней уничтожать противника. На самом же деле, по данным штаба Прибалтийской ВМБ, полк только в 8 часов утра 24 июня проследовал через Кулдигу, то есть находился все еще в 75 км северо-восточнее города. С кем он воевал, вообще не понятно – в немецких описаниях боев под Либавой никаких попыток деблокировать город ударами извне вообще не отмечено.

Согласно официальному описанию, «по пути эти части (к мотострелковому полку позднее присоединился и один курсантский батальон. – *Авт* .) у Скрунды и Рудбаржи столкнулись с более крупными немецкими силами. Части противника понесли большие потери и были несколько оттеснены, однако было очевидно, что прямым путем от Скрунды до Лиепаи не пробиться. С тяжелыми боями отряд 27 июня прорвался к Айзпуте, где снова вступил в бой с противником. Авангард отряда пробился до Айстере, но здесь был остановлен

превосходящими силами врага. После трехдневных безуспешных попыток прорваться к Лиепае отряду с самолета был сброшен приказ о возвращении в Ригу» [165] . Сомнительно, чтобы частям 291-й немецкой дивизии, штурмовавшим город, удалось создать не только непреодолимое внутреннее, но и внешнее кольцо окружения, тем более что ширина полосы должна была составлять не менее 40 км.

В самой Либаве к утру 24 июня ночная паника стала понемногу утихать, а командование дивизии и базы наконец-то взялось за мобилизацию всех наличных сил и реорганизацию рубежей обороны. Всю оборону разделили на три участка: северный – между берегом моря и Тосмарским озером, восточный – между Либавским и Тосмарским озерами и южный – между Либавским озером и побережьем. Оборона северного участка была возложена на 32-й отдельный местный стрелковый батальон капитана Пышкина. Его поддерживала 23-я батарея береговой обороны и прикрывала с воздуха 842-я зенитная батарея военно-морской базы. Южный участок защищал так называемый морской отряд, сформированный в основном из личного состава береговой базы 1-й БПЛ, батальон 56-го полка и остатки двух батальонов 281-го полка. Морской отряд насчитывал около 300 матросов и офицеров, в том числе 40 мичманов – выпускников Высшего военно-морского училища им. М.В. Фрунзе, прибывших накануне войны в Либаву для прохождения штурманской практики на подводных лодках. Его поддерживали 27-я батарея береговой обороны, батареи 94-го легкого артиллерийского и 242-го гаубичного полков, а с воздуха прикрывала 502-я зенитная батарея военно-морской базы. Восточный участок в дополнение к подразделениям 56-го полка занял батальон, сформированный из курсантов училища ПВО (полковник А.А. Томилов), а также отряд, сформированный на базе флотского полуэкипажа (260 человек). Комендантом участка являлся начальник училища Благовещенский. Уже утром к ним присоединился отряд морской пехоты, сформированный из экипажа эсминца «Ленин» (старший лейтенант А.И. Майский). На вооружении моряков, кроме винтовок, были автоматы ППД, полуавтоматические винтовки системы Симонова и ручные пулеметы Дегтярева. Поддерживала оборону этого участка 27-я батарея береговой обороны, а прикрытие с воздуха осуществляли 841-я и 503-я зенитные батареи военно-морской базы. В общий резерв обороны военно-морской базы и города было выделено 1000 человек, а также 100 автомашин.

Позднее в состав обороны влились новые формирования. В Либаве был создан Штаб Гражданской Обороны города во главе

с секретарем Либавского городского комитета Компартии Латвии М.Я. Букаса. На городских предприятиях были созданы рабочие отряды. Кроме них, в городе сформированы батальон городского и советского актива (командир Дундар), отряд милиции, отряд Осоавиахима, комсомольский отряд. Батальон рабочих завода «Тосмаре» под командованием А. Петерсона (450 человек) занял позиции у фортов и вдоль канала, соединяющего порт с Лиепайским озером. В районе рощи Аспазия, под укрытием фортов, вместе с пограничниками включились в оборону рабочие завода «Сарканайс металургс» (командир – Э. Муциеник, 250 человек) и отряд актива советских и партийных работников. Боевой участок от шоссе до озера занял отряд Осоавиахима и группа комсомольцев И. Судмалиса, переброшенных с южного сектора обороны. Чтобы предотвратить возможность переправы немецкого десанта через Лиепайское озеро, вдоль его берега занял оборонительные позиции отряд под командованием Зундмана [166] . Отряд имел одно орудие и успешно обстреливал немецкие позиции за озером и подготовленные врагом переправочные средства. В состав восточного сектора влились отряды, сформированные из экипажей взорванных подводных лодок, ледокола «Силач» и паровой шаланды «Тунгуска» под командованием старшего политрука Амелина.

Всю ночь на 24 июня вплоть до утра позиции восточного участка подвергались ожесточенному артиллерийскому, минометному и пулеметному обстрелу. Несмотря на это, командование обороны решило своими силами разгромить вражеские подразделения, вышедшие к городу с востока, и восстановить железнодорожную связь с Ригой, после чего всем составом базы отходить в направлении столицы Латвии. Интересно отметить, что в отличие от штаба 67-й дивизии, Клевенский имел связь со штабом КБФ и открыто докладывал о своем намерении отступить из Либавы, но командование флотом никак на это не реагировало, а параллельно пыталось получить указания из Москвы.

Пока все это осуществлялось, моряки и солдаты пошли на прорыв. Участник боев в должности командира курсантской роты капитан В.А. Орлов так вспоминал эти события: «Было решено провести разведку боем небольшим отрядом при огневой поддержке береговых батарей, с задачей – обойти немцев в районе хутора Беги с правого фланга, ворваться с тыла в их расположение, а если удастся, то и выбить противника из хутора. Выполнение этой боевой задачи возлагалось на сводный отряд в составе двух взводов 2-й и одного 1-й курсантских рот, взвода команды эсминца «Ленин» и подразделения 56-го полка 67-й

стрелковой дивизии. Кроме винтовок, автоматов и гранат, отряд имел на вооружении ручные и станковые пулеметы.

Утром 24 июня сводный отряд под командованием капитана В.А. Орлова сосредоточился в районе перекрестка Гробиньского и Виндавского шоссе и после короткой артиллерийской подготовки начал наступление вдоль Гробиньского шоссе.

Когда передовые курсантские взводы отряда приблизились к хутору, немцы открыли прицельный автоматный и пулеметный огонь, и курсантам пришлось залечь. Вскоре подошли другие подразделения, в том числе отделение станковых пулеметов. Во взводе 1-й курсантской роты находился заместитель командира батальона по политчасти полковой комиссар А.В. Горожанкин. Обнаружив, что на правом фланге наступающего отряда передовые подразделения оказались прижатыми огнем противника к земле на открытой поляне, он поднялся во весь рост и бросился вперед. Вслед за ним вскочили курсанты и под прикрытием огня подоспевших станковых пулеметов двинулись в атаку. Несмотря на сильный огонь, наши бойцы ворвались в расположение противника, и завязалась жестокая схватка. Немцы, укрывшись в домах и сараях, поливали огнем наступающих. Бой проходил с переменным успехом и длился весь день» [167] .

Только к вечеру, когда кончились боеприпасы, отряд отошел на новые позиции непосредственно у окраин города и занял оборону на линии старых фортов, опоясывавших Лиепаю. В то время пока отряд вел наступательный бой, воспользовавшись разрывом между моряками и сухопутными подразделениями, во встречном направлении в глубь нашей обороны начали просачиваться немецкие подразделения. Лишь с большим трудом удалось восстановить сплошную линию фронта. Известно, что и немцы в ходе боев понесли серьезные потери, в частности погиб командир морского ударного батальона фон Дист. На южном участке обороны противник попытался форсировать в наиболее узком месте Либавское озеро, вблизи которого занимал оборону отряд моряков интенданта 1 ранга К.П. Павлова. Попав под сильный огонь морских пехотинцев, поддержанных огнем 27-й береговой батареи, и понеся потери, враг вынужден был повернуть обратно.

Кстати говоря, обе наши 130-мм береговые батареи успешно справились с несвойственными задачами, подавив и уничтожив в течение 24–26 июня немало батарей противника в районе Гробини, на Батском аэродроме и на шкедском направлении. Следует отметить, что большинство командиров и матросов вышеперечисленных батарей прибыли в Лиепаю с Черноморского флота и были хорошо обучены артиллерийскому делу. Отлично

замаскировав позиции, артиллеристы сделали их почти неуязвимыми для самолетов неприятеля. Особенно в боях отличились командир 23-й батареи капитан С.Е. Гордейчук и его заместитель лейтенант С.А. Кормильцев.

И все-таки никакой наш огонь и атаки не помешали генерал-лейтенанту Херцогу произвести перегруппировку главных сил дивизии с южного направления на восточное, а передовым отрядам 505-го полка выти к берегу моря в районе Павилосты. Посланные вечером для установления связи два советских торпедных катера встретили там не батальон 56-го полка, который Дедаев с запозданием решил отозвать в город, а огонь немецкой пехоты. Кольцо окружения замкнулось, и в 01.30 25 июня Херцог направил в подразделения приказ с рассветом начать штурм города.

Практически в то же время командование армии и флота поставило перед защитниками базы задачу удержаться любой ценой. Сначала в 18.50 была получена шифровка от начальника штаба 27-й армии полковника Болознева: «Моторизованный полк [с] 18.00 24.6.41 г. атакует противника у Либава с востока. К вечеру к нему подходит танковый полк. Упорно держитесь» [168] . Чуть позже была получена и лаконичная телеграмма от наркома ВМФ Кузнецова: «Либаву не сдавать!» Этот приказ был немедленно доведен до личного состава всех частей, оборонявших город. Лишь после этого Дедаев и Клевенский окончательно поняли, что никакого приказа отступать не последует и им предстоит сражаться, а возможно, и умереть в городе. Были приняты дополнительные меры, повысившие устойчивость обороны, в частности, артиллерийские и зенитные батареи были подтянуты к боевым порядкам оборонявшихся частей и расположены на танкоопасных направлениях, с задачей в случае прорыва танков противника уничтожать их огнем прямой наводкой.

Ночь на 25 июня прошла тревожно. Немецкая артиллерия и минометы усиленно обстреливали наши позиции, а дальнобойная артиллерия вела огонь по Либаве. Город был охвачен пламенем. Ранним утром наступило почти полное затишье. Однако уже через 30 минут огонь возобновился с новой силой – противник начал штурм. Его главный удар был направлен вдоль Гробиньского шоссе. По воспоминаниям очевидцев, наступление началось с психической атаки. Немецкие солдаты шли во весь рост, засучив рукава и непрерывно стреляя из автоматов. Их поддерживали пулеметным огнем действовавшие в боевых порядках мотоциклы и бронемашины, а также многочисленные бомбардировщики. Атаку удалось отбить. И повторная атака

противника была отражена. Временами дело доходило до рукопашных схваток. Особенно ожесточенный бой развернулся на восточном участке обороны поздним вечером. Несмотря на значительное превосходство, врагу удалось только потеснить оборонявшихся, но прорваться в город он так и не смог. Тяжелые бои с утра до вечера шли также на северном, восточном и южном участках обороны. В этот день гарнизон понес тяжелую утрату – во время рекогносцировки был тяжело ранен и спустя несколько часов скончался от ран генерал-майор Н.А. Дедаев. В командование дивизией вступил начальник ее штаба полковник Бобович.

Противник в тот день также лишился многих солдат и офицеров, в том числе и командира морской специальной команды капитан-лейтенанта Биглера. Историограф немецкой 291-й дивизии В. Конце в своей книге по поводу боев за Либаву писал: «Последовали четыре дня упорных боев, в которых выяснилось, что русский противник – крепкий орешек и не «размягчается», как это было с французами, несмотря на меткость альпийских стрелков» [169] .

В боях этого дня приняла участие подводная лодка «М-83» (старший лейтенант П.М. Шалаев). Еще накануне она из-за неисправности перископа вернулась с дозорной позиции в порт, не представляя, в каком положении он находится. «Придя в Военную гавань, – вспоминал член экипажа субмарины Евстигнеев, – мы обнаружили, что Гидроотдел разбомблен (на самом деле здание было сожжено в ходе панических событий ночи на 24 июня. – *Авт* .) и смену перископа мы произвести не можем. А потому все сильно помогали подошедшему фронту, ведя огонь по наступающему врагу и авиации противника из орудия и пулемета». Его дополняет другой очевидец, начальник Топливного отдела тыла ЛВМБ П.В. Рощин: «[«М-83»] была поставлена к берегу в канале, немного притоплена и замаскирована кустарником. Эта лодка имела орудие 45 мм, и этой пушкой она успешно все последующие дни отгоняла немецкие самолеты, которые пытались наносить удары по окопам наших бойцов… Мои люди привели армейского офицера, который просил пропустить его к командиру этой лодки, он очень его просил, чтобы пушка этой «малютки» шрапнелью поддержала контратаку его части. И это было выполнено: эта пушчонка шрапнелью, беглым огнем заставила немцев отойти… Об этом мне стало известно, когда прибыл этот же офицер, восхищаясь тем неожиданным эффектом, который произвела эта пушка на немцев, которые считали, что сопротивление уже сломлено».

Согласно отчету БПЛ КБФ, «М-83» отстреляла за 25 июня 170

снарядов (в т. ч. 50 по воздушным целям) и еще 1600 снарядов в течение следующих суток (из них 100 по самолетам). Штурман «М-83» лейтенант Е.Т. Антипов вспоминал, что «интенсивность стрельбы была настолько высокой, что ствол пушки накалился, и моряки охлаждали его мокрыми тельняшками». С учетом того, что к 26 июня на остальных батареях снарядов почти не оставалось, это была существенная помощь.

Несмотря на это неожиданно успешное применение лодочной артиллерии, командование базы затратило немало сил на то, чтобы как можно быстрей уничтожить корабль. Участник событий торпедист «М-71» старшина 2-й статьи И.С. Грабовский утверждал, что поскольку «замену перископа в базе [произвести] было невозможно, командир лодки решился уйти в море, на что разрешения не получил. Несколько раз поступали приказания о потоплении лодки, командир их не выполнял». Несомненно, что Шалаев игнорировал приказы Клевенского потому, что днем 25 июня получил шифровку из Риги от командира 1-й БПЛ капитана 1 ранга Н.П. Египко, где ему предписывалось «по обстановке перейти в Усть-Двинск… при невозможности погружения добиться боевого обеспечения» от штаба ЛВМБ. В Либаве к тому времени еще оставалось пять торпедных катеров Осипова, но их Клевенский берег для собственной эвакуации и никуда отпускать не хотел. Не мог он и выпустить «М-83» без обеспечения – случись с ней что, с него же могли и спросить. Оставалось одно – поставить командира подлодки перед необходимостью самому взорвать свой корабль, что и случилось в ночь на 27 июня при оставлении базы…

Наступившая ночь не отличалась от предыдущей: тот же обстрел дальнобойной артиллерией города и порта, огненное зарево над ними, непрерывный обстрел советских позиций из всех видов оружия, бомбовые атаки немецких самолетов на зенитные и береговые батареи. Враг бомбил не только город и его военные объекты, но Либавский военно-морской госпиталь (военврач 2-го ранга И.И. Чинченко), где скопилось много раненых. С первых же дней войны перед медико-санитарной службой встали исключительно трудные задачи. Госпиталь имел 150 коек и мог дополнительно развернуть еще 300. К вечеру первого дня войны в госпиталь стали поступать раненые, и к ночи 24 июня все основные койки и дополнительно развернутые по мобилизационному плану были заняты. Решено было освободить прилегающие к госпиталю здания и в них разместить еще 600 коек. В последующие дни обороны число раненых настолько возросло, что и этих коек не хватило.

Стала ощущаться нехватка боеприпасов как для береговых,

так и для зенитных батарей. К этому времени иссякли боеприпасы и на складах 67-й дивизии, даже несмотря на то что командование ВМБ передало ей 25 тыс. патронов. Имелись и проблемы иного свойства. Командир ВМБ Клевенский не сумел найти общего языка с начштабом дивизии Бобовичем, и очевидцы слышали, как Клевенский в крайнем раздражении заявил по телефону: «Вы командуете своими частями, а я своими». Естественно, такие разговоры на благо обороны не шли. И все-таки на протяжении всего дня атаки противника удавалось отражать.

Постепенно к солдатам и матросам приходило истинное понимание сложившейся обстановки, вера в свои силы, уверенность в то, что противника можно бить в обороне и контратаках. Оставалось организовать снабжение базы морским транспортом, и положение могло бы окончательно стабилизироваться, по крайней мере до тех пор, пока немецкое командование не произвело бы серьезного усиления дивизии Херцога. Тем неожиданнее было приказание, переданное из штаба 27-й армии в 15.45 26 июня: «Не ожидая соединения с поддержкой, немедленным прорывом оставить Либаву, подчинив себе мотополк, батальоны Рижского училища и 114 сп, отойти на рубеж р. Лиелупе направлением Кульдига – Тукумск, организовав прочную оборону [в] полосе Рига – Юрмала – Пучас» [170] .

Что же заставило наше командование, еще пару дней назад настаивавшего на упорной обороне города, отдать этот приказ? Толчком, безусловно, стало неблагоприятное развитие ситуации на суше. В боях 22–26 июня войска Северо-Западного фронта потерпели катастрофическое поражение. Одна из двух находившихся в первом эшелоне армий – 11-я – была смята и частично рассеяна в ходе боев в Южной Литве и теперь отходила на восток, потеряв на несколько дней связь с командованием фронта. 8-я армия вместе с остатками 12-го мехкорпуса отступала на северо-восток за Западную Двину. Дело в том, что утром 26 июня передовые отряды 56-го немецкого моторизованного корпуса генерала Э. фон Манштейна захватили мосты через реку в городе Даугавпилс (Двинск), создав тем самым плацдарм для дальнейшего наступления на Ленинград и угрозу окружения главных сил фронта на западном берегу. Командование фронта поставило перед Берзариным задачу ликвидировать плацдарм. С этого момента стало окончательно ясно, что никакой эффективной помощи Либаве командование 27-й армии оказать не сможет. Наоборот, оно нуждалось в том, чтобы как можно быстрей собрать все разбросанные по Прибалтике части и восстановить оборону по Двине.

После получения приказа командование дивизии приступило к разработке плана прорыва, но командование ВМБ по поводу эвакуации не имело от своего руководства никаких указаний. Не исключено, что именно этим и был вызван конфликт между Клевенским и Бобовичем – сухопутные части собирались уйти, несмотря на то что моряки оставались на месте! Клевенский немедленно доложил о происходившем в Таллин, но оттуда ему не смогли ответить ничего вразумительного. На то, чтобы связываться с Москвой и ждать указаний от Кузнецова, уже не оставалось времени, к тому же сухопутной обстановкой тот вряд ли владел лучше, чем командующий КБФ, а связаться с командованием Северо-Западного фронта не удавалось из-за отсутствия прямой связи. И тогда комфлота Трибуц решился на по-своему уникальный «автопробег» из Таллина в Ригу, где он рассчитывал встретиться с командующим войсками фронта Ф.И. Кузнецовым и выработать какое-то совместное решение.

То, что он увидел в Риге, должно быть, оказалось хуже его самых мрачных предчувствий. В своей объяснительной записке, написанной прокурору 24 июля, он указывал следующее: «27 июня, находясь в Риге в штабе ПрибОВО, зам. командующего армией Сафронов (имеется в виду заместитель командующего войсками фронта генерал Г.П. Софронов. – *Авт* .) передал мне указания об оставлении Либавы и о начале эвакуации Риги. Сафронов сообщил, что штаб Северо-Западного фронта уже перешел на восток. Об указаниях штаба ПрибОВО мною было доложено Народному Комиссару Военно-Морского Флота около 1 часа ночи 27.06.41, – получил указание Наркома об отводе своих кораблей и отводе частей из Риги. Клевенский запрашивал меня, что делать в случае вынужденного оставления Либавы. Мною телеграммой было приказано – все, что нельзя вывести, нужно уничтожить… В 4.00 27.06.41 мною по телефону из Риги было приказано полковнику Герасимову в Виндаве (командир Виндавского сектора береговой обороны. – *Авт* .) отходить вместе с частями Красной Армии на Ригу, уничтожив всю материальную часть. Ему же было приказано передать мое решение майору Крайнему, командиру дивизиона батарей, находящегося в Ирбенском проливе, отходить на плавсредствах на Церель, о чем был предупрежден комендант БОБРа (Береговая оборона Балтийского района. – *Авт* .) Елисеев и которому было приказано оказать помощь».

Для обоих подчиненных Трибуца приказ об отходе явился громом среди ясного неба. До его получения никто и не думал об оставлении Либавы и был готов сражаться до конца, несмотря на то что у береговых батарей оставалось по 60 выстрелов. Гарнизон

не покидала надежда на подход резервов Красной Армии, которые отбросят противника и деблокируют базу. С получением же приказа об оставлении Либавы все поняли, что помощи ждать не от кого. Начался последний акт драмы.

Командир ВМБ и командование дивизии приняли и согласовали совместное решение о порядке прорыва частей и подразделений базы флота. Руководство выводом из окружения войск гарнизона принял на себя полковник В.М. Бобович. Были намечены два направления ударов: первое – по приморской дороге на север с последующим поворотом на Айзпуте и Кулдигу; второе – правее Виндавского шоссе через Айзпуте, Кикури и дальше на Кулдигу. Группировку, действующую на первом направлении, возглавил командир 56-го стрелкового полка майор Кожевников, а на втором – полковник Бобович. Для обеспечения прорыва и отвлечения противника были оставлены на позициях восточного участка курсантский батальон и рота 56-го полка.

Получив приказание об уничтожении береговых батарей, их командиры предварительно расстреляли все боеприпасы по врагу и, приведя в полную негодность орудия и приборы, направили личный состав в район сосредоточения. Артиллеристы-зенитчики прибыли в район прорыва, захватив с собой все исправные орудия и боеприпасы. Сюда же подтянулись и другие подразделения моряков, где они поступили в подчинение армейского командования. Начало прорыва назначалось на 10 часов утра 27 июня. Командование дивизии условилось с Клевенским, что он убудет на торпедном катере в Виндаву и оттуда организует помощь отходившим из Либавы частям. При этом командование дивизии почему-то не учитывало или не знало о том факте, что находившиеся в Виндаве сектор береговой обороны и 114-й стрелковый полк, в свою очередь, также получили приказ отходить на восток и никакой помощи либавскому гарнизону оказать скорей всего не смогли бы. Также морем планировалось эвакуировать раненых, которых к тому времени скопилось до тысячи человек при 200 лицах обслуживающего медперсонала. В большой спешке они были погружены на два транспорта. Одним из судов был латвийский «Виениба», название второго установить не удалось.

О дальнейшем в расследовании политуправления КБФ говорилось так: «Клевенский примерно в 4.00 27 июня сел на один из ТК с частью штабных работников, на котором был командир дивизиона ТК т. Осипов, на ходу дал приказание т. Радкевичу зайти на ТК в канал, где стояли транспорта с ранеными, и посмотреть, как там дела, поторопив их с выходом, а сам ушел в Виндаву. Это, я считаю, было второе тягчайшее

преступление т. Клевенского. В это время неизвестно кем и по какому приказанию были разбиты нефтебаки, выпущена оттуда нефть в канал и зажжена. На месте погрузки от нефти начал гореть один из транспортов, на который эвакуировали раненых, и транспорт на месте погиб. Т. Радкевич пытался зайти в канал в исполнение приказа Клевенского, но, так как по всему каналу пылала нефть, зайти он туда не смог. Принял решение оставить капитана Ковтуна с тремя ТК в Либаве, а сам ушел на ТК вслед за Клевенским в Виндаву».

По-видимому, топливо из нефтебаков было выпущено по распоряжению самого Клевенского – так он в последний момент попытался выполнить приказ Трибуца уничтожить все то, что не могло быть эвакуировано. При этом в акватории порта сгорело около 11 тыс. тонн жидкого топлива и смазочных масел. Впопыхах ничего не успели сделать с торговыми судами, остававшимися в порту. В результате противнику достались транспорты «Амата», «Аусеклис», «Дарбас», «Кайя», «Кандава», «Кулдига», «Огре», «Рауна», «Рига», «Спидола», «Велта», «Вента» и несколько буксиров, что оказалось неплохой прибавкой к немецкому торговому флоту.

Судно «Виениба» в сопровождении торпедных катеров № 17, № 27 и № 67 вышло в море около 5 часов. Примерно в 6-м часу, когда госпитальное судно уже шло курсом на север, неожиданно появились немецкие бомбардировщики. Они стали поливать пароход пулеметно-пушечным огнем, одновременно сбрасывая мелкие бомбы. Беззащитное госпитальное судно было потоплено в нескольких милях от берега. Тех, кто пытался спастись вплавь, расстреливали с бреющего полета. Спаслось лишь 15 моряков, все остальные погибли. Также затонул торпедный катер № 27.

Тем временем ушедшие первыми катера № 37 (с Клевенским на борту) и № 47 (с Радкевичем) оказались перехвачены группой немецких торпедных катеров, возвращавшихся после удачной атаки советских кораблей в Ирбенском проливе (был торпедирован и потерял носовую часть эсминец «Сторожевой»). В скоротечном бою катер № 47 получил множество попаданий и потерял ход. Видимо, командиры немецких «шнельботов» сочли его обреченным, поскольку удалились, не добив торпедный катер и не попытавшись захватить с него пленных. Первый катер вернулся и снял с ТКА № 47 экипаж. 47-й казался обреченным на скорое затопление и был оставлен в море. В связи с этим большое удивление вызывает тот факт, что днем 5 июля (т. е. через 8 суток после боя!) он был обнаружен в дрейфующем состоянии немецкими тральщиками, проводившими контрольное траление фарватера от Либавы к Виндаве. Катер был взят на буксир,

доставлен в ближайший порт и вскоре включен в состав кригсмарине под названием «Антон». Немцы использовали его в экспериментальных целях, но вскоре исключили из состава флота.

Что же касается катера с Клевенским на борту, то он вскоре прибыл к Виндаве. Обнаружив в аванпорту транспорты – а это были суда, ранее «сбежавшие» из Либавы, – капитан 1 ранга решил, что противник высаживает в городе десант, и от захода в порт отказался. Катер, огибая Курляндский полуостров, пошел в Ригу. В пути следования он неоднократно подвергался обстрелу наших же береговых батарей, в результате чего ранения получил заместитель начальника 3-го отдела (военная контрразведка) Либавской ВМБ майор Шугуров. В 12 км от Риги на катере закончился бензин. Подозвали рыбацкую шхуну, куда пересели Клевенский и все штабные работники. Они обещали прислать из Риги катер с бензином, что, конечно же, сделано не было. Оставшийся на катере командир отряда, в будущем Герой Советского Союза капитан-лейтенант Осипов, на протяжении двух суток напрасно ждал помощи, пока не договорился с другой шхуной отбуксировать катер на Моонзундские острова. Так закончилась эвакуация той части гарнизона Либавы, которая уходила морем.

В 10 часов начался прорыв сухопутных частей. Он осуществлялся двумя колоннами. Первая колонна (командир 56-го сп майор Кожевников) двигалась вдоль морского побережья. В ее состав входили: подразделения 56-го стрелкового полка, приданный ему 84-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион, личный состав 23-й батареи береговой обороны, работники порта, подразделения северного участка обороны города. В случае встречи на приморской дороге с крупными силами врага колонна должна была уклониться вправо, на Кулдигу, а затем продолжать продвижение на Вентспилс, где предполагалось организовать оборону.

Вторая колонна (командир полковник Бобович) прорывалась правее. Она состояла из защитников восточного и южного участков обороны города, дивизионов 242-го гаубичного артиллерийского полка, 43-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона и зенитного артиллерийского дивизиона 67-й стрелковой дивизии. Прикрывали прорыв и отход колонн 27-я батарея береговой обороны и одна противотанковая батарея.

Прорыв первой колонны начался после артиллерийской подготовки, длившейся 10–15 минут – ровно на столько хватило снарядов. Сразу вслед за ней войска начали движение. На первых

порах все шло благополучно: часть машин проскочила через мост и растянулась по дороге, другие сосредоточились на подступах к мосту. По признанию немцев, атакующие создали критическую ситуацию, и закрыть «окно» удалось с большим трудом. Но противник вызвал авиацию. Самолеты делали заход за заходом, бомбя и обстреливая наши войска. На дороге образовалась пробка из большого числа машин, среди которых было много санитарных с тяжелоранеными. Создалось исключительно тяжелое положение. Колонна оказалась рассеяна, майор Кожевников погиб. Часть рабочих отрядов отошла к Новой Либаве и продолжила бой. Некоторые командиры подразделений ввиду трудности прорыва на главном направлении отвернули влево и повели свои подразделения между дорогой и берегом моря, где прорываться оказалось значительно легче. Здесь в прорыве участвовали почти исключительно подразделения моряков, которыми руководил полковой комиссар Поручиков. Позднее он пропал без вести. Некоторым подразделениям отряда удалось вырваться из окружения и присоединиться к советским войскам, отходившим с боями на восток.

Второй колонне повезло еще меньше. Ровно в 10 часов по сигналу, которым служили несколько артиллерийских выстрелов, части поднялись из окопов и траншей, перемахнули через вал и двинулись в сторону немецких позиций. Подразделения, занимавшие оборону влево от железной дороги, наступали вдоль широкого песчаного кювета, который примыкал к железнодорожному полотну. Остальные наступали в полосе между железной дорогой и Гробиньским шоссе. В целях маскировки огня не вели и двигались быстрыми перебежками.

«Вначале фашисты огня не открывали, – вспоминал командир курсантской роты капитан В.А. Орлов, – но, когда наши бойцы подошли довольно близко к вражеским позициям, противник открыл массированный огонь из пулеметов и минометов, а затем стал бить прямой наводкой и из орудий. Наступавшие оказались в огневом мешке, особенно те, которые находились левее железной дороги, так как им негде было укрыться от губительного огня. Все, кто в наступательном порыве прорвался далеко и попал в огневую ловушку, погибли, но не сдались врагу… Геройски погибли отважный командир курсантского батальона полковник А.А. Томилов и командир 1-й курсантской роты капитан В.К. Шелков. К вечеру 27 июня бои на восточном участке прекратились. Выбор направления прорыва вдоль железной дороги и Гробиньского шоссе был неудачным. Несмотря на героизм и бесстрашие, прорваться здесь из кольца окружения не удалось, а потери были велики».

В бою погиб полковник Бобович. Командование принял на себя начальник оперативной части штаба дивизии майор Меденцев. В составе одной из групп прорыва был и генерал-майор береговой службы И.А. Благовещенский – начальник Военно-Морского училища ПВО. 7 июля он вместе с несколькими курсантами был задержан местным населением – членами организации айзсарг – в 60 км севернее Либавы у местечка Справа и передан немецкому командованию. Благовещенский был доставлен в Шауляй, затем этапирован в Тильзитский лагерь военнопленных. С конца июля 1941 г. он содержался в Оффлаге XIII-D в Хаммельбурге, где добровольно стал сотрудничать с немцами, став, по-видимому, первым советским генералом, перешедшим на службу к врагу. У немцев он сделал неплохую карьеру – член президиума «Комитета борьбы с большевизмом», начальник «молодежной группы» курсов пропагандистов, редактор газеты «Заря», член «Русского комитета», начальник курсов пропагандистов РОА, руководитель идеологической группы управления пропаганды «Комитета освобождения народов России». Принял присягу на верность Гитлеру, был жалован званием «генерал-майор РОА» и железным крестом «За храбрость» II класса. 3 июня 1945 г. он был арестован СМЕРШем в американской зоне Мариенбаде и 1 августа следующего года приговорен к смертной казни через повешение.

Его подчиненные проявили намного больше мужества. Не желая попасть в немецкий плен, в ночь на 28 июня они повторили попытку прорыва. Воспользовавшись тем, что главные силы немецких войск вошли в город, где увязли в уличных боях, небольшой отряд курсантов и пограничников под командованием офицера 12-го пограничного отряда и двух офицеров Военно-морского училища ПВО (капитан В.А. Орлов и политрук А.С. Татаров), преодолев малочисленные заслоны противника, вырвался из окружения по Гризупской дороге и присоединился к нашим войскам, отходившим на Кулдигу. Другая боевая группа общей численностью до 150 человек, пробираясь по лесам, в районе Тукумса столкнулась с немецкими частями, захватившими город. Советские воины решительно бросились в атаку, выбили противника из Тукумса и открыли себе путь для дальнейшего отхода. Значительная часть прорвавшихся из окружения отрядов впоследствии соединилась с советскими войсками в районах Риги и Крустпилса. Всего из окружения вышло около 2 тыс. человек. 67-я стрелковая дивизия как понесшая большие потери 19 сентября 1941 г. была расформирована.

Узнав, что советские войска пошли на прорыв, генерал-лейтенант Херцог приказал возобновить штурм города. Поскольку

централизованное руководство обороной уже отсутствовало, падение города было лишь вопросом времени. Фактически жилые кварталы защищали те войска, которые по каким-то причинам не успели выйти в районы сосредоточения для прорыва или вернулись назад, натолкнувшись на противодействие противника. Бои завязались на городском торговом канале, в парке Райниса, у обоих мостов. Для подавления тщательно замаскированных в зданиях пулеметных огневых точек немецкому командованию пришлось ввести в бой тяжелые пехотные орудия, полевые гаубицы и минометные батареи. Ожесточенное сопротивление, оказанное отрядами красноармейцев и краснофлотцев, получило соответствующее признание у врага. В своей книге «Гитлер идет на восток» П. Карель писал: «Организация обороны Лиепаи находилась на высоком уровне. Советские солдаты имели хорошую боевую подготовку и сражались с отвагой фанатиков. Русские считали чем-то само собой разумеющимся жертвовать собой во имя того, чтобы их главное командование могло выиграть время или чтобы другие могли перегруппироваться и пойти на прорыв. В сражении за Лиепаю немцы впервые столкнулись с типичным для советского командование мышлением: оно безжалостно бросало в мясорубку мелкие подразделения ради спасения более крупных. Такой подход приводил к росту потерь у немцев: так, в Лиепае погибли оба офицера, командовавшие штурмовыми морскими подразделениями. Наконец 29 июня морская крепость пала. Пехота 18-й армии записала себе в актив первую крупную победу. Однако не обошлось и без печальных уроков: в Лиепае солдаты Красной Армии впервые продемонстрировали, что при наличии у них умного, опытного командира и при условии, что неуклюжая цепочка командования успевает сработать и организовать оборону, они вполне способны удерживать сильные позиции» [171] .

Что происходит в том случае, когда «неуклюжая цепочка командования» не успевает сработать, можно рассмотреть на примерах эвакуации Виндавы и Риги. Отсутствие вражеских войск у этих пунктов не стало причиной для того, чтобы избежать паники, оставления или уничтожения имущества, которое вполне можно было спасти.

Вот как согласно спецсообщению начальника 3-го управления ВМФ бригадного комиссара Петрова происходила эвакуация из Виндавы: «27 июня в 1 час командир сектора получил приказ от командующего Прибалтийским Особым военным округом о немедленной эвакуации гор. Виндавы. В приказе не указывалось, где находятся войска противника и какое время предоставляется

для проведения эвакуации. Эвакуация из гор. Виндавы, так же как и из города Либавы, происходила исключительно неорганизованно. При эвакуации необходимо было вывезти все материальные ценности, боеприпасы и продукты питания. Все это нужно было погрузить на имеющийся водный и железнодорожный транспорт.

Эвакуация всего наличного на складах порта имущества была поручена интенданту 1 ранга Иванову. Последний настолько растерялся, что в течение 3 часов, кроме 15 ящиков сгущенного молока на 4 транспортных суднах, ничего не погрузил, и они ушли не груженными, оставив противнику в целости боеприпасы [172] , материальные ценности и продукты питания. Кроме того, в порту были оставлены в исправном состоянии транспорт «Аарне», парусно-моторные суда «Мирилинд», «Оскар» и «Мария» – они стояли за разводным мостом, который забыли развести. Неисправный немецкий транспорт «Клаус Рикмерс» (единственное немецкое судно, оказавшееся в советских портах к началу войны) был затоплен на мелком месте, что не помешало противнику поднять его и ввести в строй. С 1943 г. он участвовал в перевозках в заполярный Киркенес.

Неорганизованная эвакуация Либавы и Виндавы вызвала среди личного состава частей, дислоцировавшихся в этих городах, отрицательное настроение и недовольство. Так, например, в момент эвакуации краснофлотец Чернобай Валентин Иванович, член ВКП (б), сказал в кругу краснофлотцев: «Что же нам остается делать? Только рыбу кормить своими телами, а не воевать».

Краснофлотец Перьемев Константин Иванович, беспартийный, при посадке на транспорт сказал: «Все говорим о своей храбрости, а вот струсили принять бой с немцами около Виндавы, видимо, преимущество на их стороне».

Старшина сверхсрочной службы Борзов Иван Васильевич, член ВКП (б), заявил: «Как теперь посмотрят на нас местные жители гор. Виндавы? Ведь мы просто струсили, оставив город без боя».

Еще более скандально прошла эвакуация Риги, осуществлявшаяся все в тот же день, 27 июня. После ночных телефонных переговоров с Москвой командующий КБФ Трибуц в 02.50 прибыл на плавбазу 1-й БПЛ «Иртыш» и, пока там собирали всех приглашенных для совещания лиц, отдал приказы на оставление Либавы и Виндавы. Дальнейшее он в своей записке прокурору описывал так: «В период от 2-х до 5.00 27.06.41 мною были вызваны на ПБ «Иртыш» контр-адмирал Трайнин, капитан 2 ранга Нефедов, капитан 2 ранга Крат [173] , капитан 1 ранга

Египко, командир КР «Киров» капитан 2 ранга Сухоруков.

Т. Нефедову и т. Крат мною было приказано на имеющийся тоннаж грузить все, что может быть вывезено, и сразу же они были отпущены для выполнения указаний, им же мною было отдано приказание о затоплении ТР в Усть-Двинске и минировании подходов к Усть-Двинску. Там же мною был утвержден план вывода кораблей из Риги в Рогекюль, очередность и средства обеспечения их».

После совещания на «Иртыше» командующий убыл, предоставив подчиненным возможность, по сути, действовать так, как они посчитают нужным в этой обстановке. Дело в том, что, отдав свои указания, командующий забыл назначить ответственного командира или начальника, который отвечал бы за всю эвакуацию в целом. Отряд легких сил (им командовал бывший командующий Северным флотом вице-адмирал Дрозд) и 1-я бригада подлодок не подчинялись командованию Прибалтийской ВМБ, и все три инстанции действовали каждая по своему разумению, сильно мешая друг другу.

«Приказание об эвакуации Прибалтийская ВМ База, – оправдывался перед прокурором командир базы Трайнин, – получила около 3 часов 27 июня. До этого было получено несколько распоряжений о немедленной отправке из Риги всех торговых судов. Срок окончания эвакуации был установлен к исходу суток 27.06.

Днем 27.06 была получена телеграмма об ускорении начала эвакуации [174] . Поэтому вся работа происходила весьма спешно. Дело осложнялось тем, что крейсер «Киров», занимавший большую часть причала Минной гавани, вместо 7 утра, как предполагалось, вышел только в 17.00. Этим не только создавалась помеха погрузке, но замедлялась и подача боеприпасов из складов на стенку, так как по требованию командира ОЛС прибывший из склада состав с глубинными бомбами и минами был возвращен обратно в крепость, потому что командир корабля опасался такого соседства.

В результате транспорты под погрузку боеприпасов были поставлены только в 18–20 ч. Около 19.00 я отдал приказание отправлять транспорта по готовности в Пярну».

Здесь мы на время прервем цитирование объяснительной Трайнина и дадим высказаться другому очевидцу эвакуации. Представитель Главного политического управления ВМФ полковой комиссар Калужский в докладной записке начальнику Главпура армейскому комиссару И.В. Рогову свидетельствовал, что даже в Мильгравис, где ничто не мешало транспортам грузиться, первое судно встало под погрузку только в 14 часов.

В 19 часов поступило указание не «отправлять суда по готовности», а прекратить погрузку и немедленно эвакуировать людей. Приказание поступило от начальника штаба базы капитана 1 ранга Чугунова, который ссылался на устное указание Трайнина. Только в Мильгрависе на причалах осталось 80 тонн картофеля, 300 тонн муки, 9 тонн масла и многое другое. В порту были брошены пароходы «Молс», «Нептун», «Юрнекс», несколько шаланд, шхун и буксиров.

Но вернемся к объяснительной Трайнина: «Движение (транспортов. – *Авт* .) обеспечивалось путем разведки 41 и 43 АЭ и в наиболее опасном месте – в южном Моонзундском проходе должно было быть обеспечено латвийскими тральщиками.

Все остальные средства обеспечения – СКА, ТКА были отданы ОЛСу и 1-й БПЛ. Командир 1-й БПЛ, однако, этим не удовольствовался и самовольно приказал следовать с ним и тральщикам, лишив, таким образом, всякого обеспечения около 50 транспортов.

Вместе с тем в Риге началось восстание антисоветских элементов. К югу от города слышалась артстрельба. Связь со штабом ПрибОВО и 8-й армии и сообщение между правым и левым берегами р. З. Двина прервались. Очевидно, в связи с этим и телеграммой об ускорении эвакуации мое приказание о выпуске погруженных транспортов было понято Тылом как сигнал к окончанию эвакуации, и транспорта стали выпускаться недогруженными. Оставшуюся часть боезапаса взорвали около 21.00 27.06, так как к этому времени уже не оставалось транспортов. Остались невзорванными – артбоезапас на стенке Минной гавани и минные защитники в Мильгрависе, которые нельзя было рвать, т. к. они находились в окружении складов, охранявшихся частями КА (Красной Армии. – *Авт.*).

Охрана рейдов Риги под командой капитан-лейтенанта Оленицкого продолжала оставаться в Риге до утра 28 июня, заканчивая работы по погрузке и разрушению, а также по заграждению устья р. Зап. Двина затоплением судов. Было затоплено два парохода, стеснившие, но не окончательно заградившие проход в Двину.

Я со штабом выехал из расположения 98-го артдивизиона около 21.00 27.06 с расчетом – выяснить обстановку в штабе 8-й армии и проверить по пути ход погрузки транспортов. Посетив причалы, я увидел, что все транспорты уже ушли. Затем произошли взрывы в Усть-Двинске. Около 22.00 я выехал из Риги в Пярну для установления связи со штабом КБФ и организации прохода транспортов в Моонзунд.

В целом эвакуация Риги прошла неудовлетворительно.

Ненужную торопливость вызвала телеграмма об ускорении и без того слишком короткого срока эвакуации.

Дезорганизующую роль сыграли также самочинные действия командиров соединений (ОЛСа, 1-й БПЛ), самовольно захвативших плавучие средства и даже боевые корабли базы.

Штаб базы, крайне малочисленный, был вынужден делить свое внимание между обеспечением действий боевых кораблей (обеспечение выхода, разведка на морском и сухопутном участках театра, оказание помощи поврежденному ЭМ «Сторожевой», перебазирование авиации) и руководством эвакуацией, отдавая предпочтение первым.

Контр-адмирал Трайнин. 15.7.1941».

В заключение общего описания эвакуации следует добавить, что ожесточенные бои за Ригу продолжались до утра 1 июля. В них приняли участие и краснофлотцы оставшегося тут 98-го отдельного артдивизиона береговой обороны. Впрочем, описание их героических действий еще ждет своего историка.

Таким образом, из вышеприведенных документов очевидно, что в 1941 г. никто не воспринимал оборону Либавы и других прибалтийских баз в качестве каких-то достойных упоминания героических событий, скорей наоборот. Большое количество ошибок, паники и недостойных поступков со стороны ответственных лиц буквально переполняло флотские документы, и на это надо было как-то реагировать. Тем более, что 3 июля И.В. Сталин произнес знаменитую речь, где давались не только общие рекомендации, что нужно делать перед вынужденным оставлением объектов и территории противнику, но и выдвигались строгие требования по борьбе с паникерами. Первым козлом отпущения был назначен командир эсминца «Ленин» Афанасьев. В начале июля его в штабе КБФ в Таллине встретил командир подлодки «Л-3» Грищенко. В своих мемуарах он писал: «Выходя из кабинета начальника штаба контр-адмирала Ю.А. Пантелеева, встретил Афанасьева…

– Я узнал от одного доброжелателя, – сказал он, – что ты у начальства. Решил тебя повидать. Я ведь подследственный, нахожусь в штабе флота вторые сутки без права выхода в город. Через два часа меня снова будут допрашивать. Но верь мне: я не виновен. Так и передай однокашникам. Я выполнял приказ командира базы. Прокурор и комфлот этому не верят. Доказать не могу, приказ-то мне был дан по телефону. А теперь, после речи Сталина 3 июля, комфлот решил меня судить. На предварительном следствии командир базы, даже при очной ставке со мной, глазом не моргнув, категорически от всего отрекся. «Такого приказа, – заявил он следователю, – я не давал.

Акт уничтожения базы – это самовольство, паникерство и трусость самого Афанасьева». Словом, я оказался виновником».

15 июля «Л-3» ушла в очередной боевой поход, и в тот же день военный трибунал КБФ приговорил Афанасьева к лишению воинского звания и высшей мере наказания – расстрелу. Приговор был утвержден командующим флотом Трибуцем, что, впрочем, не помешало ему в своих мемуарах 1971 г. издания назвать поступок Афанасьева «единственно правильным» в той обстановке (Афанасьев был реабилитирован в 1956 г.; из последующих изданий мемуаров бывшего командующего КБФ эта циничная фраза была исключена. – *Авт.*).

Тем не менее расстрел капитан-лейтенанта совершенно не удовлетворил кураторов флота из НКВД. Под их прямым давлением военная прокуратура КБФ 28 июля санкционировала аресты контр-адмирала Трайнина, капитана 1 ранга Клевенского и полковника Герасимова. Правда, командование Балтфлота, очевидно опасаясь, что те смогут дать показания против него, приняло все меры, чтобы смягчить им наказание. Выездной сессией Военной Коллегии Верховного Суда СССР 12 августа 1941 г. они были осуждены без поражения в политических правах с лишением воинских званий к различным срокам заключения. Трайнин получил 10 лет исправительно-трудовых лагерей, Клевенский – 8, Герасимов – 5. 11 сентября 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР, рассмотрев ходатайство осужденных о помиловании, принял решение: «Амнистировать всех троих, восстановить в воинских званиях и направить в действующую армию». «Герой» обороны Либавы М.С. Клевенский закончил войну в должности командира Печенгской ВМБ, а в 1951 г. дослужился до звания контр-адмирала и заместителя начальника штаба Тихоокеанского флота. Он похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище вместе с Есениным и Высоцким!

В связи со всем вышеизложенным не может не возникнуть вопрос: правомерно ли в советское время Либава называлась «морским Брестом», а в 1977 г. «за мужество и стойкость трудящихся города в годы Великой Отечественной войны» была награждена орденом Октябрьской Революции? С нашей точки зрения – да. Ведь героизм защитников определяется не моральным обликом руководителей! И до, и после обороны Либавы советский солдат и матрос творил чудеса храбрости. И порою не благодаря, а вопреки своему командованию. Или, если угодно, «благодаря» тем условиям, в которые это командование их ставило. Ведь часто наши воины просто обрекались своими командирами на трагический выбор: позорный плен или массовый героизм. И то, что они в этих условиях выбирали

последнее, как раз таки и свидетельствует об их высоких морально-боевых качествах.

Глава 3 Трагедии на Синявинских высотах и в Мясном Бору

История битвы за Ленинград настолько разнообразна, масштабна и многопланова, что многие ее стороны и аспекты остаются «белыми пятнами», и до настоящего времени нет полной и ясной картины пережитого участниками этих грандиозных по трагедии и подвигу событий. В их ряду неоднократные, связанные с большими потерями, попытки советских войск прорвать блокаду города в ходе наступательных операций 1941–1942 гг. Ни одна из этих операций не достигла поставленных целей, а блокада Ленинграда была прорвана лишь в январе 1943 г. и окончательно снята год спустя. Однако все они носили бескомпромиссный характер, отличались ожесточенностью и неимоверным накалом борьбы. И не случайно до сего дня как символы мужества и скорби звучат названия: Синявино, Синявинские высоты, Московская Дубровка, «Невский пятачок», Гайтолово, Мга, Тортолово, Погостье, Мясной Бор и многие, многие другие. Эта земля насквозь пропитана кровью. Здесь нет и метра, на котором не отдал бы свою жизнь советский солдат.

В планах германского руководства Ленинграду отводилась особая роль. Оно намеревалось не только захватить город как военно-стратегический объект, важнейший политический и экономический центр СССР, но и полностью его уничтожить. Еще 8 июля 1941 г., после совещания верховного главнокомандования германских вооруженных сил, начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер отметил в своем дневнике: «Есть твердое решение фюрера сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы воспрепятствовать там остаться населению, которое мы должны будем кормить зимой. Задачу уничтожения города должна выполнить авиация. Для этого не следует использовать танки» [175] .

Через два с небольшим месяца, 16 сентября, Гитлер в беседе с немецким послом в занятом Париже Отто Аветцом высказался о судьбе города еще более определенно: «Ядовитое гнездо Петербург… должен исчезнуть с лица земли. Город уже блокирован; теперь остается только его обстреливать артиллерией и бомбить, пока водопровод, центры энергии и все, что необходимо для жизнедеятельности населения, не будет уничтожено. Азиаты и большевики должны быть изгнаны из Европы, период 250-летнего азиатства должен быть закончен» [176] .

Этим рекомендациям и следовало руководство вермахта. Так, в сентябре 1941 г. была подписана директива военно-морского штаба «О будущем города Петербурга», в которой говорилось: «Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого населенного пункта… Предложено тесно блокировать город, путем обстрела из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбежки с воздуха сровнять его с землей. Если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты. В этой войне мы не заинтересованы в сохранении даже части населения этого большого города» [177] .

Чувство собственного превосходства и ненависть ко всему советскому внушались и каждому немецкому солдату и офицеру. Так, в донесении корреспондентов «Красной Звезды» М. Шунца и А. Шипова начальнику Политического управления Ленинградского фронта сообщалось о найденных у убитых немецких военнослужащих памятках следующего содержания: «Помни, для величия и победы Германии, для твоей личной славы – ты должен убить ровно сто русских, это справедливое соотношение – один немец равен ста русским. У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание – убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик – убивай» [178] .

Как известно, с целью наступления на северо-западном направлении командованием вермахта была развернута группа армий «Север» генерал-фельдмаршала В. Лееба. Одновременно к северу от Ленинграда были сосредоточены две финские полевые армии: Карельская и Юго-Восточная. Таким образом, вражеское командование намеревалось захватить Ленинград двойным ударом: с севера – финскими войсками, с юга – силами немецкой группы армий «Север».

Уже на 19-й день войны, к 10 июля 1941 г., соединения этой группы армий продвинулись на северо-западном направлении на глубину до 450–500 км и захватили почти всю Прибалтику. Немецкие войска вторглись в пределы Ленинградской области. В то же время финская армия, перейдя в наступление на Олонецко-Ладожском перешейке, достигла побережья Ладожского озера. В течение июля-августа противник сломил сопротивление советских войск на лужском и новгородском направлениях и к концу августа вышел к Копорью, Ропше, Красногвардейску, Сиверскому.

Все это время начиная с 10 июля руководство боевыми

действиями Северного, Северо-Западного фронтов, Балтийского и Северного флотов осуществлялось Главным командованием северо-западного направления во главе с маршалом Советского Союза К.Е. Ворошиловым. Будучи лично храбрым человеком, он в то же время боялся самостоятельно принимать какие-либо решения и часто затруднял этим работу других военачальников. Между тем обстановка в районе города продолжала обостряться, и это очень беспокоило Сталина. Решив разобраться в деятельности главкома Ворошилова, он направил в Ленинград комиссию в составе В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, Н.Г. Кузнецова, А.Н. Косыгина, П.Ф. Жигарева и Н.Н. Воронова. Выданный ей мандат позволял от имени Государственного Комитета Обороны решать все вопросы обороны и эвакуации города. Комиссии предстояло определить, оставить ли Ворошилова на его месте или найти ему достойную замену.

Между тем 25 августа 39-й моторизованный корпус противника, наступавший из района Чудова, захватил Любань. Оборонявшаяся здесь 48-я армия не смогла сдержать натиска пяти немецких дивизий и отошла на Кириши и Пушкин. Через три дня противник занял Тосно. До Ленинграда оставалось чуть менее 50 км. В посланной на имя Молотова и Маленкова телеграмме Сталин не смог скрыть своего раздражения: «Если так будет продолжаться, боюсь, что Ленинград будет сдан идиотски глупо, а все ленинградские дивизии рискуют попасть в плен… Чем, собственно, занят Ворошилов и в чем выражается его помощь Ленинграду?» [179]

Утром 8 сентября части 20-й немецкой моторизованной дивизии вступили в Шлиссельбург. «Уже в 7.40 был водружен флаг на церковной колокольне и марш-броском достигнут берег Невы, – писал немецкий военный историк В. Хаупт. – Около 10.00 боевые группы 424-го пехотного полка вошли в Шлиссельбург. Ладожское озеро было достигнуто – Ленинград окружен!» [180] С выходом противника к Ладожскому озеру и верховью Невы Ленинград оказался плотно блокированным вражескими войсками. С 8 сентября сообщение с городом могло поддерживаться только через Ладожское озеро и по воздуху. Это крайне осложняло организацию обороны. Имевшиеся пути не обеспечивали подвоза необходимых материальных и технических средств как для населения города, так и для оборонявших его войск.

Ворошилов не спешил докладывать в Москву о случившемся, надеясь хоть как-то поправить положение. Однако утром следующего дня в Кремле уже знали о блокаде Ленинграда, и начальник Генерального штаба Красной Армии маршал

Шапошников направил главкому телеграмму следующего содержания: «Имеются данные, что Шлиссельбург занят 8 сентября противником. Сообщите, так ли это, так как мы не имеем данных о Вашем восточном фронте» [181] . Ворошилову пришлось сообщать все как есть. Это явилось последней каплей, переполнившей чашу терпения Сталина. В Ленинград, на имя Ворошилова и Жданова, тотчас была отправлена телеграмма: «Нас возмущает ваше поведение, выражающееся в том, что вы сообщаете нам только лишь о потере нами той или иной местности, но обычно ни слова не сообщаете о том, какие же вами приняты меры для того, чтобы перестать, наконец, терять города и станции. Так же безобразно вы сообщили о потере Шлиссельбурга. Будет ли конец потерям? Может быть, вы уже предрешили сдать Ленинград?» [182]

Вслед за этим К.Е. Ворошилов был отстранен от командования войсками в районе Ленинграда. Вечером того же дня командующий войсками Резервного фронта Г.К. Жуков, только что завершивший ликвидацию ельнинского выступа, был вызван в Кремль. После непродолжительной беседы он вышел из кремлевской квартиры Сталина с запиской, адресованной Ворошилову. В ней Верховный писал: «Передайте командование фронтом Жукову, а сами немедленно вылетайте в Москву» [183] .

В этот критический период Сталин не был уверен в возможности отстоять город. По словам самого маршала Жукова, Сталин «положение, сложившееся под Ленинградом, в тот момент оценивал как катастрофическое. Помню, он даже употребил слово «безнадежное». Он говорил, что, видимо, пройдет еще несколько дней, и Ленинград придется считать потерянным» [184] .

13 сентября по указанию Сталина Ставка ВГК направила специальную директиву новому командующему войсками Ленинградского фронта Г.К. Жукову, члену Военного совета фронта А.А. Жданову и заместителю наркома Военно-Морского флота И.С. Исакову, которой известила об утверждении ею «Плана мероприятий по уничтожению флота на случай вынужденного отхода из Ленинграда». Уничтожению подлежали «все корабли Военного флота, торговые, промысловые и технические суда». Подчеркивалось, что «уничтожение производится с максимально возможными разрушениями на возможно длительный период, то есть объекты и корабли взрываются и топятся».

В свою очередь, 16 сентября Военный совет фронта утвердил секретный «План мероприятий по организации и проведению в жизнь специальных мер по выводу из строя важнейших промышленных и иных предприятий города Ленинграда на

случай вынужденного отхода наших войск». Согласно этому плану в случае прорыва врага в город подлежали уничтожению свыше 140 важнейших предприятий и сооружений [185] .

На следующий день Военный совет Ленинградского фронта направил Военным советам 42-й и 55-й армий, которые отходили под натиском противника, приказ № 0064 с такими словами: «За оставление без письменного приказа Военного совета фронта и армии указанного рубежа все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу» [186] . В соответствии с этим приказом создавались заградительные отряды, которые задерживали покинувших оборонительные рубежи, потерявших свои части бойцов и командиров. Только за два сентябрьских дня – 18 и 19 – комендатура Ленинграда задержала около 4,5 тыс. бойцов и командиров, которые по разным причинам оказались в тылу, а не на передовой. Около 400 человек были переданы следственным органам.

Да, война жестока по своей сути. Но Сталин делал ее еще более жестокой. Жданов и Жуков, докладывая из Ленинграда о положении дел, привели факты, когда немецкие войска, атакуя позиции советских частей, гнали перед собой женщин, детей, стариков, ставя тем самым в исключительно трудное положение оборонявшихся. Дети и женщины кричали: «Не стреляйте!», «Мы – свои!», «Мы – свои!». Советские солдаты и офицеры были в замешательстве: что делать? Нетрудно представить, что могли испытывать и несчастные люди, когда в их спины упирались стволы немецких автоматов и впереди тоже могла ждать смерть. Сталин среагировал немедленно. Среагировал в духе своей натуры – предельно жестоко: «Говорят, что немецкие мерзавцы, идя на Ленинград, посылают вперед своих войск делегатов от занятых ими районов – стариков, старух, женщин и детей – с просьбой к большевикам сдать Ленинград и установить мир. Говорят, что среди ленинградских большевиков нашлись люди, которые не считают возможным применить оружие к такого рода делегатам. Я считаю, что если такие люди имеются среди большевиков, то их надо уничтожить в первую очередь, ибо они опаснее немецких фашистов.

Мой совет: не сентиментальничать, а бить врага и его пособников, вольных или невольных, по зубам. Война неумолима, и она приносит поражение в первую очередь тем, кто проявил слабость и допустил колебания. Если кто-либо в наших рядах допустит колебания, тот будет основным виновником падения Ленинграда.

Бейте вовсю по немцам и по их делегатам, кто бы они ни были, косите врагов, все равно, являются ли они вольными или

невольными врагами. Никакой пощады ни немецким мерзавцам, ни их делегатам, кто бы они ни были.

Просьба довести до сведения командиров и комиссаров дивизий и полков, а также до Военного совета Балфлота и командиров и комиссаров кораблей» [187] .

Жестокость к врагу понятна, но жестокость к своим соотечественникам – «старикам, старухам, женщинам и детям» ни понять, ни объяснить, ни тем более оправдать невозможно.

Наряду с отражением ударов противника и всемерным укреплением рубежей обороны на ближних подступах к Ленинграду командование Ленинградского фронта одну из первоочередных задач видело в прорыве еще не окрепшего блокадного кольца. Главная роль в ее решении отводилась 54-й армии под командованием маршала Советского Союза Г.И. Кулика. Армия находилась в непосредственном подчинении Ставки Верховного Главнокомандования. В этом случае решение Сталина о назначении маршала на должность командующего армией можно объяснить только важностью задачи, которая перед ней ставилась. Помимо всего прочего, Верховный Главнокомандующий, продолжая мыслить стереотипами Гражданской войны, делал ставку на свои проверенные старые кадры – Ворошилова, Тимошенко, Буденного, Кулика и надеялся, что они внесут перелом в ситуацию.

54-я армия начала формироваться под Москвой на основании директивы Ставки от 2 сентября на базе 44-го стрелкового корпуса. Кроме того, в ее состав были включены части расформированной 48-й армии, вновь отмобилизованные дивизии, состав которых пополнялся по мере продвижения к фронту. Уже 6 сентября соединения вновь формируемой армии должны были перейти в наступление с целью нанесения удара по флангу 39-го немецкого моторизованного корпуса. Понятно, что за четыре дня вывести войска на указанные рубежи и тем более организовать огневое поражение противника, взаимодействие сил и средств, всестороннее обеспечение боевых действий было невозможно.

Но маршал Кулик был вынужден придерживаться установленных директивой сроков перехода в наступление. Первой в сражение была введена 286-я стрелковая дивизия. После выгрузки из эшелонов она совершила десятикилометровый марш пешим порядком и к вечеру 9 сентября вышла на исходный рубеж – оз. Синявинское, поселок Михайловский, Сиголово, Карбусель. Необученные, необстрелянные, не знающие местности части дивизии, без артподготовки и прикрытия с воздуха, не имея ни танков, ни бронемашин, 10 сентября, утром атаковали немецкие

позиции в направлении на Мгу. Но все атаки были без труда отражены противником. На следующий день он контратаковал крупными силами пехоты при поддержке танков. Вражеские подразделения прорвались на командный пункт дивизии у деревни Поречье. В этом бою погиб комиссар дивизии Л. Данилов, который возглавил контратаку. Командир дивизии полковник Г. Соколов, собрав отступавших через лес бойцов и командиров, повел их в атаку и тоже погиб. В результате, потеряв управление в связи с гибелью командира и комиссара дивизии, ее полки оказались отброшенными на 10 км, оставив врагу деревни Вороново и Поречье. Но они сумели удержать рубеж по р. Назии. Потери за два дня боев составили более половины штатного состава соединения [188] .

Как начинались боевые действия 286-й стрелковой дивизии на внешнем кольце блокады в районе «бутылочного горла», рассказал их участник, рядовой стрелок К.Д. Григорьев: «Выгрузили нас с эшелонов на станции Назия. В сентябре это было. Политрук сказал: «Немецкие гады окружили Ленинград, надо освободить колыбель революции от вражеских оков». Пошли в атаку в полный рост со штыками наперевес. По болоту… вода выше колен, деревца стоят чахлые – не спрячешься. Немцы на высотах засели, по нам из минометов шпарят, из пулеметов поливают, а мы идем… И они пошли на нас. Идем навстречу, стреляем друг в друга. Раненые падали, даже кричать не могли. Тут же захлебывались в болотной жиже. Из нашей роты в том бою семеро в живых осталось» [189] .

На этом же участке фронта начала действовать и 310-я стрелковая дивизия. При попытке отбить деревню Поречье, любой ценой остановить продвижение противника в сторону Волхова ее 1084-й полк был окружен и с трудом пробился к своим войскам. Части дивизии понесли большие потери не столько от огня пехоты и танков противника, сколько от вражеской авиации, которая господствовала в воздухе.

Таким образом, армия, не закончив формирования, вводилась в сражение по мере прибытия на фронт новых дивизий, которые испытывали недостаток в вооружении и боеприпасах. Каждая из них действовала в отрыве от других соединений, каждая решала свою задачу. Все это приводило к неоправданным потерям, гибели командного состава, потере управления полками и батальонами, их окружению.

Не получая полной информации о ходе боевых действий в полосе 54-й армии, командующий войсками Ленинградского фронта маршал К.Е. Ворошилов 11 сентября направил маршалу Кулику гневное письмо: «Почему Вы ничего не сообщаете о

действиях и намерениях 54-й армии, ведь она должна работать в тесном взаимодействии с армиями Ленинградского фронта? Почему не посылаете сводок? Всего этого не понимаю. Так могут вести себя только зарапортовавшиеся люди» [190] .

Обстановка требовала быстрых и решительных действий 54-й армии. Противник за 6–7 дней после захвата Шлиссельбурга не мог создать прочной обороны на протяжении 20 км по рубежу Мга, Шлиссельбург. На это и рассчитывала Ставка и командование фронта, требуя от армии решительных наступательных действий. Так, Ворошилов в переговорах с Куликом просил его действовать «напористей и без замедлений. Противник, хоть весьма и нахален, все же исчерпан до крайности, и бить его не только должно, но и можно без особых усилий, если ваши и наши командиры дивизий, полков, батальонов и рот за это возьмутся под нашим руководством, он рухнет» [191] . Но командующий не спешил, ограничивался артиллерийским обстрелом вражеских позиций. Как и над другими военачальниками, над ним довлел пример бывшего командующего войсками Западного фронта, Героя Советского Союза генерала армии Дмитрия Григорьевича Павлова. Сталин приказал расстрелять Павлова за поражение возглавляемого им Западного фронта в первые недели войны, свалив на него всю вину и ответственность. Поэтому Кулик проявлял чрезмерную осторожность, всячески стремился оттянуть наступление, в своих телеграммах в Ставку ссылался на недостаток сил, низкую боеспособность вверенных ему войск, недостаток артиллерии и боеприпасов к ней.

15 сентября уже новый командующий войсками Ленинградского фронта генерал армии Г.К. Жуков в ночном телефонном разговоре с Г.И. Куликом потребовал начать наступательную операцию в ближайшие дни. Кулик не соглашался, ссылаясь на отсутствие достаточного для наступления количества войск, необходимость подтянуть артиллерию, организовать взаимодействие сил и средств непосредственно на местности, вывести все части на исходные позиции. Однако после указаний Ставки он вынужден был возобновить наступление на мгинском направлении силами трех стрелковых дивизий и одной горнострелковой бригады. Как и в предыдущие дни, успеха достичь не удалось, и 20 сентября в телефонном разговоре со Сталиным маршал Кулик прямо заявил, что «…наличными силами без ввода новых частей станции Мга не взять. За четыре дня боев у нас убыло около 10 тысяч убитыми и ранеными. Поэтому я сегодня приказал закрепиться на существующих позициях…» [192] .

Потеряв надежду на деблокирующий удар со стороны 54-й армии, Жуков решил начать операцию по прорыву блокады города, используя свои возможности. И хотя обстановка на южных подступах к Ленинграду еще не стабилизировалась и было мало сил для отражения атак врага, иного выхода у него не было. Разорвать кольцо блокады планировалось на самом узком участке – шлиссельбургско-синявинском выступе, где противник занимал десятикилометровый рубеж между Ленинградским фронтом и 54-й армией. Этот выступ получил у вражеских солдат название «фляшенхальс» – «бутылочное горло». Используя благоприятные условия местности, немецкие войска успели к этому времени создать здесь три оборонительных рубежа. Один рубеж проходил перед Ленинградским фронтом по левому берегу Невы до Шлиссельбурга и далее по южному берегу Ладожского озера. Другой тянулся с берега Ладоги от деревни Липки через рабочий поселок № 8, деревни Гайтолово и Вороново перед 54-й армией. Средний оборонительный рубеж, пролегавший через село Синявино, был приспособлен для отражения ударов как со стороны Ленинградского фронта, так и 54-й армии, а впоследствии – Волховского фронта.

По приказу Г.К. Жукова в ночь на 20 сентября в районе Московской Дубровки на левый берег Невы переправился батальон 115-й стрелковой дивизии генерал-майора В.Ф. Конькова. Командовал батальоном старший лейтенант В.П. Дубик. Противник не оказал серьезного сопротивления, и утром реку преодолело еще несколько подразделений дивизии. В середине дня немецкий пехотный полк, поддержанный танками и авиацией, предпринял контратаку. Наши бойцы ее не только отразили, но даже несколько расширили захваченный плацдарм.

С каждым днем положение на плацдарме становилось все напряженнее. Особенно жестокие бои шли за Арбузово. Десантники комбата Дубика прорвались за песчаный карьер, в рощу, но там оказались наполовину окруженными. Двое суток они вели отчаянные схватки с врагом. Комбат несколько раз подымал бойцов в атаки. В одной из них он героически погиб. Отважно сражался на пятачке и батальон капитана В.К. Менькова, который отразил сильную контратаку противника, поддержанную танками. Забросав танки бутылками с горючей смесью, бойцы вывели из строя пять вражеских машин. Когда на плацдарме ранило комбата Менькова, его заменил старший политрук Черный. За умелые действия и личную храбрость он был награжден орденом Красного Знамени. Той же награды был удостоен и капитан Меньков.

Вместе с частями 115-й дивизии форсировал Неву и батальон

4-й бригады морской пехоты генерал-майора Б.Н. Ненашева. В районе Марьино, юго-западнее Шлиссельбурга, преодолели реку отдельные подразделения 1-й дивизии НКВД полковника С.И. Донскова, которым удалось закрепиться вдоль самой кромки берега. В составе 4-й бригады морской пехоты с первых минут боя за плацдарм действовала рота юнг школы боцманов с острова Валаам. Совершив 50-километровый марш, юнги, многим из которых не исполнилось и 17 лет, с ходу форсировали Неву и с боем ворвались на левый берег. Бой продолжался несколько часов. Атакующие подразделения захватили песчаный карьер и железнодорожную насыпь. Их дальнейшее продвижение было остановлено у противотанкового рва. В результате неоднократных атак рота захватила и этот рубеж, однако лишь немногим из юнг посчастливилось остаться в живых.

22 сентября войска, действовавшие на левом берегу Невы, были объединены в Невскую оперативную группу, командование которой возглавил генерал-лейтенант П.С. Пшенников. Постепенно плацдарм удалось расширить почти до 4 км по фронту и до 700–800 метров в глубину.

Между тем со стороны Волхова к плацдарму пытались пробиться соединения 54-й армии. 21 и 23 сентября они предприняли несколько разрозненных атак на синявинском и мгинском направлениях, но вперед так и не продвинулись. В 4 часа утра 24 сентября командование армии получило из Москвы шифротелеграмму, продиктованную Б.М. Шапошниковым: «В третий раз Ставка ВГК приказывает вам принять все меры к незамедлительному занятию Синявино и соединению с ленинградскими войсками. Личная ответственность за выполнение этого возлагается на маршала Кулика. Сталин» [193] . В первой половине дня соединения армии возобновили атаки в направлениях Синявина и Мги. 310-я стрелковая дивизия при поддержке 122-й танковой бригады выбила противника из Гайтолово и вышла на рубеж р. Черной. 1-я отдельная горнострелковая бригада совместно с 16-й танковой бригадой с ходу нанесла удар по правому флангу противника в районе поселка Михайловский. Их успешные действия были использованы 286-й стрелковой дивизией. Она нанесла удар вдоль железной дороги на Мгу и вышла на рубеж р. Черная, Мышкино, Поречье, Вороново, но затем была вынуждена перейти к обороне, отражая контратаки немецких войск. В общей сложности соединения 54-й армии продвинулись на мгинском и синявинском направлениях на 6–10 км. На большее сил не хватило.

Вот что вспоминал об этих боях бывший танкист 16-й

танковой бригады Н. Черненко: «Наша рота была придана стрелковому полку, который занимал оборону на нескольких возвышенностях среди болот. Где-то впереди были деревни Тортолово и Гайтолово. Не доехав до передовой, наша рота понесла потери в живой силе и технике. Два танка были подбиты немецкой артиллерией… Немцы предприняли на нашем участке контратаку. Массированный артиллерийский и минометный огонь, постоянные бомбежки перепахали нашу высотку несколько раз. На ней не осталось ни деревца, ни кустика – вокруг один песок. Рота катастрофически таяла. Контуженный командир повел остатки роты в атаку. Немцы бросили против нас восемь танков. А у нас в бой вступил только один наш танк, остальные двигаться не могли. Мы отбили и эту атаку…

На пятый день враг отчаянно пытался сбросить нас с высоток в болото. Автоматные пули, словно горох, стучали по броне. Наш командир отправлен в медсанбат. Остались на машине мы вдвоем с механиком – сибиряком Николаем Киткиным. В середине дня вторично в наш танк угодил снаряд. На этот раз машина вспыхнула, как свечка. Меня, обгоревшего, вытащил из танка Киткин. У него самого были обожжены руки…» [194]

Несмотря на то что цель наступления достигнута не была, оно все-таки вызвало обеспокоенность у немецкого командования. 25 сентября начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковник Гальдер записал в своем дневнике: «День 24.9 был для ОКВ в высшей степени критическим. Тому причина – неудача наступления 16-й армии у Ладожского озера, где наши войска встретили серьезное контрнаступление противника, в ходе которого 8-я танковая дивизия была отброшена и сужен занимаемый нами участок на восточном берегу Невы» [195] .

Утром 26 сентября состоялся очередной разговор Г.К. Жукова со Ставкой ВГК. Информируя ее об обстановке, он докладывал:«… Группа Пшенникова, прочно закрепив за собой восточный берег Невы, ведет бой в направлении Синявино, Мга. Шлиссельбург нами окружен со стороны Ладожского озера и со стороны Марьино. Думаю к исходу дня и не позже как завтра Шлиссельбург взять. Противник из района Городок пытался сегодня переправиться на западный берег Невы. Противник рассеян. Страшно возмущен топтанием на месте правофланговой группы Кулика. Просил бы заставить его немедленно занять Рабочий поселок № 6 и со стороны поселка Эстонский нажать на Мгу».

В этот день ожесточенность борьбы достигла кульминации. Рано утром батальон 1-й дивизии НКВД форсировал Неву и

завязал бой с врагом на северной окраине Шлиссельбурга. Около полудня еще один батальон с большими потерями преодолел реку и закрепился на южной окраине города. К сожалению, неудача постигла десантные отряды моряков, высаженные с Ладоги 23 и 25 сентября восточнее Шлиссельбурга. Они вскоре были блокированы противником и почти полностью уничтожены.

Вечером 26 сентября Ставка назначила командующим 54-й армией вместо маршала Г.И. Кулика генерал-лейтенанта М.С. Хозина. После этого она была включена в состав Ленинградского фронта и усилена двумя гвардейскими стрелковыми дивизиями: 3-й генерал-майора Н.А. Гагена и 4-й генерал-майора А.И. Андреева. Противник также наращивал свои силы южнее Ладожского озера, где вслед за 8-й танковой дивизией появились части 96-й пехотной дивизии, переброшенные из-под Павловска.

Учитывая опасность дальнейшего промедления, Г.К. Жуков приказал войскам левого крыла Ленинградского фронта безотлагательно возобновить наступление. Части 1-й дивизии НКВД должны были взять Шлиссельбург. Перед соединениями 54-й армии ставилась задача «с утра 27 сентября перейти в энергичное наступление, имея целью к исходу дня соединиться с частями 115-й стрелковой дивизии и, уничтожая противника, овладеть Мгой» [196] .

Однако ни 27, ни 28, ни 29 сентября советским войскам нигде продвинуться не удалось. Слабость артиллерийской поддержки, распыление и без того ограниченных сил и средств, неумение командиров организовать бой обрекали на неудачу почти все атаки пехоты. Части и подразделения сплошь и рядом посылались на штурм вражеских опорных пунктов, огневые средства которых не были подавлены. Так, 28 сентября силами 435-го стрелкового полка начала наступление вновь прибывшая 3-я гвардейская стрелковая дивизия. Бойцам пришлось впервые столкнуться с новыми для себя условиями, когда линия фронта проходила через болота и торфяные топи. Окопы и землянки рыть было бесполезно – их сразу же заливало коричневой водой. Приходилось под огнем врага строить валы из чахлых деревьев и земли и за ними укрываться. Ни прилечь, ни согреться у огня, спать приходилось сидя на корточках.

Промокшие и голодные подразделения полка девять раз переходили в атаку и с огромными потерями овладели поселком Эстонский. Дальше пробиться не удалось. «За пять дней боев силы дивизии иссякли. И она была отведена с переднего края», – писал участник тех событий Г.А. Антипин. Огромными были потери и в других частях. Например, численность 4-й бригады морской пехоты за 11 дней боев уменьшилась с 6 до 1,5 тыс.

человек [197] .

В боевом донесении, направленном И.В. Сталину 30 сентября, Жуков вынужден был признать: «В ночь на 30 сентября попытка 1-й стрелковой дивизии НКВД переправить один батальон из крепости в Шлиссельбург успеха не имела вследствие сильного артиллерийского, минометного и пулеметного огня противника. Мною приказано лобовые атаки на Шлиссельбург прекратить и форсирование Невы перенести на участок 115-й стрелковой дивизии» [198] .

Действительно, к этому времени в полосе наступления 115-й стрелковой дивизии как будто бы наметился успех. В ночь на 28 сентября разведывательный батальон капитана Д.И. Соколова форсировал Неву восточнее Отрадного. Сбив немецкие заслоны, он закрепился в деревне Петрушино. Командование Ленинградского фронта начало спешно перебрасывать на новый плацдарм подразделения недавно сформированной 10-й отдельной стрелковой бригады полковника В.Н. Федорова, занимавшей ранее оборону в районе Автово. Из-за нехватки плавсредств их переправа продолжалась почти четверо суток. За это время противник успел укрепить свои позиции перед Петрушино, сумел стянуть к деревне значительные силы. Попытки частей бригады пробиться к Отрадному и Пелле, навстречу подразделениям 86-й стрелковой дивизии, успехом не увенчались. 3 октября противник сам перешел к активным действиям и спустя три дня ликвидировал плацдарм. В боях пали 1400 наших бойцов. Среди погибших был и командир бригады полковник В.Н. Федоров.

Боевые действия, предпринятые войсками левого крыла Ленинградского фронта в последней декаде сентября 1941 г., вошли в историю обороны города на Неве как наиболее кровопролитные и нерезультативные. Несмотря на все усилия, размеры невского плацдарма не только не увеличились, но даже уменьшились к началу октября до 2 км по фронту и до 400–500 метров в глубину. Но и противник так и не смог прорваться к Ленинграду. В дневнике убитого немецкого офицера Г. Эльмана нашли такую запись: «8 сентября 1941 года. Мы думали маршировать по улицам Ленинграда 1 августа. Черта с два. Русские все больше удивляют нас своим упорством. Бьются до последнего патрона. Невиданное, неслыханное, дьявольское упорство. Похоронные команды делают кладбище за кладбищем для наших солдат и офицеров» [199] .

Несмотря на срыв первоначальных планов, директивой от 7 октября 1941 г. верховное командование вермахта вновь подтвердило поставленную ранее задачу разрушить Ленинград и

истребить его население. Чтобы окончательно лишить город связи со страной, в середине октября немецкое командование предприняло новую попытку соединиться с финскими войсками на р. Свирь и создать второе кольцо блокады. Для этого оно пополнило группу армий «Север» новыми соединениями. Теперь она насчитывала уже 33 дивизии и 2 бригады. Для выполнения своего плана противник бросил в бой значительные силы – три корпуса. Непосредственно на соединение с финнами был двинут 39-й моторизованный корпус, получивший к этому времени пополнение. Одновременно три дивизии 1-го армейского корпуса начали наступление по обеим сторонам р. Волхов в сторону Волховстроя, а соединения 38-го армейского корпуса – в направлении Малой Вишеры.

В такой обстановке советское командование стремилось к тому, чтобы, прежде чем немецкая группировка сумеет развить наступление на Тихвин, прорвать блокаду города. 12 октября Ставка Верховного Главнокомандования направила Военному совету Ленинградского фронта телеграмму, в которой подчеркивалась необходимость скорейшего проведения наступательной операции с целью деблокады Ленинграда. По плану этой операции, утвержденному Ставкой 14 октября, предусматривалось нанести два встречных удара в общем направлении на Синявино: с востока – 54-й армией и с запада – Невской оперативной группой и 55-й армией. В плане указывалось: «Соединение осуществить при помощи одновременного удара с двух сторон в районе Синявино, Подгорное, Рабочий поселок № 6, Дубровка, 1-й Городок».

Для проведения указанной операции Военный совет фронта создал так называемую Оперативную группу восточного сектора фронта, включив в нее пять стрелковых дивизий и две танковых бригады. Ей приказывалось форсировать Неву на пятикилометровом участке Пески, Невская Дубровка и, нанося удар на Синявино, во взаимодействии с 54-й армией и Невской оперативной группой к исходу второго дня операции окружить и уничтожить шлиссельбургскую группировку противника. 54-й армии предстояло силами трех стрелковых дивизий и двух танковых бригад прорвать оборону врага на участке Рабочий поселок № 8, Тортолово и наступать на Синявино. Невская оперативная группа должна была силами одной стрелковой дивизии и одной морской бригады овладеть 1-м Городком и наступать на Синявино, обеспечивая левый фланг Оперативной группы восточного сектора фронта.

Всего к операции привлекалось 63 тыс. человек, 475 орудий всех калибров (без артиллерии усиления и орудий Балтийского

флота) и 97 танков, в том числе 59 танков КВ. Немецкие войска имели на этом участке около 35 тыс. человек и 230 орудий. Танков у них не было. Командование Ленинградского фронта сумело создать на участке прорыва 54-й армии двойное, а на участках прорыва Оперативной группы восточного сектора и Невской оперативной группы тройное превосходство в силах и средствах над противником. Казалось бы, что при незначительной глубине операции достигнутое превосходство давало советскому командованию реальные шансы для выполнения поставленной перед ним задачи.

Однако войскам фронта в этом наступлении предстояло преодолеть огромные трудности. Противник сумел в короткие сроки превратить узкую полосу, отделявшую Ленинград от страны по суше, в сильный оборонительный рубеж. Весь левый берег Невы южнее Шлиссельбурга и рубеж Липка, Вороново представлял собой сплошную полосу дерево-земляных укреплений, передний край которой был прикрыт минно-взрывными и проволочными заграждениями. Тщательно была подготовлена и система огня. Наступление советских войск на синявинском направлении, кроме того, осложнялось лесисто-болотистой местностью, большим количеством рек и озер, глубокими выемками торфяных разработок, а также необходимостью форсировать такую серьезную водную преграду, как широкая и глубокая Нева.

20 октября войска Ленинградского фронта атаковали вражеские позиции с востока и запада. В 10 часов утра, после 15-минутной огневой подготовки, перешли в наступление 169-й и 330-й стрелковые полки 86-й стрелковой дивизии. Ввиду того, что система огня противника не была подавлена, сотни его орудий и минометов сосредоточили огонь по наступавшим с трех сторон: от 8-й ГЭС, из рощи Фигурной, из леса в районе Мустолова. Потом на плацдарм налетели бомбардировщики. Построившись в круг, они один за другим пикировали, сбрасывали бомбы и снова возвращались в круг. Огромное облако черного дыма и пыли повисло над Невским пятачком.

Стрелковые подразделения дивизии, не теряя самообладания, продолжали атаковать. Короткими перебежками, укрываясь от огня, красноармейцы приблизились к немецким траншеям и, забросав их гранатами, завязали рукопашные схватки. К исходу дня части дивизии расширили плацдарм по фронту на 1 км. В последующие три дня бои еще более ожесточились. Враг подтянул резервы и оказывал сопротивление огнем и контратаками. Стрелковые полки, наступавшие на левом фланге плацдарма, достигли противотанкового рва, но дальше пройти не

смогли. Атаки велись практически без артиллерийской поддержки, так как остро не хватало боеприпасов. Артиллеристам дивизии разрешалось расходовать в течение суток не более пяти снарядов калибра 122 миллиметра, десять снарядов калибра 76 миллиметров и 25 снарядов калибра 45 миллиметров. Минометчикам – пять мин 120-мм и до пятнадцати мин 82-мм минометов [200] .

Части 265-й стрелковой дивизии полковника Я.С. Ермакова, с большими потерями переправившись на левый берег Невы, к исходу второго дня боев овладели только северными окраинами поселков Анненское и Арбузово. Поставленная перед ними задача – захватить вечером Синявино – оказалась явно непосильной. Левее безуспешно пытались продвинуться вперед подразделения 115-й стрелковой дивизии. Не увенчались успехом и несколько ночных атак, предпринятых нашими частями. Они лишь привели к большим ненужным потерям.

22 и 23 октября бои продолжались с неослабевающим ожесточением, но существенно продвинуться 265-й и 115-й стрелковым дивизиям нигде не удалось. Их боевые возможности быстро снижались. Не продвинулись ни на метр и части 86-й стрелковой дивизии, которые несли большие потери от флангового огня врага из района 1-го Городка.

Противник, быстро оценив обстановку, подтянул к району боев значительные силы пехоты и особенно артиллерии. Его войска занимали выгодные оборонительные позиции, позволявшие простреливать захваченный нашими частями плацдарм не только из орудий, но и из стрелкового оружия. В дни наиболее интенсивных обстрелов враг ежечасно выпускал по плацдарму до 1 тыс. снарядов и мин.

Военный совет фронта еще рассчитывал на успех, однако события, развернувшиеся на тихвинском направлении, заставили уменьшить масштабы операции, проводимой южнее Ладожского озера. Дело в том, что 16 октября немецкие войска перешли в наступление в общем направлении на Грузино, Будогощь, Тихвин. Через три дня оборона 52-й армии на правом берегу р. Волхов была прорвана. Между 4-й и 52-й армиями образовался многокилометровый разрыв. 23 октября противник, преодолев сопротивление левофланговых частей 4-й армии, захватил Будогощь. Создалась непосредственная угроза его прорыва к Тихвину.

Рано утром 23 октября в Ленинграде была получена телеграмма, подписанная И.В. Сталиным и продиктованная по прямому проводу заместителем начальника Генерального штаба генерал-майором А.М. Василевским. В ней, в частности,

говорилось: «Судя по вашим медлительным действиям, можно прийти к выводу, что вы все еще не осознали критического положения, в котором находятся войска Ленфронта. Если вы в течение нескольких ближайших дней не прорвете фронта и не восстановите прочной связи с 54-й армией, которая вас связывает с тылом страны, все ваши войска будут взяты в плен. Либо вы в эти два-три дня прорвете фронт и дадите возможность вашим войскам выйти на восток в случае невозможности удержать Ленинград, либо вы попадете в плен. Мы требуем от вас решительных и быстрых действий. Сосредоточьте дивизий восемь или десять и прорвитесь на восток. Это необходимо на тот случай, если Ленинград удержан и на случай сдачи Ленинграда. Для нас армия важней. Требуем от вас решительных действий» [201] . Таким образом, Сталин уже допускал сдачу Ленинграда противнику. В той обстановке главным для него было сохранить войска.

В течение 24 октября части 86-й и 265-й стрелковых дивизий предприняли несколько атак, стремясь потеснить противника и увеличить размеры плацдарма. Несмотря на все усилия, им нигде продвинуться вперед не удалось. Из-за больших потерь атаки пришлось прекратить. В 265-й дивизии осталось менее 500 человек. Полной неудачей закончились и атаки дивизий 54-й армии, предпринятые в направлении Синявина. Вечером в Ленинград поступила из Москвы телеграмма А.М. Василевского. Ставка ВГК приказывала немедленно передать 3-ю и 4-ю гвардейские стрелковые дивизии 54-й армии в 4-ю армию для прикрытия волховского и тихвинского направлений. Усиливая 4-ю армию дивизиями Ленинградского фронта, Ставка вместе с тем распорядилась продолжать активные действия на синявинском направлении с целью прорыва блокады.

Переброска сил за пределы блокадного кольца потребовала проведения перегруппировки войск внутри фронта. В состав Оперативной группы его восточного сектора в районе Невской Дубровки срочно включались четыре стрелковые дивизии 8-й армии. Туда же с ораниенбаумского плацдарма перемещалось и управление армии.

26 октября, в половине второго ночи, состоялся разговор по прямому проводу между Москвой и Ленинградом. Докладывая о принимаемых мерах, А.А. Жданов и И.И. Федюнинский, который был назначен командующим войсками Ленинградского фронта после убытия в Москву Г.К. Жукова, сообщали: «На восточном берегу Невы при поддержке почти всей тяжелой артиллерии фронта и авиации ведут бой три дивизии – 86, 115-я и 265-я. Сегодня ночью переправляется еще одна дивизия. Наибольшие

трудности связаны с переправой войск и, особенно, артиллерии. Танки КВ до сих пор не смогли переправить. Принимаем все меры для переправы артиллерии и танков и развития наступления для прорыва на восток» [202] .

После короткой паузы боевые действия возобновились. Для проведения операции командование подключило дополнительные силы Ленинградского фронта, прежде всего соединения 8-й и 55-й армий. Их совместные действия должны были компенсировать перенос основных усилий 54-й армии на волховское направление. Выполняя указания Ставки, Военный совет фронта создал в составе 55-й армии ударную группу. Она должна была форсировать р. Тосна и, овладев Ивановским и Отрадным, наступать в направлении Мги на соединение с частями 8-й и 54-й армий. К сожалению, свежих дивизий ударная группа не получила. Зато ее постарались максимально усилить средними и легкими танками, собранными во всех частях фронта. 3 ноября соединения 55-й армии начали атаки, стремясь прорвать оборону противника на Тосне. Почти все они оказались безрезультатными. За три дня кровопролитных боев противника удалось незначительно потеснить лишь на некоторых участках. Ворвавшиеся в поселок Усть-Тосно подразделения продвинуться дальше так и не смогли.

Одновременно возобновились бои на левом берегу Невы в районе Арбузово и Московской Дубровки. Переброшенные на плацдарм части 20-й стрелковой дивизии НКВД полковника А.П. Иванова и 168-й стрелковой дивизии полковника А.Л. Бондарева с первых часов ввязались в изнурительные бои с немецкими подразделениями. За весь день 4 ноября подразделения 260-го и 402-го стрелковых полков 168-й стрелковой дивизии смогли овладеть только первыми траншеями противника. К исходу третьего дня атаки наших бойцов буквально захлебнулись в собственной крови.

В ночь на 5 ноября на Невский пятачок был переброшен 486-й стрелковый полк 177-й стрелковой дивизии. Вот что увидели здесь прибывшие подразделения: «На пятачке страшная картина опустошения предстала перед нами. Шквалом вражеского огня были снесены все постройки Московской Дубровки, уничтожена вся растительность, перепахана земля. Клочок выжженной земли, сплошь покрытой осколками разорвавшегося металла, представлял собою лабиринт окопов и траншей, в котором легко было заблудиться. Многими участками траншей и ходов сообщения давно никто не пользовался: они осыпались от разрывов мин и снарядов, стали очень мелкими. Таким мы увидели плацдарм, который служил исходным рубежом наших

активных действий» [203] .

В то же утро без всякой артиллерийской подготовки полк, выйдя на исходные рубежи, атаковал противника. После скоротечного боя в траншеях и ходах сообщений уцелевшие немецкие солдаты бежали в сторону леса восточнее деревни Арбузово и к песчаному карьеру. Полк продвинулся вперед по центру плацдарма почти на километр и подошел к 1-му Городку. Немецкое командование подтянуло резервы. Одна за другой начались контратаки. По плацдарму вело огонь не менее ста орудий и минометов, в том числе несколько реактивных. Атаки полка силами роты или батальона проводились почти непрерывно. Особенно тяжелые бои велись за овладение вражескими узлами обороны в районе 8-й ГЭС. «В непрерывных, почти круглосуточных боях личный состав подразделений очень устал. Отдыхать было некогда. Спали мало, урывками, питались на ходу. А с правого берега требовали – активность и еще раз активность! Беспокоить, отвлекать, истреблять гитлеровцев, иначе – все наши жертвы теряют смысл», – вспоминал об этих боях один из ветеранов полка.

6 ноября все действовавшие в этом районе войска, в том числе Невской оперативной группы, были включены в состав 8-й армии, перед которой ставилась задача прорыва немецкой обороны на левом берегу Невы. Армия усиливалась стрелковыми подразделениями, артиллерией и танками.

8 ноября в 5 часов утра состоялся разговор по прямому проводу Сталина с Ждановым и генерал-лейтенантом Хозиным, командующим войсками Ленинградского фронта, сменившим генерал-майора Федюнинского, который 26 октября был назначен командующим 54-й армией. В ходе этого разговора Сталин вновь потребовал принять все меры к прорыву блокады. Он отмечал: «Если в течение нескольких дней не прорветесь на восток, вы загубите Ленинградский фронт и население Ленинграда… Надо выбирать между пленом, с одной стороны, и тем, чтобы пожертвовать несколькими дивизиями. Повторяю, пожертвовать и пробить себе дорогу на восток, чтобы спасти ваш фронт и Ленинград. Вы рассуждаете так, как будто есть еще какой-то третий путь. Никакого третьего пути не существует – либо плен и провал всего фронта, либо не останавливаться ни перед какими жертвами, пробить себе дорогу на восток…

Попробуйте из разных дивизий выделить группы охотников, наиболее смелых людей, составить один или два сводных полка и объясните великое значение того подвига, который требуется от них, чтобы пробить дорогу. Возможно, что эти сводные полки смелых людей потянут за собой и остальную пехоту…» [204]

Выполняя указания Верховного Главнокомандующего, 10–11 ноября войска Ленинградского фронта возобновили наступление в районе Московской Дубровки. В сражение были введены части 86, 168, 177, 20-й стрелковых дивизий и 123-й танковой бригады, получивших значительные пополнения. Перед ними стояла все та же задача: «прорвать оборону противника и наступать на Синявино». Атаки наших подразделений следовали одна за другой. В некоторых случаях им удавалось ворваться в первые траншеи врага, но сил для развития успеха не было. 11 ноября части 86-й стрелковой дивизии после двухчасового боя овладели северо-восточной окраиной Московской Дубровки, но закрепиться не смогли. Потерпели наудачу и попытки расширить узкий плацдарм в районе 1-го Городка. Не оказали существенной поддержки войскам 40 средних и легких танков, переброшенных на левый берег Невы. Почти все они вскоре вышли из строя, подорвавшись на минах и получив повреждения от вражеских снарядов.

В соответствии с требованиями Ставки ВГК, на Ленинградском фронте были сформированы три Ударных коммунистических полка из добровольцев разных частей. Военный совет фронта издал специальное обращение к ним, в котором отмечал: «В этот грозный час, когда решается вопрос о судьбе родного Ленинграда и о нашей с вами судьбе, боевые товарищи, Военный совет фронта по инициативе нашего любимого вождя товарища Сталина сформировал ударные добровольческие полки из лучших, наиболее мужественных и доблестных воинов Ленинградского фронта. Задача ударных добровольческих полков заключается в том, чтобы, встав в первые ряды наших наступающих дивизий, первыми проломить брешь в кольце вражеских орд, окружающих Ленинград, прорвать кольцо блокады и обеспечить наступление других войск нашего фронта.

Выполнение этой великой и славной задачи поручается вам, дорогие товарищи и друзья. Для ее успеха от каждого из вас потребуется особое мужество, бесстрашие, смелость, готовность отдать все силы и саму жизнь за наш народ, за родину, за Ленинград. Помните, что с вами весь Ленинград, вся наша страна, наш любимый Сталин» [205] .

Первый полк атаковал противника 9 ноября. Противник обрушил на него ураганный огонь из всех видов оружия. Из 1500 коммунистов к концу дня осталось в строю не более 500 [206] . В ночь на 11 ноября на пятачок прибыло новое подкрепление – Второй ударный коммунистический полк. Командир его сразу был убит, а командование полком взял на себя батальонный комиссар Степанов. После короткой артподготовки с правого

берега полк с ходу перешел в наступление. Его атаку поддержали сильно поредевшие части 168-й и 177-й дивизий и оставшиеся в строю бойцы Первого ударного коммунистического полка. В этот день они трижды ходили в атаку, и все безуспешно.

В ночь на 13 ноября на плацдарм переправился Третий ударный коммунистический полк генерал-майора П. Зайцева. На этот раз было приказано наступать силами трех коммунистических полков, 168, 20, 115, 86-й и 177-й стрелковых дивизий. Поддерживать их должна была артиллерия всех дивизий и армии, батарея реактивных минометов и даже удачно переправленные на пятачок на понтонах 8 танков. Но эти пять дивизий, 1-й и 2-й ударные коммунистические полки настолько поредели, что, сведенные вместе, они вряд ли могли бы по количеству людей составить одну дивизию. Не понес еще пока потерь только Третий ударный коммунистический полк. Что же касается артиллерийских частей, то они остро нуждались в снарядах и все еще находились на правом берегу.

Очередное наступление с пятачка в направлении Синявинских высот успеха не имело. Части и подразделения вновь понесли большие потери. Возглавляя атаку, смертью героя пал командир Первого ударного коммунистического полка подполковник Васильев. Генерал-майор Зайцев также водил бойцов в атаку, но чудом остался невредим. Наступательный порыв бойцов коммунистических полков, не подкрепленный эффективным огнем артиллерии, не дал того результата, на который рассчитывало командование. Войска фронта в короткий срок лишились сотен лучших своих людей. Тактический прием времен Гражданской войны оказался совершенно непригодным в условиях Великой Отечественной.

13 ноября Военному совету фронта по прямому проводу были переданы очередные указания И.В. Сталина: «… При продвижении вперед не задаваться целью взять тот или иной населенный пункт вроде 1-го Городка или Синявино и так далее, а поставить себе задачу разрушить до основания населенные пункты и сжечь их, похоронив под ними укрывающиеся немецкие штабы и части. Откиньте всякую сентиментальность и разрушайте дотла все населенные пункты на вашем пути. Это – лучшее средство пробить дорогу на восток… Просьба не медлить с наступлением. Каждый час дорог. Если не будете медлить и используете каждый час для выигрыша времени, есть все шансы спасти Ленинград. Немцы пишут, что они возьмут Ленинград голыми руками при помощи голода. Значит, немцы знают, что у вас снабжение плохое. Просьба не запаздывать с развитием наступления…» [207]

После короткого затишья бои на левом берегу Невы возобновились. 16 ноября части 86-й стрелковой дивизии, взаимодействуя с полком 1-й дивизии НКВД, пытались наступать между 1-м и 2-м Городками. Они почти приблизились к зданиям 8-й ГЭС, но, попав под минометный и пулеметный огонь, вернулись на исходный рубеж. Столь же безуспешно действовали правее подразделения 168-й стрелковой дивизии, в которую были влиты остатки переформированных ударных полков. Неоднократные попытки оттеснить врага за деревню Арбузово потерпели неудачу. За пять дней тяжелых боев наши войска так и не продвинулись вперед. Из-за недостатка боеприпасов артиллеристы расходовали ежедневно не более 10–12 выстрелов на орудие. Пехоте приходилось атаковать опорные пункты, система огня которых не была подавлена.

Пребывание на плацдарме постоянно требовало от бойцов и командиров огромного физического и морального напряжения. Войска не имели надежных укрытий от артиллерийско-минометного огня и ударов авиации противника и несли большие потери. Норы, вырытые в песчаном обрыве реки, при близких разрывах снарядов и мин обваливались. Доставка подкреплений с правого берега была связана с огромными трудностями, так как переправы в любое время суток обстреливались артиллерийским и пулеметным огнем врага. Эвакуация раненых часто задерживалась. Из-за отсутствия топлива бойцы не могли обогреваться и сильно страдали от холода. Среди раненых и больных быстро росла смертность. Общие потери 8-й армии за неделю составили 6350 человек убитыми и ранеными [208] .

Крайне недовольный малоэффективными атаками соединений 8-й армии, Военный совет фронта решил заменить ее руководство. 17 ноября в командование армией вступил генерал-майор А.Л. Бондарев, сменив генерал-лейтенанта Т.И. Шевалдина. К концу месяца бои в районе Московской Дубровки приняли отчетливо выраженный позиционный характер. Части, находившиеся на плацдарме, получили задачу наносить противнику максимальный урон, уничтожать как можно больше его солдат и офицеров. Чтобы сблизиться с немецкими подразделениями, они старались прорыть в их сторону ходы сообщения, из которых забрасывали траншеи врага гранатами, уничтожали его отдельные огневые точки. Подобным образом действовал и противник. Так, солдаты 1-й восточно-прусской пехотной дивизии, оборонявшейся в районе Невского пятачка, ежедневно расходовали 8 тыс. ручных гранат, настолько близко располагались друг от друга позиции сторон [209] .

Ожесточенные бои шли в первой половине ноября в полосе

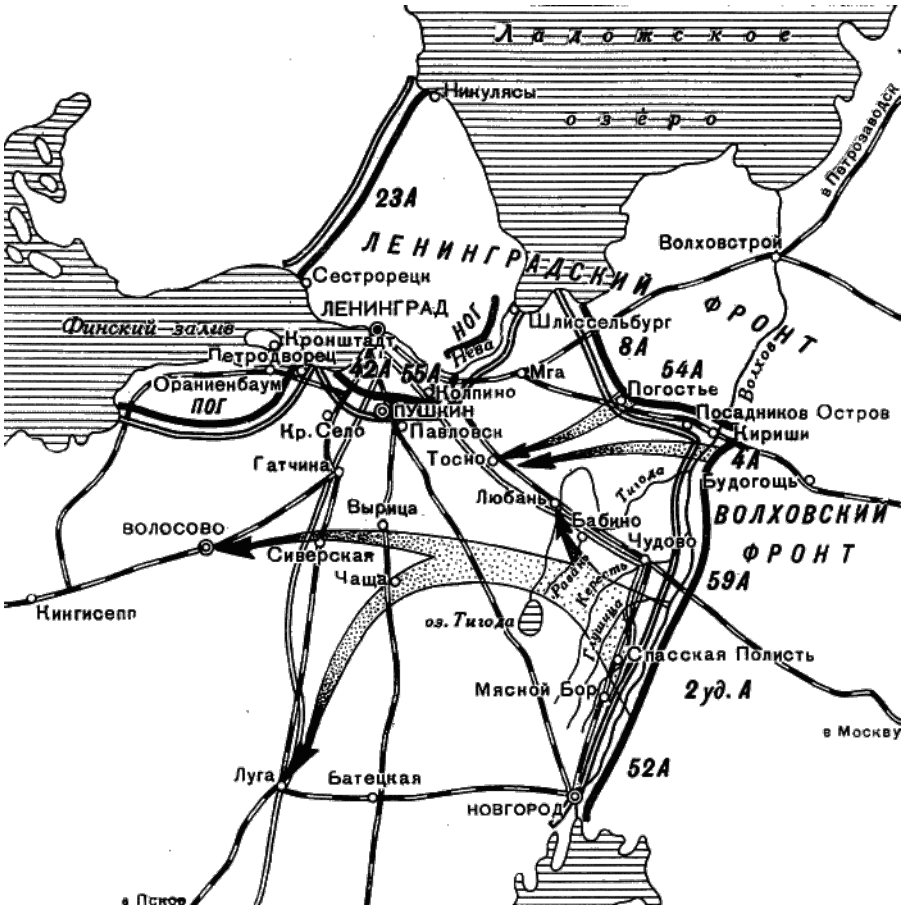
55-й армии, наносившей вспомогательный удар на мгинском направлении. Для прорыва обороны немецких войск на р. Тосна командование сосредоточило восточнее Колпино части 43, 70, 85, 90-й и 125-й стрелковых дивизий и 84-го отдельного танкового батальона. Из лучших бойцов здесь также были сформированы ударные полки. Утром 12 ноября соединения армии атаковали вражеские позиции. Наступление, начатое без должной артиллерийской подготовки и поддержки, развивалось трудно. К 16 часам подразделения 59-го ударного полка 85-й дивизии и 147-го ударного полка 43-й дивизии после ряда попыток выбили противника из Усть-Тосно.

Весь последующий день продолжалась ликвидация отдельных вражеских огневых точек, которые были блокированы нашими подразделениями. Из-за нехватки артиллерии против них действовали специальные саперные группы, уничтожавшие сооружения с помощью взрывчатки. Лишь к утру 14 ноября части 85-й дивизии полностью закрепили за собой местность севернее и южнее железнодорожного моста через р. Тосна. Однако попытки захватить плацдармы на правом берегу и продвинуться к Ивановскому потерпели неудачу. Не смогли прорвать вражескую оборону и другие соединения 55-й армии, наступавшие правее.

Дело в том, что при наступлении наших войск преобладали фронтальные атаки опорных пунктов противника. Характерным примером таких действий являлись безрезультатные атаки частей 43-й и 85-й стрелковых дивизий усть-тосненского узла сопротивления. Это было связано прежде всего с плохим знанием вражеской обороны, слабые места которой почти не выявлялись. В ходе неудачного наступления части 55-й армии только с 12 по 15 ноября потеряли 2650 человек убитыми и ранеными. Дальнейшие атаки пришлось прекратить. И все же войска Ленинградского фронта своими действиями на синявинском направлении сковали в районе Мги пять пехотных дивизий противника. В связи с этим командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал В. фон Лееб 16 ноября докладывал в генеральный штаб сухопутных войск, что бои в районе между оз. Ильмень и Ладожским озером развиваются неудачно для его соединений и в ближайшее время можно ожидать удара советских войск в районе Тихвина.

Последняя в уходящем 1941 году попытка прорвать блокаду была предпринята в начале декабря. 2, 3 и 4 декабря соединения 8-й армии, усиленные несколько ранее 10-й стрелковой дивизией и 107-м танковым батальоном, неоднократно атаковали врага, стремясь прорвать его оборону в районе Московской Дубровки. Но ни одна из атак не увенчалась успехом. Некоторым

подразделениям удалось подойти ко второй траншее противника, захватить несколько огневых точек. Большинство танков, поддерживающих действия пехоты, вскоре было подожжено и подбито.



Задачи Волховского и Ленинградского фронтов по прорыву блокады в декабре 1941 г.

О том, какое напряжение носили бои, свидетельствует отчет оперативного отдела штаба упоминавшейся уже 1-й немецкой пехотной дивизии: «За шесть недель боев отражено 79 разведывательно-поисковых операций со стороны русских, 60 их атак в составе одной или двух рот, 50 атак силою от батальона до дивизии. 17 раз русским удавалось ворваться в расположение немецких позиций, 17 раз их отбрасывали назад. Когда русские утром 1 декабря перешли в наступление большими силами, то немцы вынуждены были постоянно открывать заградительный огонь. После полудня один из дивизионов 1-го артиллерийского полка докладывал о выходе из строя пяти из одиннадцати орудий, у которых от перегрузки отказали стволы. Через девять

дней после начала боев один из батальонов 1-го пехотного полка докладывал о наличии в боевом составе всего лишь 90 человек. В одном из батальонов 22-го пехотного полка осталось только 88 человек. Несколько месяцев назад все соответствовало штатному расписанию: 100 человек на роту, 400–500 на батальон, 1000 человек в полку, 10 000 – в дивизии» [210] .

Анализируя сегодня события тех дней, задаешься вопросом: почему командиры дивизий и полков настойчиво, раз за разом бросали свои соединения и части в неподготовленное наступление? Неужели они настолько не обладали военными знаниями и командирским чутьем, что не понимали бесперспективности и пагубности этих наступлений? В том-то и дело, что и обладали, и понимали. Но выбор у них был невелик: либо жертвовать жизнями подчиненных во имя выполнения приказа, либо расстаться со своими за его невыполнение. Вот характерный пример этого.

Командование Ленинградского фронта в лице Хозина и Жданова в переговорах со Сталиным, оправдывая неудачи наступления, отмечали, что «эта операция была сорвана благодаря трусливо-предательскому поведению командования 80-й дивизии. Командир дивизии Фролов за три часа до начала операции отказался от ее проведения. Операция была перенесена на следующий день и проделана, но внезапность была нарушена. Мы направляем вам представление с просьбой разрешить командира 80-й дивизии Фролова и комиссара дивизии Иванова судить и расстрелять» [211] . Интересно только, зачем испрашивается разрешение судить, если уже принято решение расстрелять?

В реакции Сталина можно не сомневаться: «Фролова и Иванова обязательно расстреляйте и объявите об этом в печати» [212] . В чем же заключалась вина этих офицеров? Полковник И.М. Фролов и полковой комиссар К.В. Иванов в конце июля 1941 г. возглавили 1-ю гвардейскую дивизию народного ополчения. Показали себя умелыми и способными военными руководителями во время боев, которые дивизия вела в августе западнее Волосово и на дальних подступах к Красному Селу, а в сентябре – на приморском плацдарме, в районе Ропши и южнее Ораниенбаума. За проявленные в этих боях решительность и мужество Фролов и Иванов были удостоены правительственных наград. Много сделали они для повышения боеспособности частей дивизии, реорганизованной в сентябре из ополченской в кадровую 80-ю стрелковую дивизию. В конце ноября дивизия после совершения длительного марша получила приказ с ходу атаковать вражеские позиции. Учитывая отставание артиллерии,

истощение личного состава и отсутствие данных о противнике, командир дивизии отказался проводить атаку немедленно, заявив, что она обречена на неудачу и сопряжена с высокими ненужными потерями. Дивизия перешла в наступление на следующее утро, но успеха не добилась. За это командир и комиссар дивизии и были расстреляны. Понятно, что повторить их участь никто из командиров не хотел.

Таким образом, боевые действия по прорыву блокады Ленинграда, начатые 20 октября 1941 г., продолжались весь ноябрь и часть декабря. В общей сложности в них приняли участие подразделения 12 стрелковых дивизий и 2 бригад Ленинградского фронта. Несмотря на то что превосходство в людях и технике в целом было на его стороне, сломить сопротивление противника нигде не удалось. Потери, понесенные наступающими частями, оказались непомерно высоки. Ввиду полной безрезультатности усилий войск фронта по распоряжению Ставки ВГК атаки были прекращены. Так завершилась вторая попытка прорыва блокады Ленинграда.

Зима 1941–1942 гг. была для защитников Ленинграда временем наиболее тяжелых испытаний, лишений и жертв. Ежедневно немецкие самолеты совершали налеты на город. Дальнобойная артиллерия по-прежнему варварски обстреливала не только войска, но и жилые кварталы. С наступлением холодов еще более сократился подвоз топлива и продовольствия в Ленинград. Вскоре встал весь городской транспорт.

Но самым острым и трудным оставался продовольственный вопрос. Чтобы спасти жизни миллионов ленинградцев, необходимо было любой ценой удержать южное побережье Ладожского озера и в кратчайший срок организовать по нему подвоз продовольствия. В Ленинград доставлялось так мало продовольствия, что невозможно было удовлетворить даже самые минимальные потребности. В городе росла смертность. Одно за другим закрывались предприятия. Необходимо было как можно скорее прорвать блокаду Ленинграда, а для этого требовалось разгромить немецкие войска, осаждавшие город.

К началу января 1942 г. на ближних подступах к Ленинграду, а также в полосе от Ладожского озера по р. Волхов до Осташкова против войск Ленинградского, Волховского и правого крыла Северо-Западного фронтов продолжала обороняться группа армий «Север». В ее 18-й и 16-й армиях насчитывалось 26 пехотных, 3 моторизованные и 3 охранные дивизии. Немецкие войска, выполняя приказ Гитлера от 16 декабря, упорно обороняли занимаемые рубежи, стремясь во что бы то ни стало удержать основные силы Ленинградского фронта и Ленинград в блокаде.

Вражеские части занимали оборону на заранее подготовленных позициях. На всех важных участках противник оборудовал мощные опорные пункты, в основном на пересечении дорог, на холмах среди болот, на месте разрушенных населенных пунктов. Он использовал железнодорожное полотно, увеличив его местами до трех метров высоты. В насыпь были врыты ружейные и пулеметные ячейки, сделаны площадки для противотанковых пушек и землянки, укрытые накатами из бревен, для личного состава. Все это было соединено ходами сообщения. Подступы к опорным пунктам минировались и прикрывались несколькими рядами колючей проволоки. Оборона строилась на нескольких эшелонированных в глубину рубежах. Пространство между опорными пунктами простреливалось перекрестным ружейно-пулеметным огнем. По дорогам патрулировали танки.

По замыслу Ставки, основная роль в разгроме группы армий «Север» и прорыве блокады Ленинграда отводилась Волховскому фронту. В него вошли 4-я и 52-я армии и две новые армии из резерва Ставки – 2-я ударная и 59-я. Фронту под командованием генерала армии К.А. Мерецкова предстояло силами 2-й ударной, 59-й и 4-й армий совместно с 54-й армией Ленинградского фронта, которая находилась вне блокадного кольца, разгромить мгинскую группировку противника и тем самым прорвать блокаду Ленинграда. Одновременно ударом в южном направлении силами 52-й армии освободить Новгород и отрезать врагу пути отхода перед Северо-Западным фронтом, который также переходил в наступление. Погодные условия благоприятствовали проведению операции – в лесисто-болотистой местности суровая зима сковала болота и реки.

Волховская группировка 18-й немецкой армии состояла из 14 пехотных, 2 моторизованных и 2 танковых дивизий. На 1 января 1942 г. в Волховский фронт входили 23 стрелковые дивизии, 8 стрелковых бригад, 1 гренадерская бригада, которая из-за нехватки стрелкового оружия была вооружена ручными гранатами, 18 отдельных лыжных батальонов, 4 кавалерийские дивизии, 1 танковая дивизия, 8 отдельных танковых бригад. Фронт превосходил противника в живой силе в 1,5 раза, в орудиях и минометах в 1,6 раза, в самолетах в 1,3 раза. Но все это превосходство сводилось на нет нехваткой боеприпасов, которых имелось всего четверть боекомплекта. Кроме того, соединения 4-й и 52-й армий после тяжелых боев насчитывали по 3,5–4 тыс. человек вместо штатных 10–12 тыс. [213] . Лишь 2-я ударная и 59-я армии имели полный комплект личного состава. Но у них почти совсем отсутствовали прицелы для орудий, а также телефонный кабель и радиостанции, что весьма затрудняло

управление войсками. Недоставало в этих армиях и теплой одежды. В ночь на 7 января Мерецков докладывал в Ставку, что «не прибыла армейская артиллерия 2-й ударной армии, не прибыли ее гвардейские дивизионы, не сосредоточилась авиация, не прибыл автотранспорт, не накоплены запасы боеприпасов, не выправлено еще напряженное положение с продфуражом и горючим» [214] . Командующий просил Ставку усилить фронт танками, автомобилями, артиллерийскими тягачами, инженерным имуществом. Но Ставка считала, что тяжелую технику нельзя эффективно использовать в лесисто-болотистой местности.

Ко всему прочему во фронте не хватало автоматического оружия, около половины авиации составляли легкомоторные самолеты, а 2-я ударная армия являлась таковой только по названию. В конце 1941 г. она состояла из одной стрелковой дивизии, шести стрелковых бригад и шести отдельных лыжных батальонов, то есть по численности равнялась стрелковому корпусу. В ней насчитывалось 43 970 человек, 71 танк в двух танковых батальонах, 462 орудия и миномета.

Не полностью удовлетворял командование фронта по своим профессиональным качествам и командующий 2-й ударной армией генерал-лейтенант Г.Г. Соколов. Он прибыл в армию с должности заместителя наркома внутренних дел. Брался за дело горячо, давал любые обещания. На практике же его подход к решению задач в боевой обстановке основывался на давно отживших понятиях и догмах. Вот выдержка из его приказа от 19 ноября 1941 г.: «1. Хождение, как ползанье мух осенью, отменяю и приказываю впредь в армии ходить так: военный шаг – аршин, им и ходить. Ускоренный – полтора, так и нажимать.

2. С едой не ладен порядок. Среди боя обедают, и марш прерывают на завтрак. На войне порядок такой: завтрак – затемно, перед рассветом, а обед – затемно, вечером. Днем удастся хлеба или сухарь с чаем пожевать – хорошо, а нет – и на этом спасибо, благо день не особенно длинен.

3. Запомнить всем – и начальникам, и рядовым, и старым, и молодым, что днем колоннами больше роты ходить нельзя, а вообще на войне для похода – ночь, вот тогда и маршируй.

4. Холода не бояться, бабами рязанскими не обряжаться, быть молодцами и морозу не поддаваться. Уши и руки растирай снегом!». Стиль приказа – суворовский, да вот только делами он не подкреплялся.

54-я армия Ленинградского фронта под командованием генерал-майора И.И. Федюнинского к началу января 1942 г. насчитывала 65 104 человека, 629 орудий и минометов, 108

танков в трех танковых бригадах и двух отдельных танковых батальонах [215] . Эта армия единственная из всех войск фронта имела относительно устойчивое снабжение боеприпасами. 4 января 1942 г. она начала наступление с рубежа Вороново, Малукса, южный берег болота Соколий Мох в общем направлении на Тосно силами пяти стрелковых, одной танковой (без танков) дивизий, одной стрелковой бригады, одной бригады морской пехоты, одной танковой бригады и трех артиллерийских полков РГК. В течение нескольких дней соединения армии безуспешно пытались прорвать оборону 269-й и 11-й пехотных дивизий 1-го армейского корпуса противника.

Исходной точкой наступления дивизий 54-й армии стала станция Погостье. Здесь оборона немецких войск была подготовлена по железнодорожной насыпи, превращенной в своего рода крепостную стену. Непосредственно в насыпи были выкопаны блиндажи, ячейки для стрелков и пулеметные гнезда. Каждые 30 метров в насыпи были оборудованы огневые точки с круговым обстрелом, совмещенные с жилым блиндажом. Каждые 200 м располагались дзоты на 1–2 станковых пулемета. Сама по себе довольно прочная насыпь, промерзшая к тому же на большую глубину, обеспечивала защиту от среднекалиберной артиллерии.

Бои приняли тяжелый, затяжной характер. Сильные морозы – до 40 градусов – затрудняли действия войск. Бесконечные атаки и контратаки, продвижение на десятки метров, борьба за отдельные огневые точки врага, рукопашные схватки, гранатные бои изматывали солдат, дивизии несли большие потери. Армия увязла в первой линии обороны врага.

Попытки взять Погостье 9, 11, 13 и 14 января успеха не имели. Об ожесточенности боев свидетельствует журнал боевых действий 54-й армии: «11 января 281-я стрелковая дивизия двумя полками перешла в наступление, но не смогла прорвать участок железной дороги северней Погостья. 13 января 265-я стрелковая дивизия, отбив две контратаки противника, наступала в направлении станции Малукса. 281-я стрелковая дивизия имела временный успех, перерезала железную дорогу в двух километрах западней ручья Дубок, но была отброшена на исходные рубежи. 3-я гвардейская стрелковая дивизия сделала три неудачных попытки атаковать Погостье. 17 января 3-я гвардейская стрелковая дивизия к исходу дня овладела железной дорогой и ведет бой. Противник яростно сопротивляется, переходя в контратаки. 19 января эта дивизия отразила четыре контратаки из района Погостья. В 14.30 противник с танками атаковал 11-ю стрелковую дивизию превосходящими силами и оттеснил ее к полотну железной дороги у северо-восточной окраины

Погостья…» [216]

Лишь к середине января удалось захватить станцию, деревня же Погостье так и осталась у противника. Но и после этого ожесточение боев не ослабевало. Лыжные батальоны прорывались в тыл противника и действовали там. 311-я стрелковая дивизия перешла через железную дорогу в слабо укрепленном месте около разъезда Жарок и в течение месяца вела боевые действия на коммуникациях врага. В начале февраля остатки ее были выведены обратно, и после пополнения она вновь включилась в бои за Погостье.

Наступление велось не только на Погостье. Немецкую оборону пытались прорвать и в других местах. Нередко это удавалось, но вырвавшиеся вперед части были атакованы с флангов. Так попала в окружение часть 320-го стрелкового полка в 2 км южнее Погостья. Попытки деблокировать ее успеха не имели. Солдаты упорно дрались в окружении целый месяц, имея связь с армией только по радио. Лишь 17 февраля удалось соединиться с окруженной группировкой и эвакуировать 85 раненых. Раненые в нескольких других землянках оказались убитыми противником.

В целом в течение января – февраля 54-я армия так и не смогла выполнить поставленных перед ней задач. Рассредоточив свои силы в широкой полосе наступления, она прорвала оборону противника лишь на отдельных участках, продвинулась на глубину 2–4 км, но развить успех не смогла.

Ответ на вопрос, почему наступление провалилось, находим в рассказе солдата-пехотинца Николая Николаевича Никулина, опубликованном в «Аргументах и фактах» и в журнале «Новый часовой» под названием «Станция Погостье. Холодная зима 42-го»: «В армейской жизни под Погостьем сложился между тем своеобразный ритм. Вечером подходило пополнение, утром, после редкой артиллерийской подготовки, солдаты шли в атаку и оставались лежать перед железнодорожной насыпью. Двигались вперед черепашьим шагом, пробивая глубокую борозду в снегу, да и сил было мало, особенно у ленинградцев. Снег стоял выше пояса, убитые не падали, застревая в сугробах. А немцы, в теплых дзотах, все рассчитали и все предусмотрели и бьют, бьют, как в тире. Однако и у вражеских солдат было не все так, как нам казалось. Недавно немецкий ветеран, участник тех боев, рассказал мне о том, что среди пулеметчиков их полка были случаи умопомешательства. Не так-то просто убивать людей ряд за рядом, а они все идут и идут, и нет им конца.

Не все выдерживали страшное напряжение боя. Были дезертиры, были «самострелы», ранившие себя, чтобы избежать

опасности. Такие расстреливались перед строем. Обстановка была крайне жестокая. Трудно подходить с обычными мерками к событиям, которые тогда происходили.

Много я видел убитых до этого и потом, но зрелище Погостья зимой 1942 года было единственным в своем роде. Трупами был забит не только переезд, они валялись повсюду. Штабеля трупов у железной дороги выглядели пока как заснеженные холмы, и были видны лишь тела, лежащие сверху. Позже, весной, когда снег стаял, открылось все, что было внизу. У самой земли лежали убитые в летнем обмундировании – в гимнастерках и ботинках. Это были жертвы осенних боев 1941 года. На них рядами громоздились морские пехотинцы в бушлатах и широких черных брюках. Выше – сибиряки в полушубках и валенках, шедшие в атаку в январе – феврале 1942 года. Еще выше – политбойцы в ватниках и тряпичных шапках (такие шапки давали в блокадном Ленинграде). На них – тела в шинелях, маскхалатах, с касками на головах и без них. Здесь смешались трупы солдат разных дивизий, атаковавших Погостье в первые месяцы сорок второго года. Страшная диаграмма наших «успехов».

Железным гребнем начальство прочесывало тылы дивизий, посылая в бой писарей, поваров, кладовщиков и даже солдат из орудийных расчетов артиллерии. Но и они быстро сгорали в боях… Мне приходилось видеть убитых красноармейцев с палкой в руках, к которой был привязан штык. С таким первобытным оружием солдат посылали в атаку! Винтовок не хватало» [217] .

Ежедневное, ежечасное нахождение рядом со смертью настолько ожесточило людей, что они уже не видели ничего противоестественного в использовании тел погибших врагов для того, чтобы выжить самим. Имеются свидетельства очевидцев того, как красноармейцы устраивали привал на замерзших трупах немецких солдат, или как аллея немецких мертвецов, воткнутых попеременно головами или ногами в снежный наст, окаймляла путь наступления наших частей [218] .

С другой стороны, немецкие солдаты устраивали заграждения в траншеях и заборы из убитых и закоченевших на морозе красноармейцев. Те из немецких солдат и офицеров, кто воевал в районах Невы, Погостья, Волхова, помнят своеобразные указатели в минных проходах из частично уже превратившихся в скелеты мертвых красноармейцев, по которым ориентировались саперы-подрывники, посты наблюдения и подслушивания, боевые разведгруппы и дозоры [219] .

Одновременно с 54-й армией Ленинградского фронта 7 января, не дожидаясь сосредоточения всех частей, перешел в наступление и Волховский фронт. Но форсировать Волхов

удалось лишь двум батальонам 1002-го стрелкового полка 305-й стрелковой дивизии 52-й армии и воинам 376-й и 378-й стрелковых дивизий 59-й армии. В боях за прибрежные населенные пункты соединения армий понесли большие потери. Только 2-я ударная армия потеряла около 3000 человек убитыми и ранеными уже в первые полчаса наступления. Такой результат был закономерен. Так, 23-я стрелковая бригада полковника В.И. Шишлова начала наступление без минометных дивизионов. Две роты танков 160-го отдельного танкового полка, предназначенные для поддержки наступления бригады, прибыли только в 15.00 7 января и форсировать Волхов не могли вследствие отсутствия переправ. В результате бригада потеряла 50 человек убитыми и 302 ранеными, не имея продвижения вперед [220] .

10 января состоялся разговор между К.А. Мерецковым и И.В. Сталиным. Последний попенял Мерецкову на то, что он не воспользовался предложением отложить наступление на несколько дней: «У русских говорится: поспешишь – людей насмешишь. У вас так и вышло. Поспешили с наступлением, не подготовив его, и насмешили людей. Если помните, я вам предлагал отложить наступление, если ударная армия Соколова не готова. Вы отказались отложить, а теперь пожинаете плоды своей поспешности» [221] . Сталин предложил приостановить наступление и возобновить его два или три дня спустя, завершив подготовку войск. Были также произведены кадровые перестановки. Генерал Г.Г. Соколов был отстранен от командования 2-й ударной армией. На эту должность был назначен ранее командовавший 52-й армией генерал-лейтенант Н.К. Клыков, а 52-ю армию возглавил генерал-лейтенант В.Ф. Яковлев.

13 января войска ударных группировок фронта после полуторачасовой артиллерийской подготовки возобновили наступление. Наименее успешно действовала 4-я армия. Вследствие равномерного распыления сил и средств в широкой полосе и недостатка боеприпасов она не смогла прорвать оборону противника и уже 14 января перешла к обороне.

Намного лучше, чем в первые дни операции, развивалось наступление 2-й ударной армии. Ей удалось полностью форсировать р. Волхов и закрепиться на ее западном берегу. Армия наконец-то получила серьезную поддержку с воздуха: в полосе ее наступления авиацией фронта было выполнено 1500 боевых вылетов. Поскольку заметного результата в полосе 59-й армии достигнуто не было, командующий войсками фронта решил передать из 59-й во 2-ю ударную армию четыре стрелковые дивизии. Теперь основной задачей стал не прорыв в глубину к

Луге, а уничтожение чудовской группировки противника. Усиление ударной группировки привело в конечном итоге к прорыву обороны противника на 12-километровом участке южнее города Спасская Полисть и продвижению к 20 января на 30 км в глубину. О том, как достигался успех в наступлении, свидетельствует один из участников тех событий: «Только поднимемся в атаку – шестиствольные с водокачки как жахнут – и от роты взвод остается… Снег, земля, все перепахано, перемешано с кровью. Санитары ползут, пытаются раненых вынести, а немец по ним из пулеметов. Весь день над головами «мессершмитты» летали. Трупов – завал, хоронить некому, да и негде: кругом болото. Мы, грешным делом, ночью мертвых под себя стаскивали, чтоб в воде не лежать. Повинишься про себя: «Прости, браток, тебе уж мокрота нечувствительна». Хотя согреться особо не согреешься: труп человеческий холоднее камня… После первой же атаки из нашего взвода в 25 человек только пятеро и уцелело. А через 10 суток от всего полка 53 стрелка осталось. Патроны кончились, еду не подвозят, а покинуть «передок» не смеешь. На этом самом шоссе заградотряд стоял. Так что у нас только два пути было: смерть или плен. Никто, однако, не сдался – большинство тут осталось…» [222]

Не менее трагическая картина наступления в направлении Спасской Полисти рисуется в воспоминаниях командира взвода 1267-го стрелкового полка 382-й стрелковой дивизии лейтенанта И.Д. Никонова. Вот как воспроизводит их в своем очерке «О чем молчит Мясной Бор? (Что произошло под Мясным Бором? Взгляд сквозь годы)» публицист А.Е. Разживин: «После чахлой и малоэффективной артподготовки началась атака… Противник открыл огонь из всех видов оружия. Автоматные и пулеметные очереди заглушались минометным и артиллерийским огнем. Немецкие самолеты летали на малых высотах, их летчики нашли себе забаву, как в тире, расстреливать наших бойцов из пулеметов. И – бомбили. Все взлетало вверх, заволакивало снежной пылью и землей. Не было видно ничего. Падали мертвые, раненые и живые…

Буквально на следующий день состав полка пополнился маршевыми ротами и батальонами – только что прибывшими на фронт необстрелянными бойцами. Всем выдали по 1–2 обоймы патронов (10–20 шт.) – и снова в атаку. Патроны быстро кончались, и их приходилось брать у убитых и раненых в ходе боя…

В обескровленный полк дали пополнение. В эшелоне из Средней Азии привезли казахов и узбеков. Большинство из них были пожилыми верующими людьми. Они были почти совсем не

обучены и тяжело переносили мороз…

Затем на смену им пришли три молодежных батальона. Ребятам было не более двадцати лет… Им не дали даже передохнуть – повели в атаку. Через полтора часа никого из них уже не осталось. Пополнение прибывало и сразу отправлялось в бой. Но немец из пулеметов их как косой косил. Полегли все. Перед немецкими позициями все было изрыто снарядами и устлано кучами трупов, которые убрать было невозможно. Убитые и раненые падали сверху. Раненые тянулись, ползли, но вскоре умирали от ран или замерзали. Живые прятались от огня противника в воронках или за кучами окоченевших на морозе трупов» [223] .

Для сдерживания продвижения советских войск командование группы армий «Север» перегруппировало с других участков фронта две пехотные дивизии и дивизию СС «Полицай». Однако для обороны по всему периметру глубокого вклинения советских войск трех снятых с кольца блокады Ленинграда дивизий было уже мало. На направление главного удара Волховского фронта срочно перебрасывались силы и средства с менее активных участков.

С целью расширения прорыва и максимального развития успеха наступления 2-й ударной армии командующий войсками фронта решил ввести в сражение свое единственное подвижное соединение. В качестве эшелона развития успеха был использован 13-й кавалерийский корпус генерал-майора Н.И. Гусева в составе двух кавалерийских, одной стрелковой дивизий и трех лыжных батальонов. В ночь на 25 января корпус переправился через Волхов и утром 26 января начал наступление на Любань.

Развивая наступление в северо-западном направлении, соединения 2-й ударной армии продвинулись к концу января на 75 км и находились в 10–12 км от Любани. Начиная операцию самой малочисленной армией Волховского фронта, 2-я ударная к концу января имела в своем составе пять стрелковых дивизий, кавалерийский корпус, семь стрелковых бригад, двадцать три лыжных и два танковых батальона. Таким образом, на направление, где был достигнут наибольший успех, была брошена значительная часть войск Волховского фронта. Однако в связи с тем, что другие армии фронта успеха не имели, все эти силы находились под угрозой оказаться в оперативном мешке. На левом крыле фронта 52-я армия не смогла прорвать немецкие позиции и наступать на Новгород, а на правом крыле 59-я армия не смогла овладеть Спасской Полистью и пробиться к Чудову. Обе эти армии с трудом удерживали фланги прорыва 2-й ударной в Мясном Бору. Кроме того, ввиду удлинения коммуникаций и

узости коридора прорыва 2-я ударная армия с конца января стала ощущать острую нехватку боеприпасов и продовольствия. Ее снабжение осуществлялось тогда по единственной дороге, проходившей через коридор, – впоследствии ее стали называть Южной дорогой. Против наших войск и их единственной коммуникации действовало 250 немецких бомбардировщиков, а 2 февраля Гитлер приказал бросить сюда еще и авиацию дальнего действия. В феврале – марте по соседней просеке, в 500 метрах правее первой дороги, проложили вторую. Новую дорогу стали называть Северной.

Во второй половине февраля наиболее упорные бои разгорелись на подступах к Любани. Для овладения городом командование фронта сосредоточило в 15 км от него, у Красной Горки (холм, где стоял дом лесника), 80-ю кавалерийскую и 327-ю стрелковую дивизии, 18-й артиллерийский полк Резерва Верховного Главнокомандования, 7-ю гвардейскую танковую бригаду, дивизион реактивных минометов и несколько лыжных батальонов. Они должны были прорвать оборону противника и выйти к Любани, после чего в прорыв вводился второй эшелон: одна стрелковая дивизия и одна отдельная стрелковая бригада. Бои у Красной Горки 80-я кавалерийская дивизия начала 16 февраля, сразу же, как только подошла здесь к линии фронта. 18 февраля 1-й эскадрон ее 205-го кавалерийского полка выбил противника с насыпи железной дороги и, преследуя его, овладел Красной Горкой. Вслед за кавалеристами в прорыв вошел 1100-й стрелковый полк 327-й стрелковой дивизии. К утру 23 февраля к Красной Горке подошли 46-я стрелковая дивизия и 22-я отдельная стрелковая бригада.

Для развития успеха командованием фронта было принято решение захватить ночью поселок и станцию Померанье на железной дороге Москва – Ленинград, в 5 км юго-восточнее Любани. Для этого предназначались два стрелковых полка 191-й стрелковой дивизии. В целях достижения внезапности им приказывалось перейти в наступление с ходу, без артиллерии и тылов. Каждому бойцу выдали по 5 сухарей и 5 кусков сахара, по 10 патронов на винтовку, по одному диску на автомат или ручной пулемет и по 2 гранаты. В ночь на 21 февраля полки перешли линию фронта в глухом сосновом лесу между деревней Апраксин Бор и Любанью. Утром 22 февраля при выходе из леса их обнаружил немецкий самолет-разведчик и вызвал огонь своей артиллерии, которая нанесла советским частям большие потери. Единственная радиостанция была разбита, и полки остались без связи. Командир дивизии полковник А.И. Старунин отвел людей в лес, где на пятые сутки было принято решение выходить за

линию фронта, в свой тыл, тремя колоннами – штаб дивизии и два полка. Полковым колоннам удалось прорваться к своим войскам, но штаб дивизии, выйдя к немецкому переднему краю, по ошибке был накрыт залпом наших реактивных установок и 76-мм пушек. После этого он вынужден был вновь отойти в лес и впоследствии так и не смог выйти из окружения. Комдив Старунин и его штаб пропали без вести [224] .

В ночь на 23 февраля на Любань совершили налет волховские партизаны. Немецкое командование решило, что город окружен, и перебросило подкрепления из Чудова и Тосно. Партизаны благополучно отошли, но прибывшие силы противника усилили оборону города. Утром 25 февраля 100-й кавалерийский полк 80-й кавалерийской дивизии возобновил наступление, но был остановлен огнем из дзота и сильным авиационным воздействием противника, причем погибли почти все лошади, и кавалеристы действовали как пехотинцы. Затем мощным ударам с воздуха подверглись находившиеся у основания прорыва 87-я и 25-я кавалерийские дивизии, 22-я бригада, не вошедшие в прорыв два полка 327-й дивизии и танковая бригада. 27 февраля три немецкие пехотные дивизии с правого фланга прорыва и один пехотный полк с левого фланга начали наступление на Красную Горку. Врага остановили, но коридор прорыва значительно сузился. Утром 28 февраля противник нанес новый воздушный удар и к 18 часам восстановил свою оборону у Красной Горки. Передовой отряд оказался в окружении, но продолжал пробиваться к Любани, до которой оставалось 4 км. На второй день у окруженной группы кончились боеприпасы и продовольствие, но она отражала вражеские удары в течение десяти дней, пока еще оставалась надежда на помощь. И только в ночь на 9 марта 80-я дивизия и 1100-й полк уничтожили тяжелое вооружение, включая пулеметы, и прорвались из окружения.

28 февраля Ставка внесла уточнение в первоначальный план операции. Теперь 2-я ударная и 54-я армии должны были наступать навстречу друг другу, соединиться в Любани, окружить любанско-чудовскую группировку врага и уничтожить ее. Затем нанести удар на Тосно и Сиверскую для разгрома мгинской группировки и прорыва блокады Ленинграда. 9 марта из Москвы в штаб Волховского фронта в Малой Вишере прилетел К.Е. Ворошилов, а вместе с ним член Государственного Комитета Обороны Г.М. Маленков, генерал-лейтенанты А.А. Власов и А.Л. Новиков. Власов прибыл на должность заместителя командующего войсками фронта. В начале войны он командовал 4-м механизированным корпусом, затем 37-й армией под Киевом и 20-й армией под Москвой, имел репутацию хорошо

подготовленного в оперативно-тактическом отношении командующего, его положительно характеризовал Г.К. Жуков, а И.В. Сталин считал перспективным генералом.

Вскоре последовала репетиция будущей катастрофы. За несколько дней до того, как А.А. Власов получил новое назначение, 2 марта 1942 г. Гитлер в беседе с командующим группой армий «Север» фон Кюхлером потребовал провести операцию по окружению любанской группировки советских войск. Она получила кодовое наименование «Дикий зверь». Цель операции заключалась в том, чтобы перерезать две зимние дороги, проходившие через пробитый 2-й ударной армией коридор к югу от Спасской Полисти. Как отмечал в своем дневнике начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта Ф. Гальдер: «Фюрер требует за несколько дней до наступления провести авиационную подготовку (бомбардировка складов и войск в лесах бомбами сверхтяжелого калибра). Завершив прорыв на Волхове, не следует тратить силы на то, чтобы уничтожить противника. Если мы сбросим его в болота, это обречет его на голодную смерть…» [225]

Наступление противника началось 15 марта. В нем участвовало в общей сложности пять дивизий, собранных в две ударные группы к северу и югу от 12-километрового коридора, связывавшего 2-ю ударную армию с основными силами Волховского фронта. В первый день наступления северная группа продвинулась на 3, а южная – на 1 км. В течение нескольких дней боев, преодолевая ожесточенное сопротивление советских войск, две группы 20 марта 1942 г. замкнули кольцо окружения.

27 марта советские войска начали боевые действия по восстановлению коммуникаций 2-й ударной армии. Уже 30 марта командующий войсками Волховского фронта доложил Верховному Главнокомандующему, что «коммуникации 2-й ударной армии освобождены от противника». Однако освобожденными их можно было считать лишь условно: ширина коридора составляла только 1,5–2 км. Он простреливался противником, и по нему можно было уверенно передвигаться только ночью.

Мартовское окружение выявило чрезвычайную опасность даже кратковременного нарушения коммуникаций в Мясном Бору. Продовольствие и боеприпасы окруженным пришлось доставлять самолетами. Пищевой рацион в 13-м кавалерийском корпусе сразу сократился до 1 сухаря в день. Бойцы выкапывали из-под снега и ели трупы убитых и павших лошадей, для охраны живых лошадей приходилось выделять усиленную охрану. 29 марта началось сильное таяние снега, дороги превратились в

грязное месиво. Противник продолжал прорываться на коммуникации, и борьба за коридор переходила в рукопашные схватки. Для снабжения войск срочно оборудовали полевой аэродром близ штаба армии у деревни Дубовик. Видя тяжелое положение наших войск, немецкое командование стало применять самолеты, которые сбрасывали листовки с пропусками в плен.

В апреле положение частей 2-й ударной армии в Мясном Бору стало еще труднее. Из-за весенней распутицы по дорогам не могли передвигаться даже повозки, и специальные группы солдат и местных жителей носили на себе боеприпасы и продовольствие за 30–40 км. 10 апреля начался ледоход на Волхове, и пока не были наведены наплавные мосты, снабжение наших войск еще более ухудшилось. Несмотря на то что в конце марта штабу Волховского фронта стало известно о подготовке противником новой операции по окружению и уничтожению 2-й ударной армии, по указанию командующего его войсками продолжалось планирование очередной, третьей операции по взятию Любани. Она началась 3 апреля. Удар наносился в 30 км южнее города в направлении деревни Апраксин Бор. Как и два предыдущих, и это наступление не принесло успеха, хотя 54-я армия Ленинградского фронта с конца марта отвлекла на себя крупные силы противника. После провала наступления командование 2-й ударной армией принял заместитель командующего войсками фронта генерал Власов.

Справедливости ради следует сказать, что Мерецков неоднократно просил у Ставки разрешения отвести 2-ю ударную армию из болот на плацдарм к Волхову, но вместо этого 21 апреля Ставка приняла решение расформировать Волховский фронт. Это было сделано по предложению командующего войсками Ленинградского фронта генерал-лейтенанта М.С. Хозина и секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП (б), члена Военного совета фронта, члена Политбюро ЦК ВКП (б) А.А. Жданова. Хозин доказывал, что если войска Волховского фронта объединить с войсками Ленинградского под его командованием, то он сможет в полном объеме координировать действия по прорыву блокады Ленинграда. 23 апреля Волховский фронт был преобразован в Волховскую оперативную группу Ленинградского фронта. Но вскоре выяснилось, что М.С. Хозин, находясь в Ленинграде, не может уделять должное внимание Волховской группе, и в особенности 2-й ударной армии. Решение о расформировании Волховского фронта, таким образом, оказалось ошибочным, а для 2-й ударной армии оно стало роковым. Обстановка в районе ее действий в конце апреля продолжала

усложняться. Траншеи заливало водой, кругом плавали трупы, бойцы и командиры голодали, не было соли и хлеба, отмечались случаи людоедства. Не осталось ни хлорки для обеззараживания воды, ни медикаментов. Не было кожаной обуви, и люди ходили в валенках. Для снабжения армии ее воины, работая весь апрель по пояс в воде, построили в 500 метрах севернее Северной дороги узкоколейную железную дорогу от Мясного Бора до Финёва Луга.

За весь период наступления, с 7 января по 30 апреля, войска Волховского фронта потеряли 308 367 человек убитыми, пропавшими без вести и ранеными [226] . В среднем – 2705 человек в сутки. Цифры, конечно же, огромные. Но горечь и недоумение вызывает не только это. Многие погибшие воины из-за присущего в целом в государстве бездушного отношения к людям, как к живым, так и к павшим, навсегда остались безымянными. Если обратиться к документам Волховского фронта того периода, то их значительное число посвящено одному и тому же вопросу – недостаткам в учете и погребении личного состава. Вот выдержка из донесения начальника Политического управления фронта от 27 апреля 1942 г.: «На участке 327-й дивизии 2-й ударной армии за 13 и 14 марта подобрали и похоронили 31 труп, из них опознано только 7 трупов. У остальных не оказалось никаких документов. 15 марта подобрано и похоронено 16 трупов, но опознано было только два трупа. 16 марта подобрано и похоронено 6 трупов, а опознано – только один труп.

По 259-й стрелковой дивизии той же армии с начала февраля подобрано и погребено 248 трупов, 169 из которых – без установления личности. Кроме того, во время марша подобрали и похоронили 57 трупов из различных частей, также без установления личности.

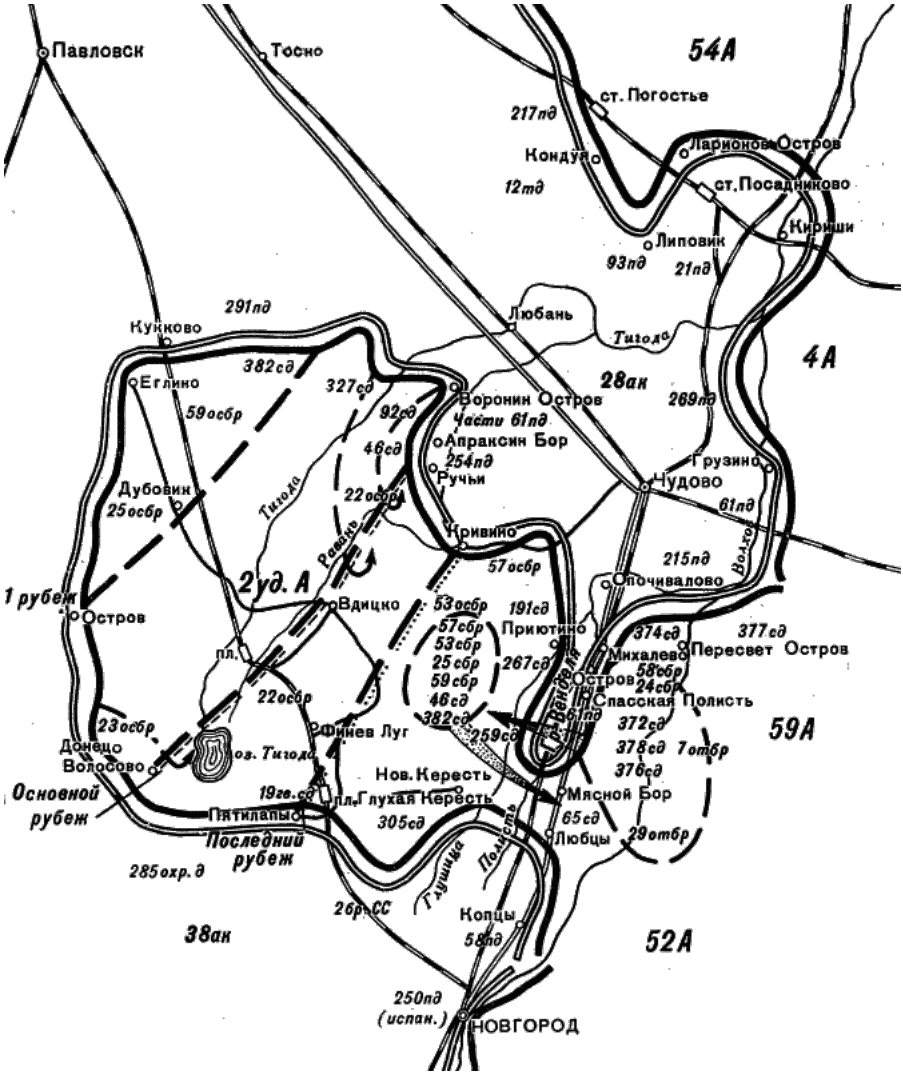
В 1248-м полку 376-й стрелковой дивизии 52-й армии по списку значится погибших 450 человек, а работники штаба полка определяют число погибших в 750 человек. Списки раненых и пропавших без вести не составлены… В 38-м полку 65-й дивизии списки личного состава не заведены…

В 1248-м полку 376-й стрелковой дивизии 52-й армии за все время войны послано извещений только на 170 человек… В 1250-м полку той же 376-й дивизии 52-й армии родственникам убитых не выслано ни одного извещения…» [227]

Подобные факты не остались без внимания и Генерального штаба. Вот что, в частности, отмечалось в его директиве от 16 мая 1942 г.: «…В 311-м стрелковом полку 65-й стрелковой дивизии брошено в бой сразу по прибытии 78 человек, судьба которых неизвестна, так как командование полка не успело даже

составить на них списков; в 19-й гвардейской стрелковой дивизии 1000 человек пополнения введено в бой через день по прибытии. В результате всего этого пополнение, прибывшее в 52-ю армию за период с 25 марта по 10 апреля в количестве 5960 человек, почти полностью потеряно» [228] .

А по свидетельству упоминавшегося уже лейтенанта И.Д. Никонова, в марте 1942 г. в полк пришел приказ из вышестоящего штаба отчитаться за вверенную технику и вооружение. В полку (1267-й) создали комиссию, которая составила акт. В соответствии с ним в число погибших вошли двести с небольшим человек, данные на которых имелись в списках санитарной части. По акту списали потерянную технику, а также личный состав полка в количестве 12 500 человек, как без вести пропавших… [229] Понятно, что цифра эта была приблизительной. А ведь это не менее пяти штатных составов полка!



Решение командующего Волховской группы войск на прорыв из окружения 2-й ударной армии.

В начале мая 376-я дивизия 59-й армии пыталась пробиться ко 2-й ударной в новом месте – севернее узкоколейки, напротив деревни Мостки, но враг обошел фланги дивизии и прорвался на коммуникации в Мясном Бору. Пришлось опять с боями пробивать коридор вдоль узкоколейки и Северной дороги. В те дни участок коридора между лесными реками Полисть и Глушица получил название «Долина Смерти». После войны это название распространилось на весь Мясной Бор.

15 мая штаб 2-й ударной армии представил генералу Хозину подробный план отхода. 21 мая план одобрила Ставка, а пока ждали ее решения, через коридор успели выйти 13-й кавалерийский корпус, 7-я гвардейская и 29-я танковые бригады,

24-я и 58-я стрелковые бригады, отдельные части 4-й и 24-й гвардейских стрелковых дивизий. Оставалось вывести шесть стрелковых дивизий, пять стрелковых бригад, один отдельный танковый батальон, части четырех стрелковых дивизий 52-й армии, находившихся в окружении вместе со 2-й ударной армией.

20 мая десять немецких дивизий начали сжимать «Волховский котел». Сдерживая врага, 2-я ударная армия начала последовательный отход к коридору в Мясном Бору. 25–30 мая через него выходила 191-я стрелковая дивизия, тогда как большинство других частей собиралось у деревни Новая Кересть в 13–15 км от шоссе. Натиск противника на войска, прикрывавшие отход армии и коридор в Мясном Бору, нарастал с каждым часом. 27 мая он открыл ураганный артиллерийский огонь по прикрывавшим его войскам. Авиация врага группами от 15 до 22 самолетов бомбила и штурмовала коридор, плацдарм и переправы на Волхове. 29 мая в наступление на коридор перешла немецкая пехота. На южном фланге 126-я и 58-я немецкие и 250-я испанская дивизии, легион «Фландрия» и другие части нанесли удары по позициям 65, 305-й и 225-й стрелковых дивизий.

Наступление немецких войск сопровождалось непрерывными бомбовыми ударами с воздуха. Однако части 2-й ударной и 59-й армий оказывали врагу отчаянное сопротивление. Особенно трудно пришлось 376-й стрелковой дивизии, стоявшей на ручье Горевом и р. Полисть. Весенний разлив затопил ее позиции. Командир дивизии полковник Г.П. Исаков просил командующего 59-й армией генерала И.Т. Коровникова отвести дивизию из разлившегося болота, но получил отказ, и дивизия продолжала сражаться по колено в воде, напрасно теряя людей.

3 июня начальник Генерального штаба А.М. Василевский отправил генералу Хозину директиву, в которой потребовал прекратить разрозненные действия и мобилизовать все силы для выхода 2-й ударной армии из кольца. Но еще накануне, 2 июня, на сторону врага перешел помощник начальника 8-го отдела штаба этой армии. Он передал немецкому командованию документы по плану отхода и расположению частей армии. Теперь противник знал все. Все происходившее до сих пор было лишь прелюдией к трагедии, которая начиналась теперь в волховских лесах.

Первым ее актом явилась гибель 165-й стрелковой дивизии. Она прибыла на фронт в начале мая и находилась в резерве перед поселком Мясной Бор. Командование фронта и 59-й армии спланировало встречный удар 165-й дивизии и 2-й ударной армии. 4 июня три стрелковых полка дивизии были сосредоточены один вслед за другим для атаки на узком участке

фронта. Заметив скопление советских войск, противник открыл огонь из всех видов оружия. Бывший командир минометной батареи 691-го стрелкового полка В.М. Домниченко свидетельствует: «Любой разорвавшийся снаряд противника находил себе цель для поражения». Потери дивизии еще до перехода в наступление оказались огромными. Например, 2-й батальон 562-го стрелкового полка потерял до 60 процентов бойцов, его комбат погиб, остатки личного состава разбежались [230] .

Артиллерия 165-й стрелковой дивизии находилась в 500 метрах за шоссе и от вражеского огня не пострадала. В 1 час ночи она начала артподготовку, хотя снарядов было мало – всего 20 на орудие. После этого стрелковые подразделения перешли в наступление. Опешив в первый момент от неожиданности, противник начал оставлять свои позиции, но затем пришел в себя и обрушил на наступавших ураганный огонь. «Море артиллерийского и минометного огня, – вспоминал Домниченко, – разлилось почти на всю глубину боевого порядка наступающих. Наша пехота, вооруженная трехлинейками и недостаточным количеством пулеметов, преодолевая минные заграждения, буквально в упор расстреливалась из автоматического оружия. А с наступлением светлого времени добавились еще действия вражеской авиации. Пикирующие бомбардировщики Ю-87, прикрываемые истребителями Ме-109, эшелонами по 10 и более самолетов стали наносить беспрерывные удары, превращая поле боя в месиво земли и крови». Другой участник боя вспоминал: «Это был ад! Сбивать немецкие самолеты было нечем, так как взвод ПВО дивизии имел на вооружении только карабины» [231] .

5 июня атаки продолжились, и 165-я дивизия продвинулась на 2 км. Навстречу ей из 2-й ударной армии наступали 22, 25, 53-я и 59-я стрелковые бригады. Роты у них состояли из 10–15 бойцов, собранных из тыловых подразделений. Противник заметил передвижение бригад к коридору и подверг их жестокой бомбардировке. В 2 часа ночи красноармейцы бросились на врага без всякой артподготовки, так как снарядов не было, вклинились в оборону противника и даже форсировали р. Полисть, продвинувшись на 100–150 метров. С рассветом 6 июня они выдержали огонь немецкой артиллерии и отбили несколько контратак, но затем у них кончились патроны, и враг опять закрыл коридор.

165-я дивизия понесла огромные потери. 5 июня она только с 16 часов 30 минут до полуночи потеряла 3753 человека, а 6 июня ее потери достигли уже 8 тыс. человек из 12, прибывших из

Сибири на фронт. Поляну перед Мясным Бором у Теремца-Курляндского, где началась трагедия 165-й дивизии, ее воины назвали «Поляна Смерти».

Белые ночи и превосходство немецкой авиации не позволяли наладить снабжение 2-й ударной армии воздушным путем. Нормы питания, которые и так были меньше блокадных ленинградских, постоянно сокращались. Тяжелее всех в окружении приходилось раненым. На 10 июня их скопилось в кольце 5 тыс., причем более 1,5 тыс. из них находились на совершенно открытом месте, под бомбами на платформах узкоколейки.

Большие потери несли не только советские части, но и противник. Весь Мясной Бор и соседние леса были завалены трупами немецких солдат и офицеров. В мае – июне в батальонах вражеских дивизий оставалось по 40–70 человек. Немецкое командование перебрасывало под Мясной Бор по воздуху из Германии новые маршевые батальоны, делая все, чтобы не допустить прорыва окруженных.

8 июня Ставка восстановила Волховский фронт, командовать им вновь стал Мерецков. Войска Ленинградского фронта принял генерал Л.А. Говоров. Сталин приказал Мерецкову вывести 2-ю ударную армию из кольца, хотя бы без тяжелого оружия и техники.

11 июня для освобождения Южной дороги Мерецков придал 52-й армии 25-ю кавалерийскую дивизию 13-го кавалерийского корпуса, которая действовала в пешем строю. 12 июня советские войска предприняли попытку атаковать противника, потеснили его на несколько сот метров, но, понеся большие потери, к исходу дня вернулись на исходный рубеж. Упорные, ожесточенные бои продолжались и в последующие дни. К 20-м числам июня вся местность у Мясного Бора была завалена трупами в несколько рядов, так что гусеницы танков вязли в сплошном месиве человеческих тел, и их приходилось очищать железными крючьями. И все же вечером 21 июня части 52-й и 59-й армий пробили наконец коридор шириной 250–400 метров вдоль узкоколейки и соединились со 2-й ударной армией.

Однако утром 22 июня противник ворвался в коридор с севера. 59-я армия и окруженные войска сумели отразить его атаку и даже расширили к вечеру горловину до 800 метров, захватив узкоколейку. На южном фланге 300 бойцов 38-го стрелкового полка 65-й стрелковой дивизии неоднократно сходились с врагом врукопашную, и на знамени полка осталось 38 пробоин. В последний момент бойцы вызвали на себя огонь реактивной артиллерии, и враг не прошел. К 20 часам 22 июня

через коридор огня и крови вышли около 6 тыс. красноармейцев. Вместе с ними по приказу Ставки выходило и гражданское население. После тяжелых боев к 23 июня коридор расширился до 1 км, однако по-прежнему простреливался насквозь. Командование фронта формировало из выходивших из окружения людей отряды и посылало их опять в бой, удерживать фланги коридора. Но большой пользы такие отряды голодных людей принести не могли, так как «вышедшие бойцы, – отмечал Мерецков, – были изнурены и подавлены морально». Подтверждение этому находим в докладе начальника особого отдела Волховского фронта старшего майора госбезопасности Мельникова: «..Бойцам и командирам… выдавалось от 10 до 50 грамм сухарей, в отдельные дни бойцы продуктов не получали вовсе, что увеличило число истощенных бойцов, и появились случаи смертности от голода.

Заместитель начальника политотдела 46-й дивизии Зубов задержал бойца 57-й стрелковой бригады, который вырезал из трупа убитого красноармейца кусок мяса для питания. Будучи задержан, боец по дороге умер от истощения.

Питание и боеприпасы в армии вышли, подвоз их воздухом из-за белых ночей и потери посадочной площадки у деревни Финёв Луг по существу был невозможен» [232] .

А вот фрагменты боевых донесений 2-й ударной армии. 16 июня 1942 г.: «Войска армии в течение трех недель ведут напряженные, ожесточенные бои с противником в сложной обстановке, с полным напряжением сил, и в течение 15 дней части получают лишь по 80 грамм сухарей и кашу. В результате чего личный состав войск до предела измотан, увеличивается количество смертельных случаев, и заболеваемость от истощения возрастает с каждым днем. Вследствие перекрестного обстрела армейского района войска несут большие потери от артминометного огня и авиации противника, который ежедневно, по нескольку раз в день бомбит и штурмует боевые порядки частей и боевую технику, нанося последней большой урон. Количество раненых, находящихся в чрезвычайно тяжелых условиях, достигает 9 тысяч человек. В батальонах, бригадах и стрелковых полках дивизий осталось в среднем по нескольку десятков человек».

20 июня 1942 г.: «Части второй ударной армии соединились с прорвавшимися танками и небольшой группой пехоты 59-й армии. Артиллерия с востока не работает, танки не имеют снарядов».

21 июня 1942 г.: «Войска армии получают по 50 грамм сухарей. Последние три дня продовольствия совершенно не было.

Доедаем последних лошадей. Люди до крайности истощены. Наблюдается групповая смертность от голода».

22 июня 1942 г.: «Войска армии четвертые сутки без продовольствия. Авиация противника работает, не встречая сопротивления».

24 июня 1942 г.: «Прохода нет, раненых эвакуировать некуда. Раненые, техника и вся армия под угрозой. Прошу вмешательства. Всеми наличными средствами прорываемся с западного рубежа реки Полисть на восток, вдоль дорог, севернее узкоколейки».

24 июня противник вначале сократил коридор до 300 метров, а во второй половине совсем закрыл его и приступил к полному уничтожению окруженных. Оценив обстановку и видя явную неудачу с прорывом, Военные советы Волховского фронта и 2-й ударной армии отдали распоряжение выходить из окружения мелкими группами, самостоятельно. Как отмечалось в докладе начальника штаба Волховского фронта: «С 23 июня 1942 года командарм отдал устное распоряжение всем начальникам родов войск и командирам соединений уничтожить всю технику армии. С получением этого распоряжения началось массовое уничтожение и порча матчасти, вооружения, автотранспорта, средств связи и оставшихся боеприпасов и разного имущества. В течение 23 и 24 июня 1942 года всюду наблюдались пожары и взрывы. 24 июня начальники родов войск доложили командарму о том, что техника армии была уничтожена. Только незначительная часть орудий и автомашин попали в руки врага в исправном виде» [233] .

Но именно потери в технике, а отнюдь не в людях волновали Генеральный штаб. Это подтверждается его указаниями командованию фронта от 24 июня 1942 г.: «Из донесений штаба Волховского фронта известно, что здоровые бойцы из частей 2-й ударной армии с оружием выводятся в прорыв (выводятся из окружения . – *Авт* .) и резервируются за линией фронта 59-й армии.

Генеральный штаб считает, что такая практика вывода 2-й ударной армии может привести к тому, что здоровые люди могут выйти из окружения, оставив всю технику противнику, и рекомендует до выхода всей техники не ослаблять сил 2-й ударной армии преждевременным изъятием из нее здоровых бойцов с оружием, а усилить ее подачей необходимого количества пополнения, боеприпасов и продовольствия» [234] . Таким образом, прорыв из окружения по узкому, простреливаемому со всех сторон коридору, по мнению подписавших документ заместителя начальника и военного комиссара Генерального штаба П.И. Бодина и Ф.Е. Бокова,

является «преждевременным изъятием» из армии бойцов.

Вечером 24 июня 59-я армия снова пробила коридор шириной до 250 метров. К окруженным прорвалась 29-я танковая бригада, ей навстречу продвигались 46-я и 382-я стрелковые дивизии.

Штаб и тылы армии по плану должны были идти последними. С собой командарм Власов оставил своих заместителей, членов Военного совета, Особый отдел, начальника штаба, начальника связи и охрану штаба – всего около 120 человек. В 23 часа 24 июня они двинулись к штабу 46-й стрелковой дивизии, чтобы вместе с ней идти на прорыв. Однако дивизию им разыскать не удалось. Более того, отряд Власова сбился с пути, попал под пулеметный и артиллерийско-минометный огонь противника, повернул назад и вышел к командному пункту 382-й стрелковой дивизии, где было решено переждать обстрел. Но враг прорвался к отряду с запада по просеке. Начальник связи армии генерал-майор А.В. Афанасьев собрал 50 бойцов, которые отразили атаку. В этот момент Власов находился в шоковом состоянии, потерял ориентировку во времени и пространстве и не мог адекватно реагировать на происходившее. Вместо него командование временно принял Афанасьев и повел отряд во вражеский тыл, чтобы перейти линию фронта в другом месте [235] .

Остатки 2-й ударной армии враг разрезал на две части: у Северной дороги и узкоколейки сражались подразделения 327, 46, 382, 92-й стрелковых дивизий, 53-й и 57-й стрелковых бригад; за Южной дорогой у Замошья – 305-я стрелковая дивизия, 59-я стрелковая бригада, отдельные подразделения 19-й гвардейской стрелковой дивизии. Сюда же отошли тыловые подразделения армии, рядом с трудом отражала удары врага 23-я стрелковая бригада. Общего командования не было, но бойцы продолжали сражаться и обеспечивать выход других подразделений из окружения.

27 июня командование Волховского фронта предприняло последнюю попытку разорвать кольцо окружения. Успехом она не увенчалась. А штаб 2-й ударной армии продолжал двигаться на север. В пути от него отделялись разные группы, и, наконец, Власов остался с двумя солдатами и поваром М.И. Вороновой. 12 июля в поисках пищи солдаты направились в одну деревню, Власов и Воронова – в соседнюю Туховежи. Там местный отряд самообороны принял их за партизан и запер в сарае. Утром 13 июля прибыл немецкий патруль во главе с офицером разведки и переводчиком. Когда они открыли дверь в сарай, в проеме показался человек в советской военной форме, в котором немцы

по фотографии опознали генерала Власова. Последний на ломаном немецком заявил: «Не стрелять, я генерал Власов». Затем он протянул немцам бумажник с документами. Так излагались события в немецкой книге «Битва за Ленинград», изданной в Риге в 1944 г. Еще раньше, 19 июля 1942 г., то же самое сообщалось в берлинской русскоязычной газете «Новое слово».

Главное командование вермахта 28 июня 1942 г. сообщило, что «в результате грандиозной наступательной операции прорыв врага через Волхов с целью деблокады Ленинграда потерпел крах и привел к тяжелому поражению противника. По данным на сегодняшний день, враг потерял 32 759 пленными, 649 орудий, 171 танк и 2904 пулемета, миномета и автомата и другую боевую технику. Потери врага погибшими превышают пленных в несколько раз» [236] . На следующий день последовало опровержение Совинформбюро, которое заявило: «Гитлеровские писаки приводят астрономическую цифру в 30 000 якобы захваченных пленных, а также о том, что число убитых превышает число пленных во много раз. Разумеется, эта очередная гитлеровская фальшивка не соответствует фактам. По неполным данным, в этих боях немцы потеряли только убитыми не менее 30 тысяч человек. Части 2-й ударной армии отошли на заранее подготовленный рубеж. Наши потери в этих боях до 10 тысяч человек убитыми, около 10 тысяч человек пропавшими без вести» [237] .

На самом деле в Любанской операции и при выходе 2-й ударной армии из окружения погибли около 150 тыс. человек, причем, по приблизительной оценке штаба 18-й немецкой армии, непосредственно в Волховском котле погибли свыше 130 тыс. человек [238] . И эта цифра очень близка к истине. В начале наступления, 7 января 1942 г., войска, принимавшие участие в операции, насчитывали 325 700 человек. По сведениям, опубликованным в книге «Гриф секретности снят», потери этих войск за время операции с 7 января по 30 апреля 1942 г. составили 95 064 человека убитыми. Далее в книге приведены данные о потерях в операции по выводу 2-й ударной армии из окружения с 13 мая по 10 июля 1942 г. Из них следует, что 2-я ударная, 52-я и 59-я армии на 13 мая 1942 г. имели в своем составе 231 900 человек, погибли по 10 июля включительно 51 482 человека. Суммировав все приведенные сведения о числе погибших, получим 146 546 убитых за все время любанских боев и при прорыве из окружения. Но в это число не попадают погибшие в окружении раненые. 30 июня 1942 г. на обеде в ставке Гитлера командующий группой армий «Север» генерал-

фельдмаршал Г. Кюхлер заявил, что в Мясном Бору первоначально были схвачены 10 тыс. раненых. «Однако, – цинично добавил Кюхлер, – в сводках эта цифра не фигурировала, поскольку на болотистой местности было совершенно невозможно оказать им помощь и они все погибли» [239] . По свидетельству местных жителей, «в конце июня немцы начали прочесывать лес с собаками. Тяжелораненых тут же пристреливали, ходячих брали в плен». Одна из жительниц Финёва Луга вспоминала: «В Финёвке было много немцев, даже штаб какой-то стоял. А в поселок, где до войны жили рабочие торфопредприятия, летом 1942-го согнали наших пленных. Много их было, худых, голодных. Болели, умирали. Самих заставляли могилы рыть. Сбрасывали в ямы и трупы, и тяжелобольных живыми закапывали» [240] .

Однако обобщенные сведения не позволяют представить потери по каждой армии Волховского фронта в отдельности. Особенно трудно определить потери 2-й ударной армии при выходе из окружения в 20-х числах июня. Количество погибших в Мясном Бору и попавших в плен точно не известно. Некоторое представление о состоянии вышедших из окружения соединений и частей дает книга очевидца тех событий В.А. Кузнецова «Моя книга памяти. Дневник из «Долины Смерти». Он приводит следующие цифры, записанные им на служебном совещании сразу же после выхода из окружения.

92-я стрелковая дивизия – всего в дивизии 220 человек. Наличное оружие: винтовок и автоматов – 23, пистолетов – 70.

382-я стрелковая дивизия – всего 303 человека. Вооружение дивизии: 115 винтовок, 34 ППШ, 53 пистолета, 3 автомашины.

327-я стрелковая дивизия – 172 человека.

259-я стрелковая дивизия – 330 человек. Вооружение: винтовок – 118, ППШ – 10, ручных пулеметов – 2, пистолетов – 31, автомашин – 16.

267-я стрелковая дивизия – 114 человек. Вооружение: винтовок – 8, карабинов – 4, автоматов – 3, пистолетов – 25, автомашин – 47.

46-я стрелковая дивизия – 235 человек. Винтовок – 78, ППШ – 22, автомашин – 19.

23-я отдельная стрелковая бригада – 137 человек, винтовок – 37, ППШ – 9, автомашин – 14.

25-я стрелковая бригада – 198 человек, из них 140 раненых и ослабленных.

57-я стрелковая бригада – 148 человек, винтовок – 2, карабинов – 16, ППШ – 9, пистолетов – 12, автомашин – 1.

59-я стрелковая бригада – 90 человек, винтовок – 18, ППШ –

3, пистолетов – 24.

166-й отдельный танковый батальон – 48 человек [241] .

Так выглядели соединения и части 2-й ударной армии после выхода из окружения. Всего же из Мясного Бора с мая по осень 1942 г. вышли 16 тыс. человек.

Неудачное завершение Любанской операции и трагедия 2-й ударной армии не были случайны. Они явились результатом взаимодействия объективных и субъективных причин. К объективным причинам относится прежде всего значительный перевес врага в силах, технических средствах и обеспеченности боеприпасами. Сказались и ошибки командования РККА в организации действий, причем на всех уровнях. В связи с этим участник боев у Мясного Бора маршал авиации Герой Советского Союза А.П. Силантьев отмечал: «Когда Вторая ударная армия гибла в волховских болотах, мы видели, что это результат просчета и Верховного Главнокомандования. Я полгода висел над этой армией и потерял там много боевых товарищей. Гибель армии была величайшей трагедией тысяч солдат и офицеров, всю вину за которую потом свалили на изменника генерала Власова. Нелепо оправдывать предателя, но истина в том, что армия ему досталась уже в катастрофическом состоянии».

Действительно, судьбу 2-й ударной армии во многом определили просчеты Ставки, то есть Сталина, в планировании всей зимней кампании 1942 г.: сроки проведения важнейших операций выдвигались нереальные, не обеспеченные материальными и людскими ресурсами, стратегические резервы распылялись по нескольким фронтам и направлениям. Невысокий уровень стратегического руководства применительно к Волховскому фронту проявился в приказе Ставки ввести 2-ю ударную армию в прорыв в узкой полосе, едва пробитой в обороне врага. Глубоко ошибочными оказались и дальнейшие распоряжения Ставки, когда неосмотрительная поспешность сменилась чрезмерным промедлением с приказом о выводе армии из окружения. Хотя ответственность за это, в некоторой степени не безосновательно, была возложена на командующего войсками Ленинградского фронта генерала Хозина. В своем отчете начальник Особого отдела Волховского фронта старший майор госбезопасности Мельников так и написал: «Окружение 2-й ударной армии противнику удалось произвести только из-за преступно-халатного отношения командующего фронтом генерал-лейтенанта Хозина, не обеспечившего выполнения директивы Ставки о своевременном отводе войск армии из-под Любани и организации боевых операций в районе Спасской Полисти» [242] .

Отрицательную роль в проведении Любанской операции

сыграла также неспособность Ставки организовать взаимодействие Волховского фронта с 54-й армией Ленинградского фронта, хотя это является одной из ее прямых функций. План общего наступления 54-й и 2-й ударной армий Ставка разработала только к 28 февраля, когда наступление 2-й ударной на Любань уже не имело перспектив.

Другим крупным просчетом Ставки явилось решение расформировать Волховский фронт, что, в свою очередь, имело тяжелые последствия. Этот фактор усилился негативным воздействием на руководство Волховского фронта представителей Ставки – Мехлиса, Ворошилова, Маленкова, которые, не обладая должной компетенцией в военном деле, лишь оказывали давление на Мерецкова и командующих армиями, чтобы «любой ценой» выполнить приказы Сталина. В целом представители Ставки ничем не улучшили положение Волховского фронта и 2-й ударной армии.

Сразу же после завершения боев под Любанью немецкое командование приступило к подготовке новой операции по захвату Ленинграда. 23 июля 1942 г. Гитлер подписал директиву № 45 для группы армий «Север», в которой приказывал завершить штурм города не позднее первых чисел сентября. Для решения этой задачи была выделена освободившаяся после завершения штурма Севастополя в июне 1942 г. 11-я армия под командованием Э. фон Манштейна. После отдыха и пополнения она была перегруппирована из группы армий «Юг» в группу армий «Север». Вместе с пехотными соединениями под Ленинград перебрасывалось большое количество осадной артиллерии: мортиры калибра 220 и 420 мм («Толстая Берта»), 400-мм гаубицы. Кроме того, из Франции, Чехословакии и Германии прибывали артиллерийские установки на железнодорожных платформах с 240– и 210-мм орудиями, 177-мм французские пушки с дальностью стрельбы до 30 км и снарядами большой разрушительной силы. Выбор именно 11-й армии для удара по Ленинграду был вполне очевиден: войска Манштейна получили опыт в штурме крупного города в течение полугодовой битвы за Севастополь. Первоначально операция получила название «Фойерцаубер» («Волшебный огонь»), затем ее переименовали в «Нордлихт» («Северное сияние»).

Фюрер приказал устроить в Ленинграде «величайший в мире фейерверк». По Ленинграду немецкие генералы планировали наносить бомбовые удары в течение пяти дней, с тем чтобы превратить город в руины. На полевые аэродромы немецкой авиации было подвезено огромное количество бомб. Дальнобойная и среднего калибра артиллерия получила

сверхнормативные боекомплекты.

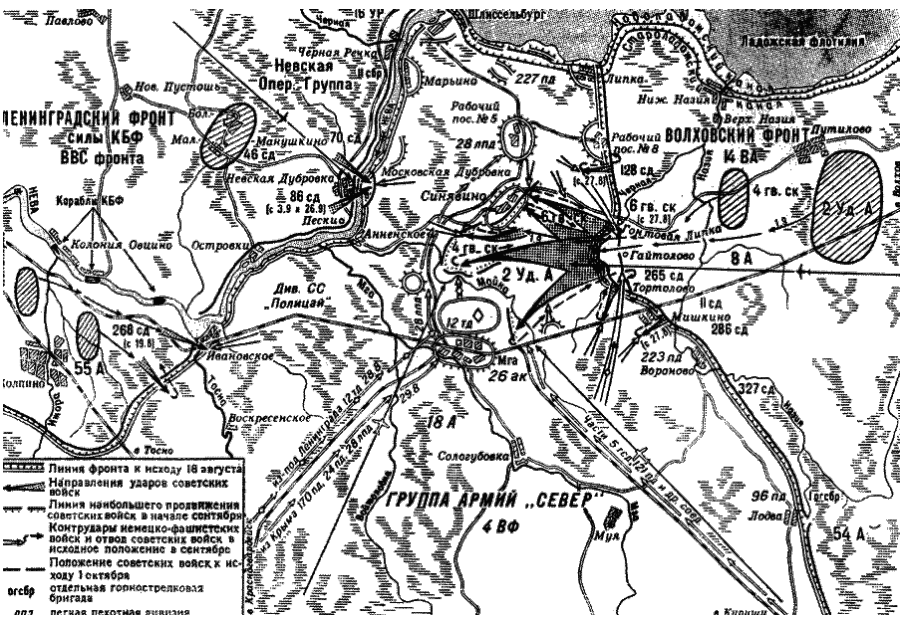
В то же самое время, не зная о планах противника, готовило наступательную операцию и советское командование. «В то время никто из нас не знал, что немецкое командование готовило в те же дни операцию по окончательному овладению Ленинградом, перебросило для усиления своей группы армий «Север» значительную часть войск из Крыма и дополнительно сосредоточило на подступах к блокированному городу крупные силы артиллерии и авиации, возложив общее руководство операцией на генерал-фельдмаршала Манштейна. Всего этого мы не знали и находились в неведении относительно мероприятий противника», – писал в воспоминаниях бывший командующий войсками Волховского фронта К.А. Мерецков [243] .

Поэтому никаких изменений в первоначальный план операции внесено не было. Он повторял замысел Синявинских операций осени 1941 г. – встречными ударами Ленинградского и Волховского фронтов разгромить шлиссельбургскую и мгинскую группировки противника и прорвать блокаду Ленинграда с суши. Главная роль в третьей Синявинской операции отводилась Волховскому фронту, ударная группировка которого должна была наступлением на Синявино и Мгу прорвать оборону противника, выйти к левому берегу Невы, соединиться там с войсками Ленинградского фронта. Этому фронту отводилась вспомогательная роль. Его войскам приказывалось своими ударами привлечь к себе возможно больше сил противника, способствуя войскам Волховского фронта в выполнении главной задачи.

Расстояние, разделявшее войска двух фронтов, составляло 16 км. Но что это были за километры? По всем естественным рубежам, вдоль рек и озер, вдоль оврагов и болот, по высотам и в лесных массивах, протянулись оборонительные позиции противника со множеством узлов сопротивления и опорных пунктов. В центре узлов сопротивления располагались артиллерийские и минометные батареи. Плотность противотанковых орудий составляла в среднем 7–8 на 1 км фронта. Личный состав размещался в прочных блиндажах, а передний край был прикрыт проволочными и минно-взрывными заграждениями.

Наступление также затруднялось крайне тяжелой местностью. Вот как характеризовал ее Мерецков: «Я редко встречал местность, менее удобную для наступления. У меня навсегда остались в памяти бескрайние лесные дали, болотистые топи, залитые водою торфяные поля и разбитые дороги. Трудной борьбе с противником сопутствовала не менее трудная борьба с

природой. Чтобы воевать и жить, войска вынуждены были строить вместо траншей дерево-земляные заборы, вместо стрелковых окопов – насыпные открытые площадки, на протяжении многих километров прокладывать бревенчатые настилы и гати и сооружать для артиллерии и минометов деревянные платформы… Обширные торфоразработки, протянувшиеся от побережья Ладоги до селения Синявино, а к югу от Синявино сплошные леса с большими участками болот, труднопроходимых даже для пехоты, резко стесняли маневр войск и создавали больше выгод для обороняющейся стороны. Почти единственным сухим местом на этом направлении были Синявинские высоты, которые на 10–15 метров возвышались над окружающей плоской равниной. Естественно, именно они стали ключевой позицией на пути наступления наших войск, тем более что с них противник имел круговой обзор на несколько километров» [244] . О местности пишет в своих воспоминаниях и Манштейн, но в отличие от Мерецкова он предельно лаконичен: «…Мы никогда не организовали бы прорыва на такой местности» [245] .



Наступательная операция Волховского и Ленинградского фронтов по прорыву блокады 19 августа – 10 октября 1942 г.

Наступление на синявинском направлении началось 19 августа силами 55-й армии на Тосно и Невской оперативной группы – на Синявино. Действуя совместно с десантами морской пехоты и при поддержке малых кораблей Балтийского флота, части 55-й армии форсировали Неву и захватили плацдарм в районе Ивановского. К сожалению, успех развить не удалось.

Противник начал быстро подтягивать в район боев резервы, предпринимая сильные контратаки, однако сбросить защитников с плацдарма не смог. Борьбу возглавил командир одного из полков 268-й стрелковой дивизии майор А.И. Клюканов. О героизме защитников «Ивановского пятачка» рассказала фронтовая газета «На страже Родины». Всему Ленинградскому фронту стали известны имена радистов-корректировщиков артиллерийского огня Р. Спринцова, С. Бубнова, В. Люкайтиса и М. Тютева. Отважные воины бесперебойно работали на дивизионной радиостанции, а в один из критических моментов боя, оказавшись в окружении, вызвали огонь на себя.

5 сентября Ставка приказала Л.А. Говорову силами трех дивизий Невской оперативной группы нанести удар по противнику из района Невской Дубровки. Больше всего Говоров не хотел форсировать Неву именно здесь, на старом, известном и пристрелянном участке. К тому же для подготовки наступления отводилось всего трое суток. За это время едва удалось перебросить части из района Усть-Тосно, так как с других участков фронта командующий опасался снимать войска из-за вновь нависшей над Ленинградом угрозы.

9 сентября, не успев нарушить вражескую систему огня, неорганизованно, в спешке, на узком участке в 4 км началось форсирование широкой Невы. Противник, открыв сильный артиллерийско-минометный огонь и нанеся удары авиацией, сорвал переправу. К новому наступлению Невской оперативной группы под командованием генерал-лейтенанта Д.Н. Гусева привлекались пополненные 86-я и 70-я стрелковые дивизии, 11-я отдельная стрелковая бригада и два отряда морской пехоты. В операции также приняли участие артиллерийские, танковые, инженерные части, авиация и корабли Балтийского флота. В ночь на 26 сентября по рубежу врага от Рыбацкого до Шлиссельбурга открыли огонь стоявшие на Неве эскадренные миноносцы и канонерские лодки. Батареи тяжелой морской артиллерии, расположенные в лесах правобережья Невы, вместе с гаубичными и другими полками наземной артиллерии накрыли синявинский выступ противника почти на всю его глубину. Легкая артиллерия, минометы, реактивные установки вели огонь по прибрежной полосе шириной 6–7 км, особенно в трех пунктах, намеченных для высадки первого десанта.

В 3 часа 30 минут утра под прикрытием дымовых завес началась высадка одновременно во всех трех пунктах первых подразделений десантников. Оборонявшиеся немецкие подразделения оказали ожесточенное сопротивление. Сотни орудий, минометов и пулеметов сосредоточили огонь по правому

берегу и переправам. Тысячи снарядов и мин разрывались на участках форсирования. Немецкая авиация, нанося бомбовые удары по советским войскам, совершила в тот день больше 300 самолетовылетов. В таких условиях их высадка продолжалась до 6 часов вечера. К исходу дня части 70-й стрелковой дивизии вновь захватили утраченный в апреле 1942 г. Невский пятачок.

В последующие дни танки вместе с пехотой стали пробиваться в глубину вражеской обороны. Подразделения 11-й стрелковой бригады, высадившиеся на левый берег в ночь на 28 сентября, вошли в боевые порядки 329-го и 68-го полков 70-й стрелковой дивизии, вели наступление на участке от 8-й ГЭС до немецкого опорного пункта Арбузово и завязали бои на его окраине. Через Неву переправились амфибийные танки; понтоны под огнем врага переправляли средние и тяжелые танки.

Днем 30 сентября противник предпринял контратаку на Арбузово. За нею в течение дня последовало еще шесть контратак, поддержанных бомбардировщиками. Но все эти контратаки были отбиты. Ожесточенные бои на Невском пятачке продолжались до 6 октября. Обе стороны несли серьезные потери. Манштейн запросил у ОКВ дополнительные силы и средства для пополнения своих обескровленных дивизий, однако в этом ему было отказано. В свою очередь, и войска Ленинградского фронта не смогли ни расширить захваченные плацдармы, ни соединиться с Волховским фронтом. По решению Ставки был отдан приказ об отводе основных сил для создания прочной обороны на правом берегу Невы.

Наступление войск Волховского фронта совпало с прибытием под Ленинград Э. Манштейна. Утром 27 августа 1942 г. после двухчасовой артиллерийской подготовки, завершившейся, как обычно, залпом гвардейских минометов, соединения 8-й армии генерала Ф.Н. Старикова перешли в наступление. Советским войскам на этом участке фронта противостояли 223-я и 227-я немецкие пехотные дивизии 26-го армейского корпуса. Большой объем подготовительных мероприятий обеспечил первоначальный успех операции. Несколько десятков артиллерийских полков Волховского фронта сокрушили фортификационные сооружения противника. На направлении главного удара с ходу была форсирована р. Черная. 366-й немецкий пехотный полк удалось отрезать от основных сил 227-й дивизии. В полосе ее обороны советские части овладели Рабочим поселком № 8.

К исходу второго дня наступления соединения 8-й армии подошли к поселку и железнодорожной станции Синявино. Однако на третий день продвижение вперед замедлилось. Первый

эшелон прорвал вражескую оборону на фронте в 5 км и углубился в боевые порядки противника на расстояние до 7 км. Но на этом инерция, приданная наступающей пехоте мощной артиллерийской подготовкой, закончилась. На пятые сутки возможности первого эшелона истощились. Этот момент командование фронтом сочло подходящим для ввода в сражение второго эшелона – 4-го гвардейского стрелкового корпуса. Требовалось срочно передислоцировать в боевые порядки наступающей пехоты и артиллерию, особенно крупных калибров. Однако, как свидетельствует Мерецков, «развертывание проходило в трудных условиях. Бойцы преодолевали обширные Синявинские болота, в ходе боя прокладывали дороги и одновременно отражали атаки противника. Ввод корпуса в сражение не был должным образом обеспечен артиллерийским огнем и авиацией… Непорядки допускались и в вопросах управления, которое то и дело нарушалось» [246] .

Подобные недостатки отмечались и в приказах Генерального штаба, адресованных штабу Волховского фронта. В них, в частности, отмечалось: «Недостаточная обеспеченность боеприпасами. Так, 191-я стрелковая дивизия при вводе ее в бой имела от 0,02 до 0,03 бк мин и 45-мм снарядов; части 259-й стрелковой дивизии вступили в бой, не имея ручных гранат.

Отсутствовала должная организация взаимодействия и управления боем. Командир 259-й стрелковой дивизии потерял управление полками и лживо информировал о положении частей дивизии. Командир 944-го стрелкового полка этой же дивизии в течение 2–3 сентября не имел связи с батальонами и в течение трех дней не смог найти минометной роты своего полка. 70-й армейский артиллерийский и 117-й минометный полки, которые должны были поддерживать 131-ю и 140-ю стрелковые бригады, в связь с бригадами не вошли и своим огнем бригады не поддержали.

Танковые бригады и батальоны действовали мелкими группами, на широком фронте, в результате чего потеряно 105 танков» [247] .

Немецкое командование, осознав возможные последствия мощного удара советских войск, который мог завершиться прорывом блокады Ленинграда, начало срочно перебрасывать на угрожаемые участки фронта подкрепления. Уже 29 августа западнее Келколово появились подразделения 170-й пехотной дивизии, только что прибывшие из Крыма. На станции Мга срочно разгружались 24-я и 132-я пехотные дивизии 30-го армейского корпуса. Эти соединения, недавно штурмом взявшие Севастополь, отличались исключительно высоким боевым духом,

слаженностью и умением воевать.

Вскоре советские войска начали терпеть первые неудачи – было разорвано советское кольцо и восстановлена связь с окруженным 366-м пехотным полком. 4 сентября Манштейн получил приказ Гитлера взять на себя командование этим участком фронта и восстановить положение. Фюрер был весьма обеспокоен обстановкой, складывающейся в полосе обороны 18-й немецкой армии группы армий «Север». Как отметил Манштейн: «И вот вместо запланированного наступления на Ленинград развернулось сражение южнее Ладожского озера [248] .

Уже на следующий день на ходе развития событий в районе Синявино сказалась высокая оперативно-тактическая подготовка нового немецкого командующего и его умение руководить войсками в сложной обстановке – немецкие войска добились крупного тактического успеха, окружив и уничтожив головную часть вбитого в их оборону клина советских войск.

В этой обстановке Военный совет Волховского фронта решил ввести в сражение третий эшелон – 6-й гвардейский стрелковый корпус и 2-ю ударную армию. Они вводились в сражение по частям и с длительным разрывом по времени. Это позволило немецкому командование усилить свои войска. Все атаки советских соединений, которые с каждым днем ослабевали, были отражены. Противник, завершив перегруппировку прибывших дивизий, 21 сентября начал наносить сильные контрудары с севера и юга под основания вклинения группировки Волховского фронта.

К 25 сентября, нанеся удар по сходящимся на Гайтолово направлениям, немецкие соединения отрезали от главных сил советские 4-й и 6-й гвардейские корпуса, 2-ю ударную и 8-ю армии. Так возник печально знаменитый Гайтоловский котел, еще его называют «Мешок Мерецкова». В последующие дни противником были успешно отражены сильные атаки советских войск с востока, имевшие целью деблокировать окруженные части. Одновременно он приступил к ликвидации окруженной советской группировки.

Как отмечает Манштейн: «… Всякая попытка с немецкой стороны покончить с противником атаками пехоты повела бы к огромным человеческим жертвам. В связи с этим штаб армии подтянул мощную артиллерию, которая начала вести по котлу непрерывный огонь, дополнявшийся все новыми воздушными атаками. Благодаря этому огню лесной район в несколько дней был превращен в поле, изрытое воронками, на котором виднелись лишь остатки стволов когда-то гордых деревьев-великанов» [249] . А вот что свидетельствует об этом К.А. Мерецков: «…В районе

вклинения непрерывно рвались снаряды и мины. Горели леса и болота, земля застилалась густым едким дымом. За несколько дней этой невероятной по своей силе артиллерийско-минометной и авиационной дуэли весь участок был превращен в изрытое воронками поле, на котором виднелись одни обгорелые пни» [250] .

Еще более откровенен, описывая в своем дневнике те события, командир советского 861-го стрелкового полка: «4 сентября. Вчера был дан приказ: прорыв на Ленинградское шоссе, на Московскую Дубровку. Похоже на то, что дальнейшее продвижение вперед без предварительного расширения вклинения на флангах – просто глупость. Однако наш 861-й стрелковый полк по решению командира корпуса генерала Гагена сегодня целый день атакует, но не сдвигается с места. До 18 часов полк потерял 65 процентов своего рядового состава и 100 процентов командиров.

4 и 5 сентября. Мы не продвинулись вперед.

9 сентября. Рядовой состав тает, но ни малейшего успеха. Крик, шум, угрозы, ругань – какой от всего этого прок…

12 сентября. Вражеская авиация все время бомбит. Вся земля дрожит от разрывов бомб. Кажется, немцы хотят сровнять все с землей. Их боевые машины идут непрерывным потоком и бомбят, бомбят. Когда все это кончится? Вокруг настоящий ад. Дорого нам обходится эта операция! На полосе двух километров до передовой сплошные трупы людей и лошадей.

16 сентября. От этих бомбежек можно сойти с ума. Из этого дьявольского котла вряд ли выберемся живыми. Год назад на этом же самом месте совершили такие же ошибки, были такие же неудачи. Когда же у нас будет так, как у других?

27 сентября. Артиллерия все время бьет по лесу. Он разбит до неузнаваемости. Наша операция равна нулю. Сейчас в окружении находятся шесть дивизий – 374, 259, 19, 191, 24, 294-я, из них две гвардейские, шесть бригад и несколько минометных и артиллерийских полков. Вернее, это лишь обозначение целых соединений. В каждом соединении осталось 7 или 10 процентов состава. Вражеский огонь ужасен. Мы все ждем уничтожения. Куда ни сунься, везде брешь закрылась» [251] .

30 сентября окруженные советские части предприняли последнюю попытку прорвать окружение. После отражения этих атак противник окончательно сжал кольцо окружения и соединился на берегах р. Черная. Тем не менее отдельные группы советских войск все еще держались в труднодоступной болотистой местности. Попытки оказать им помощь или прорваться к окруженным войскам предпринимались вплоть до 1

октября, однако все они закончились безуспешно. В тот день командующий войсками фронта Мерецков доложил в Ставку: «Проведя в боях более 30 дней и не получая пополнения, все дивизии сильно истощены. Помимо потерь в людях войска понесли значительные потери в материальной части от огня артиллерии, тяжелых минометов и особенно от массированных налетов бомбардировочной авиации противника» [252] .

Итог был подведен 15 октября, когда после сильной артподготовки части 227-й немецкой пехотной дивизии отбросили 8-ю армию на позиции, которые она занимала до начала Синявинской операции. На этом «сражение южнее Ладожского озера» завершилось.

Немецкий историк Х. Польман в своем исследовании «Волхов: 900 дней боев за Ленинград» так оценивал эти события: «Мощная артиллерия позволила немецкому командованию во взаимодействии с соединениями бомбардировщиков и пикирующих бомбардировщиков авиакорпуса генерал-полковника Рихтхофена разбить окруженные в котле восемь стрелковых дивизий, шесть стрелковых бригад и четыре танковые бригады и превратить болотистый лес в ад».

Собственные потери в личном составе в ходе операции штаб группы армий «Север» оценивал как тяжелые. С 28 августа по 30 сентября 1942 г. они составили: 671 офицер и 25 265 унтер-офицеров и рядовых. Из этого числа 172 офицера и 4721 солдат были убиты. Наиболее значительный урон понесли штурмовые подразделения пехоты и инженерно-саперные части. Вместе с тем, как отмечает Манштейн, «была израсходована значительная часть боеприпасов, предназначавшихся для наступления на Ленинград. Поэтому о скором проведении наступления не могло быть и речи» [253] . Кроме того, действия советских войск нарушили планы немецкого и финского командований по проведению совместной операции с целью перерезать Кировскую железную дорогу. Она намечалась после овладения немецкими войсками Ленинградом и высвобождения и перегруппировки ряда соединений в Карелию. Как отмечал немецкий генерал В. Эрфурт, в годы войны глава германской военной миссии при финской ставке, «дивизии 11-й немецкой армии, которые немецкое командование перебрасывало из Крыма для участия в наступлении южнее Ленинграда, пришлось бросить на оборону угрожающего участка фронта юго-восточнее Шлиссельбурга. Поэтому совместное наступление на Мурманскую железную дорогу было перенесено на более позднее время, т. е. на зиму 1942–1943 годов» [254] .

С другой стороны, по данным штаба Волховского фронта, безвозвратные потери его войск составили 40 085, а санитарные

потери – 73 589 красноармейцев и командиров, всего – 113 674 человека. И это без учета весьма чувствительного урона, понесенного Ленинградским фронтом в ходе форсирования Невы и захвата плацдармов в районе Дубровки и Анненского.

Удивляет другое – последовательность боевых действий в этой операции один к одному напоминает только что катастрофически завершившуюся для Волховского фронта Любанскую операцию, несколько уступая последней лишь по масштабам и протяженности. Как и там, успешное вклинение на узком участке в оборону противника, неудачная попытка развить успех, и, как ответная мера – нанесение врагом удара по сходящимся направлениям под основания вклинения, окружение и последующий разгром ударной группировки фронта. Очевидно, что никаких уроков и выводов из предыдущего поражения сделано не было.

Глава 4 Демянский тупик

В то время когда под Ленинградом группировки Ленинградского и Волховского фронтов предпринимали очередную попытку деблокировать город, зимой 1942 г. войска Северо-Западного фронта осуществили первую в Великой Отечественной войне наступательную операцию на окружение противника и блокировали в районе Демянска основные силы 16-й немецкой армии. Демянский котел – такое наименование получила окруженная группировка врага по названию районного центра Новгородской области – представлял собой полосу, вытянутую с запада на восток на 80 км. Немецкое командование считало эту территорию удобным плацдармом для нового наступления на Москву. Гитлер отдал приказ удерживать его любой ценой, назвав его «пистолетом, направленным в сердце России». Борьба приняла здесь затяжной, напряженный характер. Вплоть до марта 1943 г. войска фронта вели почти непрерывные бои с целью ликвидировать демянский плацдарм противника, но успеха не имели. Почему же, в отличие от немецких войск, которые в том же 1942 г. успешно завершили разгром окруженных советских группировок, в частности, 2-й ударной и части сил 33-й армий, командование Красной Армии не смогло добиться аналогичного результата?

Как известно, в начале января 1942 г. Ставка Верховного Главнокомандования, переоценив результаты успешного контрнаступления под Москвой, Тихвином и Ростовом, приняла решение начать общее наступление Красной Армии на всех стратегических направлениях советско-германского фронта, от Ленинграда до Крыма. При этом на северо-западном направлении планировалось нанести удар войсками Ленинградского, Волховского и правого крыла Северо-Западного фронтов с тем, чтобы разгромить основные силы немецкой группы армий «Север» и снять блокаду Ленинграда. Одновременно Северо-Западный фронт должен был наступать на старорусском и торопецком направлениях с задачей нанести поражение противнику в районе озер Селигер и Волго, обойти его ржевско-вяземскую группировку с запада, отрезать ей пути отхода и во взаимодействии с войсками Калининского фронта уничтожить ее.

Для решения задач, поставленных Ставкой, командующий войсками фронта генерал-лейтенант П.А. Курочкин создавал две ударные группировки. На правом крыле он сосредоточивал 11-ю армию в составе пяти стрелковых дивизий, десяти лыжных и трех танковых батальонов. Армия должна была нанести удар в

направлении Старая Русса, Сольцы, Дно и совместно с войсками левого крыла Волховского фронта разгромить новгородскую группировку противника. Войска левого крыла фронта в составе 3-й и 4-й ударных армий получили задачу нанести удар из района Осташкова в общем направлении на Торопец, Рудня. Действующая в центре оперативного построения фронта 34-я армия имела задачу не только обеспечить фланги двух ударных группировок, но и выйти на рубеж р. Порусья и во взаимодействии с 1-й и 4-й партизанскими бригадами завершить окружение и уничтожение противника в районе Демянска и овладеть Холмом. Решение армией одновременно двух задач при действиях в очень широкой полосе приводило к распылению ее сил, не позволяло достичь превосходства над противником ни на одном из направлений и лишало ее возможности нарастить усилия в случае успеха на каком-либо из них.

Но не только 34-й армии, но и всему Северо-Западному фронту явно недоставало сил, чтобы одновременно решать несколько разнообразных по своему характеру задач. К началу января 1942 г. фронт действовал в полосе шириной 250 км. В его состав входили 18 стрелковых дивизий, 10 стрелковых бригад, 22 лыжных батальона, 6 отдельных танковых батальонов, 171 тыс. человек, 172 танка, 2037 орудий и минометов. Обеспеченность войск артиллерией и минометами не превышала 65 % штатной численности. Особенно большим был некомплект противотанковых орудий и орудий крупных калибров. Авиация фронта насчитывала лишь 69 исправных самолетов [255] .

Войскам фронта предстояло наступать в исключительно тяжелых условиях лесисто-болотистой местности, холодной и снежной зимой. Вот что говорил об этом в своих воспоминаниях П.А. Курочкин: «Тот, кто бывал в тех местах, знает эти бескрайние, величественные леса, бесконечные топи и болота, огромные озера, деревни, разбросанные и затерянные в дремучих чащах. Очень мало дорог и вообще направлений, пригодных для действия больших масс войск. Фронт снабжался по Ленинградскому шоссе и единственной железнодорожной магистрали Ярославль – Рыбинск – Бологое, на которой сидели еще и Калининский фронт, и войска левого крыла Волховского фронта. Перегруженная сверх всяких норм, эта дорога подвергалась систематическим ударам вражеской авиации и часто выходила из строя. Остальные дороги, ведущие к войскам, – грунтовые. Распутица при оттепели делала их непроходимыми.

Подвоз то и дело нарушался. Зима выдалась суровой, снежной. Метели настолько заносили немногочисленные пути, что войскам, двигавшимся вперед, приходилось с великим трудом

прокладывать траншеи в огромных снежных напластованиях. Днем их расчищали, а ночью снова все заносило. По автомобильным дорогам машины двигались не быстрее 10–15 километров в час… Положение с боеприпасами, продовольствием и особенно горючим оставляло желать много лучшего. На складах армий автобензина не имелось почти совсем, а в баках машин его оставалось в среднем меньше ползаправки… Нужно было побывать там в памятную зиму 1942-го, чтобы в полной мере оценить все многочисленные трудности, возникавшие на каждом шагу» [256] .

Войскам Северо-Западного фронта на демянском направлении противостояли пять пехотных, две моторизованные (в том числе дивизия СС «Мертвая голова») и одна охранная дивизии 16-й армии группы армий «Север». Армию возглавлял 56-летний генерал пехоты Буш, командовавший ею с начала Второй мировой войны, активный участник военных действий против Польши, Франции, Бельгии, награжденный еще в мае 1940 г. высшей немецкой наградой – Рыцарским крестом. В составе группировки противника насчитывалось около 100 тыс. человек, 1600 орудий и минометов, в том числе около 750 орудий и минометов калибром 75 мм и крупнее. В целом войска Северо-Западного фронта превосходили ее по людям, танкам, орудиям и минометам. Однако по противотанковой артиллерии враг имел более чем двойное превосходство, по авиации он также превосходил советские войска. Кроме того, пяти слабо оснащенным дивизиям 34-й армии, предназначавшейся для непосредственной борьбы с демянской группировкой, противостояло до четырех вражеских дивизий, усиленных артиллерией.

Оборона немецких войск в полосе действий войск Северо-Западного фронта состояла из отдельных узлов сопротивления, оборудованных в населенных пунктах и занимавшихся небольшими гарнизонами. Как правило, эти опорные пункты перекрывали дороги и узлы дорог. На подступах к ним были отрыты окопы с ходами сообщения в тыл. Подступы к населенным пунктам были заминированы.

Наступление Северо-Западного фронта началось 7 января 1942 г. Как только опустились сумерки, на правом крыле фронта противника атаковали соединения 11-й армии генерал-лейтенанта В.И. Морозова. Используя внезапность перехода в наступление, они смогли уже в первый день операции прорвать вражескую оборону и продвинуться до 7 км. Ударная группировка армии в составе 182-й стрелковой дивизии полковника М.С. Назарова, 84-й – генерал-майора П.И. Фоменко и 188-й –

полковника Т.И. Рыбакова за несколько дней боев по снежной целине продвинулась более чем на 50 км, обошла фланг 290-й пехотной дивизии противника и завязала бой на северной и восточной окраинах Старой Руссы.

Героически сражался в городе батальон капитана А.Ф. Величко из 595-го стрелкового полка 188-й стрелковой дивизии. Появление воинов батальона на улицах Старой Руссы было для противника полной неожиданностью. Возникла паника. Многие немецкие солдаты выскакивали из домов в нижнем белье. Стрелковые подразделения очистили от врага ряд улиц и с боем овладели Красными казармами. К сожалению, остальные силы дивизии прорваться в город не смогли, и батальон оказался в окружении. Почти целый день шел неравный бой. Тяжелое ранение получил и капитан Величко. Однако он продолжал управлять боем, пока не потерял сознание. К вечеру противник захватил, а затем поджег дом, где находились раненые советские воины, в том числе капитан Величко. Все раненые и санитары были уничтожены в огне. Когда стало ясно, что удержать Красные казармы невозможно, командир дивизии полковник Т.И. Рыбаков приказал группами выходить из окружения. Из всего батальона в живых осталось лишь несколько человек [257] .

В то же время выброшенные вперед лыжные батальоны перерезали дороги, ведущие от Старой Руссы на Шимск. Частью сил армия блокировала ряд опорных пунктов на р. Ловать северо-восточнее и восточнее города. В ночь на 11 января в штабе Северо-Западного фронта была получена директива Ставки за подписью И.В. Сталина и А.М. Василевского с требованием в течение дня овладеть Старой Руссой. При этом рекомендовалось «максимально использовать для этой цели артиллерийские и минометные средства 11-й армии и часть авиации фронта и громить вовсю противника в городе Старая Русса, не останавливаясь перед разрушениями в городе» [258] . Однако взять город с ходу не удалось. Артиллерия отстала в глубоких снегах, и стрелковые части атаковали его без достаточной огневой поддержки. Перегруппировка соединений и частей осуществлялась медленно. Это позволило противнику создать на окраинах сильные опорные пункты, подготовить к обороне буквально каждый дом. Бои за город приняли затяжной, кровопролитный характер.

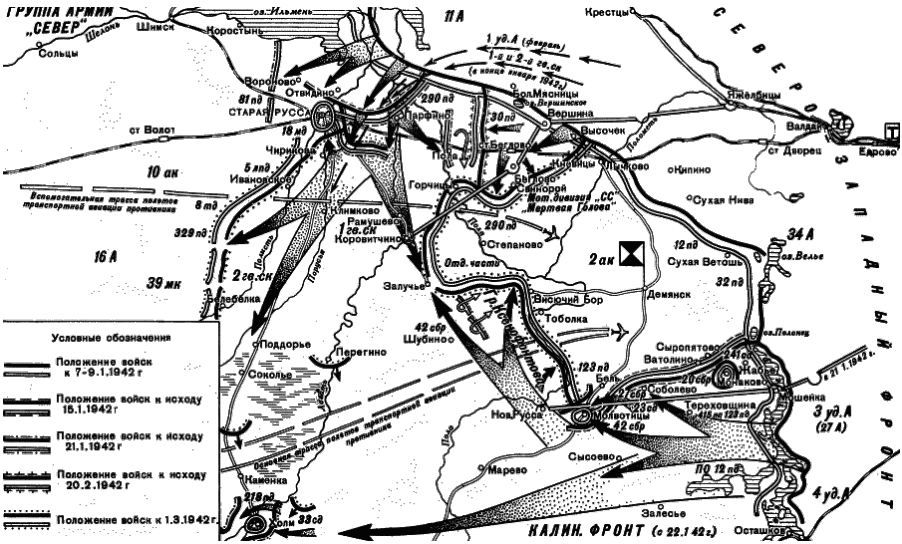
На левом фланге 11-й армии действовала 180-я стрелковая дивизия полковника И.И. Миссана. Ее задача заключалась в том, чтобы, скрытно выдвинувшись по бездорожью к р. Ловать, захватить на ней плацдарм и, развивая наступление в направлении станции Пола, выйти в тыл 290-й пехотной дивизии

противника. Боевые действия 180-й дивизии наглядно показывают, с какими трудностями сталкивались советские войска при ведении наступления в лесисто-болотистой местности. Так, маршрут действовавших в первом эшелоне 21-го и 86-го стрелковых полков пролегал по мелкому низкому кустарнику. Утопая по пояс в снегу, прорубая топорами и лопатами кустарник, бойцы настойчиво продвигались вперед, несли на своих плечах пулеметы, выталкивали застревавшие в снегу орудия, сани с продовольствием и боеприпасами. Каждый метр пути стоил огромных физических усилий.

Преодолев с ходу р. Ловать, подразделения двух полков прошли еще один лесной массив и, обойдя вражеские гарнизоны, оказались в тылу 290-й немецкой пехотной дивизии. Вскоре они скрытно подошли к деревне Юрьево – крупному узлу обороны противника. После тщательной разведки батальоны по-пластунски приблизились с трех сторон к населенному пункту. Удар был неожиданным и ошеломляющим. Мощную поддержку атакующим оказали минометы и пулеметные подразделения. Красноармейцы быстро окружали дома, в которых засели солдаты врага, забрасывали их гранатами, расстреливали сопротивлявшихся из винтовок и автоматов. Вскоре немецкий гарнизон был полностью разгромлен. В ходе боя были захвачены пленные, 7 орудий, 3 пулемета и 12 автомашин [259] .

Оставив для обороны Юрьево несколько подразделений, командир дивизии приказал главным силам продолжить наступление в направлении сильного узла сопротивления противника – Парфино. Уже на первых километрах приданные дивизии танки встретили препятствие – двойной ряд лесных завалов, перед которыми тянулись ряды колючей проволоки. Головной танк, пытавшийся обойти завал, продавил замерзшую поверхность болота, и другому танку пришлось вытаскивать его из трясины. После этого обе боевые машины, стреляя на ходу из пулеметов и пушек, подошли вплотную к завалу и смяли проволочные заграждения. Один из танков начал взбираться на поваленные деревья, но тут же был обездвижен взрывом противотанковой мины. Под прикрытием огня артиллерии к завалу подошли еще три танка. Танкисты выбросили дымовые шашки. Под защитой танков и покровом дымовой завесы пехотинцы и саперы расчистили проход. Лишь после этого танки смогли вести огонь по вражеским дзотам и огневым позициям противотанковой артиллерии. Потеряв два танка, один из них безвозвратно, подразделения дивизии уничтожили пять дзотов, несколько артиллерийских орудий до взвода пехоты. Но, как оказалось, это был лишь один из немногих рубежей

сопротивления противника. Умело используя местность, прежде всего ограниченное количество дорог и лесных просек, немецкое командование последовательно эшелонировало на них опорные пункты, которые занимались небольшими, обеспеченными всем необходимым для боя гарнизонами. Поддерживаемые огнем артиллерии из глубины и ударами авиации, они на длительное время задерживали продвижение советских войск и срывали выполнение ими боевых задач.



Боевые действия Северо-Западного фронта по окружению демянской группировки противника в январе-феврале 1942 г.

Одновременно с 11-й армией вечером 7 января перешли в наступление и соединения правого фланга 34-й армии генерал-майора Н.Э. Берзарина. Преодолевая упорное сопротивление противника, они медленно продвигались вперед, стремясь перехватить линию железной дороги на участке Лычково – Пола. Бои и здесь с первого дня приняли ожесточенный характер. Так, 645-й стрелковый полк 202-й стрелковой дивизии 8 января овладел станцией Беглово. Однако в результате того, что другие полки дивизии успеха не имели и были отброшены в исходное положение, 645-й полк с приданной ему пушечной батареей 652-го артиллерийского полка был отрезан от главных сил дивизии и продолжал сражаться в условиях полного окружения. В ночь на 9 января пришла тревожная радиограмма, в которой сообщалось, что подразделения в тылу врага несут значительные потери, в числе убитых командир полка – майор И.А. Лобода.

Через линию фронта немедленно был направлен майор С.Т. Натарашвили, который на рассвете следующего дня по радио доложил о том, что принял командование полком. Около 50 дней

героически сражались воины 645-го стрелкового полка под командованием Натарашвили в окружении, отражая в отдельные дни до десяти атак противника. За это время они освободили 16 населенных пунктов, уничтожили множество солдат и офицеров врага [260] .

Действия полка сыграли решающую роль в нанесении поражения 290-й пехотной дивизии врага. Полк, вклинившись в расположение противника, перехватил его выгодные коммуникации на стыке между частями 290-й и 30-й дивизий и тем самым затруднил маневрирование немецких войск, выдвигавшихся для поддержки 290-й пехотной дивизии. За смелые и успешные действия в тылу врага 645-й стрелковый полк был награжден орденом Красного Знамени. Орден Красного Знамени был вручен и командиру полка. В условиях Северо-Западного фронта, где советским войскам до того времени приходилось в основном обороняться, такое событие можно считать исключением.

9 января перешли в наступление 3-я и 4-я ударные армии. Одновременно с ними началось наступление левого фланга 34-й армии. Здесь наступала только одна ее дивизия – 241-я стрелковая, которой командовал полковник И.Д. Черняховский – в будущем самый молодой по возрасту командующий войсками фронта в годы Великой Отечественной войны. В течение первых дней операции дивизия по льду форсировала оз. Селигер и прорвала первый оборонительный рубеж по его западному берегу. Далее ее части подошли к Ватолино, где совместно с 20-й стрелковой бригадой 3-й ударной армии приступили к окружению противника, оборонявшего этот пункт. В упорных боях они окружили к 15 января вражеские гарнизоны в Монакове, Ватолине, Молвотицах, но овладеть населенными пунктами не смогли. Командующий войсками фронта генерал Курочкин в связи с этим указывал командующим армиями: «Вы ведете бои за овладение населенными пунктами неправильно. Это наглядно видно на примере боев за Молвотицы и Ватолино. Вместо глубокого обхода населенных пунктов Вы их окружаете непосредственно, сковывая при этом крупные силы и замораживая их. Противник этим очень умело пользуется. Еще три-четыре такие операции, как операция под Молвотицы и Ватолино, и все Ваши силы будут заморожены. Двигаться вперед будет нечем» [261] . Но для быстрого обхода противника необходимы были подвижные соединения и части, а их в армиях как раз-то и не было. Бои на этом участке фронта приняли позиционный характер [262] .

В то же время главные силы 3-й ударной армии, 17 января

захватив город Красный Клин, продолжили наступление в направлении Холма. 20 января 33-я стрелковая дивизия вышла к городу и завязала бои на его окраинах. Одновременно 257-я стрелковая дивизия и 31-я стрелковая бригада обошли Холм глубоко с юга. С этого момента началась многомесячная борьба за город.

Затянувшиеся бои за Молвотицы и Ватолино заставили командующего 3-й ударной армией генерал-лейтенанта М.А. Пуркаева выделить значительные силы для обеспечения своего правого фланга и тем самым еще больше ослабить группировку, наступавшую совместно с 4-й ударной армией в юго-западном направлении. Таким образом, начав наступление на участке в 27 км, 3-я ударная армия к 21 января действовала в полосе шириной до 200 км. Ее ударная группировка, вынужденная действовать во все расширяющейся полосе, потеряла свою ударную силу.

Не менее важной причиной малоуспешных действий 3-й ударной и 34-й армий являлось слабое насыщение войск артиллерийскими средствами. Так, например, перед началом наступления плотность артиллерии в полосе действий 3-й ударной армии не превышала 20 орудий и минометов на 1 км фронта. С расширением же полосы наступления в ходе операции эта плотность уменьшалась до 2–3 орудий и минометов на 1 км.

Тем не менее переход в наступление Северо-Западного фронта вызвал серьезную тревогу у германского командования. В журнале военных действий генерального штаба вермахта 10 января отмечалось: «16-я армия: на ее южном фланге наши войска ведут тяжелые оборонительные бои против сильного наступления врага. Наступление на участке фронта юго-восточнее озера Ильмень отбито. На нижнем течении Ловати наш фронт вражеским наступлением отброшен к Старой Руссе… Мы подтягиваем резервы».

Еще через двое суток последовала новая запись, констатировавшая дальнейшее ухудшение обстановки: «Враг продолжает свое наступление на всем фронте озер, он занял Пено, а также многие сражавшиеся до последнего опорные пункты; он нанес удар севернее озера Святое и прорвался своими частями в район 15 километров юго-восточнее Молвотицы. Мы вводим все имеющиеся в распоряжении резервы» [263] .

В общей сложности за первые несколько дней операции немецкое командование ввело в сражение дополнительно две пехотные и одну моторизованную дивизии 16-й армии, а также три пехотные дивизии 9-й армии группы армий «Центр». Кроме того, на передний край обороны были направлены последние

резервы – строительные батальоны, тыловые учреждения и всевозможные вспомогательные части. 12 января командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал Лееб обратился к Гитлеру с просьбой разрешить отступление с демянского плацдарма и отвести 16-ю армию на рубеж Старая Русса, Холм. Лееб не верил в возможность удержания района Демянска, ибо считал, что для этого нет достаточных сил. Но Гитлер целиком отверг предложение фельдмаршала и потребовал «всеми силами удерживать фронт на Валдайской возвышенности». Фельдмаршал, осмелившийся возразить решению Гитлера, вместе со своим начальником штаба генералом Бреннеке 16 января был отстранен от должности. Командующим группой армий «Север» стал до этого командовавший 18-й армией генерал-полковник Кюхлер.

22 января Ставка включила левофланговые 3-ю и 4-ю ударные армии Северо-Западного фронта в состав Калининского фронта; одновременно из 3-й ударной армии она передала в 34-ю две стрелковые дивизии и три стрелковые бригады, которые, действуя в своих полосах, были скованы боями с немецкими частями. К тому времени войска Северо-Западного фронта охватили демянскую группировку противника с севера, востока и юга, однако для ее полного разгрома имевшихся сил было явно недостаточно. Многие стрелковые дивизии и бригады понесли настолько тяжелые потери, что без усиления их пополнением практически были не способны не только наступать, но и обороняться. К примеру, в трех стрелковых полках 163-й стрелковой дивизии 34-й армии насчитывалось 115, 284 и 344 человека соответственно. В 241-й стрелковой дивизии той же армии численность полков составляла 195, 248 и 353 человека [264] .

В целом, подводя итог январских боев, командование Северо-Западного фронта отмечало, что «фронтовая наступательная операция, имевшая целью к концу января 1942 г. разгром 16-й армии и нанесение поражения левому флангу 9-й армии немцев, в полном объеме не была выполнена. Мы недостаточно серьезно оценили оборону противника. В течение 4–5 месяцев, используя наши старые позиции и строя новые укрепления, он сумел создать такую систему опорных пунктов и узлов сопротивления, об которую неоднократно разбивались наши атаки…

Отрицательными моментами являлись: недостаточное материальное обеспечение, отставание и отсутствие тылов и даже артиллерии, отсутствие снарядов, продовольствия и т. д. Полное игнорирование элементов времени, пространства и особенностей действий в зимних условиях. Недостаточный учет физических возможностей войск. Отсутствие сильных фронтовых и армейских

резервов, которыми можно было реагировать на ход боя. Действия войск на решающих направлениях слабо прикрывались и поддерживались авиацией».

Ну что же, ничего нового в выводах командования фронта по существу нет. Все эти недостатки характерны абсолютно для всех советских фронтов, ведущих по решению Сталина неподготовленное наступление зимой 1942 г. на трех стратегических направлениях советско-германского фронта.

Не удовлетворившись достигнутыми результатами, Ставка приняла решение передать Северо-Западному фронту свои резервы – 1-ю ударную армию, 1-й и 2-й гвардейские стрелковые корпуса. 24 января она утвердила план разгрома демянской группировки, который представил генерал-лейтенант П.А. Курочкин. Его суть состояла в том, чтобы встречными ударами войск из-под Старой Руссы в южном направлении, а от Молвотиц (28 км юго-западнее Демянска) – в северном окружить и уничтожить немецкие войска в районе Демянска.

Вместе с тем эта задача, по оценке Ставки, была частной, второстепенной. Она по-прежнему недооценивала способности к сопротивлению находившихся в демянском выступе под угрозой окружения немецких войск. А потому главную задачу Северо-Западного фронта видела в том, чтобы «заслонившись со стороны Пскова, Острова, ударом в северо-западном направлении перерезать основные коммуникационные линии ленинградско-волховской и новгородской группировок противника и во взаимодействии с Волховским и Ленинградским фронтами разбить их» [265] . Для выполнения этой – главной задачи, а не для окружения и разгрома противника в районе Демянска и предназначалась 1-я ударная армия.

В конце января в районе к востоку от Старой Руссы завершалось сосредоточение 1-го и 2-го гвардейских корпусов. Вслед за ними начали прибывать соединения 1-й ударной армии. Сосредоточение войск проходило в исключительно тяжелых условиях. Они двигались по одной заснеженной дороге. На переходе тылы, артиллерия и танки отстали от стрелковых соединений. Прибывавшие части были недостаточно укомплектованы автотранспортом и слабо обеспечены боеприпасами, горючим, теплым обмундированием, валенками, продовольствием, фуражом. Особенно плохо были обеспечены части 1-го гвардейского стрелкового корпуса, которым командовал генерал-майор А.С. Грязнов. 26 января находившийся при корпусе офицер Генерального штаба докладывал его начальнику маршалу Б.М. Шапошникову: «1-й гвардейский в материально-техническом отношении не обеспечен для

выполнения боевых заданий. Операция обречена на неудачу в связи с задержкой эшелонов в пути. Прошу операцию корпуса временно отложить» [266] .

И все же 29 января 1-й гвардейский стрелковый корпус, не завершив полностью сосредоточение (не прибыли одна стрелковая и одна танковая бригады, корпусная артиллерия, подразделения тылового обеспечения), был поспешно введен в сражение. Он начал наступление одновременно в южном и восточном направлениях в полосе шириной до 40 км. Со стороны противника здесь действовали хорошо укомплектованные 30-я пехотная дивизия и моторизованная дивизия СС «Мертвая голова».

Действуя в условиях бездорожья, при слабой артиллерийской поддержке, части корпуса, разбросанные в широкой полосе, наступали медленно. Это вызвало неудовольствие Ставки. 3 февраля 1942 г. Сталин связался по прямому проводу с генералом Грязновым и лично дал ему указания, как вести наступление. Обращая внимание на плохую разведку, он требовал в любую погоду использовать для этого самолеты У-2, которых в корпусе не было. Он приказал командиру корпуса «двигаться сильной группой, не растягиваться… Иметь всегда группу, а не разрозненные полки и батальоны, передовым частям не удаляться» [267] . Но эти указания Сталина о действиях компактными группировками из-за широкой полосы наступления корпуса практически были невыполнимы.

3 февраля в полосе между Старой Руссой и р. Ловать был введен в сражение 2-й гвардейский стрелковый корпус под командованием генерал-майора А.И. Лизюкова. В первый день наступления он с боями продвинулся к югу на 15 км и вышел на Холмское шоссе.

Немецкое командование, оценив угрозу охвата демянской группировки с северо-запада, попыталось нанести контрудар по флангу наступавшей здесь группировки советских войск. В случае его успеха значительно затруднялись действия ударной группировки Северо-Западного фронта южнее Старой Руссы в целях завершения окружения 16-й немецкой армии. Основную роль в контрударе должна была сыграть 5-я егерская дивизия, незадолго до этого переброшенная из Франции. Ей были приданы танковый батальон, три штурмовых орудия, рота саперов и разведотряд дивизии СС «Мертвая голова». Пехоту и танки активно поддерживали артиллерия и авиация.

Утром 9 февраля немецкая артиллерия и бомбардировочная авиация нанесли удары по позициям, пунктам управления и тылам 188-й стрелковой дивизии 11-й армии. После этого

перешли в наступление два егерских полка 5-й дивизии. На направлении их главного удара занимали оборону 27-й лыжный батальон и 523-й стрелковый полк. Ценой больших потерь противнику удалось захватить несколько ДЗОТов в расположении 2-го и 3-го батальонов полка, а затем потеснить и лыжный батальон. На угрожаемое направление были выдвинуты отдельный батальон и учебная рота дивизии. В ожесточенном бою они сумели отразить атаку.

В 14.15 из района Медникова враг возобновил боевые действия силами до двух батальонов. Пехоту поддержали танки. Наступил решающий момент. Тонкая цепочка нашей обороны едва держалась. Командир дивизии использовал свой последний резерв: он ввел в бой в направлении деревни Липовцы батальон истребительного полка. Тяжелый бой продолжался до глубокой ночи. Отдельные участки позиций по четыре-пять раз переходили из рук в руки. К исходу дня, потеряв несколько танков, три сбитых зенитчиками дивизии самолета «Юнкерс», несколько сот солдат и офицеров, противник вынужден был отказаться от продолжения контрудара. На следующий день в дневнике начальника генерального штаба сухопутных войск вермахта генерала Гальдера появилась запись: «Контратака двумя полками 5-й легкой пехотной дивизии от Старой Руссы не удалась» [268] .

Успешное отражение контрудара противника позволило 2-му гвардейскому стрелковому корпусу продолжить наступление и 15 февраля в районе Холма войти в соприкосновение с частями 3-й ударной армии. В результате были перерезаны пути подвоза демянской группировки противника и создан внешний фронт окружения.

1-я ударная армия перешла в наступление 13 февраля южнее Старой Руссы сильно ослабленной. Еще до ее прибытия в районы предназначения командование фронта начало забирать из армии части и соединения, направляя их в свой резерв или в оперативное подчинение 11-й армии. Три стрелковые бригады, большая часть артиллерии и почти все органы тыла находились в пути. В ходе сосредоточения войска израсходовали горючее, продовольствие, фураж и вступали в бой, не имея запасов. Командующий армией генерал-лейтенант В.И. Кузнецов просил перенести срок перехода в наступление на двое суток, но просьба его удовлетворена не была. Соединения армии вводились в бой поспешно, не успев провести рекогносцировку на местности, разведку противника и организовать взаимодействие. В первый день наступления они, оттеснив немецкие части на внешнем фронте окружения, продвинулись на 3–4 км, подошли к р. Полисть, а на правом фланге вышли на западный берег р.

Холынья.

С учетом того, что узлы сопротивления противника располагались в основном в населенных пунктах, значение которых в условиях суровой зимы трудно переоценить, бои за них велись, не прекращаясь, по несколько суток. Так, 13 февраля 1942 г. 201-я стрелковая дивизия двумя стрелковыми полками – 92-м и 122-м – перешла в наступление в направлении деревни Бородино, расположенной в 20 км южнее Старой Руссы. 17 февраля, после четырехдневных упорных боев, 122-й стрелковый полк при поддержке танков овладел деревней. Столько же времени потребовалось 92-му стрелковому полку, чтобы захватить соседние деревни – Выставка и Чухново. Введенный в бой 18 февраля 191-й стрелковый полк дивизии получил задачу занять расположенную на р. Полисть деревню Утошкино. Подразделения наступали при 20-градусном морозе. Враг яростно сопротивлялся, нанося сильные удары авиацией и артиллерией. Бывший командир полка Р. Варкалн вспоминал: «Погода стояла ясная. С 9 часов утра и до 5 часов вечера над нами непрерывно висели самолеты противника. В атаках принимали участие от девяти до тридцати самолетов сразу, они появлялись волнами и бомбили лес, где располагались мы, снижаясь над деревьями метров на 200–300…» [269] К концу дня некоторым подразделениям полка удалось ворваться на окраину деревни, однако ожесточенная контратака противника заставила их отойти. В целом за две недели армия продвинулась на правом фланге только на 12, а на левом до 20 км, не выполнив поставленной задачи.

В это время войска, действовавшие с целью создания внутреннего фронта окружения, преодолевая упорное сопротивление противника, медленно продвигались вперед. 25 февраля части 1-го гвардейского стрелкового корпуса вышли в район Залучья, охватив 16-ю немецкую армию с северо-запада. Навстречу им с юго-востока и юга двигались соединения 34-й и 3-й ударной армий. Каждый километр им приходилось преодолевать с боем, каждый населенный пункт брать штурмом. Характерными в этом смысле являются действия 23-й стрелковой дивизии 34-й армии. В полосе ее наступления оборонялась 290-я немецкая пехотная дивизия. Передний край ее обороны опирался на естественный рубеж из ряда населенных пунктов, вытянутых с севера на юг: Мотыренку, Большой и Малый Заход, Пестовку, Любецкое, Большой и Малый Калинец, Дуплянку, Ольховец, Заречье. Эти десять населенных пунктов на фронте в 12 км были превращены в опорные пункты, между которыми поддерживалось огневое взаимодействие. Каждый опорный пункт занимался

одной-двумя пехотными ротами с пулеметами, орудиями, минометами.

На второй линии, на глубине 3 км, в Большом Яблонове и Веретейке были созданы батальонные узлы сопротивления. Полковые резервы и штабы полков располагались западнее, в Сельце и Тополеве. Штаб дивизии с дивизионным резервом занимал районный центр Пола. Общая глубина оборонительной полосы немецкой дивизии достигала 8–10 км.

Первая попытка 23-й стрелковой дивизии овладеть Любецким и Большим Калинцом была неудачной. Противник приспособил для обороны дома, разместился в полуподвалах и на чердаках, откуда вел прицельный пулеметный и автоматный огонь. Стрелковым подразделениям не удалось преодолеть открытое заснеженное поле, которое отделяло исходное положение от населенного пункта. Необходимо было искать новые способы атаки.

Вначале, используя ночное время, стрелковые батальоны при помощи отрытых в снегу в сторону противника траншей приблизили исходное положение для атаки до 100 метров. Затем на открытые огневые позиции для стрельбы прямой наводкой была выведена вся дивизионная и полковая артиллерия. Внезапный шквал огня в упор из двадцати дивизионных, полковых и батальонных орудий в сочетании с огнем пулеметов и автоматов быстро сделал свое дело. Рушились стены, валились чердаки и крыши; огонь и дым, пламя разрывов ошеломили противника. Не успел он опомниться, а пехота уж ворвалась на улицу. Туда же, для закрепления успеха, артиллеристы покатили пушки. После десятиминутного боя Большой Калинец был освобожден [270] .

Следующим опорным пунктом на пути движения дивизии стала Веретейка. Деревня была расположена на возвышенности, из нее хорошо просматривалась и простреливалась вся прилегавшая местность. Немецкие войска, учтя применяемую дивизией тактику коротких огневых ударов прямой наводкой и быстротечных атак, создали вокруг Веретейки внешний оборонительный обвод. С трех угрожаемых сторон они опоясали ее двухметровым снежным валом с амбразурами для стрельбы из автоматов и пулеметов.

Высокий снежный вал, удаленный от построек на 200–300 метров, хорошо маскировал огневые средства, позволял противнику скрытно маневрировать вдоль фронта живой силой и таким образом создавать преувеличенное впечатление о своих силах и огневой мощи. С населенным пунктом вал был соединен прорытыми в снегу траншеями.

Попытка Новгородского стрелкового полка овладеть Веретейкой с ходу оказалась неудачной. Снежный вал явился дополнительным препятствием, помешавшим атаке. Под утро полк атаковал вторично, однако опять безуспешно. Правда, пехоте удалось проникнуть через вал и захватить на окраинах несколько домов, но закрепиться там она не смогла. Ожесточенными контратаками немецкий гарнизон восстановил положение.

На третью ночь к атаке Веретейки были привлечены уже два стрелковых полка. Новгородский полк, вступив в бой первым, атаковал северную окраину деревни. Штурмом брался каждый дом. Завершали дело автоматы и ручные гранаты, а когда не помогали и они, то подкатывались пушки. В это время противник начал подтягивать к деревне подкрепления из соседних опорных пунктов. Приближался кризис ночного боя.

Но вот грохот и треск захватили и южную окраину. Это вступил в бой Казанский стрелковый полк. Никакие контратаки противника уже не могли изменить положения. К утру веретейский гарнизон был полностью разгромлен. Развивая успех, Новгородский стрелковый полк, сломив ожесточенное сопротивление врага в лесу западнее Веретейки и захватив там склады с продовольствием и боеприпасами, вышел на подступы к Херенкам. Немецкие подразделения, почувствовав приближение советских войск, заперли пленных в колхозном сарае и в бане и подожгли. В разгар боя из объятых пламенем построек неслись душераздирающие крики и мольбы о помощи. Когда подразделения полка захватили Херенки, было уже поздно. Рядами лежали на снегу обуглившиеся трупы, и каждый боец, проходя мимо, невольно срывал с головы шапку и клялся отомстить врагу [271] .

После этого ни огонь, ни снежный вал не смогли остановить подразделения полка на подступах к деревне Тополево. В ходе ожесточенного скоротечного боя они овладели ею с ходу, захватив пленных, две батареи тяжелых орудий, трофеи и документы немецкого пехотного полка. Выйдя на восточный берег р. Полы, части 23-й стрелковой дивизии вошли в соприкосновение с пехотой и лыжниками 1-го гвардейского стрелкового корпуса. В тот же день, 20 февраля, произошло соединение южной ударной группы 34-й армии с частями того же гвардейского корпуса в районе Залучья. Так после многодневных напряженных боев сомкнулось кольцо окружения вокруг демянской группировки врага. В «котел» попали части 290, 123, 12, 30-й и 32-й пехотных дивизий, а также моторизованная дивизия СС «Мертвая голова». Общая численность окруженных

войск составляла почти 96 тыс. человек.

Внешний фронт окружения проходил от оз. Ильмень, восточнее Старой Руссы и далее на юг до Белебелки. Далее до Холма, в обширном болотистом районе, был разрыв в линии фронта протяжением в 50 км. Этот труднопроходимый район контролировался советскими партизанами, лыжными подразделениями и аэросанными батальонами. Удаление внутреннего фронта от внешнего составляло 30–40 км.

После создания фронтов окружения перед войсками Северо-Западного и Калининского фронтов стояла задача как можно быстрее ликвидировать окруженного противника, пока он не создал прочной круговой обороны. Однако наступление на внешнем и внутреннем фронтах постепенно затухало. Операция принимала затяжной характер.

25 февраля Ставка отметила, что «ликвидация окруженной демянской группы противника, из-за слабой согласованности действий частей 3-й ударной армии Калининского фронта с частями 1-го гвардейского стрелкового корпуса и 34-й армии Северо-Западного фронта и из-за отсутствия единого руководства этими войсками, проходит исключительно медленно.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает объединить управление всеми войсками, привлеченными для ликвидации демянской группы противника, в руках командующего Северо-Западным фронтом товарища Курочкина и возложить на него ответственность за быстрое пленение или уничтожение этой группы противника…

Ставка Верховного Главнокомандования требует от командующего Северо-Западным фронтом решительными действиями 34-й армии и 1-го гвардейского стрелкового корпуса, усиленных войсками, передаваемыми в оперативное подчинение из состава Калининского фронта, непрерывно и настойчиво сжимать кольцо окружения демянской группировки противника и не позднее как в четырех – пятидневный срок покончить с нею» [272] .

Но время уже было упущено, немецкое командование успело развернуть оборонительные группировки на угрожаемых направлениях, создать систему огня и противотанковую оборону, накопить резервы. Теперь для уничтожения противника требовались значительные силы, особенно артиллерии и авиации, а их не было. Не хватало боеприпасов, горючего, продовольствия. 28 февраля член Военного совета Северо-Западного фронта А.М. Пронин докладывал: «23-я и 130-я стрелковые дивизии, 20, 27-я и 86-я стрелковые бригады, приданные нам в оперативное подчинение, находятся в крайне тяжелом положении. Фуража

нет, продовольствия в среднем 0,5 сутодачи, многие виды продуктов совсем отсутствуют, боеприпасы на исходе. Прошу вмешаться в это дело и выправить положение». В другой телеграмме говорилось: «154-я стрелковая бригада стоит без горючего, а в 42-й стрелковой бригаде нет снарядов. Прошу принять меры к обеспечению» [273] .

9 марта Ставка приказала расширить фронт наступления и уже не «сжимать кольцо окружения», а дробить силы противника на отдельных важнейших направлениях. Она предлагала рассечь окруженную группировку противника на отдельные изолированные очаги с одновременным или последовательным пленением и уничтожением его гарнизонов. Ставка отклонила ходатайство командующего войсками Северо-Западного фронта об отводе войск из низинного участка восточнее Старой Руссы. Она предложила избежать последствий половодья решительным захватом Старой Руссы и вынесением линии фронта к западу от этого города.

Судя по многочисленным указаниям Ставки Северо-Западному фронту, можно считать, что она стремилась покончить с окруженной группировкой противника в самые сжатые сроки. Верховное Главнокомандование оказывало помощь фронту дополнительно выделяемыми силами и средствами, хотя и в небольшом масштабе. Вместе с тем в руководстве Ставки боевыми действиями войск имелись такие крупные недочеты, как неправильная оценка обстановки, преуменьшение возможностей противника, переоценка возможностей своих сил. Проявляемая Ставкой излишняя спешка, беспрерывное дерганье фронтового и армейских командований, отдача им противоречивых указаний вызывали нервозность у исполнителей, скованность, боязнь ответственности за принятие самостоятельных решений.

В свою очередь, командование фронта и армий, не имея опыта ведения наступательных операций, допускало серьезные просчеты. Удары по противнику часто наносились рассредоточенными силами в широких полосах, одновременно на многих направлениях, без достаточного обеспечения средствами усиления. Как отмечалось в докладе Северо-Западного фронта: «…Танки в настоящее время отсутствуют полностью, в авиации имеется всего лишь исправных 23 самолета У-2, которых явно недостаточно. Ни на одном участке фронта мы решающего превосходства сил не имеем, и создать его при наличии указанных сил также не имеем возможности» [274] . Наступление фронта велось при постоянном недостатке боеприпасов, горючего, фуража и продовольствия. Это приводило к тому, что войска несли большие потери от огня артиллерии и минометов

противника, который, находясь в обороне, расходовал в 2–3 раза больше боеприпасов, чем наши наступавшие части.

Крупный недостаток в действиях советских войск заключался в том, что окруженная группировка не была прочно блокирована с воздуха. Враг имел в то время довольно сильную группировку транспортной авиации. Командование же Северо-Западного фронта не сумело организовать достаточно эффективную воздушную блокаду. Это дало противнику возможность перебрасывать по воздуху окруженным войскам пополнение, боеприпасы, продовольствие и эвакуировать раненых. Уже 20 февраля первые 40 Ю-52 приземлились на аэродроме Демянска. Вскоре была расчищена еще одна площадка в районе деревни Пески, но взлетно-посадочная полоса там была очень короткой, доступной только опытным летчикам. До конца февраля к снабжению демянского «котла» были привлечены еще четыре авиагруппы транспортной авиации, в том числе одна переброшенная со Средиземноморья и отвлеченная от снабжения Роммеля в Африке. Посадка на аэродромах Демянск и Пески была возможна только в светлое время суток, и поэтому полеты в «котел» осуществлялись днем одиночными самолетами или небольшими группами. Однако интенсивный огонь с земли заставил немецких летчиков сменить тактику на полеты большими группами до 30 машин на высоте 2500 метров. Такая высота делала их недосягаемыми для огня стрелкового оружия.

В марте германское командование организовало помощь своей демянской группировке в довольно крупных размерах. За первую декаду месяца транспортная авиация сделала в район Демянска 1088 самолетопролетов, за вторую – 778, за третью – 1204. Она перебросила на пополнение окруженных войск до десяти запасных батальонов. Гитлер не пожалел даже батальон своей личной охраны – так называемый 1-й батальон «Лейбштандарт», тоже отправленный в Демянск. Всего же за время действия воздушного моста немецкие ВВС в течение года совершили 33 086 вылетов, доставили наземной группировке 30 500 солдат и офицеров, 64 844 тонны грузов, вывезли 35 400 раненых. При этом потери самолетов составили 265 машин [275] .

Массированное использование транспортной авиации позволило командованию вермахта усилить боевой состав окруженной группировки, улучшить ее материально-техническое обеспечение и тем самым создать предпосылки для длительного сопротивления в условиях полного наземного окружения. Окруженную группировку возглавил командир 2-го армейского корпуса генерал-лейтенант Брокдорфф. Еще 18 февраля, за два

дня до полного окружения, он отдал подчиненным войскам приказ, в котором отмечал: «Нас 96 000. Германский солдат превосходит русского, а это решающий фактор! Так пусть приходят суровые дни, мы выстоим!» [276] .

Основу оборонительной группировки окруженных войск составляла дивизия СС «Мертвая голова», которая была разделена на две боевые группы, усиленные пехотными подразделениями других дивизий. Наиболее сильной группой, оборонявшейся в юго-западном секторе кольца, командовал непосредственно сам командир дивизии обергруппенфюрер СС Эйке. Вскоре эта группа в результате атак советских войск, в свою очередь, была раздроблена на несколько изолированных групп, занимавших оборону в населенных пунктах и удерживавших все дороги. Положение еще более осложнилось после того, как советская авиация подожгла зажигательными бомбами занимаемые эсэсовскими подразделениями деревни. Понимая, что обстановка безнадежная и уничтожение его боевой группы неизбежно, поскольку теперь в ней насчитывалось всего 1 460 офицеров и рядовых, Эйке сообщил о своем отчаянном положении непосредственно Гиммлеру с просьбой о немедленной присылке пополнений [277] . Эта просьба была услышана, и 7 марта в Демянск были переброшены подкрепления для дивизии. Но они не смогли компенсировать понесенных потерь. В ходе ожесточенных мартовских боев дивизия СС «Мертвая голова» потеряла 7 тыс. солдат и офицеров убитыми, ранеными и пропавшими без вести [278] .

И все-таки эта дивизия имела важное преимущество перед другими, обычными пехотными дивизиями – она имела зимнее обмундирование. Суровые зимние условия, непривычные для немецких солдат, угнетающе действовали на них. Вот что вспоминал один из очевидцев тех событий: «Часовых в окопах нужно было сменять каждые полчаса. Нельзя было браться за оружие без рукавицы, иначе рука примерзала к железу. Участились случаи, когда люди отмораживали ноги, руки или лицо. Если раненых не удавалось сразу вынести за линию огня, они погибали мучительной смертью. Павшие в бою за краткий срок окоченевали; трупы, изуродованные судорогой, укладывались, как дрова, штабелями, в сараях, так как их невозможно было похоронить в земле. Первоначально мы пытались взрывами зарядов динамита готовить могилу, но почти безуспешно. Мертвые, как и живые, должны были ждать наступления весны.

Оставшиеся в живых прятались в бункерах и избах. Только солдаты, стоявшие снаружи на часах или выполнявшие иную

службу, получали полушубки и валенки, добытые в России.

Провидение послало нас на эту войну, когда грело солнце. Однако и старые, опытные офицеры генерального штаба не позаботились о том, чтобы приготовить зимнее обмундирование для миллионов немецких солдат. Они намерены были взять Москву осенью и покончить с коммунизмом, но они не приняли во внимание коммунистов. Вера в непогрешимость верховного руководства сменилась беспокойством и мрачными предчувствиями, но немецкие солдаты сражались и мерзли на льду и в снегу, потому что этого требовала от нас железная дисциплина. Они сражались, не имея зимнего обмундирования, они погибали и замерзали, многие с невысказанным вопросом на устах: почему?» [279] .

Если оборонявшиеся в демянском «котле» части немецких войск обладали хоть какой-то свободой маневра для усиления тех или иных направлений, имели возможность осуществлять перегруппировку и восстанавливать в ходе контратак утраченное положение, то находившийся в блокаде в 90 км южнее гарнизон города Холма был лишен и этой возможности. Эта группировка, объединенная под командованием командира 281-й охранной дивизии генерал-майора Ширера, насчитывала до 5500 человек, представлявших различные части, подразделения и тыловые учреждения 16-й немецкой армии. В нее входили части 123-й и 218-й пехотных дивизий, последнюю из которых только что перебросили на Восточный фронт из Дании, пехотный полк 329-й пехотной дивизии, горные стрелки, организованные в 8-й диверсионно-десантный отряд, дивизион авиаполевого полка, резервный полицейский батальон. Из этих разношерстных частей и отрядов противнику удалось создать боеспособную боевую группу. Занимаемая ею территория составляла всего 2,5 кв. км.

Снабжение группы могло осуществляться только по воздуху. На поле перед передним краем «котла», на нейтральной полосе немецкие саперы соорудили взлетно-посадочную полосу размерами 70 на 25 метров. Любое приземление на ней было связано с огромным риском, и вскоре поле покрылось обломками самолетов. Поэтому люфтваффе переключились на использование планеров для переброски подкреплений и тяжелого вооружения, а продовольствие и боеприпасы стали сбрасывать в контейнерах. Всего в холмском «котле» приземлилось 80 планеров. В процессе обеспечения снабжения люфтваффе потеряли 27 «юнкерсов» [280]
.

Немецкий гарнизон в Холме практически не имел артиллерии, за исключением нескольких минометов и 37-мм противотанковых пушек, а также двух легких полевых орудий.

Тяжелые пушки или гаубицы отсутствовали. Орудия, которые отражали атаки советских частей постановкой заградительного огня, занимали огневые позиции в 10 км от Холма. В самом городе действовали передовые наблюдатели, которые вызывали и корректировали огонь артиллерии по средствам связи.

Советские войска твердо намеревались овладеть Холмом до начала оттепели. В некоторые дни они атаковали город по несколько раз. Незначительные их вклинения тотчас локализовывались в ходе ожесточенных рукопашных схваток. Атаки повторялись вновь и вновь. Захватывались разрушенные строения или отдельные заснеженные высотки. Но немецкие подразделения немедленно бросались в контратаку с ручными гранатами и огнеметами. Так все и шло день за днем. Бесчисленные атаки и такие же бесчисленные жертвы со стороны как наступавших, так и оборонявшихся.

Наступившая в марте распутица до крайности осложнила снабжение войск Северо-Западного фронта. Начались перебои в поставках боеприпасов и продовольствия. Как отмечал один из ветеранов 180-й стрелковой дивизии 11-й армии: «…Наступили голодные дни. В пищу стали употреблять даже молодые сосновые шишки, кору деревьев. Росло количество бойцов, больных дистрофией. Дивизия снабжалась по воздуху, но этого явно не хватало. В таком же положении оказались многие соединения фронта, и особенно 1-я ударная армия» [281] . Вот что вспоминали ветераны этой армии, в частности, из 44-й отдельной стрелковой бригады: «Началась оттепель. Дороги пришли в негодность. Двигаться по ним было невозможно. Не выдерживали напряжения отощавшие лошади. Скорость движения автомашин была немногим больше скорости пешехода. И тогда тяжесть доставки необходимых переднему краю материальных средств взяли на себя люди. Группами бойцы направлялись за 30–40 километров на дивизионные склады и, увязая в грязи, несли на себе тяжелую ношу. Люди слабели. Продовольственный паек с каждым днем сокращался. Хлеб в части доставлялся нерегулярно и выдавался по 300 и даже по100 граммов на день».

В таких условиях немецкое командование приняло решение на проведение операции с целью деблокирования окруженных демянской и холмской группировок своих войск. Еще 18 февраля в ставку Гитлера были вызваны командующие группами армий «Север» и «Центр» фельдмаршалы Кюхлер и Клюге для обсуждения вопроса о силах, «которые они смогут дать в распоряжение ставки для деблокады «демянской крепости». Клюге обещал выделить для группы армий «Север» 3-ю танковую дивизию, Кюхлер – 5-ю егерскую. Конкретный план наступления с

целью освобождения 2-го армейского корпуса был выработан лишь в начале марта. Операция должна была состоять из двух этапов: первый – «прокладывание моста» к окруженным; второй – овладение шоссе Старая Русса – Демянск. Начало наступления намечалось на 20 марта.

3 марта 1942 г. для облегчения управления ударными группировками 10-го и 2-го армейских корпусов были созданы так называемые «корпусные группы». Они должны были наступать навстречу друг другу изнутри и снаружи демянского «котла». Группу, которая должна была наносить деблокирующий удар извне, возглавил генерал-лейтенант Зейдлиц-Курцбах. Ранее он командовал 12-й пехотной дивизией, но 1 января 1942 г. был переведен в резерв главного командования сухопутных войск. Осенью 1941 г. Зейдлиц вместе со своей дивизией наступал в тех же местах, где ему предстояло пробивать коридор к окруженным в районе Демянска дивизиям. Внутри «котла» был создан штаб «группы Цорна». Генерал-майор Цорн командовал 20-й моторизованной дивизией и был направлен в район Демянска специально для организации корпусной группы. Операция по деблокированию демянского «котла» получила кодовое наименование «Наводка мостов» [282] .

В группу Зейдлица вошли две егерские, две пехотные и одна моторизованная дивизии. Ей был придан батальон 203-го танкового полка, который на 20 марта насчитывал 49 танков, преимущественно с 50-мм короткоствольным орудием. Кроме того, в наступлении участвовали две батареи штурмовых орудий. Поддержку наступления с воздуха обеспечивал 1-й воздушный флот силами 130 бомбардировщиков и 80 истребителей.

В состав группы Цорна вошли моторизованная дивизия СС «Мертвая голова» и сводный «штурмовой полк» 2-го армейского корпуса, сформированный путем изъятия по одному батальону из состава 12, 30-й и 290-й пехотных дивизий и пяти батальонов из 32-й пехотной дивизии.

Противостоявшие ударной группе Зейдлица 11-я и 1-я ударная армии были почти равномерно растянуты в одну линию вдоль всего фронта, не имея резервов. 11-я армия, охватывая Старую Руссу с северо-запада, севера, востока и юго-востока, занимала полосу шириной 45 км. Основные ее силы по-прежнему были связаны безуспешной борьбой за Старую Руссу. 1-я ударная армия действовала на фронте протяженностью 55 км по рекам Полисть и Холынья. Командование Северо-Западного фронта своевременно не вскрыло сосредоточение крупной группировки противника южнее Старой Руссы, не выявило ее силы, намерения и не приняло мер подготовки к отражению контрудара.

На рассвете 21 марта группа Зейдлица нанесла внезапный удар в полосе шириной 4 км на смежных флангах 11-й и 1-й ударной армий. Наступление пехотных частей было поддержано крупными силами авиации, которая в течение дня произвела до 500 самолетовылетов. На направлении главного удара противника оказались части 201-й стрелковой дивизии. В первый день вражеского наступления подразделения ее 92-го стрелкового полка отразили четыре атаки. На следующий день врагу удалось продвинуться к деревням Чухново и Выставки. Подразделения 122-го стрелкового полка, оборонявшиеся в центре боевого порядка дивизии, под ударами противника отошли к деревне Вошково.

Когда все дома в населенных пунктах загорелись, и обороняться в них стало невозможно, 92-й и 122-й стрелковые полки покинули деревни и отошли в лес. «По сути дела, нельзя сказать, что подразделения 92-го стрелкового полка «отошли под исключительно сильным давлением значительно превосходящих сил противника»… С переднего края отошло всего несколько минометчиков, которые остались без мин… Пехотинцы не отходили, они оставались на своих позициях, погибая смертью героев», – вспоминал об этом бое начальник штаба дивизии О. Кинцис [283] .

За первые четыре дня боев группировке Зейдлица удалось вклиниться в боевые порядки дивизий 1-й ударной армии, продвинуться в юго-восточном направлении на глубину до 12 км и выйти на р. Порусья. Расстояние до окруженной группировки 16-й армии сократилось примерно вдвое. Демянская группировка, наносившая встречный удар, вследствие упорного сопротивления частей 1-го гвардейского стрелкового корпуса успеха не достигла. Чтобы остановить дальнейшее продвижение группы Зейдлица и отбросить ее на исходный рубеж, командующий войсками фронта приказал нанести удар по флангам вражеской группировки. Для этого в 11-й армии была создана группа генерал-майора Ф.П. Озерова, а в 1-й ударной армии – группа генерал-майора Н.Д. Захватаева.

Ввиду тяжелой обстановки времени на подготовку наступления практически не отводилось. Так, командир 23-й стрелковой дивизии 11-й армии полковник П.Г. Кузнецов получил задачу от командующего войсками фронта генерал-лейтенанта П.А. Курочкина на овладение деревней Борисово сразу же после совершения дивизией марша в новый, незнакомый район сосредоточения. Вполне понятны сомнения комдива, которые он высказал генералу Курочкину: «На подготовку к атаке слишком мало времени, и это сильно беспокоит меня. Сейчас восемь

вечера, возвращусь я в дивизию не ранее десяти и найду ее в обороне, разбросанной по берегу. Предстоит собрать части, вывести их на новое направление и сосредоточить на рубеже атаки. Все это надо проделать ночью на совершенно незнакомой местности. Затем нужно подготовить войска и артиллерию непосредственно к атаке, о которой они пока ничего не знают. Провести такую подготовку в темноте и в ограниченное время, без предварительной дневной рекогносцировки будет очень трудно». Однако эти доводы не убедили командующего войсками фронта, и он оставил свой приказ без изменений – атаковать противника в 7 часов утра. «Все, что я в состоянии сделать, – констатировал Курочкин, – это несколько облегчить вашу задачу. Придам вам воздушно-десантную бригаду полковника Мерзлякова. Она действует сейчас как раз на вашем направлении. Правда, людей в ней маловато, и я предполагал вывести ее из боя, но теперь воздержусь. Она поможет вам. Прикажите бригаде наступать в первом эшелоне, а для последующего удара подоспеют и ваши части» [284] .

Ночь ушла на перегруппировку и утром, в назначенное время, первой атаковала Борисово воздушно-десантная бригада. Атака началась дружно, но, для того чтобы довести ее до конца, не хватило сил. Остановленные губительным огнем, десантники залегли в двухстах метрах от населенного пункта. Немецкие подразделения занимали окопы, подвалы, чердаки и отовсюду вели плотный пулеметный и автоматный огонь. Этот опорный пункт имел для противника важное тактическое значение: расположенный на шоссе из Старой Руссы на Рамушево, он прикрывал выходы на эту дорогу с тыла.

Не выдержав, полковник Мерзляков оставил свой наблюдательный пункт и направился в подразделения, чтобы лично повести людей в атаку. Цепи возобновили огонь и стали готовиться к новому броску. Но тут вражеская пулеметная очередь перебила полковнику ноги. Весть о ранении комбрига волной прокатилась по цепям, подняла их и бросила вперед. Но этот яростный бросок, плохо подготовленный огнем, дорого обошелся бригаде. Лишь немногим бойцам удалось добежать до окраины и закрепиться на огородах в ожидании поддержки со стороны 23-й дивизии.

С трех сторон к Борисову вплотную подступал густой лес, и только на восточной окраине, откуда велось наступление, лес отстоял от населенного пункта на 300–400 метров. Здесь от опушки до самого шоссе простиралась поляна, поросшая кустарником и покрытая толстым слоем рыхлого снега. На этой поляне и развивалась атака. Новгородский стрелковый полк

дивизии пришел на помощь бригаде немедленно, хотя еще полностью не закончил подготовку.

Используя огонь прямой наводкой по выявленным огневым точкам врага на чердаках и в подвалах, стрелковые цепи ворвались в Борисово. Вслед за полком туда же устремились и десантники. Но закрепиться в населенном пункте не хватило сил. Противник провел сильную контратаку и выбил стрелков и десантников из деревни. Все последующие атаки не позволили восстановить утраченное положение, и дивизия закрепилась у развилки дорог на Старорусском шоссе. Не достигли успеха и другие принимавшие участие в контрударе части. Его итог – закономерен. Поспешное наступление на противника, имевшего численное, огневое и авиационное превосходство, было обречено на провал. А героизм и самопожертвование войск ни в коей мере не могли компенсировать недостаток танков, авиации, артиллерии и боеприпасов.

Группа Зейдлица, несмотря на начавшуюся распутицу, 5 апреля продолжила наступление. Лишь к 12 апреля 8-й егерской дивизии удалось прорвать оборону советских войск и начать выдвижение к Рамушево. Как отмечал немецкий исследователь П. Карель: «…Приходилось взламывать глубокоэшелонированную вражескую оборону, состоявшую из пяти рубежей. Ни храбрость, ни военные хитрости, ни кровь, ни слезы не могли ускорить наступления – войска продвигались в час по чайной ложке. Никто не давал никому пощады… Вода на дорогах стояла по колено. По пояс в грязи солдаты продирались через болотца и пруды… Все, что имело вес – винтовки, кони и люди, – рисковало оказаться на дне болота. Солдатская форма не высыхала… Русские также страдали от грязи. Их тяжелые танки оставались на месте, артиллерия тоже утратила мобильность» [285] . Только 21 апреля, то есть через 32 дня после начала наступления, противнику удалось встречными ударами группы «Зейдлиц» с запада, а окруженных войск с востока прорвать фронт, образовав так называемый «рамушевский коридор». Размеры наземного коридора, названного немецкими солдатами «кишкой», составляли 12 км в длину и 4 км в ширину по обе стороны дороги Рамушево – Васильевщина. К концу апреля противник расширил его до 6–8 км.

Противник имел все основания для ликования: Демянский «котел» был прорван! Командир 2-го немецкого армейского корпуса в конце апреля 1942 г. передал донесение о ходе боевых действий с начала года. В соответствии с ним было отражено 1155 атак и 776 диверсионно-разведывательных нападений, проведено 376 собственных контратак, взято в плен 3064

человека, уничтожено и захвачено 74 танка, 52 орудия, 81 противотанковая пушка. Собственные потери – 5101 погибший, 15 323 раненых, 5866 обмороженных и 2000 пропавших без вести [286] .

1 мая началась операция с целью деблокирования немецкого гарнизона города Холм. Задача пробить коридор и деблокировать боевую группу Ширера была возложена на 218-ю пехотную дивизию. Она была усилена полком 122-й пехотной дивизии и батальоном штурмовых орудий. На направлении ее главного удара занимала оборону 3-я гвардейская морская стрелковая бригада под командованием капитана 1 ранга К.Д. Сухиашвили. Почти три месяца моряки-дальневосточники вели тяжелые наступательные и оборонительные бои, постигая новую для себя пехотную тактику. Уже в первый день наступления противника бригада отразила четыре его атаки, неоднократно вступая в рукопашные схватки.

На следующий день немецкие части атаковали подразделения моряков одновременно с двух направлений – бригада оказалась на острие двух встречных ударов стремившихся соединиться в районе Холма группировок противника. На измотанный 1-й батальон старшего лейтенанта Курносова противник бросил свежие подразделения из авиадесантной дивизии, поддержанные танками. Нескольким танкам по берегу Ловати удалось обойти траншею и углубиться метров на 700–800 в глубину обороны. Однако пехота противника этим успехом воспользоваться не смогла. Моряки прижали ее к земле, танкам пришлось за ней возвращаться и становиться мишенями для артиллеристов и бронебойщиков. Почти все прорвавшиеся машины сгорели на виду у обеих сторон.

После неудавшейся атаки противник нанес сильный огневой налет. Вся его артиллерия, разбросанная на десятикилометровом фронте, в течение трех часов вела огонь по позициям бригады, особенно на участке 1-го батальона. Эту необычную по силе и продолжительности артиллерийскую подготовку завершил налет девяти «юнкерсов», пикировавших чуть ли не на каждый не сровненный с землей бугорок.

Батальон понес большие потери. Положение его осложнялось и тем, что были выведены из строя все орудия, прикрывавшие батальон от танков. Когда началась новая атака, остатки его рот уже не могли ввязываться в борьбу с танками, пропускали их и со всем ожесточением сражались с пехотой, отсекали ее, принуждали откатываться назад. Ряды моряков быстро таяли. Группам врага все чаще удавалось врываться в траншею, и бой рассыпался на очаговые рукопашные схватки. К вечеру 1-го

батальона фактически уже не было. Он не отошел. Он остался на поле боя, бойцы его рот, на двое суток задержав минимум вчетверо превосходящего их численностью противника, в неравной схватке пали смертью героев.

На поле боя был подобран раненый и контуженный комбат. Он с трудом доложил командиру бригады: «Держались до последней возможности, никто не оставил позиции без приказа. Знаменосец все время оставался рядом и погиб на моих глазах. Знамя было со мной. Вот оно, – Курносов приподнял опаленную гимнастерку, и фельдшер по знаку комбрига осторожно размотал с тела комбата полотнище знамени. – Раненые матросы в последний момент помогли мне. А батальона нет, погиб…» [287]

Не приходилось сомневаться, что враг не замедлит начать новое наступление. Сорвать его бригада не могла, но главная ее задача не менялась. Она должна была нанести противнику максимальный урон и не пропустить его в Холм, несмотря на то что, по сути, в ней оставался только один – 3-й батальон. Первую, предпринятую с утра 3 мая атаку батальон отразил, подбив два танка. Очередной натиск противник начал с налета своих пикировщиков Ю-87. Три девятки этих «музыкантов», как их прозвали матросы, на небольшой высоте образовали круг над траншеей и вслед за головным самолетом начали пикировать.

Сухиашвили отдал команду: «Наблюдатели на местах, остальным – огонь по самолетам!» Дружный огонь автоматов, карабинов, ручных пулеметов сделал свое дело: один из «юнкерсов» задымил, это нарушило их строй, бомбардировка не причинила большого вреда укрытиям. Гораздо хуже пришлось при следующем налете более многочисленной группы двухмоторных Ю-88, державшихся на большей высоте. Самолеты сбрасывали крупные бомбы; две из них попали в траншею, несколько бомб разорвались возле нее, что вызвало немалые потери среди моряков.

С первыми залпами своей артиллерии пехота противника из глубины стала выдвигаться на исходный рубеж для атаки. По всему чувствовалось, что он решил без танков овладеть последней позицией бригады, считая, что после такой массированной бомбежки и артиллерийской обработки от траншеи мало что осталось. Подпустив первую цепь врага на дальность броска ручной гранаты, моряки огнем в упор полностью уничтожили ее. Вторая цепь была отсечена и прижата к земле огнем пулеметов, а третья – накрыта артиллерийским залпом. Атака была отражена.

Противник повторил огневой налет и бросил в бой танки. Но строй их вскоре был нарушен. Часть машин подорвалась на

минах, другим преградой стали глубокие воронки от бомб – их приходилось обходить и подставлять борта под снаряды наших орудий. Из шести продолжавших движение танков два были подбиты, четыре, сумевших прорваться к траншее, уничтожены гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Расчет противника на танки тоже не оправдался. Ни одному из них прорваться удалось. Вражеские автоматчики, добравшиеся на броне танков до позиции моряков, были также все уничтожены.

По позиции бригады вновь, один за другим нанесла два удара авиация. Почти сразу же после налета к траншее двинулись до десятка вражеских танков; часть из них вела огонь с коротких остановок из пушек и пулеметов, другая – без задержек рвалась к траншее, намереваясь проутюжить уцелевшие участки укрытий. А на горизонте показался второй эшелон танков с десантом, явно торопившийся довершить разгром бригады.

Не обнаруженные противником минные заграждения, меткая стрельба артиллеристов и расчетов противотанковых ружей, умелые действия истребителей танков, подготовленных бригадным инженером Рощиным, – все это в какой-то мере ослабило силу удара врага. Лишь три танка из первых десяти достигли траншеи, остальные были подбиты. Зато эти три машины начали утюжить позицию моряков, поддерживая друг друга огнем пулеметов. Пытаясь подбить их, погибло несколько саперов, посланных Рощиным. После этого он лично вступил в противоборство с вражеской машиной и уничтожил ее двумя бутылками с зажигательной смесью.

Ожесточенный ближний бой продолжался уже около часа, противник под прикрытием танков в нескольких местах ворвался в траншею. Очаг обороны в центре боевого порядка, возглавляемый командиром бригады капитаном 1 ранга Сухиашвили, был блокирован справа и слева пехотой врага. Несмотря на то что он находился всего в 30–40 метрах, комбриг продолжал руководить боем, а бригадный инженер Рощин лично уничтожил еще один танк. Немецкие пехотинцы, забросав траншею, занимаемую группой Сухиашвили, гранатами, ворвались в нее, но были уничтожены в ожесточенной рукопашной схватке.

Еще два дня подразделения бригады удерживали свои разобщенные позиции, пока командир 2-го гвардейского стрелкового корпуса генерал Лизюков не получил возможность отвести моряков во второй эшелон. К этому времени в бригаде оставалось в строю немногим более десятой части ее боевого состава. Первый и третий батальоны фактически сохранили только свои знамена и номера и имели по два-три десятка

бойцов, во втором батальоне набиралось две неполные роты [288] .

И все же после пяти дней боев противнику удалось прорваться к своей холмской группировке. 105-дневная эпопея борьбы за окруженный Холм завершилась. К тому времени в городе оставалось 2700 человек, из них 1500 раненых [289] . Холм вновь стал частью немецкого фронта в районе к югу от оз. Ильмень, где обстановка стабилизировалась. С того момента и вплоть до 1944 г. немецкие войска продолжали удерживать этот рубеж.

Итак, в апреле 1942 г. закончился длительный этап напряженной борьбы советских войск за демянский плацдарм, которая была насыщена сложными ситуациями, поиском решения разнообразных оперативных и тактических задач. В тяжелых, кровопролитных боях на этом этапе войска Северо-Западного фронта в невероятно трудных условиях впервые в Великой Отечественной войне окружили в районе Демянска крупную оперативную группировку противника, создав внутренний и внешний фронты окружения. Однако им не удалось уничтожить окруженные соединения и отразить мощный контрудар врага, который сумел разорвать кольцо блокады и восстановить сухопутные коммуникации к своей демянской группировке путем создания узкой горловины в районе Рамушево.

Подобное развитие событий никоим образом не отвечало планам Ставки. Уже на следующий день после создания группой Зейдлица «рамушевского коридора», 22 апреля, она поставила командующему войсками Северо-Западного фронта задачи не только перерезать коридор, но и завершить разгром демянской группировки противника. В соответствии с решением генерал-лейтенанта Курочкина 11-я и 1-я ударная армии должны были восстановить прорванный фронт окружения. Одновременно 34-й и 53-й армиям ставилась задача нанести встречный удар на Демянск, овладеть городом и тем самым рассечь окруженную 16-ю немецкую армию на две части. Фронт получил для усиления из резерва Ставки 5 стрелковых дивизий, 8 стрелковых и 2 танковые бригады.

Наступление началось в начале мая. Как и прежде, войска вынуждены были вести его, не завершив полностью сосредоточения, наносить удары по хорошо укрепленным узлам сопротивления и опорным пунктам противника. Так как с ходу прорвать его оборону не удалось, наступление перешло в стадию медленного «прогрызания» последовательно эшелонированных в глубину вражеских позиций. Объектами ожесточенных боев вновь стали узлы дорог и населенные пункты. Гарнизоны этих

«маленьких крепостей» срывали все атаки советских войск.

Вот что вспоминает об одном из таких боев ветеран 806-го стрелкового полка 235-й стрелковой дивизии В.Н. Бахарев: «Перед нами была поставлена задача отбить у немцев деревню Кулотино. После ночного марша перед утром заняли исходные позиции для атаки. Впереди был небольшой бор – редколесье, кустарник, на нашей позиции не было ни окопов, ни траншей. Так, не окопавшись, пошли в наступление. Поднимались в атаку дружно, по сигналу ракеты. Артиллерийской подготовки не было, хотя во время постановки задачи нам говорили, что она будет. В бору мы натолкнулись на вражеское минное поле. Появились первые убитые. После бора перед нами открылось чистое поле, на котором возвышался бугор. Только мы вышли на него, как гитлеровцы открыли ураганный огонь из минометов, пулеметов, автоматов. Били страшно снайперы. Мы понесли потери. Залегли. Потом еще раза три или четыре поднимались в атаку и каждый раз вынуждены были залегать из-за сильного огня противника».

Его дополняет минометчик этого же полка И.М. Сопов: «Наши стрелковые подразделения ходили в атаку три или четыре раза, но каждый раз вынуждены были отходить с большими потерями. Мимо нас в тыл раненые шли целыми колоннами. Атаки на вражеские позиции наши стрелковые роты проводили часов до 17. В перерывах между атаками наш минометный взвод вел огонь по вражеским позициям. Попытки захватить Кулотино были и позднее, но все они заканчивались безрезультатно из-за больших потерь, которые несли наши подразделения» [290] .

Подведя неутешительные итоги первых дней боев, командующий войсками фронта 8 мая направил в армии директиву о порядке организации наступления. Он отмечал: «Как правило, противник в обороне занимает опорные пункты, приспособленные к круговой обороне. Между собой пункты находятся в огневой связи. Для связи между пунктами создаются полевые позиции. Противник обороняется упорно, даже в условиях окружения. Обычно противник под опорные пункты приспосабливает населенные пункты и местность вокруг населенных пунктов.

На намеченные для атаки опорные пункты сосредоточивать основные усилия. Противника уничтожать последовательно в опорных пунктах, сосредоточивая против каждого пункта максимум сил и средств, добиваться 4–5-кратного превосходства в огневых средствах. При построении боевого порядка в наступлении в первом эшелоне выделять отдельные штурмовые группы, составленные из лучших бойцов и возглавляемые лучшими командирами» [291] .

О том, насколько эти указания претворялись в жизнь, свидетельствует пример той же 235-й стрелковой дивизии. Она имела задачу наступать 20 мая на ту же деревню Кулотино и овладеть этим населенным пунктом. Полки дивизии в соответствии с решением комдива должны были наступать на Кулотино поочередно, то есть еще по предвоенной тактике. Первым начал наступление 806-й стрелковый полк. Атаки полка продолжались с 6 часов утра до темноты. Из-за губительного огня противника продвижение подразделений полка было незначительным. Полк до деревни не дошел.

На следующий день в 8 часов утра перешел в наступление 801-й стрелковый полк. Бойцы и младшие командиры из этого полка действовали самоотверженно. Не раз и не два за день они решительно поднимались в атаку на врага, но каждый раз вынуждены были залегать из-за губительного огня противника. Третьим в бой за Кулотино вступил 732-й стрелковый полк. Но атаки и этого полка из-за сильного огня противника, кроме жертв, ничего не дали. Безуспешные бои продолжались до 25 мая [292] . В целом же деревня Кулотино ни в мае, ни в последующие недели и месяцы освобождена дивизией не была.

В течение месяца войска фронта не достигли успеха ни на одном из направлений. К этому времени их потери с начала года составили почти 89 тыс. убитыми и более 156 тыс. ранеными [293] . 25 мая генерал-лейтенант П.А. Курочкин в докладе Сталину, посетовав на непрекращающиеся дожди, которые привели в негодность дороги, сообщил о своем решении «временно до улучшения погоды и просыхания почвы наступление прекратить. За этот период провести накопление огнеприпасов, расход которых в связи с наступлением на заблаговременно организованную оборону противника неимоверно велик» [294] .

3 июня Ставка, не отменяя задачу по ликвидации демянской группировки противника, одновременно предупредила Курочкина о необходимости иметь во фронтовом резерве не менее двух стрелковых дивизий на осташковском направлении, не менее одной дивизии – на валдайском и ни в коем случае не допустить прорыва противника на Осташков. Опасения Ставки не были лишены оснований. Планируя летнюю кампанию, немецкое командование предполагало провести две крупные наступательные операции на центральном и северо-западном направлениях. В первую очередь оно намеревалось встречными ударами 9-й армии из района Ржева и 16-й армии с демянского плацдарма в общем направлении на Осташков ликвидировать возникший в результате зимнего наступления советских войск

обширный плацдарм между Демянском и Ржевом, окружить и уничтожить основную часть войск Калининского фронта.

«Главный удар в этом наступлении, – как указывает один из участников боев на демянском плацдарме генерал Зейдлиц, – должен был быть проведен 9-й армией Моделя, примерно силами девяти дивизий из района Ржева в направлении Осташков, Молвотицы, в то время как на силы в демянском выступе выпала бы задача идти с северо-запада навстречу этому удару и этим взять русских до известной степени в клещи».

Тем не менее бои с целью ликвидации демянского «котла» не прекращались ни на один день. Они велись на различных разобщенных направлениях с переменным успехом. Случалось так, что в одни и те же дни на одном из направлений вели наступление советские, а на другом – немецкие подразделения и части. Командование фронта давало в это время достаточно объективную оценку действий противника. Так, в одном из июньских приказов по Северо-Западному фронту отмечалось: «… Из-за недостатка сил противник прибегает к широкому маневру ротами и батальонами, собирая иногда эти роты и батальоны из отдельных подразделений, различных полков и даже соединений. Широко маневрируя этими подразделениями, противник сосредоточивает их на наиболее опасных для себя направлениях и, вводя в бой, локализует успех наших войск и, более того, переходя в контратаки, выбивает наши части с занятой территории и восстанавливает положение…

Так, в ходе наступления частей 11-й армии по восточному берегу реки Ловать 5 июня 1942 года благодаря хорошей организации артиллерийского наступления в начальный период боя наступавшие части получили успех. В глубине же расположения противника части, остановившись для подтягивания огневых средств и артиллерии, не сумели закрепиться на достигнутом рубеже. Уверенно зная, что противник для ликвидации успеха предпримет массовые налеты авиации, зенитные средства не были сосредоточены для прикрытия наступавших частей. Артиллерия не была подготовлена для мощной поддержки наступающей пехоты в глубине расположения противника. Все это привело к тому, что части под воздействием авиации противника и его контратак отошли в исходное положение» [295] .

Непрерывные бои изматывали обе стороны. Учитывая заслуги дивизии СС «Мертвая голова» в удержании демянского «котла», немецкое командование сочло возможным отправить в Германию на отдых ее командира – обергруппенфюрера СС Эйке. Во время отпуска Эйке было приказано явиться в штаб фюрера в

Растенбурге, где Гитлер лично наградил его Дубовыми листьями к Рыцарскому кресту. Эйке воспользовался случаем, чтобы в личной беседе с Гитлером откровенно рассказать ему об отчаянном положении своих войск. Хотя фюрер и высказал сочувствие, он, тем не менее, отказался немедленно вывести дивизию «Мертвая голова» из демянского выступа. Однако пообещал Эйке, что, когда это произойдет, дивизия будет полностью восстановлена и переформирована в мотопехотную с собственным танковым батальоном [296] .

Очередной план разгрома демянской группировки немецких войск командование Северо-Западного фронта представило в Ставку 5 июля 1942 г. В соответствии с ним наступление должны были вести только две армии: 11-я – по восточному берегу р. Ловать с целью розобщить демянскую и старорусскую группировки противника – и 53-я, в задачу которой входило нанесение удара в направлении Демянска. Остальным армиям фронта приказывалось перейти к обороне.

В середине месяца соединения 11-й армии начали наступление на «рамушевский коридор». 18 июля 126-я стрелковая бригада, действуя в центре оперативного построения армии, в ходе ожесточенного боя овладела сильно укрепленным опорным пунктом противника Васильевщина. Оборонявший ее гарнизон из состава дивизии СС «Мертвая голова» сражался с неимоверным упорством до последнего солдата и был полностью уничтожен. То, что произошло дальше, явилось неслыханным для немецкой армии актом неповиновения – исполнявший в отсутствие Эйке обязанности командира эсэсовской дивизии оберфюрер СС Симон отказался выполнить приказ командира 2-го немецкого армейского корпуса о немедленной контратаке в направлении Васильевщины. «Если армия желает, чтобы это было сделано, – заявил он, – то ей следует приняться за дело самой» [297] . Как ни странно, но Симон не понес наказания за невыполнение приказа, а командование корпуса бросило в бой за деревню 8-ю егерскую дивизию. Вследствие того, что соединения 11-й армии, наступавшие на флангах, продвижения вперед не имели, 126-я стрелковая бригада оказалась окруженной. В течение четырех дней она вела боевые действия в окружении, отразив 18 атак пехоты и танков врага. Однако, не поддержанная другими соединениями армии, бригада вынуждена была оставить Васильевщину и отойти. Последующие атаки на «рамушевский коридор» не принесли результата. Их итог верно подвел в своем дневнике начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал Ф. Гальдер: «Несмотря на местные успехи противника, наступление в целом отражено. В остальном никаких

крупных боевых действий» [298] .

Тем не менее они не прошли бесследно для противника. Получивший новое сообщение о состоянии своей дивизии обергруппенфюрер Эйке, в попытке продемонстрировать свой гнев, снова отправился к Гитлеру. Он требовал немедленно вывести дивизию из демянского выступа, дать ей возможность для отдыха и пополнения. В противном случае Эйке просил немедленно вернуть его на фронт. Гитлер отклонил все требования и просьбы и приказал ему взять длительный отпуск для лечения.

В свою очередь, советская Ставка в очередной раз была вынуждена выразить неудовлетворение действиями Северо-Западного фронта. 2 августа Сталин с раздражением высказал его командующему генерал-лейтенанту Курочкину следующее: «Ставка считает, что этот план оказался проваленным, так как фронт и особенно Вы оказались неспособными его выполнить, поэтому Ставка требует разработать новый план…

Для контроля за составлением плана операции, за подготовкой ее и проведением Ставкой командируется во фронт маршал Тимошенко. Маршалу Тимошенко дано право давать Вам указания, отменять Ваши распоряжения, если они окажутся нецелесообразными, и снимать людей, если они окажутся непригодными для выполнения поставленной задачи» [299] .

Через три дня план новой операции был представлен в Ставку. В соответствии с решением генерала Курочкина ее цель заключалась в том, чтобы «разобщить залучье-демянскую группировку от старорусской и захватом рубежа Васильевщина, Бяково перерезать основную коммуникацию демянской группировки». Для этого планировалось создать две ударные группировки. Одну в полосе 11-й армии в составе шести стрелковых дивизий и вторую в полосе 1-й ударной армии в составе трех стрелковых дивизий и одной стрелковой бригады. Задачу намечалось выполнить в период с 9 по 14 августа.

Начавшееся 10 августа ударными группировками 11-й и 1-й ударной армий наступление из-за упорного сопротивления противника постепенно заставило привлечь к нему почти все силы фронта. Удары наносились уже не только по «рамушевскому коридору», но и на других направлениях по периметру демянского «котла». Однако при достижении отдельных тактических успехов не хватало сил для того, чтобы развить наступление в глубину обороны немецких войск. В результате противнику, как правило, удавалось восстановить утраченное положение в ходе многочисленных контратак. 24 августа, докладывая в Ставку о ходе боевых действий в период с 10 по 23

августа, генерал Курочкин отмечал: «В процессе наступления наших частей противник, оказывая упорное сопротивление, сам неоднократно переходил в контратаки. На некоторых участках фронта, как перед 11-й, так и перед 1-й ударной армиями, противник производил в течение дня до 7–13 контратак, причем каждая следующая контратака была нарастающей силы.

Система оборонительных сооружений в сочетании с лесисто-болотистой местностью дают возможность противнику вести упорную и длительную оборону занимаемого им прохода. Оборонительные сооружения в полосе наступления армий состоят из сплошных лесных завалов, минированных полей и большого количества дзотов, развитых по фронту и в глубину.

В процессе первых дней операции 11-я армия овладела Рыкалово, улучшила свои позиции к северу от Васильевщины, овладев группой холмов в 1–1,5 километрах от нее. 1-я ударная армия отбросила противника с южной опушки леса на северном берегу реки Робья, продвинувшись на 0,5–1 километр к северу. Дальнейшее продвижение ударных групп армий происходит очень медленно в связи с усилившимся сопротивлением противника, подходом его резервов, переходящих в частые контратаки.

В результате боев с 10 по 22 августа наши потери составили: 11-я армия: убитыми – 3634 человека, ранеными – 7716 человек; 1-я ударная армия: убитыми – 2015 человек, ранеными – 3098 человек» [300] .

Да, результаты вновь были неутешительными. Справедливости ради надо сказать, что и немецкие войска с большим трудом удерживали свои позиции, неся значительные потери. Так, к исходу 12 августа дивизия СС «Мертвая голова» ввела в бой все свои резервы. На передовую были брошены писари, медики, военные полицейские и даже повара. По свидетельству самих участников тех боев, дивизию спас только внезапно начавшийся проливной дождь, который приостановил боевые действия сторон и войска СС получили возможность перегруппироваться. В полном отчаянии оберфюрер СС Симон предложил вычеркнуть дивизию «Мертвая голова» из списка соединений, поскольку считал, что еще несколько дней боев приведут к ее полному уничтожению.

25 августа советские 7-я гвардейская, 129, 130, 364-я и 391-я стрелковые дивизии и 30-я стрелковая бригада предприняли массированные атаки на коридор. Дивизия «Мертвая голова» была разобщена на несколько изолированных групп. Несмотря на то что все атаки были отбиты и удалось удержать занимаемые позиции, всего за несколько часов было потеряно более 1000

человек [301] . Всего к концу месяца в дивизии насчитывалось 51 офицер и 2685 солдат и унтер-офицеров.

Таким образом, в течение лета 1942 г. состав атаковавших плацдарм войск непрерывно пополнялся, наступление велось неделями, зачастую днем и ночью, при этом направление ударов многократно менялось. Вначале оно было между демянским выступом и Старой Руссой; в последующем – у основания, в центре и на выходе из «рамушевского коридора». Но ни одна из попыток не дала ощутимых результатов. В лучшем случае удавалось продвинуться на 1–3 км, несколько сжать коридор. Иногда по ширине он сокращался до 2–4 км. Но так или иначе наземные коммуникации противника продолжали действовать.

При всем этом войска не только меняли направления ударов, но и стремились найти новые, нестандартные способы и тактические приемы прорыва вражеской обороны. Сложился стереотип, что советские войска впервые применили прожекторы при штурме Зееловских высот в ходе Берлинской операции в апреле 1945 г. Однако в тактическом масштабе они применялись неоднократно и значительно раньше, в том числе и на Северо-Западном фронте. Вот что вспоминал о применении такого тактического приема бывший начальник политотдела 177-й отдельной танковой бригады генерал-майор А.А. Витрук: «В сентябре 1942 года 34-я армия предприняла наступательные ночные действия с применением прожекторов. Это была смелая по замыслу наступательная операция. Главная задача в этой операции возлагалась на нашу танковую бригаду.

В 2 часа ночи на главном направлении армии с первой позиции внезапно ярким светом зажглось около десятка мощных прожекторов. Почти вся глубина первой позиции противника была ярко освещена, противник был ослеплен.

С большой скоростью, ведя огонь на ходу, ринулись в бой наши танки с посаженными на них десантниками. В течение нескольких минут они вклинились в оборону противника и овладели деревней Белый Бор. Но, увы, неожиданно для нас с переднего края гитлеровцы включили несколько своих прожекторов. Получилась как бы борьба световыми лучами. Кто кого ослепит. Вскоре прямой наводкой артиллерии мы противнику, а он, наоборот, нам вдребезги разбили прожекторы. В дальнейшем танкисты и автоматчики действовали вслепую, а пехота не успела закрепить успех танкистов. Наша атака захлебнулась.

Позже стало известно, что за двое суток до намеченной ночной операции имел место случай измены Родине. Презренный перебежчик, осведомленный о плане этого ночного боя, сделал

свое гнусное дело, и противник быстро подготовил контрмеры против наших прожекторов. Это и явилось главной причиной нашей неудачи». Здесь следует упомянуть, что названная Витруком деревня Белый Бор, как было подсчитано позже, в течение 1942 г. переходила из рук в руки свыше 200 раз! После войны деревня к жизни так и не возродилась. Некому было ее возрождать. Только братское захоронение со многими сотнями имен погибших в боях за Белый Бор служит горьким воспоминанием о некогда существовавшей деревне.

В сентябре противник уже не ограничивался только пассивной обороной. 27 сентября 5-я егерская и 126-я пехотная дивизии, а также части дивизии СС «Мертвая голова» внезапно атаковали 7-ю гвардейскую стрелковую дивизию 1-й ударной армии на южном фасе «рамушевского коридора», расширив его к 5 октября до 3–5 км к югу. Предпринятый войсками Северо-Западного фронта контрудар позволил лишь частично ликвидировать результаты этого прорыва.

Генералу Курочкину опять пришлось отчитываться перед Сталиным. «Создавшееся тяжелое положение в результате наступления противника в полосе 1-й ударной армии, – докладывал он, – произошло вследствие самоуспокоенности, беспечности и бездеятельности руководства 1-й ударной армии – командующего армией генерал-лейтенанта Романовского и члена Военного совета – бригадного комиссара Колесникова.

С началом наступления противника командующий 1-й ударной армией, имея превосходство над противником, вместо принятия самых энергичных мер к восстановлению утраченного положения, проявил растерянность и неорганизованность, потеряв связь с соединениями, что еще больше усугубило положение.

Больше того, получив приказ об использовании 130-й стрелковой дивизии для прочного прикрытия направления Кулаково, Козлово, приказа не выполнил, отведя 130-ю дивизию южнее этих пунктов, этим самым дал возможность противнику занять эти пункты.

Исходя из изложенного, Военный совет фронта решил командующего 1-й ударной армией генерал-лейтенанта Романовского, члена Военного совета армии бригадного комиссара Колесникова, как не выполнивших приказ № 227, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа, снять с занимаемых постов и направить в Ваше распоряжение для привлечения к ответственности» [302] .

Однако реакция Сталина на этот доклад была обратной – генерал Романовский остался в занимаемой должности, а вот П.А.

Курочкин был отстранен от командования войсками Северо-Западного фронта. С середины октября вместо него фронтом стал командовать маршал С.К. Тимошенко, который ранее был на этом же фронте представителем Ставки ВГК. Перед ним, как, впрочем, и перед его предшественником, стояла одна задача: ликвидировать демянскую группировку врага.

18 октября Тимошенко представил в Ставку новый план действий. В качестве ближайшей задачи им предусматривалось окончательно разобщить старорусскую и демянскую группировки и завершить окружение последней. В дальнейшем ударами 11-й армии с севера, а 1-й гвардейской с юга рассечь эту группировку и уничтожить ее по частям. К этому времени во фронт уже входило пять общевойсковых и одна воздушная армии – всего 28 стрелковых дивизий, 17 стрелковых и 3 танковые бригады.

Готовность войск к действиям определялась к исходу 22 октября. Но срок оказался нереальным. В свою очередь, противник нанес упреждающий удар. 26 октября последовала сильная атака на северном фасе «рамушевского коридора» двух пехотных и танковой дивизий при активной поддержке авиации. Хотя войска фронта и оказали стойкое сопротивление, врагу удалось оттеснить их с занимаемых позиций и увеличить коридор почти до 20 км. Правда, последующими действиями войск Северо-Западного фронта он вновь был сужен. К ноябрю демянский выступ на 80 км вдавался в расположение советских войск. Его протяженность с севера на юг составляла 40–60 км, а общая площадь превышала 500 кв. км. Здесь оборонялись шесть пехотных дивизий противника. Длина «рамушевского коридора» равнялась 28 км при ширине от 6 до 12 км. Его удерживали на севере три, а на юге – две дивизии. Четыре немецкие дивизии на флангах прикрывали подступы к Старой Руссе и Холму.

Весь район демянского плацдарма был превращен в зону сплошных укреплений. Оборона выступа состояла из созданных на господствующих высотах сильных узлов сопротивления. Она включала ряд эшелонированных рубежей, приспособленные к круговой обороне населенные пункты с системой сплошных траншей и комбинированных заграждений всех типов. Труднопроходимая лесисто-болотистая местность усиливала защитные свойства обороны, так как затрудняла массированное применение танков.

В течение ноября войска фронта готовились к новым боям. Замысел очередной операции состоял в том, чтобы нанести удар по сходящимся направлениям с расчетом перерезать «рамушевский коридор», а на остальном фронте сковывать силы противника активными действиями специально созданных

отрядов. Как и в предыдущих случаях, С.К. Тимошенко спешил. Операция началась 28 ноября. Ей предшествовала более чем полуторачасовая артиллерийская подготовка на северном и 2,5-часовая артподготовка на южном фасе «рамушевского коридора». «В 12 часов дня 28 ноября началась не виданная еще нами по силе артиллерийская подготовка, – вспоминал бывший командир 123-го гвардейского стрелкового полка 43-й гвардейской (бывшая 201-я) стрелковой дивизии подполковник О. Кинцис. – 123-й полк, например, был обеспечен артиллерией и гвардейскими минометами потенциальной мощностью в семь артиллерийских полков. Каждый стрелковый батальон поддерживался огнем до двух и более дивизионов артиллерии» [303] .

На примере этой дивизии можно понять, какую оборону приходилось прорывать советским войскам. В наиболее трудном положении находился 123-й полк и особенно его 2-й батальон. На направлении его наступления находился так называемый «лес-крепость»: противник сильно укрепил небольшую возвышенность, заросшую лесом и окруженную со всех сторон болотом. Отсюда хорошо простреливалась во все стороны окружающая местность. На подступах к возвышенности немецкие подразделения устроили лесные завалы, проволочные заграждения и минные поля. К началу наступления болото замерзло только местами. Орудия проваливались, и бойцам нередко приходилось тащить их на себе.

На рассвете 29 ноября полк начал штурм «леса-крепости». С фронта ее атаковал 2-й батальон, а подразделения 1-го и 3-го батальонов наступали с флангов. Одновременная атака с трех направлений привела к успеху, и противник начал отход. В это время 125-й гвардейский стрелковый полк дивизии выбил врага из оврага юго-западнее Стрелицы, а 121-й гвардейский стрелковый полк достиг Симонова. Вечером 1 декабря батальоны этого полка стремительно ворвались на окраину Симонова, однако на следующий день противнику удалось сильной контратакой восстановить положение.

Попытки атаковать врага соединения 11-й и 1-й ударной армий предпринимали до 5 декабря. Несмотря на то что войска фронта почти год вели бои, по сути, на одной и той же местности, ошибки повторялись одни и те же. Главное в том, что многие соединения и части продолжали бросаться в бой практически без подготовки. Так, в конце ноября 23-я стрелковая дивизия полковника П.Г. Кузнецова была передана из 34-й в 11-ю армию, которой теперь командовал П.А. Курочкин. Она получила задачу прорвать оборону противника на северном фасе «рамушевского коридора» и выйти на берег р. Пола на участке Росино, Малое

Степаново. При этом времени на подготовку наступления дивизия практически не получила. Вот что пишет об этом П.Г. Кузнецов: «Никто из нас, ни я, ни командиры полков, на этом направлении никогда не были и с условиями не знакомы. Времени совсем мало. До исходного положения ближайшему Новгородскому полку надо пройти пятнадцать километров. Это займет не менее четырех часов ночного марша… По лесу и болоту придется идти четыре километра, дорог там по карте не видно… Почему нам сообщают задачу перед самым ее выполнением, вопреки уставным требованиям, и реальность ее решения сразу же ставится под угрозу? Почему здесь всегда такая спешка?» [304]

Всю ночь двигались войска через поляну у Свинороя и скрывались в лесу. Только к утру усталые и измученные люди пробились через лес, преодолели болото, вышли сами и вывезли вооружение на опушку севернее Сорокина. К рассвету испортилась погода. Крупными хлопьями повалил снег, подул ветер, поднялась поземка. Командиры полков ничего не знали о противнике, а обнаружить его мешала непогода. Снег слепил глаза и заволакивал плотной пеленой все, что находилось далее двухсот метров. Но задачу никто не отменял, и после совещания у командира дивизии было принято решение атаковать противника.

Один стрелковый батальон Новгородского стрелкового полка был посажен на танки в качестве десанта, а два других, развернувшись в боевой порядок, последовали уступом во втором эшелоне. В первый же день боя, 30 ноября, вступил в бой и Казанский полк. К вечеру непогода разбушевалась еще сильнее, но бой не затихал. Стрелковые подразделения полков, действуя совместно с танкистами, разгромили крупный опорный пункт врага к востоку от Росина. К исходу дня их командиры доложили, что они овладели Малым Степановом. В бою были захвачены около 150 пленных, 25 орудий и 2 танка. Но в следующие два дня, когда внезапность была уже утрачена, сделать что-либо существенное не удалось. Полки стали закрепляться на достигнутых рубежах. «Командование требовало и от нас развития успеха. Но танки ушли, снаряды мы израсходовали, а одна пехота собственными силами ничего сделать не могла», – подводит неутешительный итог этих боев П.Г. Кузнецов [305] .

Всего же за время наступления удалось оттеснить противника лишь на двух участках: на севере – на глубину 7 км и на юге – на глубину около 2 км. Положение других армий не изменилось. Правда, в ходе операции удалось разгромить до шести немецких пехотных полков, взять 180 пленных и совсем незначительные трофеи. В целом операция завершилась очередным провалом: войска так и не выполнили поставленных перед ними задач.

Докладывая о результатах операции в Ставку, маршал Тимошенко вынужден был повторить давно известные истины: «Последние бои показали, что все демянское кольцо представляет из себя сплошную площадь укреплений, каждый метр которой приходится брать с боем. Наши потери за этот период составили: убитых – 2417 человек, раненых 7523 человека, пропало без вести – 244 человека» [306] . Нетрудно подсчитать, что каждый километр продвижения вперед обошелся в среднем в 1130 человек, выбывших из строя.

Несмотря на это, командующий войсками фронта решился еще на одну операцию, для проведения которой просил Ставку дополнительно усилить фронт пятью стрелковыми дивизиями, четырьмя стрелковыми бригадами и тремя танковыми полками, а также выделить до 15 тыс. человек пополнения и боеприпасы. Операция намечалась на 20 декабря, но из-за неблагоприятных метеоусловий была отложена на трое суток. Предполагалось провести ее в течение восьми дней. На этот раз удары наносились по центру «рамушевского коридора» силами 11-й армии с севера и 1-й ударной – с юга. В ударную группировку 11-й армии входили пять стрелковых дивизий и четыре стрелковые бригады. Кроме того, армия должна была тремя своими дивизиями наносить вспомогательный удар. Группировка 1-й ударной армии включала три стрелковые дивизии и две стрелковые бригады. Остальным армиям ставилась задача сковывать силы противостоявшего противника.

Наступление Северо-Западного фронта началось утром 23 декабря после артиллерийской подготовки. На севере ее продолжительность составила 1 час 20 минут, на юге – 2 часа. Но так как плотность огня была невысокой, подавить оборону врага опять не удалось. Войска фронта, встретив упорное сопротивление, продвинулись незначительно. Средний темп наступления был низким – 1 км за двое-трое суток. За 20 суток, до 13 января 1943 г., удалось вклиниться в оборону врага всего на 6–7 км. Причины неудач – вновь на поверхности. Слово П.Г. Кузнецову: «Главный удар армия наносила в пяти-шести километрах левее нас, на том самом месте, где мы действовали прошлой зимой. Продолжались эти бои двадцать дней. Начались в конце декабря сорок второго года и заняли почти всю первую половину января сорок третьего года. Проходили они и на этот раз недостаточно организованно, с низкой материальной обеспеченностью, рывками, нервно» [307] .

Примерно так же складывались бои и на южном фасе «рамушевского коридора», где вели наступление соединения 1-й ударной армии. Здесь для увеличения силы первоначального

удара в первый эшелон была выдвинута 177-я отдельная танковая бригада. Ей ставилась задача овладеть деревней Цемена, являвшейся ключевым пунктом обороны противника. Действия этой танковой бригады являются характерными в целом для применения танков на Северо-Западном фронте. Вот что пишет об этом бое в своих воспоминаниях генерал-майор А.А. Витрук: «Вся мощь огня из танков и стрелкового оружия обрушилась на гитлеровцев. Не жалел огня и противник. Все, чем только он располагал на переднем крае и в глубине, было использовано против наших атакующих частей.

Следует сказать, что оборонительные позиции врага в тактическом отношении обладали рядом преимуществ. Они позволяли противнику кратчайшим путем быстро маневрировать своими силами. Врагу нетрудно было определить, что именно на этом направлении, где действуют танки, наносится главный удар. Сюда-то и были сосредоточены его главные силы пехоты, артиллерии и авиации.

До поздней ночи шел ожесточенный бой. Наши танкисты и автоматчики дрались мужественно и героически и добились некоторого тактического успеха. Однако в целом задача по овладению сильно укрепленной деревней Цемена не была выполнена».

Обстановка была чрезвычайно напряженной. Стрелковые подразделения понесли большие потери, в танковой бригаде осталось не более 15 танков. В такой обстановке командир и комиссар бригады приняли решение возглавить атаку лично.

Наступило утро 1 января 1943 г. Прежде чем развернуться в боевой порядок, танки должны были подойти по единственной лесной дороге к р. Цемена и форсировать ее. Условия местности не позволяли совершить какой-либо маневр, свернуть с дороги, и даже обогнать впереди идущий танк было невозможно. Лесная дорога, по которой они двигались, находилась под непрерывным огнем. Особенно интенсивный огонь велся по району форсирования реки. Три из пяти наведенных переправ были разрушены артиллерийским огнем противника.

Командиру бригады М.Я. Головчанскому с несколькими танками все же удалось форсировать Цемену и вклиниться в оборону противника. Когда до одноименной деревни оставалось не более 1 км, враг сосредоточил огонь всех видов по командирскому танку. Комбриг принял решение использовать огромную воронку, образовавшуюся от разрыва бомбы, и в ней занять круговую оборону.

В течение шести суток экипаж отражал атаки врага, которые предпринимались им по несколько раз в день. Связь с комбригом

поддерживалась по радио, а в ночное время к нему проникала специально выделенная штабом бригады группа разведчиков, которые на специальных волокушах и просто на спине по-пластунски доставляли экипажу снаряды, патроны и пищу. Но для закрепления наметившегося тактического успеха не хватило сил. Командующий 1-й ударной армией приказал Головчанскому выйти из боя. В ночь на 7 января танк командира бригады скрытно покинул свою огневую точку.

Но даже незначительные, частичные успехи советских войск встревожили немецкое командование. В Демянск срочно прибыл командующий группой армий «Север» фельдмаршал Э. Буш. В район боев срочно были возвращены три ранее отправленные отсюда дивизии. С прибытием этих подкреплений наступление Северо-Западного фронта окончательно заглохло. Тем не менее командование фронта под давлением Ставки ВГК с завидным упорством пыталось продолжать операцию. Начало второго ее этапа было назначено на 20 января теми же армиями и практически на тех же направлениях. Вносилось лишь одно уточнение – по предложению С.К. Тимошенко создавались еще две группировки: одна – в полосе 34-й армии в составе двух стрелковых дивизий, стрелковой и танковой бригад для удара на Демянск с северо-востока, а вторая – в полосе 53-й армии в составе трех стрелковых дивизий и трех лыжных бригад для удара по Демянску с юго-востока.

С началом наступления выяснилось, что оно опять превратилось в медленное «прогрызание» обороны с продвижением по нескольку сотен, а то и десятков метров в сутки. Измотанные в предшествовавших боях части несли значительные потери и на большинстве участков остались на прежних рубежах. Вот что, например, отмечалось в журнале боевых действий 43-й гвардейской стрелковой дивизии от 21 января 1943 г. «Части дивизии в течение дня 4 раза поднимались в атаку, но, встреченные ожесточенным, непрерывным пулеметно-автоматным огнем противника, успеха не имели. Противник ведет беспрерывный огонь по нашим наступающим частям, по переднему краю, боевым порядкам, ближайшему тылу и КП дивизии» [308] .

К 25 января фронт вынужден был прекратить наступление. «Неудачи раздражали и подавляли морально, – пишет П.Г.Кузнецов. – Невольно на память приходили бои прошлой зимы… В прошлую зиму во многих боях удачно применялась внезапность, мы с успехом использовали огонь орудий прямой наводки. Почему же ничего не получается теперь?» [309]

Отчасти это объяснялось коренными изменениями,

происшедшими в обороне немецких войск. Зимой 1942 г. противник не имел сплошной обороны. Она состояла из отдельных опорных пунктов, далеко отстоявших друг от друга и связанных между собой только системой огня. Опорные пункты можно было изолировать один от другого и захватывать по очереди. Именно так были взяты Калинцы, Любецкое, Веретейка, Лялино, Горбы и многие другие деревни. Теперь же все изменилось: враг создал сплошной фронт с непрерывными траншеями и ходами сообщения, которые связывали опорные пункты и делали их более устойчивыми.

Для прорыва более совершенной обороны противника требовалось увеличить число орудий, танков, самолетов, чтобы создать значительное превосходство в силах. Но танков и авиации у советских войск почти не было. Как правило, на дивизию выделялась одна рота танков, а «один-два вылета звена штурмовиков в полосе дивизии, – пишет Кузнецов, – больше демонстрация, чем реальная помощь».

Нельзя не согласиться с ним и по вопросу достижения внезапности наступления: «О ней не могло быть речи, ведь мы вот уже второй месяц топтались на месте. Хотелось сделать какую-нибудь перегруппировку, придумать что-то новое, особое, но в масштабе одной дивизии ничего не придумывалось. Все силы у меня были вытянуты в ниточку, резервы отсутствовали…

Цель наступления не была достигнута ни северной, ни южной ударными группами. Стены «коридора» не только не рушились под нашими ударами, а, казалось, становились еще прочнее. Все вмятины и небольшие пробоины, которые нам удавалось сделать, быстро затягивались. Гитлеровское командование усилило «коридор» еще четырьмя дивизиями, сняв их из-за Ловати и из-под Демянска» [310] .

Должных выводов командование фронта не сделало и на этот раз. Тимошенко опять предложил с 1–2 февраля организовать наступление. Но в Ставке после года неудач наконец поняли, что надо искать другое решение. Вывод был таков: следует действовать с привлечением гораздо больших сил и наносить более глубокие охватывающие удары. В немалой степени на эту мысль наталкивал опыт боев в районе Сталинграда и на Среднем Дону.

6 февраля Северо-Западный фронт получил новую задачу – участвовать в операции трех фронтов – Северо-Западного, Ленинградского и Волховского – под кодовым наименованием «Полярная звезда». Войскам левого крыла Северо-Западного фронта надлежало нанести главный удар в общем направлении на Псков, навстречу удару Ленинградского фронта на Нарву. На

первом этапе операции они должны были разгромить противника в районе Демянска и обеспечить ввод в сражение оперативной группы генерала М.С. Хозина в составе 1-й танковой и 68-й армий для маневренных действий в тылу врага.

План операции предусматривал нанесение четырех ударов: силами 27-й армии севернее «рамушевского коридора» на запад, а затем на юго-запад для образования внешнего кольца окружения; силами 11-й армии – непосредственно по центру «коридора» с севера, а 53-й и 34-й армий – навстречу 11-й армии с юго-востока с целью создания внутреннего фронта окружения. Главный удар силами 1-й ударной армии предстояло нанести под основание «рамушевского коридора» навстречу 27-й армии, а частью сил – на запад для обеспечения ввода в сражение группы М.С. Хозина.

Северо-Западный фронт усиливался рядом дивизий, а также соединениями и частями родов войск и специальных войск, в том числе четырьмя артиллерийскими дивизиями. В связи с тем, что эти резервы прибывали в разное время, С.К. Тимошенко решил начать операцию с ряда последовательных ударов. Первыми 14–15 февраля должны были перейти в наступление 11-я и 53-я армии. Остальным армиям предстояло нанести удар 19–20 февраля. Уже одно это заранее обрекало операцию на неудачу, тем более что способы ее ведения мало чем отличались от предыдущих. И на этот раз к наступлению привлекались все армии фронта в прежних полосах.

Необходимо учитывать и то, что войскам во многих случаях приходилось вести наступление на своего рода укрепленные районы противника, а это выдвигало особые требования к планированию огневого поражения вражеской обороны, построению боевого порядка войск, организации четкого взаимодействия между соединениями и частями родов войск. Вот, к примеру, какой увидел оборону противника участник тех боев, бывший начальник политотдела 188-й стрелковой дивизии генерал Г.Н. Шинкаренко: «…Передний край обороны противника плотно прикрывала густая сеть проволочных и минных заграждений… Тут были рогатки, ежи, спираль «Бруно», проволочные заграждения в два ряда. В 30–50 метрах за ними располагалась линия дзотов (на глубину 50 – 300 метров) с деревянными двойными стенками, между которыми была насыпана земля. Между дзотами были сооружены открытые площадки и окопы с одетыми крутостями… Между дзотами проходил забор из колючей проволоки в три ряда. По обе его стороны были лесные завалы высотой более двух метров, засыпанные снегом. Далее возвышался почти на два метра деревянный забор с амбразурами, напоминавший крепостную

стену. С фронта забор прикрывал земляной вал толщиной 1,2–1,5 метра у основания. По валу снова тянулись рогатки из колючей проволоки и спираль «Бруно» [311] .

15 февраля перешли в наступление 11-я и 53-я армии. Как развивалось наступление главных сил 11-й армии, можно проследить на примере 23-й стрелковой дивизии. На участке ее Казанского стрелкового полка 20 орудий прямой наводки и огонь артиллерии с закрытых позиций сделали свое дело – пробили брешь во вражеской обороне, в которую устремилась пехота. К полудню стрелковые подразделения заняли и очистили всю вторую траншею и выдвинулись к третьей. Ширина прорыва превысила 2 км, а глубина достигла тысячи метров.

Но развить успех Казанский полк не смог. Он попал в огневой мешок и был атакован противником с флангов. Пехота продвигалась только ползком, а орудия сопровождения оставались на месте, так как были полностью уничтожены их расчеты. Командир дивизии решил ввести в бой свой единственный резервный батальон. Однако и он втянулся в огневой мешок со значительными потерями. Новая атака Казанского полка с участием резервного батальона не принесла успеха. Сделав трехсотметровый рывок, пехота заняла третью траншею, но закрепиться в ней не смогла. К вечеру под воздействием сильных контратак врага третья траншея почти вся была оставлена.

На этом закончился первый день боя. Завершить прорыв не удалось, хотя все силы и средства дивизии были уже введены в бой. Не смогли прорвать вражескую оборону, несмотря на большие потери, и соседние дивизии. Таким образом, задача дня в полосе наступления трех дивизий оказалась невыполненной.

Как отмечал командир 23-й стрелковой дивизии П.Г. Кузнецов: «До начала наступления наши батальоны имели не более чем по сотне человек. В результате ожесточенного боя их численность сократилась наполовину, а то и больше. Ни вторых эшелонов, ни резервов мы не имели. Артиллерия израсходовала почти все свои запасы, а больше снарядов не поступало. По этому можно судить о наших возможностях к концу первого дня наступления» [312] .

Весь второй день шел бой за третью траншею. Пехота Казанского полка местами вклинилась в траншею, но полностью очистить ее так и не смогла – не хватало сил. Укрываясь за валом, противник огнем из пулеметов и автоматов срывал все атаки. Усилился и его артиллерийско-минометный огонь. Все атаки Карельского и Новгородского полков также не достигли своих целей.

Не принес успеха и третий день наступления. С 17 февраля немецкое командование начало вытягивать свои силы из демянского «котла». Поэтому удержание «рамушевского коридора» являлось для него вопросом жизни и смерти, а сопротивление оборонявших его частей было исключительно ожесточенным. Действительно, еще в начале декабря генеральный штаб вермахта просил Гитлера разрешить вывод войск с демянского плацдарма, чтобы сократить линию фронта и высвободить силы для создания резервов. Однако он не спешил дать согласие. Лишь в конце января 1943 г., когда в результате наступления советских войск резко осложнилось положение противника на других участках советско-германского фронта, начальник генерального штаба сухопутных войск К. Цейтцлер уже в более резкой форме вновь поставил этот вопрос. Обоснование его заключалось в том, что после поражения под Великими Луками удержание плацдарма уже не сулило никаких оперативных выгод. Более того, оборона истощала войска – по немецким данным, с февраля по декабрь 1942 г. вермахт потерял здесь более 90 тыс. человек.

После долгих споров в ночь на 31 января Цейтцлеру в конце концов с трудом удалось вырвать у фюрера согласие на отвод 2-го армейского корпуса за р. Ловать. 17 февраля после тщательной подготовки этот маневр, получивший наименование операция «Цитен», был начат. Войска под прикрытием арьергардов стали последовательно отходить сначала с вершины демянского выступа, а затем и с флангов. Как пишет немецкий исследователь В. Хаупт: «12, 30-я и 122-я пехотные дивизии 19 февраля прикрывали отход из Демянска. Судьба города была решена в следующую ночь. Отступающие колонны вопреки категорическому приказу подожгли несколько домов. Сильный ночной ветер так раздул пожар, что Демянск вспыхнул как сплошной факел. Уцелел только лазарет с 50 ранеными красноармейцами и медперсоналом. В остальном в руки Советов достались лишь руины… Советы получили во владение мертвую местность, на которой торчало 10 000 могильных крестов немецких солдат» [313] .

Вначале предполагалось, что операция продлится 70 суток, но затем срок сократился до 40, а потом и вовсе до 20 суток. Фактически же основные силы немецкой группировки вынуждены были завершить ее за 10 суток, к 28 февраля.

Начало отхода противника штаб Северо-Западного фронта установил с опозданием. Поэтому преследование было начато только частями 11-й и 34-й армий. Считалось, что враг под давлением наступающих войск оставляет свои позиции. Поэтому

27-я и 1-я ударная армии по-прежнему находились в обороне, не создавая никакой угрозы отходившим войскам, хотя перед ними оставались лишь арьергардные части. Только через двое суток командование фронта наконец осознало, что противник пытается оставить весь выступ, и доложило об этом в Ставку. Сталин тут же телеграммой предупредил координировавшего проведение операции «Полярная звезда» Жукова: «В районе Демянска противник начал поспешно отводить свои части на запад. Есть опасность, что ему удастся отвести свои дивизии за реку Ловать и намеченная нами операция может быть поставлена под угрозу». Но и после этого 27-я и 53-я армии начала преследование лишь 23 февраля, спустя четверо суток после назначенного срока, а 1-я ударная армия еще позднее – 26 февраля. В таких условиях нечего было и думать об окружении отходивших немецких войск. Все советские армии продвигались вперед только по мере отхода врага.

Наконец, 28 февраля войска фронта вышли к подготовленному оборонительному рубежу противника по р. Ловать, но еще за сутки до этого он уже был занят отошедшими с демянского выступа немецкими соединениями. В результате линия немецкого фронта на этом участке была сокращена более чем на 300 км. Плотность обороны врага резко возросла. Поэтому прорвать этот рубеж с ходу советским войскам не удалось. За время проведения операции, в период с 15 по 28 февраля 1943 г., Северо-Западный фронт потерял 10 тыс. человек убитыми и более 23 600 – ранеными.

Генерал-полковник Буш, командующий 16-й немецкой армией, 1 марта издал приказ: «Отступление окончено. Здесь был сдан плацдарм, за который враг в течение почти 14 месяцев вел непрекращающиеся атаки. Потребовались величайшие лишения и крайнее упорство. В этот период было уничтожено 1261 танк и 416 орудий, сбито 125 самолетов. Враг потерял 30 000 человек пленными. Валдайская возвышенность, озеро Селигер и долина реки Полы с Демянском для многих уже стали второй родиной. Там в земле покоятся многие товарищи. С этими могилами, за которыми мы ухаживали с товарищеской верностью, пришлось проститься. Но боевой дух этих павших товарищей продолжает жить западнее Ловати в дивизиях 2-го армейского корпуса» [314]
.

25 апреля 1943 г. Гитлер санкционировал учреждение специального знака отличия – нарукавного знака «Демянский щит» в честь сражавшегося в «котле» 2-го армейского корпуса. Военнослужащие сухопутных войск награждались за нахождение в окружении в течение 60 дней, за получение ранения во время

боев в окружении и за проявленную храбрость. Военнослужащие люфтваффе награждались за выполнение 50 боевых вылетов над окруженной территорией или за 50 посадок в «котле». Первый список представленных к награждению этим знаком был составлен 31 декабря 1943 г. Общее число награжденных составило около 100 000 человек.

В целом Демянскую операцию 1943 г. следует признать одной из самых неудачных наступательных операций Великой Отечественной войны. Имея подавляющее превосходство в силах и выгодное положение, советские войска не смогли выполнить поставленные им задачи. Вот к каким выводам пришли офицеры Генерального штаба, участвовавшие в этой операции: «Основными причинами, которые серьезно препятствовали выполнению задачи в данной наступательной операции, были следующие.

Противник, находящийся длительное время в позиционной обороне, достаточно сильно укрепил ее в инженерном отношении, создав многополосную, стройную систему инженерных заграждений, фланкирующего и косоприцельного огня ручных и станковых пулеметов, а также огня артиллерии и минометов.

Большинство опорных пунктов и узлов обороны противника были выгодно расположены в тактическом отношении, с хорошим круговым обзором и обстрелом всех подступов к ним. Инженерные сооружения (дзоты, блиндажи) в большинстве своем были достаточно прочны и неуязвимы от прямой наводки артиллерии, что давало возможность сохранять живую силу противника и противодействовать нашему наступлению. Преодоление такой обороны требовало большого количества сил и средств, особенно артиллерии для подавления прочных и глубоко эшелонированных инженерных сооружений.

В ходе боя противник организованно выводил свои части из демянского котла и срочно перенацеливал их на удержание «рамушевского коридора». Здесь для удержания узкого прохода немцы создавали большое превосходство в людях и технике, особенно на участках, где намечался прорыв линии фронта. Это давало противнику возможность не только упорно удерживать свои опорные пункты, срывать наше наступление, но и переходить в контратаки, чем еще больше сдерживалось наступление наших частей.

Своими мощными огневыми налетами противник наносил большие потери нашим войскам как в живой силе, так и в боевой технике; его авиация ежедневно, группами самолетов на небольших высотах, бомбила и обстреливала боевые порядки наших частей, особенно на направлении главного удара.

Огневая система противника, несмотря на неоднократную артиллерийскую подготовку, на большинстве участков оставалась неподавленной, и в момент атаки наших подразделений огневые точки противника продолжали оказывать упорное сопротивление.

Боевой состав большинства дивизий был малочисленный. В первые же дни боя наступающие части не в состоянии были с оставшимся боевым составом преодолеть тактическую глубину обороны противника. Командиры дивизий, имея небольшие резервы, не могли в достаточной степени повлиять на ход боя вводом мощных резервов там, где намечался успех наступающих.

Такое положение приводило к быстрому расходованию резервов армии, к частым перегруппировкам, к вынужденному пополнению боевого состава за счет изъятия людей из тыловых подразделений и частей» [315] .

Конечно, можно сделать определенную скидку и на прочную оборону противника, и на трудные условия местности, и на глубокий снежный покров и т. п. Но главная причина в другом, а именно – в слабом руководстве войсками. Провал Демянской операции сорвал и всю операцию «Полярная звезда», и ее пришлось отменить. Несмотря на это, маршал Г.К. Жуков в своих мемуарах «Воспоминания и размышления» говорит об «уничтожении противника в районе Демянска», что, конечно же, далеко от истины.

Почему же потерпели неудачу многочисленные попытки войск Северо-Западного фронта уничтожить окруженную в районе Демянска группировку противника, почему ей удалось выйти из-под ударов советских войск? Прежде всего, необходимо признать серьезные ошибки, допущенные командованием Северо-Западного фронта и армий, как при подготовке, так и в ходе операций. Наиболее крупным недочетом явилось то, что ни в одной из операций, проводимых с конца ноября 1942 г. по вторую половину февраля 1943 г., не было создано решающего превосходства над противником в артиллерии, танках, авиации и другой боевой технике на направлениях главных ударов за счет ослабления других, второстепенных участков фронта.

Фронтовое командование переоценивало силы врага, опасалось его активных действий и не решалось пойти на смелую перегруппировку войск. Из общего количества войск, которыми располагал фронт, лишь половина соединений входила в состав наступавших армий, да и эти силы использовались не полностью. Ни в одной из операций не было создано мощной артиллерийской группировки, которая позволила бы быстро и без значительных потерь сокрушить вражескую оборону. Еще хуже было со снарядами, их хватало только на один – два часа боя. Вот

почему в период артиллерийской подготовки не столько подавлялась оборона противника, сколько сама она служила сигналом для немецких войск о готовящемся наступлении.

На второстепенных участках фронта противник не сковывался активными действиями советских войск. Вражеское командование имело возможность быстро перегруппировывать на угрожаемые направления необходимые резервы, снимая часть сил, даже дивизии в полном составе, с пассивных участков фронта. При подготовке и проведении операций не использовалась оперативная маскировка, не принимались меры к тому, чтобы ввести противника в заблуждение путем демонстративных действий. Недооценивались ночные действия войск.

Между ударными группами, действовавшими на встречных направлениях, отсутствовало тесное оперативное взаимодействие. Намечавшийся успех в полосе наступления одной группы часто совпадал с затуханием операции на участке действий другой. Разведка всех видов велась слабо. Управление войсками не соответствовало требованиям боя. Штабы нередко отрывались от войск. Задачи войскам ставились по карте. Взаимодействие родов войск на местности не организовывалось. Дивизии бросались в бой неподготовленными, с ходу. Это приводило к тому, что начавшееся наступление или затухало в самом начале, или развивалось слишком медленно.

В результате всех этих серьезных недочетов ни одна операция не увенчалась успехом. «Рамушевский коридор» продолжал оставаться открытым. И когда противник почувствовал нависшую над ним настоящую угрозу, он воспользовался нашими промахами и ускользнул», – справедливо подводит итог боевых действий на демянском выступе П.Г. Кузнецов [316] .

С другой стороны, немецкие исследователи всегда весьма высоко оценивали, и надо признать, что не без основания, действия своих войск в демянском «котле». Уже упоминавшийся здесь П. Карель дал им следующую оценку: «Больше года… продолжались серии ожесточенных боев за девственные леса, за болота и забытые богом деревушки на Валдайской возвышенности, за регион, где берут свои начала Волга, Двина и Днепр – главные реки европейской части России. Шесть немецких пехотных дивизий 2-го корпуса под командованием генерала графа Брокдорфф-Алефельдта противодействовали численно значительно превосходившим их войскам противника, несмотря на то что были отрезаны от основного немецкого фронта, вынуждены полагаться полностью на самих себя и по большей части получали снабжение только по воздуху. Эти дивизии не

позволили советским войскам прорваться на юг и на запад и, таким образом, спасли от уничтожения группу армий «Север» [317] .

Завершить рассказ о Демянских операциях хотелось бы словами генерал-майора А.А. Витрука: «Обычно о подвигах люди говорят, пишут и даже прославляют в тех случаях, когда бой завершается успешно, когда выигрывается сражение в целом. Ни того, ни другого в Демянской операции не получилось, и тем не менее о подвигах, героизме, умении воевать воинов Северо-Западного фронта есть что рассказать. О них, смертью героев погибших, и о тех, что остались в живых, следует сказать самое доброе слово Родины. Ведь и в битве за «рамушевский коридор» ковалась Великая Победа над фашистской Германией».

Глава 5 На северном фланге

Несколько обособленными ввиду географического положения, находящимися вне оперативной связи с районами Ленинграда и Демянска, но не менее трудными и важными были боевые действия, которые велись в особых физико-географических и климатических условиях Заполярья. Эти условия создавали большие трудности для войск противоборствующих сторон, во многом определяли характер развернувшихся здесь сражений и боев. Вот как, в частности, оценивал этот театр военных действий воевавший на Крайнем Севере с первого до последнего дня немецкий генерал Г. Хельтер: «Арктика резко отличается от остальных районов мира. Это область разительных контрастов. Применение техники в таких девственных зонах ограничено… Солдат, который там воюет, должен отказаться от всего того, что нельзя тащить на себе через девственный лес, болото и каменистую пустыню по бездорожью. Бездорожье мешает военным действиям, затрудняет проведение операций, оно вынуждает нагружать бойца вещами, которые в любом другом месте перевозят и перетаскивают за него автомашины, упряжные и вьючные животные. Бои на труднопроходимой и необитаемой местности требуют особенно тщательного планирования и подготовки. Здесь нелегко устранить недостатки в организации, вооружении и снаряжении войск…

Борьба и снабжение армии в Арктике осуществлялись в масштабах, которые диктовали особенности театра военных действий. На Крайнем Севере командование вынуждено было использовать людей, пространство и время совсем не так, как учили в школах и академиях, и значительно своеобразнее, чем на других фронтах. Война в Арктике была суровой, как климат этой зоны. В основном судьбу боя решал человек, а не техника» [318] .

В соответствии с планом «Барбаросса» для захвата Кольского полуострова была создана специальная группировка войск. На территории Норвегии и Северной Финляндии развертывалась отдельная немецкая армия «Норвегия» под командованием генерал-полковника Н. Фалькенхорста, подчинявшаяся непосредственно верховному главнокомандованию вооруженных сил Германии (ОКВ). В нее входили 36-й армейский корпус и горнострелковый корпус «Норвегия». Кроме того, в оперативное подчинение командующего армией поступил 3-й финский армейский корпус.

Окончательный вариант плана наступления в Заполярье

получил условное наименование «Голубой песец». По этому плану армия должна была нанести внезапные удары по советским войскам на линии советско-финляндской границы, быстро уничтожить их, захватить базу Северного флота Полярное, Кандалакшу и Лоухи, а в последующем овладеть Мурманском и Кольским полуостровом и тем самым прервать северные морские и сухопутные коммуникации, связывавшие Советский Союз с внешним миром.

Наступление армии «Норвегия» должно было развиваться по разобщенным направлениям, вдоль дорог на Мурманск, Кандалакшу и Лоухи, тремя отдельными группировками. На правом фланге армии наносил удар 3-й финский армейский корпус (без 6-й пехотной дивизии) с задачей овладеть рубежом Ухта, Кестеньга и в дальнейшем основными силами наступать на Лоухи до Мурманской железной дороги. 36-й армейский корпус (169-я пехотная дивизия, бригада СС «Север», 324-й пехотный полк 163-й пехотной дивизии, 6-я финская пехотная дивизия) получил задачу ударом вдоль дороги Куолаярви, Алакуртти выйти к Белому морю, овладеть районом Кандалакши и тем самым прервать сухопутную связь Кольского полуострова с остальной частью страны. В дальнейшем основные силы корпуса должны были наступать вдоль Кировской железной дороги на север, во взаимодействии с горнострелковым корпусом уничтожить советские войска, действующие на Кольском полуострове, и захватить Мурманск.

Для наступления на северном приморском направлении из этой армии предназначался горнострелковый корпус «Норвегия» под командованием генерала Дитля. Корпус имел задачу, стремительно продвигаясь вдоль Кольского побережья в направлениях Титовка, Ура-Губа и Печенга, Мурманск, овладеть на этом участке базой Северного флота Полярным и тем самым блокировать Кольский залив. Затем его частям предстояло во взаимодействии с 36-м армейским корпусом захватить Мурманск. Комментируя наступательные планы на северном фланге советско-германского фронта, бывший немецкий адмирал Ф. Руге писал, что главной стратегической целью немецких войск в Заполярье были крупная база и порт в Мурманске и Полярном и что «это предприятие было задумано как чисто сухопутная операция». [319] Ставка на сухопутные войска объяснялась тем, что Военно-морской флот Германии на Северном театре был сравнительно малочисленным. Его представляла военно-морская группа «Норд» в составе одного крейсера, восьми эсминцев и восьми миноносцев, нескольких подводных лодок, 30 тральщиков и сторожевых катеров [320] . Роль этой группы заключалась,

главным образом, в содействии горнострелковому корпусу «Норвегия» на прибрежной части мурманского направления и обеспечении перевозок грузов в порты северного побережья.

В составе корпуса «Норвегия» действовали 2-я и 3-я горнострелковые дивизии и несколько частей усиления. По штату в типовой горнострелковой дивизии насчитывалось 12 235 человек, 12 – 150-мм гаубиц, 38 – 75-мм горных пушек, 52 – 37-мм пехотных орудия, 112 минометов (50 и 81 мм) и 10 танков. Но для действий на мурманском направлении 2-я и 3-я дивизии были усилены дополнительными сверхштатными подразделениями. Так, 2-й горнострелковой дивизии придавались батарея 730-го артиллерийского полка, дивизион ПВО, дивизион противотанковых орудий, четыре моторизованные артиллерийские батареи, а с 27 июля – 14-й отдельный моторизованный пулеметный батальон. Фактическая численность 2-й горнострелковой дивизии, таким образом, была более 16 тыс. человек. Для усиления 3-й горнострелковой дивизии выделялись дивизион 214-го артиллерийского полка, а с 14 июля – 4-й пулеметный батальон. Численность дивизии составляла около 16 тыс. человек.

Всего в горнострелковом корпусе «Норвегия» насчитывалось 32 140 человек (только в составе двух дивизий), 34 – 150-мм гаубицы, 80 – 75-мм горных пушек, 110 – 37-мм орудий, 228 минометов, 20 танков, 192 гранатомета, 983 легких и станковых пулемета, 1600 автоматов.

Вместе с тем сил, выделенных для выполнения намеченных задач, было явно недостаточно. Командование армии считало, что емкость избранного для наступления операционного направления не позволит развернуть здесь крупные группировки, и выделило для действий на нем всего две дивизии. Как отмечал тот же генерал Хельтер: «Навязанная финскими советниками предвзятая точка зрения, будто бы из-за трудностей в снабжении ни на одном из направлений не могут действовать силы, превышающие две дивизии, укоренилась в головах авторитетных немецких руководителей и их помощников. Такая оценка возможностей службы снабжения была ошибочной. Однако к началу восточного похода никто, кроме финнов, не был более компетентным в этой области» [321] . Такого же мнения придерживался и возглавлявший германскую военную миссию при финской ставке генерал В. Эрфурт. «Равномерное распределение сил немецкой «Норвежской армии» на трех ее участках фронта (по одной оперативной группе в составе двух дивизий на каждом участке) не создавало благоприятных предпосылок для удачного исхода операций», – писал он после

войны в своей книге, посвященной вопросам взаимодействия германского и финского союзников [322] . Помимо этого у противника отсутствовали оперативные резервы для наращивания удара из глубины и развития успеха.

Накануне войны прикрытие советско-финляндской государственной границы возлагалось на войска Ленинградского военного округа. 24 июня 1941 г. на базе управления и войск этого округа был образован Северный фронт. Командующим его войсками был назначен генерал-лейтенант М.М. Попов. Соединения и части 14-й армии фронта, командующим которой являлся генерал-лейтенант В.А. Фролов, дислоцировались вблизи границы и были разбросаны от побережья Баренцева моря до Кестеньги на фронте общим протяжением свыше 500 км.

23-й укрепленный район (УР) армии вместе с 100-м пограничным отрядом размещался на полуостровах Средний и Рыбачий, имея главной задачей не допустить высадки на них морских и воздушных десантов противника. Подразделения укрепрайона к началу войны имели значительный некомплект в силах и средствах, который составлял: по автотранспорту – 85 %, лошадям – 45 %, средствам связи – 85 %, саперному имуществу – 90 %. Из-за отсутствия своих складов на полуостровах в УР почти не было взрывчатых веществ и запасов боеприпасов. В состав 23-го укрепленного района входил также 135-й стрелковый полк 14-й стрелковой дивизии. В нем насчитывалось 2642 человека, т. е. некомплект по людям составлял 17 %.

14-я стрелковая дивизия генерал-майора А.А. Журбы дислоцировалась в различных пунктах Кольского полуострова. Ее 325-й стрелковый и 143-й артиллерийский полки занимали опорные пункты и огневые позиции на северном побережье Кольского полуострова от мыса Святой Нос до острова Кильдин протяжением около 300 км. Они имели задачу не допустить высадки морских десантов противника и создания им баз в районах Иоканьга, Териберка и остров Кильдин.

95-й стрелковый полк 14-й дивизии с 241-м гаубичным артиллерийским полком занимал оборону вдоль линии советско-финляндской границы на рубеже от губы Малая Волоковая до высоты 179,0 протяжением свыше 30 км. При этом в нем насчитывалось всего 1650 человек, или 52 % от штатной численности. Поэтому подразделения 95-го полка не смогли организовать сплошного фронта обороны и создали лишь отдельные опорные пункты на господствующих высотах в 1–3 км от государственной границы. Промежутки между опорными пунктами протяжением от 2 до 5 км контролировались дозорами и наблюдением. Никаких укреплений на границе, кроме шести

недостроенных дотов, не имелось. Резервов дивизия не имела. В случае наступления противник мог легко проникнуть в глубину ее обороны, блокировать опорные пункты и по частям уничтожить оборонявшие их подразделения.

52-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Н.Н. Никишина располагалась в местах постоянной дислокации в Мурманске, Мончегорске и Кировске. Подготовка немецких войск к нападению на Заполярье была настолько очевидной, что командующий 14-й армией генерал-лейтенант В.А. Фролов на свой страх и риск, без разрешения свыше, во второй половине дня 21 июня начал проводить некоторые мероприятия по переброске войск на угрожаемые направления и развертыванию частей на линии государственной границы. При этом 52-я стрелковая дивизия в срочном порядке перебрасывалась на мурманское направление. К 29 июня, то есть к началу перехода в наступление горнострелкового корпуса «Норвегия», она находилась в движении, растянувшись вдоль дороги от Мурманска до р. Большая Западная Лица [323] .

На кандалакшском и кестеньгском направлениях действовали 42-й стрелковый корпус (122, 104-я стрелковые и 1-я танковая дивизии) и 101-й пограничный отряд. Корпусу предстояло оборонять полосу шириной 260 км. Войска же занимали лишь 42 км наиболее доступной для наступления противника местности. На кандалакшском направлении, от горы Кейнувара до Лампелы, в полосе шириной 30 км переходила к обороне 122-я стрелковая дивизия генерала П.С. Шевченко, усиленная танковым батальоном 1-й танковой дивизии и 101-м пограничным отрядом. 104-я стрелковая дивизия (без 242-го стрелкового полка) генерала С.И. Морозова располагалась на второй полосе по восточному берегу озер Куолаярви и Апаярви на фронте протяженностью 28 км. 1-я танковая дивизия генерала В.И. Баранова находилась в резерве в районе Алакуртти [324] .

На кестеньгское направление был выдвинут 242-й стрелковый полк с дивизионом 502-го гаубичного артиллерийского полка 104-й стрелковой дивизии. Он занял оборону по р. Софьянге между озерами Пяозеро и Топозеро. Образуемый этими озерами перешеек шириной 12 км являлся удобным рубежом обороны. Боевой порядок полка был построен в два эшелона. В предполье находился 3-й стрелковый батальон, который после боев должен был отойти и занять оборону в первом эшелоне на левом фланге полка. На государственной границе располагались заставы 72-го пограничного отряда.

В подчинении 14-й армии находилась 1-я смешанная авиационная дивизия в составе 145, 147-го истребительных и 137-

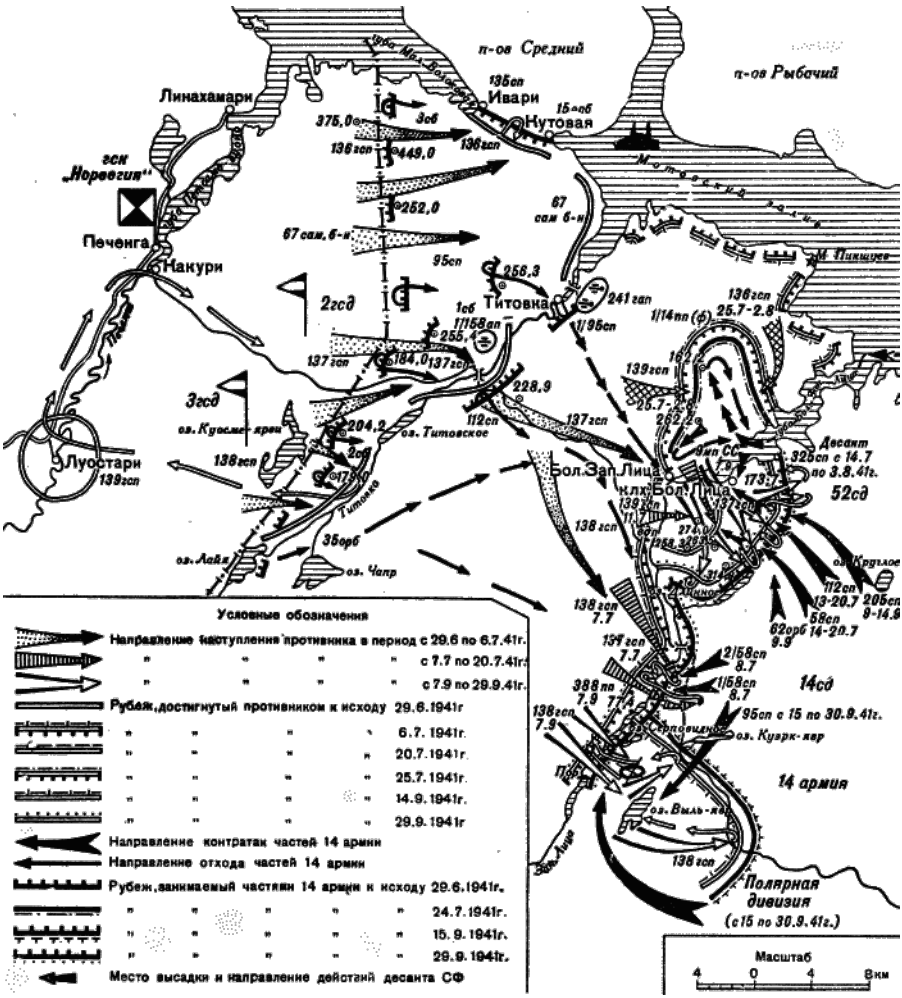
го бомбардировочного полков. Всего в дивизии насчитывалось 137 боевых самолетов – 99 истребителей и 38 бомбардировщиков. Самолетный парк состоял из устаревших истребителей И-15 и И-16 и бомбардировщиков СБ. Не лучше обстояло дело с зенитной артиллерией: в армии имелся всего один зенитный дивизион. Штаб армии не располагал достаточными разведданными, так как в мирное время сбору их не уделялось должного внимания. Не было никаких сведений о намерениях противника, его силах и группировке. Общего армейского резерва, которым можно было бы маневрировать, поддерживая то или иное направление, не имелось. Склады оружия и обмундирования для мобилизационных запасов были размещены слишком близко к границе. В свое время штаб армии внес разумное предложение – переместить склады в тыл, к штабам дивизий. Но это предложение, несмотря на всю его целесообразность, было отвергнуто [325] .

Соединения 14-й армии не имели боевого опыта, однако стрелковые и артиллерийские части были хорошо подготовлены для действий в условиях Крайнего Севера. Численный состав соединений составлял: 4476 человек в 14-й и 8192 человека в 52-й дивизии, т. е. был в 2–2,5 раза меньше немецких горнострелковых дивизий. Кроме того, противник имел большое численное преимущество в автоматическом оружии, минометах, горных пушках, гранатометах и зенитных пулеметах, что являлось очень важным для ведения боевых действий в специфических условиях Заполярья.

Усилия войск в обороне были сосредоточены на определенных направлениях, по которым противник, исходя из условий местности, мог вести наступление. В то же время широкие полосы обороны и разобщенность частей чрезвычайно усложняли управление войсками, взаимодействие между ними и их материально-техническое обеспечение. Труднодоступная местность сковывала маневр войск в ходе боя и не позволяла при необходимости нарастить усилия на том или ином направлении. Открытые фланги соединений и частей требовали отвлечения дополнительных сил для их обеспечения.

Но преимущество 14-й армии перед противником состояло в том, что ее приморский фланг прикрывался силами Северного флота под командованием вице-адмирала А.Г. Головко, который должен был оказывать содействие флангу приморской группировки сухопутных войск и осуществлять совместную с ней оборону побережья Белого моря. В его состав входили дивизион эскадренных миноносцев (8 единиц), бригада подводных лодок (15 единиц), два дивизиона сторожевых кораблей и тральщиков.

Авиация флота насчитывала 116 самолетов, правда, преимущественно устаревших типов. Береговая оборона располагала достаточным количеством батарей с законченным или почти законченным инженерным оборудованием. Однако на всем флоте не было ни одного укрытого командного пункта, тем более не было убежищ для мирного населения и войск, не находящихся в непосредственном соприкосновении с противником.



Боевые действия 14-й армии на мурманском направлении. Июнь-сентябрь 1941 г.

Начавшаяся война выявила также, насколько неудачно было выбрано место главной базы Северного флота. Екатерининская гавань Кольского залива не могла обеспечить рассредоточенного размещения кораблей, и вражеская авиация имела возможность нанести значительный урон флоту в условиях большой

стесненности их стоянки. Отсутствовало и железнодорожное сообщение Полярного с тылом флота в Мурманске и аэродромом в Ваенге. О том, насколько трудно представить базу флота без железной дороги, говорит то, что на отобранной у захваченного немецкого летчика топографической карте была нанесена несуществующая железнодорожная ветка из Мурманска в Полярный [326] . Следовательно, противник не мог даже предположить, что военно-морская база обходится без железнодорожной транспортной связи со страной.

Обнаружился и другой, совершенно очевидный даже в мирное время недостаток Полярного как базы флота. Находившийся всего в сотне километров от границы с Финляндией, он не имел оборонительных сооружений со стороны континента и был под угрозой быстрого захвата с суши или блокады.

С началом боевых действий природные и географические особенности Заполярья сразу же наложили свой отпечаток на характер и направленность боевых действий: они фактически вылились в бои за коммуникации, вне пределов которых движение войск практически исключалось.

Рано утром 29 июня 1941 г. противник нанес артиллерийско-минометный удар по опорным пунктам 95-го стрелкового полка и 35-го отдельного разведывательного батальона 14-й стрелковой дивизии, занимавшим оборону вдоль линии советско-финляндской границы. Артиллерийская подготовка длилась полтора часа. В 4 часа 20 минут после налета 120 бомбардировщиков части немецкого горнострелкового корпуса «Норвегия» перешли в атаку. В генеральный штаб ОКВ ушло первое донесение: «29 июня 1941 года немецкие горные стрелки, освещаемые полуночным солнцем, начали наступление на Мурманск по еще покрытой снегом тундре» [327] .

На левом фланге корпуса от озера Куосмеярви до губы Малая Волоковая наступала 2-я горнострелковая дивизия в составе двух горнострелковых полков. Один из этих полков к трем часа утра сосредоточился возле границы. Здесь почти десятикилометровый рубеж прикрывала одна стрелковая рота и две пограничные заставы, занимавшие взводами и отделениями лишь наиболее крупные высоты и проходы. В скоротечном бою противник сбил их с занимаемых рубежей и вынудил к отходу.

Отступая, стрелковые подразделения вышли к позиции занимавшего оборону во втором эшелоне 15-го пулеметного батальона. Его командир, приняв на веру рассказы отходивших о больших вражеских колоннах с артиллерией, не выяснив истинного положения, разрешил командирам рот самим

принимать решения об отступлении. Батальон стал отходить со своих позиций. Лавина отступления поглотила работавших позади него саперов, которые вовсе не видели противника и не слышали ни одного выстрела. Никто даже не попытался организовать какого-либо противодействия. При этом до передовых немецких подразделений было не менее 2–3 км [328] .

К месту вклинения противника срочно выехал командир 23-го укрепленного района полковник Д.Е. Красильников. Спустившись в долину перешейка, он стал задерживать бегущих бойцов, которые самовольно оставили позиции. Некоторые из них, охваченные паникой, не подчинялись приказанию. Тогда Красильников, выхватив пистолет, стал стрелять в воздух и таким образом приостановил паническое бегство [329] . Остановив, таким образом, отступавших, командир УР срочно сформировал сводные подразделения, назначил их командиров, поставил им задачи и направил на участки обороны.

К концу дня роты и взводы заняли назначенные им высоты и лощины на хребте Муста-Тунтури. В то время никто не мог предположить, что на этих ничем не примечательных скалистых возвышенностях кровопролитные бои будут вестись почти сорок месяцев. Но как бы то ни было, частям горнострелкового корпуса «Норвегия» не удалось с ходу овладеть полуостровами Средним и Рыбачьим, обеспечивавшим свободу действий Северному флоту из Кольского залива и создававшим постоянную угрозу удара с фланга по сухопутным коммуникациям противника. Командующий Северным флотом адмирал А.Г. Головко 29 июня записал в своем дневнике: «Кто владеет Рыбачьим и Средним, тот держит в своих руках Кольский залив. Без Кольского залива Северный флот существовать не может» [330] .

Учитывая тяжелую обстановку, сложившуюся на правом фланге, генерал-лейтенант Фролов обратился к командованию Северного флота с просьбой поддержать приморский фланг армии корабельной артиллерией. С этой целью был сформирован отряд кораблей, в который вошли эскадренные миноносцы «Урицкий» и «Валериан Куйбышев», а также два катера охранения. Моряки высадили на берег две корректировочные группы, которые, заняв выгодную позицию, связались с сухопутными частями, передавали по радио на корабли целеуказания, корректировали их огонь. Эсминец «Валериан Куйбышев», маневрируя в губах Кутовая и Мотка, вел стрельбу из 102-мм орудий по огневым точкам и скоплениям вражеских войск, обнаруженным на склонах гор. Выпустив до 300 осколочно-фугасных снарядов, корабль подавил несколько огневых точек и уничтожил около двухсот солдат и офицеров

противника. Командир 136-го немецкого горнострелкового полка вынужден был доложить в дивизию: «Попали под шквальный огонь русской корабельной артиллерии. В батальонах заметная убыль людей, санитары не успевают эвакуировать… Мы были близки к Кутовой, спускались с восточных крутых склонов высоты сто двадцать второй. И тут на нас обрушился град снарядов. Мне нечем ответить. Если они не прекратят обстрел, вынужден буду отвести полк назад. Прошу отогнать русские корабли, помочь авиацией» [331] . Таким образом, очередная попытка противника атаковать советские подразделения на полуострове Среднем была сорвана.

Утром 1 июля немецкий горнострелковый и финский пехотный батальоны после ударов с воздуха, при поддержке огня артиллерии и минометов перешли в атаку на Кутовую. Оборону тут занимали все те же наспех сведенные из разных батальонов и рот красноармейцы. Бой, с короткими перерывами, продолжался сутки. Егери и финская пехота четырежды пытались выйти к морю и перехватить дорогу, но оборонявшиеся не отошли ни на шаг.

4 июля с утра противник атаковал позиции 5-й стрелковой роты 135-го полка, занимавшей оборону на горе Большая Муста-Тунтури. Вспоминая об этом бое, его участник, в то время командир взвода разведки полка В.П. Барболин, писал: «Бой нарастал и усиливался. В первой половине дня вся сопка была в огне – трещали пулеметы и автоматы, гремели разрывы гранат. Наши боевые порядки отстояли от врага всего на несколько десятков метров, поэтому ни мы, ни фашисты не могли применить артиллерию и минометы, чтобы не поразить своих… Подбросить подкрепление 5-й роте было невозможно, а противник вводил в бой все новые и новые группы егерей, наращивая удар. К концу дня почти все защитники Большой сопки были убиты. Несколько человек, оставшихся в живых, присоединились к 6-й роте на Средней Муста-Тунтури. Большая Тунтури была захвачена врагом. Вскоре пала и Малая» [332] .

В течение последующих дней то на одном, то на другом участке вспыхивали бои, в которых стороны пытались улучшить свое положение. Насколько они вызывались обстановкой, насколько обоснованно командиры посылали своих подчиненных на смерть, судить сегодня трудно. Но то, что сопровождались они огромными потерями, – бесспорно. Подтверждением этому служит один из боев, проведенный подразделениями 135-го стрелкового полка.

24 июля во второй половине дня артиллерия противника обрушила массированный огонь на расположенную севернее высоты 122 высоту Безымянную, обороняемую ротой младшего

лейтенанта Лысова. Сопка скрылась в дыму разрывов. Под прикрытием артиллерийского огня отдельные группы егерей сумели прорваться в «мертвое», недосягаемое для нашего огня пространство и, накопив силы, бросились на штурм. Завязались гранатные и рукопашные бои. Погиб командир роты младший лейтенант Лысов, были убиты командиры взводов. Раненые солдаты с трудом отползали в Кутовую. Почти вся рота погибла. Высота Безымянная пала.

Вернуть высоту командир полка полковник Пашковский приказал взводу разведки младшего лейтенанта В.П. Барболина. «Товарищ полковник, прикройте отряд дымовой завесой или разрешите выполнение приказа отсрочить до наступления тумана. Местность на полтора километра открытая, простреливается фронтальным и фланговым огнем. Солнце светит нам в глаза. Кроме того, артиллерия противника сильнее нашей. Разведотряд и так понес большие потери. Успех может быть достигнут только внезапностью…» – пытался возразить командир взвода, но после резкого окрика Пашковского: «Не возражать! Выполняйте приказ!» и сам вспылил: «Расстреливайте меня или отдавайте под трибунал, но разведчиков на бессмысленную смерть не поведу. Приказ выполню ночью или если будет туман».

Пашковский схватился за пистолет, но присутствовавший на КП батальонный комиссар Кац удержал его. Ситуацию спас прибывший после доклада комиссара полковник Красильников, который отменил решение командира полка и приказал для достижения внезапности атаковать высоту без артиллерийской подготовки, после того как опустится туман.

Под прикрытием тумана разведчики в ночь на 26 июля выдвинулись к высоте, застали противника врасплох и в двухчасовом бою разгромили роту егерей, потеряв при этом одного человека убитым и двух ранеными. Часа через два егери пришли в себя и обрушили на высоту артиллерийский огонь. Вскоре туман рассеялся, и к артиллерии присоединились пулеметы. Во время обстрела два разведчика были убиты и семь тяжело ранены. Попытку эвакуировать их враг пресек пулеметным огнем.

Весь день вражеская артиллерия вела огонь по высоте. Вышла из строя телефонная связь. Штаб полка трижды посылал телефонистов, но они были убиты или ранены на глазах у разведчиков. Противник блокировал высоту, перекрыв все подступы к ней артиллерийско-минометным огнем и огнем снайперов. По радиостанции младший лейтенант Барболин попросил доставить на высоту подкрепление и боеприпасы.

Несмотря на то что он доложил, что выдвигаться можно только ночью, иначе будут большие потери, с утра 27 июля подкрепление, возглавляемое начальником штаба полка капитаном Кузнецовым, начало выдвигаться к высоте.

Было видно, как человек 25–30 перебежками выбрались на открытое место. И тут с трех сторон открыли огонь немецкие пулеметы. Укрыться бойцам было негде, они ползли по-пластунски. Замирали на месте убитые, раненые пытались отползать назад. Наконец капитан Кузнецов и с ним только двое красноармейцев добрались до высоты, доставив два ящика патронов. Капитан Кузнецов был подавлен: «Чем я помог? Это безумие, безумие!» – говорил он, обхватив голову руками. Оказалось, что полковник Пашковский проигнорировал предупреждение о невозможности выдвижения группы в дневное время и тем самым бросил людей под огонь немецких пулеметов и минометов.

28 и 29 июля противник вел беспокоящий огонь, не предпринимая активных действий. По всей видимости, это стало основанием для командира полка полковника Пашковского для того, чтобы попытаться перейти в наступление. Никаких объективных условий для него, да и необходимости в нем, тоже не было. 30 июля по рации поступила кодограмма: взводу разведки совместно с отрядом добровольцев лейтенанта Калугина, который прорвется на Безымянную, взять высоту 122. Задача была изначально невыполнима. Высота 122 была сильно укреплена, подступы к ней хорошо просматривались, простреливались многослойным огнем. Наступающим негде было укрыться или окопаться – кругом сплошная скала. Но штаб подтвердил категорическое требование командира полка.

Около 15 часов полковая артиллерия открыла огонь по высоте 122. Из района НП полка начал выдвижение на исходные позиции отряд А.П. Калугина. Противник открыл по наступавшим сосредоточенный огонь из орудий и минометов. Бойцы где ползком, а где короткими перебежками пытались проскочить голое пространство. Но все больше из них выходило из строя. На высоту добрался только раненый командир отряда А.П. Калугин. Несколько минут он приходил в себя, затем со злостью сказал: «Лучше бы меня убило, чем смотреть на этот кошмар. Какие люди погибли…» Отряд добровольцев был сформирован из коммунистов и комсомольцев. Почти половина их погибла, остальные были ранены. Только после этого поступил приказ командира полка наступление прекратить и закрепиться на высоте [333] .

Не обсуждая человеческие и командирские качества

полковника Пашковского, следует привести лишь один факт из его дальнейшей служебной биографии. В декабре 1941 г. он был назначен командиром 52-й стрелковой дивизии. Однако не прошло и месяца, как последовало новое назначение – начальником тыла Масельской оперативной группы войск. С этого времени и до конца войны полковник Пашковский на командные должности больше не назначался.

К концу июля ни советские войска, ни противник, понеся значительные потери, не были способны к ведению активных боевых действий. Командиру горнострелкового корпуса генералу Дитлю ничего иного не оставалось, как отдать приказ наступление на полуострова Средний и Рыбачий прекратить, на захваченных рубежах перейти к обороне. Он приказал подтянуть к перешейку тяжелые орудия и приступить к осаде отрезанных полуостровов.

По-иному развивались события в центре и на левом фланге 14-й стрелковой дивизии, где занимал оборону 95-й стрелковый полк майора С.И. Чернова. Ровно в 3 часа 29 июня передовой немецкий батальон пересек границу и вступил на советскую территорию. Разделившись на две части, он начал обходить опорные пункты подразделений полка. В результате на высоте 189,3 за озером Пигвосеньярви была отрезана 4-я стрелковая рота лейтенанта Каблукова. С западной стороны высоту прикрывало озеро, а доты простреливали все подходы от озера и с флангов. Противник атаковал высоту без артиллерийской подготовки, с тылу. Командир роты успел переместить часть бойцов на восточный склон. Когда егери поднялись примерно на одну треть высоты, они вдруг наткнулись на стену огня пулеметов и винтовок, сначала залегли, а потом и вовсе откатились вниз, к подножию.

Через какое-то время появилась девятка «юнкерсов», несколько раз они с пикирования отбомбились по высоте; затем по вершине и по склонам открыла огонь артиллерия. Следом подразделения егерей вновь пошли в атаку. На этот раз они поднялись почти до середины высоты. Командир роты поднял бойцов в контратаку. Егери рукопашную не приняли, повернули назад и отошли в лощину. Закончилась неудачей и третья их атака.

Пятый час бойцы роты удерживали позиции на высоте. Егери поднялись в новую атаку. С оставшейся небольшой группой красноармейцев лейтенант Каблуков бросился врукопашную. Схватка произошла почти у вершины, командир роты и бывшие возле него воины погибли. Остатки роты пробились через вражеский заслон по северному скату и ушли к 6-й роте.

Эта рота под командованием младшего лейтенанта Антонова занимала оборону на высоте 255,4 в 2 км севернее. И эту высоту противник не стал штурмовать с фронта и с флангов, он обошел ее с востока и оттуда предпринял атаку. Вскоре егери заняли нижний склон сопки. Но сверху их атаковал взвод лейтенанта Лугового. Красноармейцы его взвода только что прибыли с пополнением из запаса, да и командир их третьи сутки находился в этой должности после прибытия из военного училища. Трижды взвод и немецкая цепь сходились врукопашную, все бойцы взвода, а с ними и лейтенант Луговой погибли, но не пропустили противника на высоту по южному склону.

В девятом часу егери, после перехода границы еще одним батальоном, полностью окружили высоту. После артиллерийского обстрела и удара авиации они вновь атаковали позиции роты. Младший лейтенант Антонов собрал возле себя остатки двух рот, которые вели бой до последней возможности, а когда егери стали приближаться к вершине, пошли на прорыв. Немецкие подразделения не выдержали встречную атаку и откатились назад. Красноармейцы пробились из окружения и вышли в расположение своих войск [334] .

Упорный бой разгорелся за высоту с отметкой 204,2. Из ее защитников в живых не оставалось почти никого. Только в последнем доте отстреливались раненый командир взвода лейтенант Ковалев и с ним красноармейцы – Мотин и Габов. Егери предлагали им сдаться, обещали сохранить жизнь, грозились выжечь огнем. Из дота на ультиматум ответили очередями из пулемета последними патронами. После этого по амбразуре дота открыли огонь огнеметы. В целом, по свидетельству немецкой стороны, в дотах в живых не взяли никого, на высотах подобрали лишь немного раненых [335] .

С захватом этих высот противнику открывался удобный выход к мосту через р. Титовку, его части могли выйти на равнину и угрожать тылам 95-го полка. Командир 14-й стрелковой дивизии генерал-майор Журба, сопоставив все донесения, приказал сосредоточить в район моста резервы для контратаки. Он сам отправился на тот участок, чтобы организовать взаимодействие пехоты и артиллерии. После этого никто уже не видел генерала Журбу. На КП полка вернулся только шофер. Он доложил, что машина разбита бомбой возле Южного моста и все пассажиры погибли.

Позднее два красноармейца, вышедшие из окружения в расположение 112-го полка 52-й стрелковой дивизии, рассказали, что они видели генерала, который с группой красноармейцев вел бой с противником около какого-то озера. И только спустя много

лет, в 1975 г., нашелся свидетель, он же и участник последнего боя генерала – бывший пограничник 6-й заставы П.И. Терентьев. Он рассказал, что вечером 29 июня группа пограничников 6-й заставы и присоединившихся к ним солдат 95-го полка, возглавляемая сержантом-пограничником Н.О. Ремизовым, выходила из окружения. В районе высоты 298,4 к ним присоединилось 12–15 солдат во главе с генерал-майором Журбой.

Вскоре отряд был атакован, как выяснилось, солдатами 67-го немецкого отдельного самокатного батальона. Генерал, руководя боем, сам вел огонь из автомата ППД, был ранен в руку. Противник начал обходить отряд с фланга. А.А. Журба приказал бойцам отходить на Титовку, но путь туда уже был отрезан. Было принято решение отходить на полуостров Средний. Километрах в трех от Большой Муста-Тунтури отряд вступил в бой с горными егерями и понес большие потери. Лишь несколько человек с генералом прорвались западнее хребта. Но и здесь пришлось отбивать яростные атаки врага. На исходе 30 июня генерал-майор А.А. Журба был убит. Сержант Н.О. Ремизов и солдат Игумнов похоронили его, заложив камнями между двух валунов. Летом 1976 г. поисковая группа, созданная Мурманским областным военкоматом и городским комитетом ветеранов войны, отыскала могилу Журбы. Останки генерала были перевезены в Мурманск и захоронены на воинском кладбище [336] .

Только после войны, когда появилась возможность познакомиться с документами и мемуарами немецких военачальников, удалось установить, что происходило 29 июня на левом фланге 95-го стрелкового полка. Вот что рассказывает об этом в своих записках В. Гесс – начальник оперативного отдела штаба горного корпуса «Норвегия». Один из батальонов 137-го немецкого горнострелкового полка получил задачу выйти к озеру Титовское, в тыл советским войскам, а оттуда к дороге и овладеть Южным мостом. За 8 часов батальон по бездорожью продвинулся всего на 8 км. До Южного моста оставалось пройти, причем уже по дороге, всего 3 км. Но здесь путь егерям преградили советские бойцы. Их было немного, но они задержали противника на 17 часов. Мост егери взяли лишь 30 июня в 3 часа утра, после того как были введены в бой еще два батальона, огнеметы и рота танков. На подступах к нему, в стрелковых ячейках, на дороге лежали только убитые и несколько тяжело израненных, без сознания красноармейцев. На правый берег никто не отошел. Взорвать мост оказалось некому.

Донесений об этом бое ввиду сложности обстановки и отсутствия связи не сохранилось. Можно только предполагать,

что этот беспримерный бой вели немногочисленная застава пограничников, несколько танкеток и бронеавтомобилей разведывательного батальона и тыловые подразделения левого фланга полка. Они-то и, очевидно, два артдивизиона, занимавших позиции невдалеке от Южного моста, задержали наступление трех немецких батальонов [337] .

Положение советских войск значительно осложнилось в результате больших потерь в артиллерии и боеприпасах к ней в первый же день боевых действий. Так, при отходе были уничтожены склады боеприпасов и продовольствия 95-го стрелкового полка, приведена в негодное состояние вся материальная часть артиллерии 95-го стрелкового и 241-го гаубичного артиллерийского полков, которая из-за отсутствия дорог не могла быть вывезена из занимаемых районов [338] .

Подводя итог первого дня боев на мурманском направлении, командующий Северным флотом адмирал А.Г. Головко записал в своем дневнике: «29 июня. На сухопутье произошло то, чего следовало ожидать. Как только армейская артиллерия начала обстрел мест сосредоточения и скопления сил противника, гитлеровцы, будто по сигналу, перешли в наступление. Повсюду завязались ожесточенные бои.

Силы неравные. Противник подготовился к наступлению, а мы, говоря строго, только начали подвозить пополнения войскам. Доставляем под ударами его авиации необученных, неэкипированных, даже непроинструктированных людей и прямо с причала бросаем на передовую линию, в бой.

Сообщения с передовой кратки: борьба идет за каждый метр, за каждую сопку, скалу, расщелину. Даже там, где в дотах остается по два-три человека, люди не капитулируют, не сдаются» [339] .

Основываясь на частном успехе, немецкое командование полагало, что части 14-й армии на мурманском направлении после первых ударов не смогут оказать организованного сопротивления. Утром 30 июня командир 137-го горнострелкового полка докладывал командиру 3-й горнострелковой дивизии: «Противник находится в состоянии полнейшего бегства. Рассчитывать на сопротивление можно только со стороны отдельных очагов… Согласно приказу дивизии полк продолжает прорыв и продвижение вперед и к исходу дня достигает моста юго-восточнее Большая Западная Лица» [340] .

В течение 30 июня подразделения 95-го полка 14-й стрелковой дивизии продолжали отход на рубеж р. Большая Западная Лица. Одновременно часть его сил была отброшена противником к побережью Мотовского залива. Как пишет

Головко, «только один батальон подошел к заливу во главе с командиром, причем этот командир имеет более десяти ран. Я видел его и поразился тому, как он сумел дойти. Еще более удивительно несоответствие его физического состояния – человек едва держался на ногах – с его волей. К сожалению, не запомнил его фамилии» [341] .

При отходе советских войск к ним присоединилось неожиданное пополнение. Дело в том, что в губе Титовка перед войной начали строить аэродром. На земляных работах было занято несколько сот заключенных. В бою с противником погибла вся вооруженная охрана лагеря. Несмотря на ее отсутствие, репрессированные организованно отступили вместе с войсками. Ни один из них не сдался в плен, не остался у врага. Прибыв на кораблях в Полярный, они обратились к командованию флота с просьбой разрешить им сражаться против врага и были направлены во флотские подразделения [342] .

В это же время на рубеж Большой Западной Лицы по единственной дороге выдвигались полки 52-й стрелковой дивизии генерал-майора Никишина. Следовавший в ее авангарде 112-й стрелковый полк майора Ф.Ф. Короткова на марше был атакован 45 вражескими бомбардировщиками и, не вступив еще в непосредственное соприкосновение с противником, понес первые весьма ощутимые потери [343] .

На рубеже Большой Западной Лицы до войны даже простейших полевых оборонительных сооружений не строилось, и теперь их приходилось создавать в боевой обстановке. Оборона дивизии имела очаговый характер, отдельные узлы сопротивления перекрывали лишь наиболее угрожаемые направления, по которым противник мог выйти на Мишуковскую дорогу, ведущую к Мурманску. Его подразделения, используя лощины и перелески, а также не занятые советскими войсками участки, беспрепятственно проникали в их тылы, наносили удары по позициям артиллерии и штабам.

Так, 3 июля один батальон егерей вброд и на надувных лодках переправился через неглубокую южную часть губы Большая Западная Лица и занял поселок Большая Лица. Ни войск, ни жителей там не оказалось, поселок достался егерям без боя. Здесь они обнаружили колонну грузовых автомашин, оставленных военными строителями, возводившими аэродром. Командование 52-й дивизии, не зная о захвате поселка противником, направило сюда роту саперов, приказав им проложить обходный путь по лощинам и перегнать автомобили в тылы дивизии.

Когда саперы подошли к поселку, то обнаружили

разместившихся в нем егерей. За поселок завязался бой, в ходе которого красноармейцы пробились на окраину и захватили склад взрывчатки. После того как он был взорван, немецкие подразделения поспешно оставили населенный пункт, однако выпали из поля зрения командования 52-й дивизии. Именно этот батальон горных стрелков, на время потерянный штабом дивизии, проник в тыл 205-го стрелкового полка майора Н.И. Шпилева. Егери напали на несколько батарей, но были отброшены огнем орудий прямой наводкой. После этого они вплотную приблизились к командному пункту полка, почти окружили его, нарушили связь с батальонами и с узлом связи дивизии.

В то время, пока шел бой, к этому опасному участку подтягивался резерв командира дивизии, а артиллеристы засекли скопления вражеских солдат в долине ручья. По этому участку был сосредоточен огонь трех артиллерийских дивизионов. Батальон противника понес большие потери и в беспорядке отошел на западный берег реки. Командир 3-й горноегерской дивизии докладывал затем в корпус: «…Батальон угодил в западню в главной оборонительной полосе противника … обстреливаемой со всех сторон, был рассеян … потерял немало оружия, особенно пулеметов … собрал примерно половину людей…» [344]

Немного позже подтверждение факта разгрома егерского батальона было найдено в дневнике убитого немецкого офицера. В нем говорилось об упорстве русских, о больших потерях немецких частей с начала боевых действий. Один из полков 3-й горноегерской дивизии потерял в июльских боях тысячу человек. Батальон 2-й дивизии за два дня боев в долине безымянной речушки, прозванной немцами «долиной смерти», лишился сразу 500 человек. В дневнике отмечалось, что потери до сих пор не восполнены и продолжают расти в результате действий советской авиации, снайперов и особенно артиллерии. Тон дневника был весьма пессимистический. Автор писал о напряженном состоянии солдат на переднем крае, особенно по ночам, когда за каждым камнем им чудится русский [345] .

В целом обстановка для советских войск на мурманском направлении сложилась крайне неблагоприятно. Резервов, которые можно было бы немедленно ввести в сражение, 14-я армия не имела. Поэтому командующий армией решил снять с побережья Кольского полуострова 1-й и 2-й батальоны 325-го стрелкового полка и сосредоточить их в Сайда-Губе для последующей переброски морем в район боевых действий [346] .
Одновременно 6 июля в губе Нерпичья на необорудованное побережье кораблями Северного флота был высажен десант в

составе 2-го батальона 205-го стрелкового полка – всего 529 человек. Он имел задачу совместными действиями с частями 52-й стрелковой дивизии уничтожить группировку врага в районе колхоза Большая Лица, после чего соединиться с основными силами дивизии. Высадка происходила без противодействия противника, а поэтому и без потерь в составе десанта и кораблей. После высадки десант с боями продвинулся до колхоза Большая Лица и около двух суток самостоятельно вел бой в этом районе. Только на третий день удалось установить связь и организовать совместное наступление частей 52-й стрелковой дивизии и десанта, в результате которого немецкие подразделения были отброшены на западный берег р. Большая Западная Лица.

При ведении боевых действий в особых условиях Заполярья этот частный тактический успех оказал непосредственное влияние на общую оперативную обстановку. Вот что писал об этих событиях генерал В. Эрфурт: «Уже вскоре после прорыва горнострелкового корпуса из Петсамо к Мурманску в конце июня 1941 года на этом участке фронта возник первый кризис. На реке Западная Лица наступавшие немецкие войска встретили ожесточенное сопротивление. Когда же русские высадили десант в тылу корпуса и у последнего не оказалось резервов для его отражения, Маннергейм был вынужден послать на помощь полк финской армии… Одновременно (7 июля 1941 года) ОКВ издало следующий приказ: «…Необходимо перебросить подкрепления горнострелковому корпусу, с тем чтобы он мог как можно скорее начать наступление на Мурманск. Командование «Норвежской армии» совместно со «Штабом связи «Север» должно выяснить, могут ли для этой цели быть переброшены финские войска… Кроме того, дислоцированные в Финляндии и недавно усиленные военно-воздушные силы должны поддержать наступление горнострелкового корпуса, не допустить внезапного удара противника с моря по левому флангу корпуса и вести наблюдение за морем» [347] .

В ночь на 8 июля в губе Большая Западная Лица был высажен еще один десант – батальон пограничников. Действуя по тылам противника, он оказал на него деморализующее влияние. Немецкое командование довольно тревожно оценивало создавшееся положение. Генерал Дитль в докладе в штаб армии отмечал: «Опасность была велика. Если бы противнику удалось взять высоту, то он получил бы возможность просматривать артиллерийские позиции, штабы, передвижения, строительство дорог. Еще один короткий удар после этого, и дорога снабжения корпуса была бы перерезана. Тогда отрезанные части были бы вынуждены прорываться обратно». Не зная действительных сил

десанта и опасаясь за свой левый фланг, командир горнострелкового корпуса вынужден был направить для борьбы с ним три батальона и тем самым ослабить части, ведущие наступление на рубеже р. Большая Западная Лица. После этого Дитль доложил, что в условиях непрерывных атак с фронта и угрозы с фланга он не может продолжать наступление и поэтому вынужден отступить на исходные позиции.

Наступление на этом рубеже основные силы 2-й и 3-й горнострелковых дивизий противника возобновили 11 июля. Накануне, 10 июля, на командный пункт генерала Никишина прибыл полковник Г.А. Вещезерский, служивший до этого в штабе Ленинградского военного округа, и предъявил предписание о назначении его командиром дивизии. Никишину предлагалось убыть в распоряжение командующего армией. Чем было вызвано такое решение, после того как дивизия отразила удары противника и не пропустила его к Мурманску, ему не сообщалось. Некоторое время спустя генерал Никишин был назначен командиром 14-й стрелковой дивизии, части и подразделения которой были значительно ослаблены в предыдущих боях и разбросаны на большой площади. Относительно компактно были сосредоточены только тыловые подразделения дивизии и 95-й стрелковый полк.

С утра 11 июля горнострелковые полки на надувных и рыбачьих лодках форсировали губу Большая Западная Лица и высадились на ее южном берегу. Они захватили участок правобережья длиной более 6 км и в глубину 2–3 км. Дальнейшее их продвижение было задержано контратакой батальонов 112-го и 205-го стрелковых полков. Потери с обеих сторон были значительными. Так, в сумке убитого немецкого офицера оказался дневник. Автор его с тревогой писал, как тяжело приходится преодолевать каждый километр продвижения на восток. Второе наступление на Лице в полную силу еще не развернулось, а в двух дивизионах их гаубичного полка сотни убитых и раненых, только один третий батальон 136-го горнострелкового полка потерял более 100 человек убитыми и около 300 ранеными [348] .

Через три дня, утром 14 июля, в сражение вступили главные силы противника, в наступление в нижнем течении реки перешла усиленная горнострелковая дивизия. Егери преодолели водную преграду на не занятом нашими частями участке в районе водопада и стали быстро продвигаться в юго-восточном направлении. К исходу дня прорыв был расширен, противник захватил высоту возле северо-западного берега озера Круглого. Помимо этого его подразделения, просачиваясь по ущельям и

горным проходам, проникали все далее на восток и создавали угрозу тылу оборонявшихся стрелковых батальонов.

По приказу командующего 14-й армией навстречу им был выдвинут 58-й стрелковый полк майора Х.А. Худалова. В результате встречного боя 15 июля он остановил наступление врага и в последующем отбросил его в исходное положение. Несмотря на это, обстановка продолжала оставаться крайне напряженной. Командующий Северным флотом А.Г. Головко докладывал Главнокомандующему северо-западным направлением маршалу Советского Союза К.Е. Ворошилову, что в условиях дальнейшего продвижения противника, отсутствия подготовленных и занятых войсками оборонительных рубежей от Большой Западной Лицы до Кольского залива, а также резервов у 14-й армии базирование Северного флота в Кольском заливе становится невозможным [349] .

Чтобы отвлечь противника с сухопутного участка фронта, командующие 14-й армией и Северного флота решили срочно высадить десант на северо-западное побережье губы Большая Западная Лица. В состав десанта вошли два батальона 325-го стрелкового полка под командованием майора А.А. Шикиты, а также первый флотский батальон – отряд моряков-добровольцев и рота одного из подразделений Главной базы Северного флота. Командовал отрядом старший лейтенант Симоненко. Десантники переправились на берег почти без потерь в людях, однако после попадания вражеского снаряда в баржу с артиллерией на дно ушли все орудия сводного десантного полка. Из воды удалось вытащить только одно орудие. В результате с первого же дня десант вынужден был вести боевые действия практически только стрелковым оружием.

Десантные части после высадки нанесли удар в направлении Большая Западная Лица и, продвинувшись на 6–8 км, привлекли на себя силы противника, предназначенные для усиления ударной группировки горнострелкового корпуса. На борьбу с десантом был выделен батальон 137-го горнострелкового полка, отдельный пулеметный батальон и батальон финских пограничников. После 20 июля на уничтожение десанта противник бросил дополнительно батальон 139-го горнострелкового полка, два самокатных батальона и всю артиллерию 2-й горнострелковой дивизии. По признанию бывшего начальника оперативного отдела горнострелкового корпуса майора В. Гесса, против десанта действовали 25 рот пехоты, 8 батарей артиллерии и сильная группа бомбардировочной авиации. Он утверждает, что удары десантных частей оказались настолько чувствительными, что командование

корпуса вынуждено было прекратить наступление и начать «… приготовления более широкого масштаба, чтобы выбить советские войска… из района озерных дефиле».

Тем не менее к концу июля положение десанта значительно осложнилось. К тому времени из его состава выбыло около 700 человек, во флотском батальоне осталось только 70 моряков. Несмотря на то что за три дня флот доставил 630 добровольцев из школ Соловецкого учебного отряда, Мурманского флотского экипажа и с кораблей и частей главной базы, превосходство противника в людях оставалось весьма значительным. А в артиллерии и авиации оно было подавляющим. Утром 2 августа в штаб армии и в штаб флота от Шикиты поступила одинаковая радиограмма: «В пять часов утра противник перешел в наступление. Охватывает правый фланг полка. На том участке продвинулся примерно на 4 километра. На моем левом фланге… сильный артиллерийский обстрел. Прошу быстрее поддержать орудийным огнем».

Последующие донесения показали, что против десанта брошены значительно превосходившие его силы противника. Командующий 14-й армией генерал Фролов пришел к выводу, что десант без срочной помощи полностью погибнет. После двадцати дней ожесточенных боев 3 августа он был снят с плацдарма кораблями Северного флота и переброшен на восточный берег губы Большая Западная Лица. Через губу было перевезено 1540 человек, в том числе 240 раненых, 740 ящиков различных боеприпасов, та самая единственная, сохранившаяся при высадке 76-мм пушка, продовольствие и даже 20 лошадей, перевозка которых на неприспособленных средствах встретила большие трудности [350] .

После этих боев во флотских газетах замелькала фамилия старшего сержанта В.П. Кислякова. Оставшись один, Кисляков семь часов удерживал вершину высоты, отражая атаки горных егерей. Когда противник подтянул не менее двух взводов и начал последнюю атаку, у старшего сержанта были на исходе боеприпасы, сам он перестал замечать время и переползал от одной огневой точки к другой из последних сил. В критический момент боя к высоте подошло подкрепление, и враг вынужден был отступить.

В своей книге «За Полярным кругом» сам Кисляков так описал этот бой: «Не остаться на высоте я не мог, хотя шансов выйти живым из этой неравной схватки у меня почти не было. Со мной пулемет с четырьмя полными дисками, шесть гранат и около десятка винтовочных патронов. И пока я жив, высота моя…

Решаю менять огневую позицию – она егерями уже

пристреляна. Забираюсь на самую вершину Безымянной – отсюда видны все три ската. Затаскиваю на верхотуру пулемет. Заряжаю оставленные мне три винтовки и раскладываю их так, чтобы дула были направлены в разные стороны. Подготовил к бою гранаты… Переползаю от камня к камню, стреляю из винтовок, бросаю гранаты. Пусть думают, что на высоте нас еще много…

Дам очередь из пулемета, брошу гранату – егеря отползают от вершины… У меня остался еще один диск. Последний… Очередь, вторая!.. И пулемет замолчал. В последний раз разбираю его, части разбрасываю по сторонам. Теперь у меня только штык и граната. Но ее – для себя…

Поднимаюсь во весь рост, последнюю гранату держу над головой и кричу что есть силы: «За Родину! Взвод, за мной! Ура!» Бросаюсь в атаку один. И – чудо! Вижу, фрицы стали сползать вниз. Я не сразу понял, что случилось – по егерям и в самом деле ударили пулеметы и автоматы. Загремело могучее «ура» [351] .

Не прошло и месяца, как появился Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Кислякову звания Героя Советского Союза, первому на Северном флоте в годы войны.

В целом и второе наступление противника на Мурманск закончилось неудачей. Немецкое командование не могло и предполагать, какими, тогда еще не привычными для немецких войск, потерями обернется это наступление. Так, в документах 2-й горнострелковой дивизии отмечалось, что потери не шли ни в какое сравнение со всеми предшествующими. Только 137-й полк потерял убитыми и ранеными свыше 1300 человек. В остальных полках каждый батальон лишился не менее 200 егерей. Для переноски раненых кроме штатных санитаров мобилизовали всех людей из штабов, из обслуживающих эшелонов, музыкантские команды и отряды трудовой повинности. Они носили раненых через горы по десять часов беспрерывно [352] . В докладе Дитля штабу армии отмечалось, что главная причина неудачи второго наступления на Мурманск заключается в том, что не удалось создать решающего перевеса над русскими частями в численности войск. Но причина эта явно надуманна. С немецкой стороны в наступлении участвовали две полностью укомплектованные дивизии с частями усиления и артиллерией, финский пехотный полк. Людей в егерских батальонах и полках было значительно больше, чем в стрелковых дивизиях 14-й армии, действовавших на мурманском направлении. К тому же противник имел существенное превосходство в воздухе.

В последней декаде июля и августе противоборствующие стороны активных боевых действий не вели, за исключением обоюдных безуспешных редких атак. В третьей декаде августа

произошли изменения в командовании советских войск на севере. Ставка Верховного Главнокомандования разделила Северный фронт на Ленинградский и Карельский. Командующий 14-й армией генерал-лейтенант В.А. Фролов был назначен командующим войсками Карельского фронта. Вместо него 14-ю армию возглавил генерал-майор Р.И. Панин. До своего нового назначения он командовал 42-м стрелковым корпусом, который действовал на кандалакшском направлении.

Несмотря на неудачный для противника исход июльских боев на рубеже Большой Западной Лицы, немецкое командование продолжало настойчиво добиваться поставленных целей. В директиве № 33, подписанной Гитлером 19 июля 1941 г., было сказано, что «цели наступательных действий, проводимых под руководством командований 36-го армейского и горнострелкового корпусов, остаются без изменений». Германское верховное главнокомандование принимало все меры к тому, чтобы захватить Полярный и Мурманск до наступления зимы. 20 августа в армию «Норвегия» поступила новая директива с требованием: «Мурманск должен быть взят любой ценой». Для усиления горнострелкового корпуса перебрасывалась из Греции 6-я горнострелковая дивизия. На северные аэродромы сосредоточивались новые эскадрильи бомбардировочной и истребительной авиации. Во второй половине июля и в августе 1941 г. в состав горнострелкового корпуса из Норвегии прибыли 9-й моторизованный полк СС, полк 214-й пехотной дивизии, отдельный пулеметный батальон, самокатный батальон 199-й пехотной дивизии и 6500 человек пополнения.

В первых числах сентября немецкий горнострелковый корпус закончил подготовку к очередному наступлению. На плацдарме, на правом берегу р. Большая Западная Лица, были сосредоточены 9-й моторизованный полк СС, 2-я горнострелковая дивизия и 4-й отдельный пулеметный батальон, объединенные в «Северную» группу. Эта группа имела задачу разгромить правофланговые части 52-й стрелковой дивизии, после чего ударом на юг выйти на тылы дивизии и развить наступление вдоль дороги на Ура-Губу и далее на Полярный.

В районе южных порогов была сосредоточена «Южная» группа в составе 3-й горнострелковой дивизии и приданных ей подразделений. Перед ней стояла задача форсировать р. Большая Западная Лица, обойти левый фланг 14-й дивизии, перерезать дорогу, ведущую в Мурманск, и ударом в направлении высоты 321,9 совместно с частями Северной группы окружить главные силы 14-й армии.

Горнострелковый корпус и на этот раз строил свой боевой

порядок в один эшелон. Резервов в корпусе не было. Весь расчет был основан, как и прежде, в надежде на сокрушительную силу первоначального удара. Наступление корпуса поддерживали 10 дивизионов полевой артиллерии и 280 самолетов. О том, какое значение придавало верховное главнокомандование вооруженных сил Германии очередному и, по его мнению, последнему наступлению на мурманском направлении, говорит тот факт, что 5 сентября в корпус прибыл начальник штаба оперативного руководства ОКВ генерал Йодль. Его сопровождал генерал-лейтенант Конрад, считавшийся знатоком горных войск. В довоенные годы в его подчинение входили и 2-я и 3-я горнострелковые дивизии, которые теперь должны были решить исход борьбы за Мурманск и Полярный.

К моменту наступления противника оборону на Большой Западной Лице занимали 52-я и 14-я стрелковые дивизии. 52-я дивизия со 116-м отдельным стрелковым батальоном действовала в полосе шириной около 20 км от губы Большая Западная Лица до высоты 314,9, имея в резерве 205-й стрелковый полк. 14-я дивизия в составе 95, 325-го стрелковых полков и 181-го батальона пограничников оборонялась в полосе шириной около 15 км от высоты 314,9 до оз. Серповидное. В резерв дивизии был выделен один стрелковый батальон.

В 3 часа 50 минут 8 сентября противник перешел в наступление против 52-й дивизии. Под прикрытием тумана части Северной группы внезапно атаковали 3-й батальон 112-го стрелкового полка. Не ожидавшие атаки бойцы не успели занять свои огневые точки и стали отходить с занимаемой высоты. Появилась первая брешь в обороне. Вслед за этим артиллерийскому обстрелу подверглись передний край и глубина обороны всего полка. Одновременно были обстреляны позиции и соседнего 58-го стрелкового полка.

Во второй половине дня немецкие подразделения атаковали участок обороны в районе высоты Каменистой (условное наименование, которое на послевоенных картах не сохранилось. – *Авт* .), где занимал позиции флотский отряд под командованием старшего лейтенанта Симоненко. Его подразделения подпустили противника вплотную и открыли огонь из винтовок и карабинов. Одновременно нанесли огневой удар минометы. Под прикрытием их огня моряки поднялись в контратаку и отбросили врага на 2 км.

Как в этой, так и во всех последующих контратаках личный состав флотских подразделений, действовавших на суше, заменял каски бескозырками, снимал гимнастерки и в таком виде – в бескозырках, в тельняшках – шел во весь рост под пулями на

врага. Эта безудержная удаль моряков вызывала у солдат сухопутных частей естественное и понятное восхищение, она же вызывала панику среди егерей и обращала их вспять, и она, к сожалению, стала главной причиной неоправданно больших потерь. Как отмечал адмирал Головко: «Многие, очень многие флотские добровольцы сложили свои головы на сопках Заполярья, прежде чем отряды морской пехоты приобрели опыт боевых действий на суше и необходимую предусмотрительную осторожность» [353] .

Ну а после этой, первой успешной контратаки, моряки, возвращаясь на свои позиции, обратили внимание на незнакомые знаки различия убитых немцев. Из документов выяснилось, что на высоту наступали батальоны 9-го полка СС. В первой атаке в Заполярье эсэсовцы вынуждены были бежать с поля боя. Впоследствии пленные показали, что после такого позора в полк приехал сам командир корпуса генерал Дитль. Он говорил, что эсэсовцы опозорили присвоенные им громкие имена «Дойчланд», «Фюрер» и «Мертвая голова», взывал к совести, уговаривал не порочить ни его, ни другие части СС, которые считаются надеждой Германии. Однако, как показали дальнейшие события, ни увещевания, ни обещания наград не помогли [354] .

И все же успех перед Каменистой в основном не изменил положения. К вечеру противник занял высоту Приозерную (условное наименование. – *Авт* .), находившуюся в 2 км к востоку. За день он вклинился в глубину обороны дивизии на 3–4 км. Это еще не был прорыв, но угроза его все более нарастала.

Утром 9 сентября до пяти немецких батальонов возобновили наступление. Командир 52-й дивизии полковник Вещезерский решил нанести контрудар силами 205-го стрелкового полка, 62-го разведывательного батальона и одного батальона 58-го стрелкового полка. Разгромить вражеские батальоны они не смогли, однако отбросили их на 2–2,5 км, в результате чего восстановили сплошной фронт обороны дивизии. Весь следующий день обе стороны пытались улучшить свое положение, однако ночь встретила каждую из них там же, где они встретили утро.

11 сентября противник опять перенес направление главного удара на свой левый фланг. Егери заняли почти всю высоту Каменистую, только на нижней части южного склона держались бойцы 112-го полка. Майор Коротков вынужден был со связистами покинуть командный пункт и перейти на другое место. Атаку отражали бойцы охраны КП. Передовые дозоры егерей обошли артиллерийские позиции и оказались на Лопаткинской дороге. Ситуация снова стала критической. Заняв

Каменистую, немецкие подразделения начали поворачивать к югу.

После неоднократных разговоров с командармом, с левым соседом и штабами полков полковник Вещезерский решил утром перехватить инициативу. Вернуть высоту Каменистую он приказал батальону из полка Худалова, батальону из полка Короткова и батальону моряков Старовойтова. Утром по высоте нанесла удар авиация, а затем корабельная и дивизионная артиллерия. За несколько дней на эту высоту было сброшено и выпущено столько бомб, снарядов и мин, что гранит почернел, мох и кустарник выгорели, камень как бы обуглился. Как писал потом Старовойтов, «от дыма, смрада, гари все заволокло непроглядным облаком, трудно было различить очертания горы и берега озера». После этого батальоны атаковали высоту, овладели ею почти полностью. Однако вскоре после полудня, после нескольких налетов пикирующих бомбардировщиков по 20–25 машин, егери снова отбили Каменистую. Они все упорнее пробивались к югу и к вечеру заняли большую часть соседней высоты Огурец. На удержание этого рубежа командир дивизии бросил танкетки, бронеавтомобили, разведчиков. И все же противник прорвался на огневые позиции гаубичной батареи. В схватке с врагом артиллеристы не сдались, в живых почти никого не осталось. До дороги на Ура-губу егерям оставалось около 2 км.

Обстановка на правом фланге 14-й армии вызвала озабоченность в Ставке. В ее директиве в связи с этими событиями отмечалось: «Несмотря на предупреждение, что противник, подведя свежие силы на мурманское и кандалакшское направления, в ближайшее время перейдет в наступление с целью выхода в район Мурманска, 14-я армия и фронт не подготовили должного отпора, наоборот, ряд подразделений 52-й стрелковой дивизии проявил исключительную беспечность и тем самым облегчил противнику задачу вклиниться в полосу обороны на 4–5 км и сделать разрыв, который, если не принять срочных мер, может развиться в прорыв.

1. Положение на мурманском и кандалакшском направлениях восстановить, отбросив противника в исходное положение. Для чего немедленно создать резервы за счет второстепенных участков и вновь сформированных частей и ими при поддержке артиллерии и авиации нанести удары.

2. На мурманском направлении привлечь к участию в восстановлении положения Северный военный флот, особенно его корабельную артиллерию и авиацию…» [355]

Но и без этой директивы 52-я дивизия не позволила противнику пройти последние километры до цели своего

наступления. В результате атак 112-го полка он был остановлен и отброшен на несколько километров. После этого командарм приказал полковнику Вещезерскому прекратить активные действия и закрепиться на достигнутом рубеже.

Не менее тяжелая обстановка в те же дни была и в полосе обороны 14-й стрелковой дивизии генерал-майора Никишина. 8 сентября противник начал наступление на левом фланге дивизии, где нес боевое охранение отряд пограничников. Около 4 часов утра дозоры заметили переправляющихся у Южного порога на правый берег Лицы егерей. Здесь, на фланге дивизии, где вражеского наступления не ждали, оборонительные рубежи не возводились, гряда сопок пересекалась лощинами почти от реки до дороги. Участок для обороны был явно не выгодный. Подпускать противника близко к позициям на невысоком плоскогорье было опасно. Никишин запросил у командарма разрешения контратаковать егерей раньше, на открытом склоне.

В 13 часов в контратаку поднялись одновременно по батальону 95-го и 325-го полков и пограничники. Егери не приняли бой и отошли почти до самой реки. В сумке убитого немецкого офицера была обнаружена карта, которую доставили командиру дивизии. Стало очевидно, что противник не собирается наступать вдоль дороги на Мурманск, а намерен замкнуть кольцо окружения вокруг 52-й и 14-й дивизий на Лице.

Вечером наступление 2-й горнострелковой дивизии врага возобновилось. На этот раз ее части продвинулись дальше, чем днем. В темноте, просачиваясь на стыках, в плохо просматриваемых и простреливаемых лощинах, егери группами, на разобщенных направлениях вклинивались в оборону полков и батальонов. В нескольких местах они приблизились к Мишуковской дороге всего на 1–2 км.

Опасность захвата нависла над 6-й батареей 143-го артиллерийского полка, немецкие подразделения вплотную подошли к ее позициям и стали окружать. Батарея стояла на перекрестке дорог, отсюда шли дороги на Мурманск, Титовку и Ура-губу. Взвод управления батареи, где находился ее командир лейтенант Лысенко, располагался впереди примерно в километре, невдалеке от позиций пехоты. Группа егерей отрезала его и атаковала огневую позицию. Командование принял комиссар батареи младший политрук Васильев. Артиллеристы отстреливались из винтовок и карабинов, били по врагу и из орудий прямой наводкой. Эту первую ночную атаку они отразили, егери отступили, бросив в лощине своих убитых и раненых.

В течение трех суток враг почти непрерывно атаковал позиции батареи. Затишье наступало только в сумерки. Тогда

бойцы восстанавливали разрушенные окопы и проволочные заграждения, подносили из тыла снаряды. В ночь на четвертые сутки на батарее осталось 74 человека, 40 из них были ранены, но отказались уйти в тыл. Но зато в эту же ночь на батарею пробился лейтенант Лысенко.

Утром, после авиационного налета, егери предприняли очередную атаку. Артиллеристы встретили их картечным огнем и заставили залечь. Через некоторое время снова появились бомбардировщики. Один за другим пролетали они над батареей и сбрасывали бомбы. Казалось, что здесь не осталось ничего живого, но батарея продолжала жить и сражаться.

Пятый день начался, как и все предыдущие, с вражеской атаки. Лейтенант Лысенко решил подпустить противника поближе. Когда его цепь приблизились метров до восьмидесяти, он дал команду на открытие огня. Егери в замешательстве отошли назад. Однако все новые и новые цепи противника шли в атаку. На батарее осталось совсем мало бойцов, кончались снаряды и патроны. Вышли из строя первое и третье орудия. Струя огнемета полоснула по четвертому орудию. У второго орудия, где действовали раненный в очередной раз лейтенант Лысенко и наводчик Вершинин, оставалось два снаряда, когда подоспевшие стрелковые подразделения отбросили врага и восстановили линию фронта. Несмотря на то что почти вся батарея во главе со своим командиром погибла, противнику так и не удалось овладеть важнейшим стыком дорог [356] .

Не сумев в первый день наступления охватить левый фланг 14-й дивизии и выйти по Мишуковской дороге к Дикому озеру, командование 3-й горнострелковой дивизии перенесло направление главного удара на другой участок и бросило через реку прибывший из Норвегии 388-й пехотный полк. Но кончилось это для него весьма плачевно: только за один день он потерял, как потом стало известно, больше 430 солдат и 22 офицера [357] . После этого два его батальона были сведены в один, полк вернули за Лицу и оставили нести охранную службу на левобережье.

В последующие дни противник подтягивал в полосу обороны 14-й стрелковой дивизии дополнительные силы. 14 сентября утром немецкие орудия долго обстреливали, а «юнкерсы» бомбардировали перешеек озер Куыркярви и Серповидное. Следом в наступление перешли четыре батальона. Они прорвали оборону 325-го стрелкового полка майора Шикиты и вышли на Мишуковскую дорогу. Командный пункт дивизии, артиллерийские позиции, тылы пришлось поспешно перемещать по новой, Ура-губской дороге к северу, к высоте 321,9 на

сближение с дивизией Вещезерского. Но у этой же высоты собиралось замкнуть кольцо окружения и немецкое командование.

В создавшейся обстановке Военный совет 14-й армии принял решение перебросить в район боев формировавшуюся в Мурманске дивизию под названием «Полярная», состоявшую из двух полков народного ополчения. Значительную часть ее личного состава составляли освобожденные из заключения. Части и подразделения дивизии были недостаточно обучены и не имели боевого опыта. Но это созданное наспех соединение под командованием полковника С.В. Коломийца после трудного марша частью сил с фронта остановило дальнейшее продвижение противника, а основными силами вышло на его правый фланг и нанесло удар с тыла. В завязавшихся боях части дивизии полностью разгромили 138-й горнострелковый полк и к концу сентября отбросили 3-ю горнострелковую дивизию противника на западный берег Большой Западной Лицы.

Таким образом, и сентябрьское наступление противника на мурманском направлении успеха не имело. Менее трех месяцев назад горный корпус перешел советскую границу полностью боеготовый и укомплектованный. Кроме обычных маршевых подкреплений на восполнение убыли в количестве 6500 человек, в ходе боев ему были приданы 388-й усиленный пехотный полк, 9-й полк СС, 14-й финский пехотный полк, 233-й самокатный дивизион, два пулеметных батальона. Корпус имел весьма сильное артиллерийское обеспечение – 30 артиллерийских батарей калибром 105 мм и выше, кроме того, полковую артиллерию и минометы. Для доставки военного имущества имелось 9 тыс. лошадей, в их числе большинство вьючных, приспособленных к горным условиям, батальоны горных носильщиков, автотранспортные колонны, дорожно-строительные отряды трудовой повинности.

В докладе Йодлю Дитль сообщал, что за осеннее, сентябрьское наступление его корпус потерял без малого 1 тыс. человек убитыми, около 3,5 тыс. ранеными, свыше 200 человек пропало без вести. С момента же вступления на советскую территорию в Заполярье в корпусе погибло свыше 2200 человек, более 7800 ранено и более 420 пропало без вести. Если командир горного корпуса даже и приуменьшил свои потери, ясно, сколь дорого стоили ему 30 км советской территории от границы до рубежа на р. Большая Западная Лица.

В своем донесении Дитль не счел нужным сообщить о том, что 139-й горноегерский полк, в который влились остатки всех остальных частей дивизии после провала сентябрьского

наступления, 10 дней хоронил убитых, доставляя их на корпусное кладбище под Петсамо. Он жаловался Йодлю, что для ведения столь изнуряющих боев у него постоянно не хватает сил, что кампания была рассчитана на короткий срок, всего на одно лето. И она оказалась предприятием безнадежным. Несмотря на бесчисленные жертвы, горный корпус успеха не добился [358] . Так оценивал свои результаты противник.

Еще более прямо и без обиняков об этом печальном итоге написал генерал Хельтер: «Однако в результате этой операции немецким и финским войскам удалось лишь вернуть назад занятые русскими пограничные области (в результате советско-финляндской войны 1939–1940 гг. – *Авт.*). Таков был жалкий результат кампании, которая ставила перед собой столь высокую цель, как лишение Советского Союза важнейшей, кратчайшей, функционирующей круглый год артерии заокеанского импорта».

С другой стороны, заслуживает внимания оценка, данная боевым действиям советских войск на мурманском направлении американским военным историком Зимке: «В противоположность первоначальным представлениям немецкого командования у русских на севере не было посредственных соединений и частей. Ими руководили способные военачальники, они сражались с искусством и большим упорством».

Вместе с тем достигнуты эти результаты были дорогой ценой. Так, 14-я стрелковая дивизия потеряла в сентябрьских боях 591 человека убитыми, 1084 – ранеными и 547 – пропавшими без вести. Потери 181-го отдельного стрелкового пограничного батальона НКВД составили 350 человек убитыми и ранеными. В Полярной дивизии погибли и пропали без вести 657 человек и получили ранения 1161 [359] . Потеряв в летних боях 1941 г. около 10 тыс. своих воинов, 14-я армия Карельского фронта окончательно остановила врага на мурманском направлении на рубеже Большой Западной Лицы.

Вторым важнейшим направлением в полосе 14-й армии являлось кандалакшское. Здесь 1 июля перешли в наступление 36-й немецкий армейский корпус и 6-я финская пехотная дивизия. В составе 36-го корпуса действовали 40-й и 211-й танковые батальоны особого назначения, насчитывавшие около 100 танков, в том числе огнеметные. Главный удар нанесли 169-я пехотная дивизия и бригада СС «Север» в общем направлении на Куолаярви. Южнее Лампела наступал 324-й пехотный полк 163-й пехотной дивизии. Из района озера Онкамоярви в направлении на Вуориярви атаковала 6-я финская пехотная дивизия. Противник, сосредоточивая основные усилия на своих флангах, стремился окружить 122-ю стрелковую дивизию, оборонявшуюся на рубеже Корья (20 км северо-восточнее Куолаярви), Куолаярви, Лампела.

На ее правом фланге 169-я немецкая пехотная дивизия при поддержке артиллерии и 30 танков атаковала 1-й батальон 420-го и подразделения 715-го стрелковых полков в районе горы Кейнувара. В течение трех дней они отразили многочисленные атаки врага. Лишь 4 июля 169-й пехотной дивизии при поддержке большой группы пикирующих бомбардировщиков и шести дивизионов артиллерии удалось сломить сопротивление 1-го батальона 420-го полка, овладеть горой Кейнувара и перерезать дорогу Корья – Куолаярви. Утром 5 июля контратакой дивизионного резерва противник был отброшен в исходное положение. Но 6 июля части 169-й пехотной дивизии вновь овладели горой Кейнувара и, развивая успех, создали угрозу выхода в тыл 122-й стрелковой дивизии.

Действуя совместно с бригадой СС «Север», они окружили 715-й стрелковый полк. Противник сосредоточил по нему огонь почти всей артиллерии 36-го армейского корпуса и подвергал ударам авиации. Кольцо окружения с каждым часом сужалось. В этих тяжелых условиях командир полка майор В.Г. Дубаль, несмотря на ранение, сумел организовать взаимодействие между стрелковыми подразделениями и поддерживавшими их танками и артиллерией дивизии. В результате полк не только выдержал многократные атаки превосходящих сил врага, но и вышел из окружения [360] .

К исходу 6 июля тяжелая обстановка создалась и на левом фланге 122-й стрелковой дивизии. Наступавшая здесь 6-я финская пехотная дивизия вышла к рубежу озер Вуориярви и Апаярви. Это было использовано 324-м пехотным полком 163-й немецкой дивизии, который подошел к оборонительным позициям наших частей с юга, создав угрозу их обхода.

Противник систематически наносил бомбоштурмовые удары

по боевым порядкам, тылам и штабам соединений 42-го стрелкового корпуса. Его авиация применяла наряду с осколочно-фугасными также и зажигательные бомбы. Поэтому в лесу возникли многочисленные пожары. Огнем были выведены из строя все основные линии связи. 2 июля от лесного пожара взорвался склад боеприпасов 122-й стрелковой дивизии, в результате чего было уничтожено около одного боекомплекта боеприпасов [361] . Ожесточенной бомбардировке с воздуха подверглись населенные пункты Алакуртти и Кандалакша, а также аэродромы нашей авиации в районах Африканда, Шонгуй и Имандра.

В создавшейся обстановке командир 42-го корпуса генерал Панин принял решение частью сил 1-й танковой дивизии контратаковать противника и восстановить утраченное положение. Однако полностью использовать ударные и огневые возможности дивизии в условиях лесисто-болотистой местности не удалось. Танки действовали отдельными подразделениями и группами вдоль дорог и троп, к тому же без поддержки авиации. В результате контратака успеха не имела. Потеряв в течение 6 июля 45 танков, части 1-й танковой дивизии отошли в исходное положение [362] . Вскоре эта дивизия выбыла из состава 14-й армии в распоряжение командующего войсками Северного фронта. По этому поводу в директиве Ставки командующему войсками Северного фронта указывалось: «Танковую дивизию из района Кандалакши перебросить под Ленинград немедленно. Для усиления стрелковых дивизий, действующих на кандалакшском направлении, оставить из состава перебрасываемой танковой дивизии по 5–6 танков на каждую стрелковую дивизию» [363] .

После вклинения противника на флангах 122-й дивизии и неудачи предпринятой контратаки, чтобы избежать окружения наших частей в районе Куолаярви, командир корпуса решил отвести 122-ю дивизию на оборонительные позиции по рубежу озер Апаярви и Куолаярви, которые с 1 июля занимала 104-я стрелковая дивизия. Ее части вступили в первое соприкосновение с финскими войсками 7 июля, когда два батальона финской пехоты, обойдя с юга лесными тропами озеро Апаярви, вышли к боевому охранению (9-й роте) 217-го стрелкового полка и атаковали его. За день, находясь в окружении, рота совместно с 5-й батареей 290-го артполка отбила двенадцать атак противника. Поставив орудия на прямую наводку, артиллеристы шрапнелью встречали цепи врага. Когда кончились снаряды, они под командой старшины И. Полагуты, взорвав орудия, вместе с бойцами роты прорвали кольцо окружения и соединились с основными силами полка [364] .

Одновременно противник нанес удар на левом фланге 217-го полка по 2-му батальону старшего лейтенанта А.А. Осипова. После артиллерийско-минометного обстрела финские подразделения атаковали позиции 5-й стрелковой роты. Первые атаки она отразила относительно легко. Перегруппировав силы, противник снова и снова бросался в атаку. Бой длился уже двенадцать часов, и финнам наконец удалось ворваться в наши окопы. Но в это время на помощь роте пришли бойцы 3-го батальона капитана И.Д. Ключникова. Совместно с резервной группой, поднятой в атаку командиром 5-й роты старшим лейтенантом Катышевым, они отбросили врага. Позже, по рассказам пленных, стало известно, что финны во время этих боев потеряли 300 человек убитыми и 600 ранеными [365] .

9 июля 42-й стрелковый корпус занял новые позиции, построив боевой порядок в один эшелон. 122-я стрелковая дивизия перешла к обороне на рубеже гора Масельян-Тунтури, Кайрала, а 104-я – от Кайралы до южного берега озера Апаярви. В резерв каждой дивизии было выделено по одному стрелковому батальону, в резерв корпуса – танковый батальон.

В тот же день два батальона 12-го пехотного полка 6-й финской пехотной дивизии просочились между опорными пунктами в полосе 104-й стрелковой дивизии в районе горы Полкувара и на следующий день вышли в район 10 км восточнее Кайралы. Для их уничтожения были брошены резервы обеих стрелковых дивизий и подразделения 101-го пограничного отряда. В ночь на 11 июля финские батальоны были окружены и к середине дня разгромлены.

Эти события еще раз указали на уязвимость левого фланга группировки 14-й армии, действовавшей на кандалакшском направлении. Между тем командование 42-го стрелкового корпуса не приняло должных мер к усилению угрожаемого направления и созданию резервов. Соединения корпуса по-прежнему находились в одноэшелонном построении. В дивизиях все полки находились в первой линии, а в резерве оставалось по одному батальону. В корпусе же после ухода 1-й танковой дивизии резервов вообще не было. Поэтому командующий 14-й армией генерал-лейтенант Фролов направил для усиления левого фланга 42-го корпуса 1-й мотострелковый полк этой дивизии.

С 13 по 26 июля части 42-го стрелкового корпуса провели ряд частных наступательных боев с целью улучшения занимаемых позиций и срыва готовившегося наступления противника. Но это наступление осуществлялось без должной подготовки, при слабой поддержке со стороны артиллерии, плохо обеспеченной боеприпасами, и без участия авиации. В силу этих причин атаки

советских войск против превосходящих сил противника оказались безрезультатными и привели лишь к потерям в личном составе и вооружении.

Почти месяц наступления не принес противнику успеха. Кировская железная дорога оставалась под контролем советских войск, 27 июля начальник штаба немецкой армии «Норвегия» полковник Бушенхаген в телефонном разговоре с командиром 36-го немецкого корпуса отмечал: «Общая обстановка требует продолжения наступления силами 36-го армейского корпуса. Фюрер приказал, чтобы Мурманская железная дорога была возможно скорее перерезана хотя бы в одном месте» [366] .

К 19 августа командование армии «Норвегия» закончило подготовку нового наступления. Основные усилия 36-й армейский корпус и на этот раз сосредоточивал на своих флангах, нанося удар по сходящимся направлениям с целью перехвата тыловых коммуникаций 42-го стрелкового корпуса, последующего его окружения и разгрома. Главный удар должна была наносить 6-я пехотная дивизия и 324-й пехотный полк 163-й пехотной дивизии с линии озер Вуориярви и Апаярви в северном и северо-восточном направлениях. Вспомогательный удар наносился силами 169-й пехотной дивизии по правому флангу 122-й стрелковой дивизии в юго-восточном направлении. Наступление противника обеспечивалось шестью полками артиллерии и 160 бомбардировщиками [367] .

С утра 19 августа после артиллерийской подготовки и воздействия авиации по всей глубине обороны 42-го корпуса вражеские части нанесли удар на смежных флангах 273-го стрелкового и 1-го мотострелкового полков. В результате отдельные подразделения противника вышли на дорогу Кайрала – Алакуртти. Связь дивизии со штабом корпуса прервалась. Штаб 273-го полка, расположенный в урочище Неняпало, оказался под угрозой окружения. В этих сложных условиях командир 3-го батальона полка старший лейтенант Н.И. Данилкин развернул свой батальон и повел в атаку на врага. Около сотни солдат противника было уничтожено, несколько взято в плен, остальные отступили. В течение нескольких дней подразделения 273-го полка вели тяжелые бои в сложной, постоянно меняющейся обстановке. Вражеские подразделения то и дело просачивались в тылы полка, но он продолжал оставаться на занимаемых рубежах [368] .

21 августа 169-я немецкая пехотная дивизия обошла правый фланг 122-й стрелковой дивизии в районе горы Масельян-Тунтури и создала угрозу ее тылу. Тем самым противнику удалось охватить фланги 42-го стрелкового корпуса, выйти на его

коммуникации и создать реальную угрозу окружения его частей в районе Кайралы. Резервы командиров дивизий были втянуты в бой. У командира корпуса не было в наличии сил, чтобы ликвидировать прорыв противника на флангах. Снять для этой цели части с фронта, скованные боями с наступающим врагом, не представлялось возможным. В сложившейся тяжелой обстановке командующий 14-й армией генерал-майор Р.И. Панин решил отвести части корпуса на рубеж р. Тунтса-йоки.

Оценивая впоследствии этот частный успех немецких и финских войск, бывший командир 169-й пехотной дивизии генерал-лейтенант в отставке Дитмар в своей статье «Финская кампания» утверждает, что «6-я финская дивизия, наступавшая с юга, и 169-я немецкая пехотная дивизия – с севера, окружили в районе восточнее озер две советские дивизии. Обе дивизии русских оказались разгромленными, вся их техника была уничтожена» [369] . А упоминавшийся уже генерал Эрфурт утверждает, что «в результате девятидневных боев у Кайралы был разбит и уничтожен 46-й армейский корпус русских (номер корпуса приводится ошибочно . – *Авт* .)» [370] .

В действительности обе дивизии 42-го стрелкового корпуса в период с 22 по 28 августа организованно отошли в район Алакуртти, заняли оборону на р. Тунтса-йоки и в последующем успешно отражали атаки частей 36-го немецкого армейского корпуса. И только после возвращения в его состав бригады СС «Север» немецкое командование 6 сентября смогло возобновить свое наступление. К 20 сентября части 42-го корпуса отошли на заранее подготовленный оборонительный рубеж, проходивший по озерам Верхний и Нижний Верман и рекам Средний и Нижний Верман. На этом рубеже, получившем условное наименование «Верман», они остановили наступление противника, который после ряда бесплодных атак позиций 104-й и 122-й стрелковых дивизий в конце месяца перешел к обороне. Как констатировал генерал Эрфурт: «Достигнув… участка Верман, 36-й… корпус перешел к позиционной войне. Вплоть до выхода Финляндии из войны обстановка на этом участке фронта не изменилась» [371] .

В ходе трехмесячных боев немецко-финским войскам, действовавшим на кандалакшском направлении, не удалось решить свою основную задачу – разгромить советские части и выйти к Кандалакшскому заливу. За это время они смогли продвинуться на 70–75 км, но потеряли практически все танки и значительную часть артиллерии. План немецкого командования по захвату района Кандалакши потерпел провал.

В 140 км южнее Кандалакши, на кестеньгском направлении, действовали 72-й пограничный отряд и 242-й стрелковый полк

104-й стрелковой дивизии, усиленный одним артиллерийским дивизионом. Уже 23 июня подразделения полка вышли к р. Софьянга и приступили к оборудованию оборонительного рубежа. Река соединяла между собой озера Пяозеро и Топозеро, протянувшиеся с северо-запада на юго-восток на 130 км. Только у поселка Софпорог Софьянгу пересекала грунтовая дорога, ведущая от границы через Кестеньгу на станцию Лоухи. Вдоль этой дороги и развернулись боевые действия, поскольку другого пути для прорыва к Кировской железной дороге у врага на этом направлении не было.

26 июня по приказу командира полка капитана Н.Ф. Цыганкова его 3-й батальон был направлен в район Тунгозера, на 10 км вперед от основного рубежа обороны полка. В свою очередь, 8-я рота лейтенанта А.К. Булатова заняла позицию перед своим батальоном как боевое охранение.

Рано утром 30 июня финские войска после артиллерийской подготовки на отдельных участках вторглись на советскую территорию. На следующий день противник привлек к наступлению более крупные силы. Финская пехота с танками, бронемашинами и артиллерией перешла границу уже на всем участке, охраняемом 72-м погранотрядом. Почти две недели пограничники, сдерживая превосходящие силы врага, с боями отходили на восток. 12 июля они вышли к деревне Боровская. Здесь, в межозерье Соколозера, Ципринги и Пяозера, отряд приступил к созданию оборонительных сооружений. С этого времени северный фланг кестеньгского направления был надежно прикрыт.

Боевое охранение 3-го батальона вступило в соприкосновение с противником 8 июля. Первая атака двух финских пехотных рот была отражена. На рассвете 10 июля, преодолев болото, теперь уже батальон финнов атаковал 8-ю роту. Под натиском превосходящих сил она была вынуждена начать отход. К вечеру противник начал наступление по всему фронту обороны 3-го батальона. Его основные силы, совершив обход с юга, перерезали дорогу. Но батальон сумел отбросить подразделения врага с дороги и 11 июля вышел к высоте 173,7 между Тунгозером и Софпорогом, где четыре дня отбивал непрерывные атаки финнов.

Лишь к 20 июля противнику удалось выйти к основному рубежу обороны 242-го полка – р. Софьянге. Начиная с этого дня его атаки следовали здесь одна за другой. На передний край обороны полка круглосуточно сыпались вражеские снаряды и мины. 30 и в ночь на 31 июля группы «юнкерсов», по 9–15 самолетов в каждой, усиленно бомбили позиции 6-й роты 2-го батальона, которая прикрывала стык между 1-м и 3-м

батальонами. А 31 июля после сильных налетов авиации и артподготовки враг нанес здесь мощный удар.

Солдаты противника на понтонах, плотах и лодках упорно пытались форсировать реку. Рота отразила три атаки, но слишком неравными были силы, и финнам удалось наконец зацепиться за восточный берег. Расширив прорыв, они начали теснить фланги 1-го и 3-го батальонов и перерезали дорогу, соединяющую 1-й батальон с тылами. Однако батальоны оставались на своих позициях, отражая атаки врага с фронта, с флангов и с тыла.

Сдерживая противника на ряде последовательных рубежей, подразделения полка к 6 августа отошли к Кестеньге. Командующий 14-й армией генерал-лейтенант В.А. Фролов направил сюда Мурманский стрелковый полк полковника Н.А. Чернухи, который должен был развернуться на дороге Кестеньга – Лоухи. Однако после двухдневных боев, еще до подхода Мурманского полка, 242-й полк был вынужден оставить Кестеньгу и отойти к р. Така.

От Кестеньги на Лоухи параллельно грунтовой дороге шла железнодорожная ветка, которую из-за недостатка сил не удалось прикрыть, и противник воспользовался этим. На платформах он забросил в наш тыл свежий батальон. Полк оказался охваченным с флангов и тыла. Однако решительными действиями была ликвидирована и эта опасность. В то время как 1-й батальон сдерживал врага с фронта, два других ночной атакой выбили десант противника с дороги [372] .

14 августа 242-й полк соединился с Мурманским. Эти части были сведены в 5-ю отдельную стрелковую бригаду под командованием полковника М.Г. Гривнина. Однако несколькими днями раньше до трех батальонов финнов вышли в наш тыл, на 34-й километр грунтовой дороги Кестеньга – Лоухи. Тыловые подразделения не смогли задержать здесь превосходящие силы противника. Путь на Лоухи оказался для врага фактически свободен.

В этот критический момент на помощь подоспели подразделения сформированной в Архангельской области и срочно брошенной на кестеньгское направление 88-й стрелковой дивизии. 11 августа с ходу вступил в бой прибывший первым эшелоном 147-й отдельный разведывательный батальон; он не только остановил продвижение противника, но и сумел потеснить его. 12 августа прибыл 426-й стрелковый полк, затем остальные части и подразделения 88-й дивизии.

В середине сентября части этой дивизии совместно с 1-м и 2-м батальонами 242-го полка перешли в наступление. Немецкие и

финские войска были отброшены на несколько километров. Однако, встретив вскоре упорное сопротивление подразделений дивизии СС «Север» и резервов врага, наши войска снизили темп наступления, а затем, 23 сентября, перешли к обороне. Несмотря на это, командование противника было вынуждено признать, что и на этом направлении достичь поставленных целей не удалось. Как отмечал генерал Эрфурт: «В конце августа – начале сентября русские перешли в наступление на позиции 3-го финского армейского корпуса в районе Кестеньги и добились временного успеха. Финские войска отошли на тыловые позиции. На этом участке создалось угрожающее положение» [373] .

Итак, 85 дней 242-й полк 104-й дивизии не выходил из боев, сдерживая удары полков двух вражеских дивизий, усиленных танками и артиллерией, при полном господстве противника в воздухе. Нередко сражаясь в окружении, совершая изнурительные переходы по бездорожью и болотам, оставаясь по нескольку дней без пищи, воины полка выполнили возложенную на них задачу – не пропустили врага вместе с другими частями Красной Армии к Кировской железной дороге. К концу сентября в полку оставалось около 300 бойцов с одним орудием и несколькими станковыми пулеметами [374] . В некоторых ротах насчитывалось не больше десятка красноармейцев – остальные погибли или находились в госпиталях.

Таким образом, несмотря на численное превосходство в живой силе и боевой технике, особенно в авиации, противник сумел потеснить соединения и части 14-й армии от границы лишь на 35–75 км. Немецким и финским войскам не удалось решить свою основную задачу – уничтожить советские части, овладеть Кольским полуостровом и Кировской железной дорогой.

Первые месяцы боев позволили нашему командованию собрать ценные сведения о тактике немецких войск. Их наступление развивалось обычно по отдельным направлениям, вдоль дорог, силами одного-двух полков. Особенно это было характерно для мурманского направления. Сплошного фронта здесь не было, разрывы между полками составляли от 5 до 10 км. Каждый полк усиливался одним – тремя дивизионами артиллерии и инженерными подразделениями и был способен действовать самостоятельно.

В свою очередь, финские войска, пользуясь прекрасным знанием местности и имея на вооружении легкое автоматическое оружие, изначально построили свою тактику на действиях вне дорог. Подразделения, а иногда и целые части, используя незанятые промежутки в боевых порядках и лесные массивы, проникали в расположение наших войск, воздействовали на их

тылы и фланги и тем самым принуждали к отходу. Наступление с фронта без проникновения в тыл финские войска почти не применяли.

В то же время в ходе оборонительных боев выявились серьезные недочеты в тактической подготовке советских частей и соединений. Они плохо умели окапываться, строить заграждения, сочетать огонь, маневр и удар, надежно обеспечивать стыки и фланги. Управление войсками со стороны командиров из-за растянутости фронта, плохой работы связи и отрыва штабов часто нарушалось. Штабы иногда не знали обстановки и вследствие этого не могли своевременно влиять на ход боя. Радиосвязь использовалась редко и недостаточно умело, а проводная связь из-за пересеченности рельефа и уязвимости от огня противника работала с большими перебоями.

Боевые действия советские войска вели в условиях полного господства вражеской авиации. Малочисленная авиация 14-й армии и Северного флота оказалась не в состоянии вести эффективную борьбу с воздушными силами противника. Использование старых, тихоходных бомбардировщиков мелкими группами (звеньями) без прикрытия истребителей привело к большим потерям в материальной части и летном составе.

Малочисленная зенитная артиллерия оказалась недостаточно эффективной для борьбы со скоростными самолетами противника. Для прикрытия тылов средства противовоздушной обороны из-за острой нехватки их вообще не выделялись, в результате чего вражеская авиация почти безнаказанно бомбила тыловые объекты дивизий, армии и флота.

Инженерные войска проделали очень большую работу по ремонту дорог, прокладке колонных путей, устройству проволочных и минно-взрывных заграждений на оборонительных рубежах. Однако из-за своей малочисленности и плохой оснащенности техникой, особенно средствами механизации инженерных работ, саперные подразделения и части со своими задачами справлялись с большим трудом.

Недостаточно развитая сеть дорог вызвала серьезные затруднения в снабжении войск. Из-за отсутствия вьючного транспорта для доставки боеприпасов и продовольствия привлекалось много людей из боевых подразделений. Большой отрыв личного состава на хозяйственные работы не мог не сказаться на боеспособности полков и дивизий.

Несмотря на крах наступательных планов в 1941 г., немецкое командование не отказалось от идеи захвата Кировской железной дороги. В директиве № 37 от 10 октября 1941 г. перед армией «Норвегия» были поставлены новые боевые задачи. В ней

указывалось, что основной задачей действующей на Севере группировки немецких и финских войск является «удержать захваченную территорию, обеспечить безопасность области Петсамо с ее никелевыми рудниками от нападения с суши, воздуха и с моря и приступить к проведению подготовительных мероприятий с тем, чтобы, начав боевые действия еще этой зимой, в будущем году окончательно овладеть Мурманском, полуостровом Рыбачий и Мурманской железной дорогой».

В зависимости от успеха наступления на других направлениях захват полуострова Рыбачий и Мурманска планировалось осуществить летом или осенью следующего года. В январе 1942 г. армия «Норвегия» была преобразована в 20-ю горную армию. Горнострелковый корпус был переименован в 19-й горнострелковый корпус. Вместо генерала Фалькенхорста командующим 20-й горной армией был назначен генерал-полковник Дитль. Должность командира 19-го горнострелкового корпуса принял командир 6-й горнострелковой дивизии генерал-лейтенант Шернер. Оборону на мурманском направлении занимали 2, 3, 6-я горно-стрелковые и 214-я пехотная дивизии, 505-я авиаполевая дивизия, а на перешейке полуострова Средний действовали 388-й полк и 14-й пулеметный батальон.

В течение зимы 1942 г. Северный флот продолжал действовать на коммуникациях противника, обеспечивал свои коммуникации, оказывал поддержку 14-й армии действиями корабельной артиллерии, авиацией, частями морской пехоты и воинскими перевозками, совершенствовал противодесантную оборону баз и побережья.

Учитывая большое значение полуостровов Средний и Рыбачий для боевой деятельности флота, Ставка Верховного Главнокомандования возложила их оборону на Северный флот. С этой целью был сформирован Северный оборонительный район (СОР) с включением в его состав всех частей и оборонительных сооружений 23-го укрепленного района 14-й армии, ранее оборонявших полуострова. Его командующим был назначен генерал-лейтенант С.И. Кабанов. На полуостровах было создано три боевых участка: два на Среднем и один – на Рыбачьем. Командирами каждого участка являлись командиры размещенных в их границах 12-й отдельной бригады морской пехоты, 254-й и 63-й отдельных морских стрелковых бригад. Один батальон 63-й бригады находился в резерве командующего СОР с дислокацией на перешейке между полуостровами. В состав оборонительного района входило 30 тыс. человек [375] .

Еще в июле 1941 г. противник, ведущий наступление на полуострова с суши, был остановлен на хребте Муста-Тунтури. На

его северных склонах располагалось в семи опорных пунктах боевое охранение 135-го стрелкового полка, переформированного вскоре в 254-ю отдельную морскую стрелковую бригаду. На южных склонах, более отлогих и выгодных, находился противник. Между ним и нашими опорными пунктами проходила ничейная полоса шириной всего 50–60, а кое-где и 25–30 метров, в результате чего гранатные бои шли здесь ежедневно.

Передний край обороны был отнесен на 3–3,5 км назад к северу, на очередную гряду сопок. Между ним и опорными пунктами боевого охранения пролегала открытая долина, на которой не имелось ни каменных валунов, ни растительности для маскировки. Ее и прозвали бойцы «долиной смерти». Снабжение боевого охранения осуществлялось подносчиками, которые, нагруженные боеприпасами, продуктами и всякой иной ношей, с опасностью для жизни пересекали долину в темное время или в туман. Их называли здесь морским именем «ботики» – очевидно, по аналогии с мотоботами флота, доставляющими с начала войны на блокированные полуострова по Баренцевому морю различные грузы. На обратном пути «ботики» вытаскивали из опорных пунктов убитых, несли и вели к Среднему раненых. И все это под огнем. Если зимой, в полярную ночь, еще можно было, пользуясь темнотой и пробираясь в глубоком снегу, поддерживать связь с боевым охранением, то в летнюю пору такие вылазки представляли смертельную опасность [376] .

Быть «ботиком» на переднем крае полуостровов считалось опаснее всего. Многие попадали сюда по постановлению трибунала, искупали всякие свои проступки и воинские прегрешения, возвращали утраченные звания, а то и получали ордена. За три ходки через Мертвую долину полагалось поощрение. В Заполярье каждый знал, что «ботик» – геройски храбрый человек. Ему приходится преодолевать 2–3 км под плотным огнем. Навьюченный, он идет под огонь не только в редкие часы туманов или снежных зарядов, но и при ясном летнем небе, пересекает долину по два и по три раза в день, сколько прикажет ему командир. У каждого из них на пути было свое не раз проверенное укрытие, ложбинка или камушек, каждый по-своему петлял и чертил маршрут, и в этом проявлялось не только чутье человека, чувствующего себя мишенью, но и тонкое умение, искусство маневра, подобное маневру самолета в воздушном бою или корабля в морском сражении. Разница лишь в том, что, лавируя по открытой долине, никто из этих «ботиков» не мог стрелять – они были безоружны [377] .

Бои, разведка боем, поиски разведчиков, артиллерийские дуэли велись на Муста-Тунтури с различной интенсивностью

почти непрерывно, независимо от времени года и суток. Главное влияние на их результативность оказывали мастерство, мужество и стойкость солдат и офицеров. Очень часто именно они решали исход боя в свою пользу. Так, вечером 1 августа 1942 г. противник скрытно сосредоточил на скатах высоты 122 роту солдат. Наши наблюдатели своевременно доложили об этом командиру 135-го стрелкового полка. Тот не придал их докладу должного значения. За ночь, подойдя к сопке на левом фланге хребта Муста-Тунтури на 15–20 метров, противник под прикрытием дыма внезапно атаковал опорный пункт. Часть немецких солдат, ворвавшись туда, забросала бойцов гранатами. Другая часть, развивая успех, обошла сопку с востока, стараясь выйти в тыл и напасть с левого, открытого фланга. Группу, проникшую к боевому охранению с фронта, остановили сержант Козицин и рядовой Липкин, выскочив из землянки и успев установить прямо на открытом месте ручной пулемет. Тех, кто обошел сопку с тыла, рассеяли минометчики ефрейтор Малыгин и рядовые Соболев и Корпеев. Они меньше чем за полчаса выпустили из миномета 500 мин. Таким образом, часть вражеской штурмовой роты была уничтожена, часть отброшена. Бой продолжался еще два часа, но теперь он уже принял организованный характер: командир роты, находившейся в боевом охранении, капитан Гаменюк взял командование в свои руки, и в итоге атака была отбита. Конечно, все решила беззаветная смелость и находчивость пятерых названных бойцов [378] .

Тяжелые бои на Муста-Тунтури развернулись в первых числах октября 1942 г., когда после смены 254-й бригады сюда прибыла 63-я морская стрелковая бригада полковника Крылова. В конце сентября она получила приказ захватить высоту 41, условно названную «Яйцо», уничтожить противника и закрепиться на ней.

К утру 30 сентября подготовка была закончена. В 21 час усиленная разведрота старшего лейтенанта А.Я. Юневича сосредоточилась в районе высоты 47,6. Туда же прибыли взвод минометчиков и саперы, доставив на плечах разобранные дзоты, материалы, инструменты, оружие. В 0.00 часов 1 октября Юневич выдвинул два взвода разведроты на фланги противника. Тот выдвижения не заметил. Во втором часу ночи началась атака. Вспыхнули немецкие осветительные ракеты, с высоты по атакующим открыли огонь пулеметчики и автоматчики. Юневич бросился вперед, увлекая за собой матросов и саперов. Начался гранатный бой, перешедший в рукопашную схватку. Юневич в этой схватке убил трех солдат противника, но был ранен в правую руку. Высота «Яйцо» была вскоре захвачена, очищена от противника, на ней осталось 25 убитых немецких солдат и унтер-

офицеров.

По потерянной высоте противник открыл ураганный артиллерийский огонь. В бой вступили батареи 104-го артполка и 63-й бригады, а также наши минометы. Борьба против немецких батарей и огневых точек, обстреливающих отряд Юневича, шла успешно в течение светлого времени всех последующих пяти дней. Артиллеристам и минометчикам удалось уничтожить до 20 дзотов, взорвать два склада с боеприпасами и, кроме того, заставить замолчать немецкие батареи. Хуже сложилась борьба против минометов противника. В складках местности за гребнями высот минометы оказались недосягаемыми, наши корректировщики не могли их засечь, и это сыграло решающую роль в конечном исходе боя.

В 19 часов, когда наступила полная темнота, рота противника бросилась в контратаку, но сразу же была отброшена, понеся большие потери. В этом втором ночном бою старший лейтенант Юневич продолжал руководить подразделением, хотя получил уже пять осколочных ранений от мин и одно огнестрельное.

Ночью на третьи сутки после начала боя за высоту «Яйцо» противник, пользуясь темнотой и туманом, сосредоточил возле нее до двух рот пехоты. Всю ночь он обстреливал позиции разведроты и подходы к ним артиллерийским и минометным огнем. В 5 часов немецкая группа незаметно подобралась по восточным склонам к нашему недостроенному пулеметному дзоту, забросала его гранатами и уничтожила расчет пулемета. Вблизи этого места находился с ручным пулеметом матрос Южанин. Он встал во весь рост и с руки открыл огонь по врагу, не давая ему ворваться на сопку. Южанин погиб, но противника задержал.

Атаки продолжались со стороны титовской дороги. Юневич с трудом командовал отрядом. В эту ночь он снова был ранен – в правую руку и правую ногу.

Минометный огонь стал для отряда губительным. Вышла из строя разбитая осколками рация, прекратилась и телефонная связь с КП бригады: нельзя было ни корректировать артогонь, ни вызывать его. Отрядом командовал уже политрук П.Г. Чебанко, хотя получил пять осколочных ранений. Под его командой остатки отряда отбили две атаки противника.

Командир бригады послал на «Яйцо» стрелковую роту 1-го батальона численностью 60 человек, а с ротой и старшего лейтенанта И.А. Кирюхина, заместителя командира батальона, для замены Юневича. Но подкрепление не смогло пройти на высоту. Рота залегла на подходах к ней.

Пять часов продолжался этот третий по счету ночной бой

отряда Юневича, теперь уже остатков этого отряда. К рассвету он закончился. В строю на высоте невредимыми остались только 18 ее защитников. Атаки до вечера прекратились, но обстрел, артиллерийский и минометный, усилился – противник выпустил в этот день по высоте и подступам к ней более 1,5 тыс. снарядов и мин.

В четвертую ночь на высоту «Яйцо» удалось пробраться подкреплению вместе со старшим лейтенантом Кирюхиным. Он вступил в командование, организовал вынос в тыл раненых и убитых. Вскоре две роты противника снова начали штурм. Но и этот штурм был отбит. С рассвета возобновился минометный обстрел, он продолжался весь день. Подходы к высоте враг блокировал огнем всех видов оружия. По нашим дзотам били даже противотанковые орудия.

Настала пятая ночь обороны высоты «Яйцо». Возобновились атаки, неизменно отбиваемые отрядом, а в перерывах между атаками – минометные и артиллерийские обстрелы. Командир бригады опять послал на высоту подкрепление, но это не меняло сути дела. В 3 часа 30 минут этой пятой ночи защитники высоты были выведены из боя. За пять дней бойцы 63-й бригады отразили более десяти вражеских контратак. Но под непрерывным огнем закрепиться не смогли. Наши потери составили 41 человек убитыми и 176 ранеными. Противник потерял убитыми около 150 человек [379] .

Как в этих, так и в ряде последующих боев проявился главный недостаток морских стрелковых бригад: моряки, отлично сражаясь с противником, не умели закрепляться на голых скалах. Попытки саперных подразделений устанавливать на захваченных высотах сборные сооружения срывались огнем вражеской артиллерии. Условия местности и характер обороны противника не позволяли морской и береговой артиллерии с учетом их специализации и технических характеристик полностью решать огневые задачи на суше. Из-за незначительного количества полевой артиллерии и минометов, а также отсутствия авиации советскому командованию не удавалось лишить противника свободы маневра, воспретить подход его резервов, не позволить ему маневрировать ими вдоль фронта и из глубины. Немецкие горнострелковые части и подразделения были специально подготовлены для действий в особых горных условиях и превосходили моряков в умении применения сил и средств. Но те компенсировали это флотским характером и несгибаемой стойкостью. В этом смысле трудно не согласиться с адмиралом Платоновым, который писал: «Хоть и горько, но следует признать, что героизмом подчас покрывались как стратегические, так и

оперативно-тактические просчеты командования, а также недостатки в вооружении и технике» [380] .

Действия в сложных природно-климатических условиях, высокое напряжение боев, которые порой длились сутками, физически и морально изматывали солдат и офицеров, оборонявшихся на Муста-Тунтури. Зачастую бойцы имели возможность забыться в коротком сне только в перерывах между атаками противника. Вот что писал об одном фронтовом эпизоде участник тех событий Е. Леднев. После захвата высоты 40,1 подразделение моряков в течение двух дней удерживало ее, отражая многочисленные атаки врага. Небольшое затишье наступило лишь на вторую ночь. Один из бойцов лежал за ручным пулеметом, выдвинувшись несколько вперед. Усталый, изможденный, он не заметил, как заснул. Каким образом на высоте оказался солдат противника, не понятно, но подполз он точно на позицию нашего пулеметчика. Заметив, что боец недвижим, егерь принял его за убитого. Взвалил пулемет на плечо и, пригнувшись, стал уходить.

Внезапно проснувшись, боец вскочил и увидел уходящего «вора». В несколько прыжков догнал егеря, рывком сдернул с плеча пулемет и начал дубасить им врага, приговаривая: «Не твое – не бери!», «Не твое – не бери!». Такого нашим бойцам, да, наверное, и противнику видеть на войне еще не доводилось. После некоторого оцепенения и те, и другие открыли огонь из автоматов. Пулеметчик и егерь упали на землю и поползли каждый в свою сторону [381] .

Части Северного оборонительного района проводили систематическую разведку переднего края обороны противника, его системы огня, боевых порядков и численности оборонявшихся подразделений. Важная задача, которая возлагалась на Северный флот, заключалась в высадке десантов на побережье Мотовского залива. К сентябрю 1942 г. командование 19-го горнострелкового корпуса создало на южном побережье Мотовского залива от губы Большая Западная Лица до губы Кутовая систему опорных пунктов: «Фишерштейн», «Герцогштейн», «Михтенштейн», «Зоммерберг», «Пикшуев», «Гольцберг», «Обергоф» и «Могильный». Гарнизон каждого пункта состоял из усиленной роты численностью 200–250 человек, вооруженных автоматами, карабинами и ручными пулеметами. В составе каждого опорного пункта было 2–3 артиллерийских батареи, 2–3 минометных батареи, 5–6 пулеметных дотов. Все они имели расстояние друг от друга 6–8 км и были связаны между собой телефонной и радиосвязью. Это позволяло держать под обстрелом каждый метр береговой черты, вдоль которой были поставлены

противопехотные минные заграждения.

По опорным пунктам противника на южном побережье Мотовского залива авиация, корабельная и береговая артиллерия флота нанесла ряд ударов, однако они продолжали действовать. Поскольку принятые меры оказались недостаточными, командование флота решило, используя темные, длинные ночи, уничтожить немецкие опорные пункты при помощи высадки на побережье Мотовского залива сильных диверсионных отрядов.

Справедливости ради следует сказать, что разведывательные группы с целью захвата «языков» высаживались флотом и раньше, начиная с лета 1941 г. В результате таких действий командование флота получало необходимые разведданные, но не всегда разведчикам сопутствовала удача. Вот как описывает один из таких поисков адмирал Платонов в своей книге «Записки адмирала». В подчинении штаба флота находился хорошо подготовленный 181-й отдельный диверсионно-разведывательный отряд, укомплектованный главным образом бывшими спортсменами. Именно этому отряду командованием флота была поставлена задача захватить в плен офицера противника, командира опорного пункта «Фишерштейн».

Выполнить задание вызвались бывший штангист, чемпион Беломорской военной флотилии в тяжелом весе мичман Вартан Айдынян и бывший нападающий сборной флота по футболу старшина 1-й статьи Гаврилов.

Настало время операции. Катера подошли к берегу ночью почти бесшумно. Разведчики взяли офицера прямо в постели, а чтобы он не поднял тревогу, заткнули рот полотенцем. Но когда поволокли пленного мимо скрытых постов, он так хрипел, что ему пришлось зажать и нос. После того как катер вышел в море, выяснилось, что пленный скончался. По случаю неудавшейся операции мичман Айдынян вместе со своим помощником предстали перед разгневанным командующим флотом. Арсений Григорьевич Головко пользовался на флоте непререкаемым авторитетом. Он досконально знал флот во всем его многообразии, к тому же обладал личным обаянием. Его отличали бодрость духа, жизнелюбие, умение сплотить людей. Он обладал тонким умом и большой силой воли. Этим объяснялось его положительное влияние на самых разных людей, будь то матросы или адмиралы. Как правило, сдержанный с подчиненными, в данном случае адмирал не мог скрыть раздражения.

«Как же вы его не уберегли?» – спрашивал он, сверля мичмана глазами.

«Да мы старались задание выполнить тихо, а он то замычит,

то захрипит. Ну и пришлось ему того…» – оправдывался Айдынян.

«Ох, и додумались! Позатыкать немцу и рот, и ноздри! Чем же он, по-вашему, дышать должен?»

«Да, может, он еще и оттого дуба дал, что упали мы с ним, когда со скалы в потемках сбегали, да кубарем покатились и выронили, конечно, по неосторожности», – робко добавил футболист.

«И кто послал вас, гималайских медведей, такую ювелирную работу выполнять? Сгребли, облапили, обрадовались и вмиг вытрясли из него душу. Вам не офицеров живьем брать, а носорогов в Африке руками ловить», – шумел, все больше распаляясь, А.Г. Головко. Потом, успокоившись, отправил разведчиков в подразделение [382] .

Теперь, в 1942 г., задача состояла уже не столько в захвате пленных, хотя и она не снималась, сколько в разгроме опорных пунктов противника. Первый отряд из состава 12-й отдельной бригады морской пехоты полковника В.В. Рассохина был высажен для уничтожения опорного пункта «Пикшуев». Отряд возглавили командир 2-го батальона бригады майор А.П. Боровиков и старший политрук А.Д. Гальченко. В него вошли рота разведчиков старшего лейтенанта Н.И. Грачева и комиссара старшего политрука В.Д Исаева, рота автоматчиков старшего лейтенанта А.А. Белозерова и старшего политрука И.П. Баранова и взвод саперов. Всего 326 автоматчиков и 20 саперов-подрывников. Для высадки Рассохин наметил два пункта: первый – западнее мыса Пикшуев, влево от Эйны, второй – за мысом Пикшуев, в 3 км южнее входа в Мотовский залив. Соответственно отряд делился на две равные группы: рота автоматчиков Белозерова и два отделения саперов вместе с Боровиковым и Гальченко высаживались в первом пункте, рота разведчиков Грачева и остальные саперы – во втором.

Первая группа начала высадку в ночь на 11 сентября точно в указанном месте. Противник, как позже выяснилось, не обнаружил ни подхода катеров, ни самой высадки. Немецкая батарея, которую надо было разыскать и уничтожить, сама себя обнаружила, открыв огонь по направлению второго пункта высадки. В 3 часа автоматчики, атаковав батарею, уничтожили ее личный состав в течение нескольких минут. Семерых артиллеристов, включая командира батареи, взяли в плен.

Вторая группа высадилась менее удачно. Подходы к берегу были усеяны камнями. Катер под командой лейтенанта В.М. Лозовского с четырьмя десятками матросов-десантников на борту не смог из-за камней подойти к берегу. Тогда командир

отделения минеров катера старшина 1-й статьи Гольнев прыгнул за борт и, стоя по грудь в холодной воде, подпер руками сходню, по которой за полторы-две минуты сбежали на берег все 40 человек, нагруженные оружием, гранатами, патронами. Подобный же подвиг совершил и старшина 2-й статьи Чирков с катера, которым командовал лейтенант Е.И. Мальханов.

В том же месте побережья не смог подойти к берегу и третий катер, на борту которого находились 72 десантника. Начался отлив, и катер сел на камни. Командир этого катера старшина 1-й статьи Малыгин распорядился быстро спустить на воду единственную шлюпку. В нее грузили людей, а матросы Царев и Русинов, спрыгнув в воду, переводили шлюпку к берегу и обратно. Расстояние было всего 10 метров, но грести там было невозможно. Разведчиков доставили на берег сухими, а разгруженному судну удалось сняться с камней, поднять на борт шлюпку и двух окоченевших матросов и отойти в безопасное место.

Противник всего этого не обнаружил. Но неудача высадки заключалась в том, что группа старшего лейтенанта Грачева выгрузилась не в одном пункте, как было намечено, а в двух. Грачев с двумя взводами высадился южнее установленного места, военком Исаев, тоже с двумя взводами, – севернее.

Группа Грачева, выйдя на берег, сразу же натолкнулась на неизвестный нашей разведке опорный пункт и атаковала его. Бой двух взводов против гарнизона немецкого опорного пункта длился около 3 часов. Опорный пункт был разгромлен. Группа военкома Исаева, высадившись одновременно с группой Грачева, но в другом месте, тоже наткнулась на второй неизвестный опорный пункт, атаковала его и разгромила.

В половине пятого группы Белозерова и Грачева соединились в указанном месте и под общим командованием майора Боровикова начали выдвижение к основному опорному пункту «Пикшуев». Через полчаса отряд достиг этого пункта и попал под огонь пулеметов. Сковав противника с запада, отряд обошел его и нанес ряд последовательных ударов с юга и с севера. Так опорный пункт «Пикшуев» был разгромлен. Из 220 человек только 19 человек были взяты в плен, остальные уничтожены. Десантники взорвали 19 дотов, уничтожили 5 складов с боеприпасами, 3 продовольственных склада, много землянок. Было захвачено: 4 75-мм орудия, 10 минометов, 16 ручных и станковых пулеметов, 200 винтовок и автоматов, продовольствие, боеприпасы и другое имущество [383] . К 6 часам утра все было окончено и отряд благополучно снят. Десант потерял 29 человек убитыми и 32 ранеными [384] .

После удачного начала командование Северного оборонительного района решило провести одновременную высадку нескольких таких отрядов с целью разрушить всю систему опорных пунктов противника на южном побережье Мотовского залива. Это решение командованием флота было утверждено. Намечалось в ночь на 18 сентября высадить скрытно три отряда для уничтожения самых сильных опорных пунктов одновременно: «Обергоф», «Могильный» и «Фишерштейн». Против первых двух должны были действовать части СОР, а третьего – части береговой обороны Главной базы флота. Подготовка проводилась спешно, менее тщательно, чем при первой высадке, часть личного состава до этого вовсе не участвовала в боях, а не только в десантных действиях.

Уничтожение опорного пункта «Могильный» поручалось отряду в составе 350 человек из 63-й морской стрелковой бригады полковника Крылова. Но его действия оказались неудачными из-за нарушения скрытности высадки, потери управления войсками и нерешительности командира отряда. Действия разведотряда штаба флота в составе 70 человек, ворвавшегося в опорный пункт, не были поддержаны. Личный состав отряда понес потери и возвратился обратно.

Второй отряд из состава 12-й отдельной бригады морской пехоты в составе 320 человек состоял из опытных десантников и специальной подготовки не требовал. Здесь была сохранена организация, действовавшая во время высадки в ночь на 11 сентября. Умелыми действиями десантников гарнизон опорного пункта «Обергоф» был уничтожен. Были разрушены 20 дотов и дзотов, две артиллерийские и минометные батареи. Часть огневых точек осталась не взорванной из-за нехватки взрывчатых веществ. Было уничтожено 125 солдат и офицеров противника и 9 человек взято в плен.

Третий отряд в количестве 213 человек из состава 82-й отдельной бригады морской пехоты из-за потери ориентировки не смог выйти к опорному пункту «Фишерштейн». Обнаруженный и обстрелянный артиллерийским и минометным огнем противника, он, не выполнив задачи, возвратился.

Таким образом, вследствие плохой организации хороший замысел уничтожения опорных пунктов удался не полностью. При подготовке и планировании чувствовалась самоуспокоенность, переоценка своих сил и недооценка противника. Командование СОР не посчиталось с тем, что разгром гарнизона «Пикшуев» насторожил немецкое командование и оно приняло необходимые меры по усилению обороны побережья и повышению бдительности при организации службы гарнизонов опорных

пунктов. Перед высадкой диверсионных отрядов не было проведено разведки для уточнения местонахождения пунктов, тщательной подготовки, как это было сделано при первой высадке в ночь на 11 сентября. Перевозки выделенных частей к пункту погрузки на катера проводились в светлое время, чем была нарушена внезапность высадки. Однако и частичный успех – уничтожение двух опорных пунктов привел к тому, что немецкая артиллерия до ноября не открывала огонь по нашим кораблям и причалам в губе Эйна и Озерко. Корабли и транспортные средства сумели за это время перевезти на полуострова Средний и Рыбачий грузы и обеспечить гарнизон Северного оборонительного района продовольствием, боеприпасами, топливом и горючим.

Таким образом, боевая деятельность Северного оборонительного района держала врага в постоянном напряжении, сковывала часть его сил, отвлекая их из полосы 14-й армии Карельского фронта, ведущей боевые действия на мурманском направлении. Соединения этой армии в течение зимы 1941–1942 гг. находились на оборонительных рубежах, занятых еще в период отражения сентябрьского наступления противника. Зимние условия наложили свой отпечаток на обустройство и жизнедеятельность войск. Вот как пишет об этом бывший командир 52-й, а впоследствии 10-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор Г.А. Вещезерский: «Наступила полярная зима. Дни становились все короче. А потом потянулась сплошная ночь. На много месяцев мы расстались с солнцем. На нас навалилась уйма забот. Зима в Заполярье очень коварна. То страшные морозы, то оттепель с дождем. Неделями бушуют бураны и метели. Снег валит так густо, что уже через несколько часов дороги становятся непроходимыми. Ветер ураганной силы сбивает с ног.

Надо было учиться воевать в таких условиях. Строили и утепляли землянки. Солдаты сооружали окопы и ходы сообщений из снега, поливая брустверы водой. Из слежавшегося снега нарезали «блоки» и выкладывали перед позициями сплошной стеной…

От минирования переднего края пришлось отказаться. В Заполярье ставить зимой мины бессмысленно: они сразу покрываются толстым слоем снега, и перейти через них, особенно на лыжах, можно совершенно свободно.

Зимнее обмундирование у нас было добротное – полушубок, ватная куртка и брюки, на ногах теплые валенки. Но и в такой одежде было не сладко на пронизывающем морозном ветру» [385]
.

Оборона советских войск была построена по принципу

удержания отдельных опорных пунктов и узлов сопротивления, прикрывавших наиболее доступные для действий вражеских группировок направления. Все это время шло совершенствование оборонительных позиций и рубежей, велась контрбатарейная борьба, периодически то на одном, то на другом участках обороны возникали бои между отдельными подразделениями сторон. В тылу противника постоянно действовали разведывательные отряды и группы, совершая диверсии на коммуникациях и нападая на вражеские гарнизоны.

Армия испытывала большие трудности в обеспечении войск, особенно когда дороги заносило снегом. Во время обильных и продолжительных снегопадов автомобильные и гужевые перевозки осуществлялись с большими перебоями и часто на некоторое время (2–3-е суток), необходимое для расчистки дорог, вовсе прекращались. Наиболее надежным, а иногда и единственным транспортным средством оказывался северный олень, широко распространенный по всему побережью Ледовитого океана от Чукотки до Скандинавии.

В ноябре 1941 г. по решению Военного совета 14-й армии было сформировано три армейских оленьих транспорта. Каждый из них включал 1015 оленей, 15 оленегонных собак, 237 грузовых и 76 легковых нарт. Должности солдат-оленеводов были укомплектованы из местных жителей – саами, хорошо ориентировавшихся в тундре, умевших проложить путь по бездорожью, быстро отыскать ягельные пастбища, знавших правила содержания и выпаса оленьего стада. Зимой 1941–1942 гг. по заказу армейского интенданта в местных мастерских было изготовлено 2000 нарт и 3300 комплектов оленьей упряжи.

Оленьи упряжки использовались для перевозки боеприпасов, продовольствия и фуража, дров, строительных материалов и других грузов, для транспортировки материальной части артиллерии и минометов, доставки срочных донесений, приказов и почты, выезда командования в войска, розыска подбитых в бою и упавших самолетов, эвакуации раненых и больных [386] .

В то же время советское Верховное Главнокомандование планировало весной и летом 1942 г. перейти в наступление на ряде участков советско-германского фронта, «разгромить действовавшие там группировки вражеских войск и сорвать подготавливаемое противником летнее наступление». Исходя из этого, командованию Карельского фронта было приказано весной 1942 г. разгромить группировку противника на мурманском направлении. На основании указаний Военного совета фронта штабы 14-й армии и Северного флота разработали совместную наступательную операцию.

Командующий 14-й армией генерал-лейтенант В.И. Щербаков решил главный удар нанести силами 72-й морской стрелковой бригады, 10-й гвардейской стрелковой дивизии и 6-й отдельной лыжной бригады. Для сковывания противника с фронта назначались 14-я стрелковая дивизия и 3-й батальон 72-й морской стрелковой бригады. Армейский резерв составляла 5-я отдельная лыжная бригада, во второй эшелон предназначалась прибывавшая в армию 152-я стрелковая дивизия.

Для участия в операции командующий Северным флотом вице-адмирал А.Г. Головко выделил 12-ю отдельную бригаду морской пехоты полковника Рассохина. Она предназначалась для высадки десанта на южное побережье Мотовского залива, где должна была при огневой поддержке артиллерии кораблей флота разгромить оборонявшиеся части противника, а затем наступать навстречу главной группировке 14-й армии и совместно с ней окружить 6-ю немецкую горнострелковую дивизию. Бригада насчитывала 6286 человек. На вооружении десанта имелось 808 винтовок, 3502 автомата, 56 ручных и 99 станковых пулеметов, семь 45-мм орудий, 74 миномета.

Штаб бригады, зная, что наступать придется в горах, был вынужден принять единственно возможное, хотя и невероятно трудное решение – все необходимое для боя переносить на плечах. Отказались даже от полевых кухонь – они не прошли бы с батальонами по горным кручам. Было запланировано, что все 5 суток бойцы будут питаться всухомятку. Из всех транспортных средств десанту было выделено в распоряжение начальника санитарной службы бригады только 50 оленьих нарт для транспортировки раненых [387] . На каждого морского пехотинца по раскладке пришлось до 25 кг груза: оружие, запас патронов и гранат, пятисуточный паек. Из стрелковых рот пришлось назначить многих бойцов подносчиками боеприпасов и другого боевого имущества. На каждый станковый пулемет кроме пяти штатных пулеметчиков выделили еще пятерых десантников, чтобы нести 3 тыс. патронов в лентах и в коробках. Каждый 82-мм миномет весом 60 кг и 80 мин к нему – еще 300 кг – требовали дополнительно 10 человек. И на 7 пушек-сорокапяток пришлось выделить дополнительно 30 человек. Такова была специфика десантного броска на гористый берег Заполярья. Это по раскладке, по предварительной разработке, но практически нагрузка была превышена – бойцы взяли с собой сверх запланированного еще на 5 суток продуктов и еще половину боекомплекта. И вот с такой нагрузкой морская пехота должна была штурмовать сопки, брать опорные пункты, проявляя нечеловеческую силу и выносливость, пробиваться навстречу

сухопутным частям [388] .

Планировалась выполнить поставленную задачу в течение пяти суток. Но все сложилось иначе. В ночь на 28 апреля корабли Северного флота доставили бригаду и разведывательный отряд штаба флота, который должен был отвлечь противника демонстрационными действиями, в намеченные пункты высадки. Демонстрационный отряд под командованием лейтенанта Леонова в составе 70 человек высадился у Титовки. Высаживаться пришлось прямо в воду. Отряд имел на руках много оружия, в том числе 11 пулеметов, ручные гранаты, а также рацию и продовольствие на 5 дней. Для обеспечения большей подвижности десантники были одеты лишь в одно ватное обмундирование, без шинелей. После высадки отряд занял высоту 415,3 и в течение пяти дней оборонялся от наступавшего противника, после чего отошел на соединение с бригадой. За это время он потерял убитыми и ранеными только четырех человек. Зато обмороженных, заболевших снежной слепотой и небоеспособных от физической слабости и утомления было 56 человек. Таким образом, отряд потерял 60 человек из 70.

Высадка главных сил протекала по плану и практически без каких-либо помех со стороны врага. Противник не ожидал высадки и только в двух пунктах из пяти оказал незначительное сопротивление. Как вспоминал впоследствии бывший командир 12-й бригады генерал-майор в отставке В.В. Рассохин: «28 апреля 1942 года первый эшелон десанта быстро захватил плацдарм, закрепился на нем и к 12 часам обеспечил высадку всей бригады. Личный состав кораблей энергично помогал пехотинцам. Покинув корабли, десантники вступили на землю, занятую противником. Перед ними расстилалась мрачная местность: хаотическое нагромождение камней и скал, нетронутые снега и ни одного деревца, ни единого домика» [389] .

Как потом выяснилось, оборона противника на побережье Мотовского залива строилась системой отдельных опорных пунктов, удаленных друг от друга на 2–3 и более километров. Однако ни командование бригады, ни командование батальонов истинной обстановки, состава сил и расположения вражеских огневых точек не знали. Поэтому батальоны начали выдвижение в глубь материка в походных колоннах по доступным направлениям, равномерно распределившись по фронту.

Первой вступила в боевое соприкосновение с противником бригадная разведрота лейтенанта Н.И. Грачева. Она наткнулась на боевое охранение, выставленное 68-м отдельным самокатным батальоном 6-й горнострелковой дивизии противника, окружила его и, несмотря на упорное сопротивление, уничтожила.

5-й батальон бригады под командой капитана Хижнякова наткнулся в конце второго дня наступления на сильный опорный пункт врага, атаковал его и взял штурмом.

2-й батальон под командой капитана Неженцева успешно наступал на хорошо укрепленную высоту 262,2, превращенную егерями в мощный опорный пункт. Батальон с ходу ворвался в расположение противника и в рукопашном бою уничтожил почти весь гарнизон высоты.

4-й батальон под командованием капитана А.Ф. Петрова беспрепятственно преодолел около 8 км и вышел в район, где губа Большая Западная Лица образует извилину и берег вдается в плес мысом. Но стоило подразделениям продвинуться еще метров на сто, как из опорного пункта противника с одной из высот был открыт огонь из минометов. Расположение опорного пункта противника с точки зрения использования местности было выбрано удачно: все подступы к высоте полностью контролировались.

Чтобы не уклоняться от выполнения основной задачи – выйти на дорогу Мурманск – Титовка, командир батальона решил захват этого опорного пункта произвести небольшими силами: 2-й ротой, которая должна была действовать справа, и одним взводом 3-й роты, которому предстояло атаковать слева. Поддерживать наступающих должен был огневой взвод в составе двух 82-миллиметровых минометов и 45-миллиметровой пушки, имевшей довольно ограниченный запас снарядов, то есть только то, что расчетам было под силу взять с собой.

Оборудование опорного пункта хотя и не было вполне совершенным, но отдельные подходы к нему были заминированы, и весь он был огражден колючей проволокой в три ряда. На плато высоты и ее скатах были оборудованы дзоты и блиндажи из камня. Противник не переставал вести интенсивный огонь, и это не давало возможности быстро сосредоточить людей на исходных для атаки рубежах. К тому же передвижение сильно задерживалось из-за глубокого снежного покрова. Атака началась только к исходу дня.

Взвод 3-й роты под командованием младшего лейтенанта Шарова, ведущий наступление со стороны прибрежной полосы, наткнулся на довольно крутой обрыв скалы и преодолеть его не смог. Успешнее действовали подразделения 2-й роты, управляемые лейтенантами Теплицким и Орловым. Они пересекли лощину и зацепились за скаты укрепленной высоты. Отдельным бойцам с большим трудом удалось преодолеть проволочное заграждение и приблизиться к огневым точкам противника. Завязались жаркие схватки, перешедшие в гранатный

бой и рукопашную. И все же первую атаку враг отразил. Бойцы, проникшие в глубь опорного пункта, погибли в неравных схватках.

При четвертой атаке тяжело ранило лейтенанта Теплицкого. А спустя некоторое время лишился командира другой взвод, действовавший несколько левее с целью охвата атакуемой высоты с тыльной стороны: лейтенант Орлов погиб от пулевого ранения в голову. Огонь наших минометов, 45-миллиметровой пушки хотя и оказал какую-то помощь наступавшим, однако огневым точкам противника особого ущерба не причинил. Смеркалось, когда комбат отдал приказ о прекращении дальнейших атак.

Еще задолго до рассвета он поставил командиру 3-й роты И.Б. Ткачу задачу обойти опорный пункт противника по льду губы, вывести роту на отлогий мыс и атаковать высоту с южных скатов, крутизна которых, по донесению разведчиков, особых препятствий для наступающих не представляла. С наступлением рассвета рота выдвинулась на лед и начала форсировать дистанцию в 1,5 км. Несмотря на сильный артиллерийский и минометный огонь, командир роты целеустремленно вел людей вперед по льду, залитому водой, выступавшей из пробитых снарядами воронок. Преодолев с незначительными потерями открытое ледяное плато, рота вышла на мыс и, рассредоточившись на нем, приступила к осаде высоты. Справа опорный пункт противника атаковала 2-я рота под командованием лейтенанта Герасимовского. К 11 часам все было кончено [390] .

Настал третий день операции. Командованию бригады стало известно, что соединениям 14-й армии не удалось прорвать оборону противника. Рушился весь замысел операции. Но приказа, останавливающего или отменяющего наступление, не было. Погода в тот день резко изменилась. Задул сильный и холодный северный ветер, температура понизилась, начался снегопад. Трое суток люди не ели горячего, грызли мерзлый хлеб, сухари, сухие концентраты, запивая холодной водой из озер и ручейков. Пройдя от берега 15–18 км, батальоны были вынуждены остановиться. По данным штаба бригады, за 4 дня боев она потеряла 175 человек убитыми, 357 ранеными, 9 пропавшими без вести и одного заболевшим.

В период с 2 по 4 мая бригада предприняла ряд попыток наступления, не давших никаких результатов. Немецкое командование, стремясь любой ценой задержать наступающих моряков, перебрасывало против них все новые и новые части. Это были специально оснащенные и подготовленные горные стрелки с вьючным транспортом, способным подвозить для боя все

необходимое, вплоть до минометов и орудий горной артиллерии. К тому же резервы у противника оказались свободными, так как угроза прорыва обороны на рубеже Большой Западной Лицы отпала.

Обстановку неожиданно усугубила резко ухудшившаяся погода. Вот что пишет об этом участник этой операции И.П. Барченко-Емельянов: «Целую неделю свирепствовала пурга, пронизывавшая людей, казалось, насквозь, бешено крутящиеся вихри мокрого снега ненадолго сменялись убийственно леденящим ветром, и тогда земля покрывалась ледяной коркой, по которой невозможно было передвигаться. Ничего более страшного из пережитого в Заполярье я не могу припомнить. Эта взбесившаяся стихия доставила людям невероятные лишения. Перед операцией установились погожие дни, поэтому экипировка десантников не предусматривала ни теплой одежды и обуви, ни утепленных палаток, ни «буржуек» для обогревания людей и приготовления горячей пищи» [391] .

Бойцы были до предела истощены, с почерневшими от мороза и ветра лицами, с потрескавшимися и кровоточащими губами. Воспаленные глаза постоянно слезились от слепящей белизны снега. Закончились продукты и подходили к концу боеприпасы, с каждым днем росло число убитых, раненых, обмороженных и ослепших. Особенно много было десантников с обмороженными ногами. И вот почему. Экипировка десантников состояла из ватной куртки и брюк, теплого белья, плащ-палатки и ботинок, полученных из США по ленд-лизу. Эта обувь, как выяснилось уже в десанте, легко пропускала воду. В сильные морозы промокшая обувь сразу замерзала. Именно эта «особенность» американских ботинок и привела к массовому обморожению ног. Общие потери бригады к 8 мая составляли уже 2804 человека.

8 мая немецкое командование, подтянув резервы, начало наступление на участках обороны 2-го и 6-го батальонов. К этому времени атаки наших частей на сухопутном фронте окончательно выдохлись. Пребывание десанта на мысе Пикшуев теряло всякий смысл. Вечером 11 мая на командный пункт Рассохина поступило приказание подготовиться к эвакуации и отвести бригаду на восточный берег губы Большая Западная Лица. 12 и 13 мая десант был снят и на сторожевых кораблях и катерах перевезен на противоположный берег губы.

Апрельско-майская десантная операция 1942 г. по своим особенностям, характеру и условиям явилась одним из тяжелейших испытаний, выпавших на долю воинов 12-й бригады. С учетом поступившего пополнения из общего числа 7165 человек десанта потери за время операции составили 4992 человека, или

70 %. Из этого числа 849 человек убитыми и умершими (в том числе от холода и истощения), 1828 ранеными и 986 обмороженными, 359 человек заболевшими и 941 пропавшими без вести. Просто шокирует цифра пропавших без вести. Вероятнее всего, эти люди, погибнув в бою или замерзнув, остались занесенными снегом. Многое из того, что происходило тогда в мутной пелене леденящей пурги, так и осталось неизвестным. Многие примеры боевой доблести безымянных героев невоскресимы. Тайну их беспримерной храбрости и самоотверженности навсегда схоронили в себе молчаливые гранитные утесы.

В полосе наступления 14-й армии в то же самое время события развивались следующим образом. 28 апреля утром началась трехчасовая артиллерийская подготовка. Однако она не дала ожидаемых результатов – укрепления и огневые позиции противника предварительно не были вскрыты, поэтому огонь велся не по целям, а по площадям. В этот день погода оказалась нелетной, и авиация не смогла оказать существенной поддержки наступавшим войскам. Перешедшие в атаку части сразу же натолкнулись на организованную систему пулеметного и артиллерийского огня противника. В донесении командующего войсками Карельского фронта народному комиссару обороны по итогам этого дня отмечалось: «14-я стрелковая дивизия… 325-й стрелковый полк… в 4.00 28 апреля атаковал противника в направлении высоты 173,7, к 5.00 двумя батальонами овладел северными и юго-восточными скатами высоты. Дальнейшее продвижение остановлено организованной системой пулеметного, артиллерийско-минометного огня противника с обратных скатов высоты. Неоднократные попытки наступления успеха не имели. 3-й батальон 325-го полка… огнем пулеметов и минометов был остановлен, залег и ведет огневой бой.

10-я гвардейская стрелковая дивизия… 35-й гвардейский стрелковый полк… к 18.00 28 апреля продвинулся на 200–400 метров, ведет бой за овладение опорными пунктами на высотах 154 и 168…» [392] Лишь к исходу второго дня соединениям армии удалось продвинуться на отдельных участках на глубину 2–3 км и овладеть первой позицией вражеской обороны.

На третий день бои приняли еще более ожесточенный характер. Командование 19-го горнострелкового корпуса, введя в бой резервы – 68-й самокатный, 112-й разведывательный, 91-й резервный батальоны и 137-й полк 2-й горнострелковой дивизии, предприняло сильные контратаки. В результате 7-й батальон 6-й отдельной лыжной бригады был отброшен в исходное положение, потеряв две трети личного состава, а ее 10-й батальон был

окружен. 8 мая командующий 14-й армией генерал-лейтенант Щербаков доложил командующему войсками Волховского фронта генерал-лейтенанту Фролову, что «10-й лыжный батальон надо считать погибшим. Отдельные группы еще сейчас продолжают выходить к нашим частям. По показаниям немецких пленных, этот батальон был окружен двумя батальонами 136-го горнострелкового полка. Он геройски дрался, причинив врагу огромные потери» [393] .

В целом же 6-я лыжная бригада понесла самые большие потери в 14-й армии. По архивным данным, «с 28 апреля по 10 мая 1942 года 6-я Олбр потеряла убитыми 309 человек, пропали без вести – 562, замерзли – 25, ранены – 440, обморожены – 58, заболели – 97. Общие потери бригады составили 1491 человек, то есть более 53 процентов личного состава» [394] .

Пытаясь прорвать оборону противника на Большой Западной Лице, командование 14-й армии решило ввести в сражение 152-ю стрелковую дивизию, которая находилась в Мурманске. Вышедшая из Мурманска пешим маршем в летней форме одежды в погожий день, дивизия в пути была внезапно застигнута непогодой. Вначале шел дождь, затем снег, температура резко упала, и разразилась сильнейшая снежная пурга, продолжавшаяся несколько суток.

Толщина снежного покрова достигла 3–5 метров. Люди стали сбиваться с дороги. Промокшее от дождя обмундирование быстро обледенело. «На всю жизнь запомнилось, – вспоминал бывший командир 14-й стрелковой дивизии, генерал-лейтенант в отставке Х.А. Худалов, – как на шестой день этого наступления, 3 мая 1942 года, разразился буран небывалой силы. Он длился, не переставая, трое суток. Ураганный ветер срывал снег с сопок и нес его в лощины. Там примешивался низовой воздушный поток, крутил вихрем и мириадами колючих льдинок обрушивался на все живое.

Тяжелые рогатки, установленные перед передним краем обороны, наполовину вмерзшие в землю, порывом ветра вырвало на участке до двухсот метров и отнесло более чем на километр… Стихия грозила потерей многих и многих жизней» [395] .

В истории 152-й стрелковой дивизии, хранящейся в Центральном архиве Министерства обороны, записано: «Личный состав, будучи в движении, еще кое-как согревался. Но когда движение прекратилось, измученные, промерзшие бойцы, обессиленные, без питания, без сна, падали, теряли сознание и замерзали. Истощение живых бойцов доходило до 80 %» [396] . Как отмечалось в Журнале боевых действий Карельского фронта, «всего дивизия потеряла 205 человек умершими и 791 –

заболевшими, 2580 человек были предельно истощены и не могли участвовать в боях. Часть людей временно ослепла, и около 100 человек отравились, так как для обогревания принимали в качестве питья противохимические препараты» [397] .

Только передовой батальон 480-го стрелкового полка дивизии под командованием капитана Разумного сумел дойти до р. Большая Западная Лица. Но вести бой он был уже не способен. Вот что пишет об этом немецкий исследователь П. Карель: «Целыми ротами красноармейцы замерзали в тундре. Они лежали погребенные под огромными сугробами на линии своего наступления. Все происходившее с ними напоминало трагедию Наполеона: из 6000 русских солдат и офицеров в район боя вышли только 500 человек. Они были настолько ослаблены, что даже маленькие группы с немецких застав могли справиться с ними» [398] .

К сожалению, люди, которые руководили этой операцией, по различным причинам либо не смогли, либо не сочли нужным рассказать правду о трагедии этой дивизии. И если генерал Фролов, как командующий войсками Карельского фронта, все-таки упоминает, что «выделенная Ставкой 152-я стрелковая дивизия, выступившая к фронту по тундре, была застигнута пургой и, еще не дойдя до линии фронта, потеряла на марше несколько сотен человек обмороженными и замерзшими» [399] , то бывший командующий 14-й армией генерал В.И. Щербаков прямо указывает в предисловии к своим мемуарам, что тактический уровень не является предметом его рассмотрения. А жаль! О тактике, хотя она и составляла основное содержание боевых действий в Заполярье, можно было и не рассказывать, а вот о людях, которые погибли, в том числе и по его вине, сказать, наверное, следовало.

Из-за невероятной пурги боевые действия на мурманском направлении прекратились с обеих сторон. В снежной круговерти было просто физически невозможно определить даже сам факт прибытия резервов и районы их сосредоточения. Не смогла действовать и авиация. Непрекращавшиеся снегопады и морозы покрыли самолеты, стоявшие в капонирах и на открытых площадках, слоем снега и ледяной коркой. Под оледеневшим снегом оказались взлетные полосы, рулевые дорожки, подъездные пути, с расчисткой которых не справлялась снегоуборочная техника. Дороги были занесены, доставка продовольствия и боеприпасов стала практически невозможной. Советские и немецкие части, находившиеся на открытой местности, оказались в критическом положении. «Трагическими оказались последствия бурана для сбитых с позиций гитлеровцев, – продолжает Х.А.

Худалов. – После того как ветер стих и прояснилось, наши бойцы находили в снегу сотни трупов замерзших егерей… В задубелых шинелях, в соломенных чунях, натянутых на уши пилотках, егеря, конечно, не могли противостоять бурану» [400] . Противник действительно понес значительные потери. По немецким данным, по 19-му горнострелковому корпусу за первые 15 дней мая они составили около 3200 человек. Только 6-я горнострелковая дивизия потеряла с 28 апреля по 13 мая 359 человек убитыми, 1359 ранеными и 43 пропавшими без вести, не считая значительного числа заболевших. Однако потери 14-й армии были куда большими: убитыми – 1925 человек, ранеными – 5119, обмороженными – 287 и пропавшими без вести – 165 человек [401] . 11 мая командующий войсками Карельского фронта был вынужден отдать приказ о прекращении наступления.

Мурманская операция была первой наступательной операцией советских войск во взаимодействии с силами флота в условиях Заполярья. Ни командование 14-й армии, ни подчиненные ему войска не имели к тому времени опыта подготовки и ведения наступательных действий. Требования Ставки ВГК, сформулированные в ее директивном письме от 10 января 1942 г., о создании для прорыва обороны противника мощных ударных группировок сил и средств, поддержке наступления пехоты и танков авиацией и огнем артиллерии в течение всего периода наступления выполнены не были. Соединения и части армии были равномерно распределены во всей полосе ее действий, в решении командующего армией не было четко выраженного направления главного удара.

Этот недостаток мог быть компенсирован одновременным нанесением ударов по противнику во всей полосе наступления с целью определения наиболее уязвимого места в его обороне и быстрого наращивания усилий на этом направлении за счет сильных второго эшелона и мобильного резерва. Однако удары по врагу наносились разновременно. В то время как 6-я отдельная лыжная бригада и 12-я бригада морской пехоты вели ожесточенные бои с противником, остальные части 14-й армии активные действия прекратили. Пассивность войск, действовавших в центре оперативного построения, привела к тому, что немецкое командование смогло бросить все имевшиеся в его распоряжении резервы против наступавших фланговых группировок. А отсутствие в армии второго эшелона не позволило в ходе ведения боевых действий своевременно усилить войска ни на одном из направлений. Ввод в сражение резервов заблаговременно не планировался и по времени не рассчитывался. К тому же при их применении не были учтены

маневренные возможности войск, условия местности и возможность резкого изменения метеорологической обстановки. В результате 5-я отдельная лыжная бригада была введена в сражение с опозданием, сбилась с заданного направления и не смогла оказать помощь окруженным батальонам 6-й лыжной бригады. А 152-я стрелковая дивизия из-за неблагоприятных метеорологических условий не смогла своевременно прибыть в район боевого предназначения.

Не выполнила возложенных на нее задач и артиллерия. В период наступления из-за отсутствия дорог орудия отстали от пехоты. Не была предусмотрена борьба с артиллерийскими батареями врага, действовавшими против 12-й бригады морской пехоты. Из-за плохой организации управления командующий армией не имел возможности массировать огонь артиллерии на решающих направлениях. К тому же непогода не позволила ему использовать свой главный резерв – 41-й гвардейский минометный полк. В ходе всей операции остро ощущался недостаток в боеприпасах.

Не были до конца продуманы вопросы тылового обеспечения боевых действий. Для доставки боеприпасов и продовольствия отрывалось много людей из боевых подразделений. Так, в 5-й отдельной лыжной бригаде для этой цели было использовано около половины личного состава. Движение по дорогам происходило крайне неорганизованно. На трудных участках маршрута, на крутых подъемах и спусках, в дефиле и на перекрестках дорог из-за отсутствия регулирования часто создавались пробки, и войска несли излишние потери от артиллерийского огня и бомбардировочной авиации противника.

Одновременно с Мурманской наступательной операцией силами 26-й армии генерала Никишина осуществлялось наступление и на кестеньгском направлении. На этом направлении в течение предшествующих пяти месяцев обе стороны, находясь в обороне, занимали одни и те же позиции. Причем занимаемый советскими войсками рубеж, исходя из условий местности, был невыгоден для ведения оборонительных действий. В оперативном построении армии имелись значительные разрывы и промежутки, которые могли быть использованы противником для выхода на фланги и в тыл соединений и частей.

Командующий 26-й армией решил нанести главный удар на Кестеньгу силами двух дивизий: с севера – 23-й гвардейской стрелковой под командованием генерал-майора В.А. Соловьева из района южнее оз. Нижнее Черное и с юга – 263-й стрелковой дивизией (без полка) под командованием генерал-майора

Л.Е. Фишмана вдоль шоссейной дороги Лоухи – Кестеньга. Вспомогательный удар должна была нанести 67-я морская стрелковая бригада под командованием полковника М.В. Прянишникова в направлении Лохивара. Прикрытие ударной группировки с севера возлагалось на 8-ю лыжную бригаду под командованием полковника И.Г. Дубаля, а с юга – на стрелковый полк 263-й стрелковой дивизии. Во второй эшелон выделялась 186-я стрелковая дивизия полковника С.В. Коломийца, в резерв – 80-я морская стрелковая бригада подполковника К.А. Алексеева. В зависимости от обстановки использование их предусматривалось также на направлении главного удара севернее железной дороги Лоухи – Кестеньга.

Армия располагала 150 орудиями и минометами (без 50-мм минометов). Такое количество артиллерии обеспечивало создание средней плотности всего лишь в 20 орудий и минометов на 1 км участка прорыва. Слабым было и авиационное обеспечение наступления. Для этого выделялось всего 55 самолетов различных типов [402] .

Соединения и части армии перешли в наступление в 6 часов утра 24 апреля 1942 г. 23-я гвардейская стрелковая дивизия в течение 24–25 апреля вела бой с двумя батальонами противника и, медленно продвигаясь вперед, к 19 часам 25 апреля вышла на рубеж, которым должна была овладеть еще к исходу предыдущего дня. В своем донесении в Ставку командующий войсками фронта отмечал: «Медленное продвижение гвардии объясняется трудными условиями местности, глубоким рыхлым снегом и густым лесом» [403] . Части дивизии, преодолевая сильное сопротивление и сложную систему инженерных заграждений противника, продвинулись за два дня всего на 6–7 км. 8-я лыжная бригада, обеспечивая правый фланг дивизии, в течение этих дней вела бой с батальоном противника и к исходу 25 апреля овладела г. Нято-Вара, продвинувшись на 6 км. Причины медленного продвижения были те же, что и у 23-й дивизии, с той лишь разницей, что бригада наступала на лыжах.

Части 263-й стрелковой дивизии в течение 24 апреля, ведя упорные бои с врагом, смогли вклиниться в его оборону только на 500–600 метров. Пехота, подойдя к проволочным заграждениям противника, была прижата к земле сильным огнем, и ее неоднократные попытки преодолеть заграждения успеха не имели. Артиллерия в условиях закрытой для наблюдения местности вела огонь не по конкретным целям, а по площадям. Поэтому вражеские огневые точки остались неподавленными. В ночь на 25 апреля для усиления дивизии прибыл 374-й отдельный танковый батальон. Во второй половине дня части дивизии

возобновили наступление при поддержке шести танков (три КВ и три Т-34) с танковым десантом. В первом эшелоне действовало три танка КВ. Два из них, не дойдя до дзотов противника, застряли в болоте и вели с места огонь по его огневым точкам с дистанции 100–200 м; третий танк был подбит противотанковым орудием. Не удалось применить и действовавший на Т-34 десант, так как танки под сильным противотанковым огнем не смогли приблизиться к позициям врага. Наступавшая вдоль дороги за танками пехота была отсечена от них фланговым пулеметным огнем [404] . В целом задача по прорыву оборонительной полосы в течение 24–25 апреля дивизией выполнена не была.

67-я морская бригада в течение 24 апреля, встретив сильное сопротивление 12-го финского пехотного полка, продвинулась на 1,5–2 км и поставленную задачу также не выполнила.

До конца апреля в полосе наступления 26-й армии велись тяжелые безуспешные бои. Об их содержании дает представление донесение генерала Фролова в Ставку от 28 апреля: «Кестеньгское направление. Войска направления… в 14.00 28.4. перешли в наступление. 23-я гвардейская стрелковая дивизия: 66-й и 63-й гвардейские стрелковые полки, встретив организованный огонь из 10–11 дзотов, проволочное заграждение, огонь 3–4 батарей артиллерии, успеха не имели… 68-й гвардейский стрелковый полк… встреченный огнем восьми станковых пулеметов из дзотов и ружейно-пулеметным огнем… успеха не имел.

263-я стрелковая дивизия… встреченная автоматно-пулеметным огнем из дзотов и минометным огнем из глубины, продвинулась на 100–150 метров, дальнейшего успеха не имела» [405] . Потери этой дивизии за два дня боев составили 1848 человек [406] .

К 30 апреля успеха добилась только действовавшая на правом фланге армии 8-я лыжная бригада. Продвинувшись на глубину до 12 км, она вышла в район населенного пункта Окунева Губа и одной ротой оседлала дорогу, идущую на Кестеньгу. Бригаде была поставлена задача наступать вдоль дороги на юг и 1 мая выйти в район перекрестка дорог севернее Кестеньги.

Учитывая сложившуюся обстановку, командующий войсками фронта 30 апреля приказал командующему армией произвести перегруппировку сил. Предусматривалось ввести в сражение второй эшелон – 186-ю стрелковую дивизию и армейский резерв – 80-ю морскую бригаду, которые совместно с 23-й гвардейской стрелковой дивизией должны были овладеть Кестеньгой.

Утром 3 мая части ударной группировки, встречая упорное сопротивление противника, поддержанного большим количеством артиллерии и непрерывными действиями авиации,

возобновили наступление. К исходу дня 8-я лыжная бригада с 238-м стрелковым полком 186-й стрелковой дивизии достигли западного берега Дангозеро, а к 5 мая вышли в район в 4 км северо-западнее Кестеньги. Но остальные части безуспешно вели бой на прежних рубежах. Это позволило противнику перерезать пути подвоза вырвавшихся вперед частей и окружить их.

Вот что отмечалось по поводу этих событий в журнале боевых действий Карельского фронта: «В течение всего дня полк и бригада штыковыми ударами выходили из окружения… Боеприпасы, продовольствие были на исходе… Бой продолжался до 6.00 6 мая. К этому времени были ранены все командиры батальонов, комиссар 238-го стрелкового полка… Подразделения частей мелкими группами начали пробиваться на запад и к исходу дня начали выходить в район расположения 186-й стрелковой дивизии… В 11.00 8 мая… Никишин доложил, что подразделения 238-го стрелкового полка и 8-й лыжной бригады продолжают выходить из окружения. Дубаль и Гераскин (командиры бригады и полка . – *Авт* .) – убиты, они похоронены по пути отхода…» [407]

Учитывая безуспешность наступления на мурманском и кестеньгском направлениях, Ставка ВГК 10 мая передала через начальника Генерального штаба маршала Б.М. Шапошникова указание о прекращении наступательных действий и переходе к обороне. В ответ на это генерал Фролов доложил, что «части все выведены на исходное положение, командующий 26-й армией для руководства боем выехал на наблюдательный пункт. Отменить наступление не представлялось возможным, так как не было уверенности, что приказ об отмене будет вовремя доведен до всех частей и подразделений» [408] . Причина того, что наступление 26-й армии не было немедленно отменено, по всей видимости, кроется в другом. Командующий войсками фронта все еще надеялся достичь успеха в операции в последней попытке, предпринимаемой после очередной перегруппировки сил и средств.

С утра 10 мая соединения и части армии перешли в наступление, но успеха не имели и к исходу дня остались на прежних рубежах. 11 мая Ставка повторно приказала прекратить наступление на кестеньгском направлении. Потеряв 12 649 человек (3145 убитыми, 8906 ранеными и 598 пропавшими без вести), 26-я армия так и не смогла выполнить поставленной ей задачи [409] .

Вот как объяснялись причины неудачного исхода операции в вышедшем еще в 1943 г. «Сборнике материалов по изучению опыта войны»: «… Командный состав и штабы были недостаточно

подготовлены к боевым действиям в условиях лесисто-болотистой местности, не знали противника и его системы обороны, недооценивали естественных и искусственных препятствий в условиях данного театра.

Младший командный состав в большинстве своем был слабо подготовлен, не имел навыков в управлении мелкими подразделениями в условиях лесисто-болотистой местности. Кроме того, как выявилось, младшие командиры не знали даже свойств оружия, состоящего на вооружении их подразделений, что, безусловно, отражалось на ведении боя мелких групп в лесу.

Взаимодействие в звене батальон и ниже организовано было очень слабо. Личный состав подразделений в значительной части не имел элементарных знаний, необходимых для ведения боя в лесу, не мог преодолевать противопехотных препятствий и сочетать огонь своего оружия с движением.

Лесисто-болотистая местность и бездорожье затрудняли маневр, привязывали артиллерию к определенным районам и направлениям, использовать танки было невозможно; тылы работали с большим напряжением и перебоями – все это снижало темп движения.

Ограниченное количество боеприпасов не позволяло создать достаточную плотность огня и подавить огневую систему противника, который на протяжении всей операции не снижал темпа огня наземных войск, а также штурмовых и бомбардировочных действий авиации.

В директиве «Об итогах наступательных боев 14-й и 26-й армий» командующий войсками Карельского фронта отмечал, что выучка войск наступательным действиям еще не соответствует требованиям современного боя и условиям Карельского театра, а также указывал на неподготовленность командного состава, плохую организацию взаимодействия, плохое управление войсками, особенно подчеркивая, что «тактические действия мелких подразделений в лесисто-болотистой местности не отработаны» [410] .

В течение двух последующих лет обстановка в полосах действий армий, действовавших на Кольском полуострове, продолжала оставаться стабильной. Ни та, ни другая сторона не планировали операций с решительными целями, ограничиваясь ведением разведывательно-диверсионных действий и боев «местного значения», рейдами лыжных отрядов по тылам противника и контрбатарейной борьбой. Осенью 1944 г. советские войска в ходе Петсамо-Киркенесской наступательной операции полностью освободили Заполярье и изгнали врага с территории Северной Норвегии.

Подводя итог боевых действий на северном фланге советско-германского фронта, следует отметить, что своеобразие природно-климатических условий приморского направления оказало заметное влияние на оперативное искусство и тактику ведения боевых действий в этом районе. Сплошной линии фронта здесь, как правило, не было. Оборона строилась на системе опорных пунктов, расположенных на господствующих над местностью высотах. Открытые фланги, отсутствие локтевой связи между частями, борьба соединений на разобщенных направлениях, жизненная необходимость координации действий с флотом были типичным явлением.

В то же время выгодная для обороны местность значительно сокращала шансы на успешный прорыв обороны противника с фронта. Обстановка требовала максимальной маневренности, в то время как природно-климатические условия ограничивали ее. Маневр силами сковывался из-за бездорожья. Удар по открытому флангу с целью выхода в тылы, ставший типичным для оперативного искусства в Заполярье, приносил, как правило, первоначальный успех. Однако невозможность быстро наращивать силы, сконцентрировать значительное количество войск и техники на участке фронта, где мало или совсем нет дорог, ослабляли силу и результативность фланговых ударов.

Борьба за коммуникации являлась, по сути дела, кардинальной проблемой любой проводившейся здесь операции. Захват или удержание дорог в конечном счете решали успех или неуспех проводившихся наступательных или оборонительных боев.

Наступательные операции сухопутных войск проводились, как правило, на небольшую глубину, в сравнительно короткий промежуток времени, требовали значительного превосходства над силами противника, особо тщательной подготовки и оснащенности каждой части и подразделения, которые в последующем нередко действовали без локтевой связи, в отрыве от тылов и не могли своевременно получать подкрепления.

Знаменитый советский хирург А.А. Вишневский в своей книге «Дневник хирурга» приводит такой эпизод. Однажды в поезде его случайный попутчик – молодой капитан с горечью в голосе произнес: «А ведь несправедливо, товарищ полковник, я вот уже пять лет в Рыбачьем. Условия войны очень трудные. Люди во время боя лежат на снегу, отмораживают грудь, живот, а никто о нас и говорить не желает, мало того – смеются. Есть, мол, три нейтральные страны: Швеция, Швейцария и Карельский фронт!» [411] Вишневский пишет, что не нашелся тогда, что ответить, и промолчал. Думается, что ответ и не требовался, ведь судьбу не

выбирают. И каждый солдат и офицер сражался там, где ему было приказано, где велел ему долг. И каждый на своем маленьком рубеже, в своем броске в атаку приближал общую для всех Победу. Наравне со всеми были и защитники Заполярья. Вот какие слова, в высоком стиле, посвятил им в мае победного 45-го мурманский журналист Константин Тюляпин: «Мы никогда не забудем вашего подвига на подступах к Мурманску. У фашистского зверя были тогда крепкие клыки, цепкие лапы, а на лохматой груди листки эдельвейса – знака легкой победы… Артиллерийским грохотом огласились горы, черные тучи стервятников закрыли заполярное небо. Казалось, гранитные скалы готовы были рухнуть. Но вы не дрогнули, стояли насмерть в горных воротах Мурманска. И бились, как бьются солдаты нашей социалистической Родины, гвардейцы Севера!»

Примечания

1

Исаев Ю.О. 1941 г. Так начиналась война в Прибалтике. М., 2002. С. 12.

2

Там же. С. 13.

3

История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1963. С. 256.

4

Исаев Ю.О. 1941 г. Так начиналась война в Прибалтике. С. 16.

5

Россия. XX век. Документы.1941 год. В 2-х книгах. Кн. 1. М., 1998. С. 241–242, 245.

6

1941 год. Кн. 1. С. 289.

7

1941 год. Кн. 1. С. 743.

8

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М., 1990. С. 29–30.

9

1941 год. Кн. 2. С. 301–302.

10

Барышев Н. Оборонительная операция 8-й армии в начальный период Великой Отечественной войны. // Военно-исторический журнал. 1974. № 7.

11

Коломиец М. 1941: бои в Прибалтике 22 июня – 10 июля 1941 года. // Фронтовая иллюстрация. 2002. № 5.

12

Коломиец М. 1941: бои в Прибалтике 22 июня – 10 июля 1941 года. // Фронтовая иллюстрация. 2002. № 5.

13

ЦАМО РФ. Ф. 237. Оп. 278. Д. 142. Л. 31.

14

История Прибалтийского военного округа. Рига., 1968. С. 39.

15

Коломиец М. 1941: бои в Прибалтике 22 июня – 10 июля 1941 года. // Фронтовая иллюстрация. 2002. № 5.

16

Хлебников Н.М. Под грохот сотен батарей. М., 1979. С. 110.

17

Исаев Ю.О. 1941 г. Так начиналась война в Прибалтике. С. 25.

18

Первые дни войны в документах. // Военно-исторический журнал. 1989. № 9.

19

Хазанов Д.Б. 1941. Горькие уроки. Война в воздухе. М., 2006. С. 59.

20

Борьба за советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941–1945. В 3-х кн. Кн. 1. Первые годы. Рига, 1966. С. 39.

21

Хазанов Д.Б. 1941. Горькие уроки. Война в воздухе. С. 60.

22

История Прибалтийского военного округа. С.62.

23

Коломиец М. 1941: бои в Прибалтике 22 июня – 10 июля 1941 года. // Фронтовая иллюстрация. 2002. № 5.

24

Там же.

25

ЦАМО РФ. Ф. 237. Оп. 278. Д. 142. Л. 261.

26

Первые годы. С. 42.

27

Исаев Ю.О. 1941 г. Так начиналась война в Прибалтике. С. 52.

28

1941 год. Кн. 2. С. 282.

29

ЦАМО РФ. Ф. 344. Оп. 5554. Д. 38. Л. 1.

30

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны.

Вып. 34. М., 1958. С. 11.

31

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 34. М., 1958. С. 11.

32

Авторская рукопись генерал-майора Г.Н. Шафаренко.

33

Исаев Ю.О. 1941 г. Так начиналась война в Прибалтике. С. 65.

34

Авторская рукопись генерал-майора Г.Н. Шафаренко.

35

Первые дни войны в документах. // Военно-исторический журнал. 1989. № 5.

36

Первые дни войны в документах. // Военно-исторический журнал. 1989. № 5.

37

Первые годы. С. 47.

38

Анфилов В.А. Грозное лето 41 года. М., 1995. С. 103.

39

История Прибалтийского военного округа. С. 78.

40

Первые дни войны в документах. // Военно-исторический журнал. 1989. № 5.

41

Первые дни войны в документах. // Военно-исторический журнал. 1989. № 5.

42

Авторская рукопись генерал-лейтенанта В.Ф. Зотова.

43

1941 год – уроки и выводы. М., 1982. С. 89.

44

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 34. С. 230.

45

ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 1364. Д. 21. Л. 201, 205.

46

Первые дни войны в документах. // Военно-исторический журнал. 1989. № 6.

47

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 34. С. 33.

48

Исаев Ю.О. 1941 г. Так начиналась война в Прибалтике. С. 36.

49

Хаупт В. Группа армий «Север». Бои за Ленинград. 1941–1944. М., 2005. С. 14.

50

Первые годы. С. 35.

51

Хаупт В. Группа армий «Север». С. 25.

52

Первые дни войны в документах. // Военно-исторический журнал. 1989. № 6.

53

Известия ЦК КПСС. 1990. № 7.

54

Известия ЦК КПСС. 1990. № 8.

55

Первые дни войны в документах. // Военно-исторический журнал. 1989. № 9.

56

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 34. С. 185.

57

Хазанов Д.Б. 1941. Горькие уроки. Война в воздухе. С. 76–77.

58

Хазанов Д.Б. 1941. Горькие уроки. Война в воздухе. С. 76–77.

59

Исаев Ю.О. 1941 г. Так начиналась война в Прибалтике. С. 77.

60

Первые годы. С. 58–59.

61

ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Л. 469.

62

Авторская рукопись генерал-лейтенанта В.Ф. Зотова.

63

Первые дни войны в документах. // Военно-исторический журнал. 1989. № 6.

64

Первые годы. С. 60.

65

Первые дни войны в документах. // Военно-исторический журнал. 1989. № 8.

66

Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4-х книгах. Кн. 1. Суровые испытания. М.,

1998. С. 150.

67

Коломиец М. 1941: бои в Прибалтике 22 июня – 10 июля 1941 года. // Фронтовая иллюстрация. 2002. № 5.

68

Источник. 1995. № 2.

69

Коломиец М. 1941: бои в Прибалтике 22 июня – 10 июля 1941 года. // Фронтовая иллюстрация. 2002. № 5.

70

Гот Г. Танковые сражения. М., 1961. С. 64–65.

71

Коломиец М. 1941: бои в Прибалтике 22 июня – 10 июля 1941 года. // Фронтовая иллюстрация. 2002. № 5.

72

ЦАМО РФ. Ф. 237. Оп. 278. Д. 142. Л. 257–258.

73

Исаев Ю.О. 1941 г. Так начиналась война в Прибалтике. С. 76–77.

74

Анфилов В.А. Грозное лето 41 года. С. 142.

75

Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. М., 1971. С. 27.

76

Авторская рукопись генерал-лейтенанта В.Ф. Зотова.

77

Анфилов В.А. Грозное лето 41 года. С. 121.

78

Известия ЦК КПСС. 1990. № 7.

79

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 34. С. 36.

80

Анфилов В.А. Грозное лето 41 года. С. 122–124.

81

Хаупт В. Группа армий «Север». С. 30–31.

82

Авторская рукопись генерал-лейтенанта П.М. Курочкина.

83

1941 год – уроки и выводы. С. 116–117.

84

1941 год. Кн. 2. С. 431.

85

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 30–31.

86

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 34. С. 46.

87

Барышев Н. Оборонительная операция 8-й армии в начальный период Великой Отечественной войны. // Военно-исторический журнал. 1974. № 7.

88

Первые годы. С. 68.

89

Коломиец М. 1941: бои в Прибалтике 22 июня – 10 июля 1941 года. // Фронтовая иллюстрация. 2002. № 5.

90

Барышев Н. Оборонительная операция 8-й армии в начальный период Великой Отечественной войны. // Военно-исторический журнал. 1974. № 7.

91

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 34. С. 323.

92

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 33. М., 1957. С. 48.

93

Там же.

94

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 33. М., 1957. С. 48.

95

ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 1351. Д. 200. Л. 7.

96

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 33. С. 51.

97

Коломиец М. 1941: бои в Прибалтике 22 июня – 10 июля 1941 года. // Фронтовая иллюстрация. 2002. № 5.

98

Первые годы. С. 71.

99

Коломиец М. 1941: бои в Прибалтике 22 июня – 10 июля 1941 года. // Фронтовая иллюстрация. 2002. № 5.

100

Коломиец М. 1941: бои в Прибалтике 22 июня – 10 июля 1941 года. // Фронтовая иллюстрация. 2002. № 5.

101

Исаев Ю.О. 1941 г. Так начиналась война в Прибалтике. С. 84.

102

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 33. С. 52.

103

Авторская рукопись маршала бронетанковых войск П.П. Полубоярова.

104

Коломиец М. 1941: бои в Прибалтике 22 июня – 10 июля 1941 года. // Фронтовая иллюстрация. 2002. № 5.

105

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 34. С. 67.

106

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 35. М., 1958. С. 45.

107

ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 1351. Д. 200. Л. 10.

108

Суровые испытания. С. 151.

109

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 33. С. 30, 40.

110

Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. Гитлер идет на восток. 1941–1943. М., 2003. С. 27.

111

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 34. С. 256.

112

ЦАМО РФ. Ф. 237. Оп. 278. Д. 142. Л. 276–279.

113

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 34. С. 67.

114

Великая Отечественная. 5(1). Ставка Верховного Главнокомандования. Документы и материалы. 1941 год. М., 1999. С. 55.

115

Авторская рукопись генерал-лейтенанта П.М. Курочкина.

116

Барышев Н. Оборонительная операция 8-й армии в начальный период Великой Отечественной войны. // Военно-исторический журнал. 1974. № 7.

117

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 34. С. 76.

118

Авторская рукопись генерал-лейтенанта П.М. Курочкина.

119

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 34. С. 73.

120

Хаупт В. Группа армий «Север». С. 38.

121

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 34. С. 79.

122

Хаупт В. Группа армий «Север». С. 41.

123

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 33. С. 55.

124

Хаупт В. Группа армий «Север». С. 40.

125

Хаупт В. Группа армий «Север». С. 40.

126

Там же.

127

Суровые испытания. С. 153.

128

Авторская рукопись маршала бронетанковых войск П.П. Полубоярова.

129

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 34. С. 141.

130

Известия ЦК КПСС. 1990. № 7.

131

Первые дни войны в документах. // Военно-исторический журнал. 1989. № 8.

132

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 34. С. 274.

133

Петров Б.Н. Как был оставлен Псков. // Военно-исторический журнал. 1993. № 6.

134

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 34. С. 326–327.

135

ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 1351. Д. 54. Л. 12.

136

Петров Б.Н. Как был оставлен Псков. // Военно-исторический журнал. 1993. № 6.

137

Ставка Верховного Главнокомандования. Документы и материалы. 1941 год. С. 62.

138

Первые годы. С. 99.

139

Итоги Второй мировой войны: сборник статей. М., 1957. С. 75.

140

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1992. С. 533.

141

При средней вместимости одного рудовоза в 5000 тонн это давало 1860 рейсов. Иными словами, в Германию должны были прибывать не менее 5–6 судов с рудой ежедневно.

142

С формированием Прибалтийской ВМБ Либавская ВМБ расформировывалась, а либавский порт, совместно с портами в Виндаве и Риге, должен был войти в состав Прибалтийской ВМБ. На практике же оказалось, что в день начала войны командующий Прибалтийской ВМБ контр-адмирал П.А. Трайнин находился с группой работников штаба в Риге, а его штаб во главе с начальником штаба – капитаном 1 ранга М.С. Клевенским – в Либаве. Именно поэтому в исторической литературе фигурируют и Либавская и Прибалтийская ВМБ, хотя де-юре должна была существовать только одна из них – Прибалтийская.

143

РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2с. Д. 352. Л. 6, 16.

144

Цитируется по: Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца: Сборник документов и материалов. М., 2000. С. 432–433.

145

ЦВМА. Ф. 9. Д. 10331.

146

Боевая летопись… С. 117.

147

Кузнецов Н.Г. Накануне. М., 1989. С. 362–363.

148

Полностью исправны: «Л-3», «М-77», «М-78», «М-79», «М-81», «М-83»; заканчивали средний ремонт на заводе «Тосмаре» – «С-1», «С-3»; готовились к постановке в средний ремонт – «Ронис», «Спидола» (быв. латвийские); имели мелкие неисправности – «С-9», «М-80»; нуждались в проверке минно-торпедного боезапаса и переоборудовании под советские стандарты – «Калев», «Лембит» (быв. эстонские); нуждалась в испытаниях по определению максимальной глубины погружения – «М-71».

149

Россия. XX век. Документы.1941 год. В 2-х книгах. Кн. 2. М., 1998. С. 283.

150

По некоторым данным, 23 июня прибыл в Либаву и принял участие в обороне города.

151

В огромном количестве публикаций вопрос командования Либавской ВМБ и ее подчинения раскрывается неверно. По этому вопросу в докладной записке прокурору КБФ, написанной 24 июля, начальник штаба флота контр-адмирал Ю.А. Пантелеев писал следующее: «Отношения Либавской ВМБ с Красной Армией (ПрибОВО) определялись совершенно четко – база в мае месяце 1941 г. перешла в оперативное подчинение ПрибОВО по решению Ген. Штаба, о чем было донесено в ГМШ и Ген. Штаб шифровкой – телеграммой. За оборону Виндавы и Либавы целиком, таким образом, отвечал ПрибОВО, а о помощи флота (КБФ) ПрибОВО не просил и задач КБФ не ставил».

152

ЦВМА. Ф. 18. Д. 741. Л. 23–24.

Интересно отметить, что в своих мемуарах о начале войны Грищенко писал совсем другое: «В 23 часа 37 минут 21 июня по Балтийскому флоту была объявлена оперативная готовность № 1. В два часа личный состав с береговых казарменных помещений перешел на подводные лодки. Первый час мы стояли с замполитом Бакановым на мостике, курили, гадали, что будет дальше. То же происходило на соседних подводных лодках: все с нетерпением ждали сигнала «отбой», но его не было. Спустившись в центральный пост, я решил не терять зря времени, провести учение по живучести и непотопляемости корабля…» (Грищенко П.Д. Схватка под водой. М., 1983. С. 21.)

153

Рытов А.Г. Рыцари пятого океана. М., 1968. С. 120–121.

154

РГВА. Ф. 32924. Оп. 3. Д. 23. Л. 6.

155

ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 1394. Д. 2. Л. 194.

156

Там же. Оп. 2467. Д… 68. Л. 65.

157

На минном складе было уничтожено около 100 торпед, 2,5 тыс. глубинных бомб, более 770 морских мин и 1440 минных защитников (5 % мин, 6 % торпед, 13 % глубинных бомб и 40 % минных защитников, которыми располагал КБФ к началу войны).

158

Были подорваны и затоплены пять подлодок: «С-1», «М-71», «М-80», «Ронис» и «Спидола».

159

По хронологии событий первым в 23.45 23 июня был подорван «Ленин», затем примерно спустя 20 минут – подлодки и в 04.20 24 июня – минный склад.

160

По некоторым данным, из порта также ушел латвийский транспорт «Кримульда».

161

Этот постыдный факт – уничтожение кораблей задолго до того, как был получен приказ оставить порт, – скрывался на протяжении всего советского времени. Достаточно сказать, что в мемуарах Н.Г. Кузнецова в качестве даты подрыва кораблей указывается вечер 25 июня, в мемуарах Трибуца и «Боевой летописи» – вечер 24 июня.

162

ЦАМО РФ. Ф. 325. Оп. 1579. Д. 1. Л. 103.

163

Связь осуществлялась по телеграфу, линия которого была разрушена немцами. Она была восстановлена лишь после того, как штаб дивизии перешел в здание, где располагался штаб ВМБ, и начал пользоваться морскими средствами радиосвязи.

164

Пантелеев Ю.А. Морской фронт. М., 1965. С. 42.

165

История Прибалтийского военного округа. Рига, 1968. С. 105.

166

Вообще же данные об участии латышского населения в обороне Либавы крайне противоречивы. Нет ни одного документа 27-й армии и КБФ, где сообщалось бы об их участии в обороне города, в то же время нет ни одной советской публикации послевоенного периода, где не говорилось бы о наличии этих

формирований, носивших якобы массовый характер. Массовый характер участия латышей в обороне Либавы отрицают и современные латвийские историки.

167

Цитируется по: Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне советского народа 1941–1945 гг.: Оборона Прибалтики и Ленинграда (1941–1944 гг.). Кн. 1. М., 1990. С. 62.

168

ЦАМО РФ. Ф. 22., Оп. 2467. Д. 68. Л. 94.

169

Цитируется по: Костин В. Слава и боль Либавы. // Морской сборник. 1991. № 6. С. 29.

170

ЦАМО РФ. Ф. 325. Оп. 4579. Д. 1. Л. 115.

171

Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. Гитлер идет на восток. 1941–1943. М., 2003. С. 25.

172

По другому донесению, в Виндаве было брошено 4 тысячи выстрелов для береговых 130-мм и зенитных батарей.

173

Первые трое из перечисленных – командир Прибалтийской ВМБ, начальник тыла ВМБ и начальник военного порта Риги.

174

Автором телеграммы был начальник штаба флота Пантелеев. Трибуц к тому времени в Таллин еще не вернулся.

175

Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. Пер. с нем. Т. 3. От начала восточной кампании до наступления на Сталинград (22. 06. 1941—24. 09. 1942). Кн. 1. М., 1971. С. 101.

176

Фролов М.И. Адольф Гитлер: «Ядовитое гнездо Петербург… должен исчезнуть с лица земли. // Военно-исторический журнал. 2001. № 9.

177

Фролов М.И. Адольф Гитлер: «Ядовитое гнездо Петербург… должен исчезнуть с лица земли. // Военно-исторический журнал. 2001. № 9.

178

ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1217. Д. 103. Л. 440.

179

Телеграмма И.В. Сталина членам ГКО В.М. Молотову и Г.М.

Маленкову. 29 августа 1941 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 9.

180

Крюковских А.П. Оборона Ленинграда: сентябрь сорок первого. // Новый часовой. 1998. № 6–7.

181

Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4-х книгах. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 202.

182

Известия ЦК КПСС. 1990. № 9.

183

Суровые испытания. С. 202.

184

Симонов К.М. Заметки к биографии Г.К. Жукова. // Военно-исторический журнал. 1987. № 9.

185

Крюковских А.П. Оборона Ленинграда: сентябрь сорок первого. // Новый часовой. 1998. № 6–7.

186

ЦАМО РФ. Ф. 249. Оп. 1544. Д. 112. Л. 144.

187

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 93. Л. 38.

188

Сяков Ю.А. Первая Синявинская наступательная операция (сентябрь 1941 г.) // Вопросы истории. 2007. № 3.

189

Там же.

190

Сяков Ю. Волхов в огне. Волхов, 1997. Электронная версия.

191

Сяков Ю.А. Первая Синявинская наступательная операция (сентябрь 1941 г.).//Вопросы истории. 2007. № 3.

192

ЦАМО РФ. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 5. Л. 123.

193

Крюковских А.П. Оборона Ленинграда: сентябрь сорок первого. // Новый часовой. 1998. № 6–7.

194

Сяков Ю. Волхов в огне. Электронная версия.

195

Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. С. 374.

196

ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 220. Л. 396.

197

Крюковских А.П. Оборона Ленинграда: сентябрь сорок первого. // Новый часовой. 1998. № 6–7.

198

ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 101. Л. 73.

199

Петров Б.Н. «…Пройдет еще несколько дней, и Ленинград придется считать потерянным». // Военно-исторический журнал. 2002. № 9.

200

Невский пятачок: Воспоминания участников боев под Невской Дубровкой в 1941–1943 годах. Л., 1977. С. 122.

201

ЦАМО РФ. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 5. Л. 138.

202

ЦАМО РФ. Л. 146.

203

Невский пятачок… С. 185.

204

ЦАМО РФ. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 5. Л. 154–155.

205

ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1258. Д. 87. Л. 316–317.

206

Невский пятачок… С. 166.

207

ЦАМО РФ. Ф. 113а. Оп. 3772. Д. 3. Л. 170.

208

Крюковских А.П. К истории второй попытки прорыва блокады Ленинграда осенью 1941 года. // Новый часовой. 2000. № 10.

209

Хассо Г. Трагедия на Неве. Рассказ очевидца. Мюнхен. 2001. Электронная версия.

210

Хассо Г. Трагедия на Неве. Рассказ очевидца. Мюнхен. 2001. Электронная версия.

211

ЦАМО РФ. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 5. Л. 191–194.

212

Там же.

213

Гаврилов Б.И. Долина смерти. Трагедия и подвиг 2-й ударной армии. М., 1999. Электронная версия.

214

ЦАМО РФ. Ф. 204. Оп. 89. Д. 8. Л. 10.

215

Исаев А.В. Наступление маршала Шапошникова. М., 2005. С. 185–186.

216

Никулин Н.Н. Станция Погостье. Холодная зима 1942 года. Об одной забытой операции. // Новый часовой. 2002. № 10.

217

Никулин Н.Н. Станция Погостье. Холодная зима 1942 года. Об одной забытой операции. // Новый часовой. 2002. № 10.

218

Кузнецов В.А. Моя книга памяти. Дневник из Долины смерти. Казань. 1996. С. 26.

219

Хассо Г. Трагедия на Неве. Рассказ очевидца. Электронная версия.

220

Исаев А.В. Наступление маршала Шапошникова. С. 195.

221

ЦАМО РФ. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 26. Л. 22.

222

Иванова И. Трагедия Мясного Бора. // Новый часовой. 2002. № 10.

223

Разживин А.Е. О чем молчит Мясной Бор? (Что произошло под Мясным Бором? Взгляд сквозь годы). Электронная версия.

224

Гаврилов Б.И. Долина смерти. Трагедия и подвиг 2-й ударной армии. Электронная версия.

225

Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 205.

226

Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С. 224.

227

ЦАМО РФ. Ф. 204. Оп. 125. Д. 8. Л. 9—11.

228

Великая Отечественная. 12(2). Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. 1942 год. М., 1999. С. 127–128.

229

Разживин А.Е. О чем молчит Мясной Бор? (Что произошло под Мясным Бором? Взгляд сквозь годы) Электронная версия.

230

Гаврилов Б.И. В Мясном Бору, в «Долине Смерти». //

Отечественная история. 2004. № 3.

231

Там же.

232

Решин Л.Е., Степанов В.С. Был ли генерал Власов убежденным противником советской власти? // Военно-исторический журнал. 1993. № 5.

233

ЦАМО РФ. Ф. 204. Оп. 89. Д. 72. Л. 23–24.

234

Великая Отечественная. 12(2). Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. 1942 год. М., 1999. С. 191.

235

Решин Л.Е., Степанов В.С. Был ли генерал Власов убежденным противником советской власти? // Военно-исторический журнал. 1993. № 5.

236

Хаупт В. Группа армий «Север». Бои за Ленинград 1941–1944. Зима 1942. М., 2005. С. 153.

237

Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. Кн. 2. Ч. 1. М., 1989. С. 252.

238

Гаврилов Б.И. В Мясном Бору, в «Долине Смерти». // Отечественная история. 2004. № 3.

239

Там же.

240

Гаврилов Б.И. В Мясном Бору, в «Долине Смерти». // Отечественная история. 2004. № 3.

241

Кузнецов В.А. Моя книга памяти. Дневник из Долины смерти. С. 210–215.

242

Решин Л.Е., Степанов В.С. Был ли генерал Власов убежденным противником советской власти? // Военно-исторический журнал. 1993. № 5.

243

Мерецков К.А. На службе народу. М., 1968. С. 301.

244

Мерецков К.А. На службе народу. М., 1968. С. 301.

245

Манштейн Э. Утерянные победы. М., 1999. С. 323.

246

Мерецков К.А. На службе народу. С. 311.

247

Великая Отечественная 12 (2). Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. 1942 год. М., 1999. С. 322.

248

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 323.

249

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 323–324.

250

Мерецков К.А. На службе народу. С. 313.

251

Сяков Ю. Волхов в огне. Электронная версия.

252

Великая Отечественная 5 (2). Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942. М., 1996. С. 548.

253

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 324.

254

Эрфурт В. Проблема Мурманской железной дороги во время последней войны Финляндии. // Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 16. М., 1955. С. 26.

255

Желанов В. Из опыта первой операции на окружение. // Военно-исторический журнал. 1964. № 12.

256

Курочкин П.А. Мы сражались на Северо-Западном фронте. // На Северо-Западном фронте. 1941–1943. М., 1969. С. 22–23.

257

Шинкаренко Г.Н. Несущие факел. М., 1984. С. 13.

258

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 97. Л. 155.

259

Кульбакин В.Д. Прорыв. // На Северо-Западном фронте. 1941–1943. С. 363.

260

Южнее озера Ильмень. Л., 1985. С. 70–71.

261

ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 1351. Д. 351. Л. 100–103.

262

Исаев А.В. Наступление маршала Шапошникова. М., 2005. С. 174.

263

Курочкин П.А. Мы сражались на Северо-Западном фронте. // На Северо-Западном фронте. 1941–1943. С. 29–30.

264

ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 1394. Д. 68. Л. 46.

265

ЦАМО РФ. Ф. 16а. Оп. 933. Д. 23. Л. 6.

266

Там же. Ф. 221. Оп. 1394. Д. 70. Л. 380–381.

267

Там же. Ф. 388. Оп. 8758. Д. 20. Л. 329–330.

268

Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. Пер. с нем. Т.3. От начала восточной кампании до наступления на Сталинград (22. 06. 1941—24. 09. 1942). Кн. 2. М., 1971. С. 190.

269

Борьба за советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941–1945. В 3-х книгах. Кн. 1. Первые годы. Рига., 1968. С. 211.

270

Кузнецов П.Г. Дни боевые. М., 1964. С. 77–80.

271

Кузнецов П.Г. Дни боевые. М., 1964. С. 89–90.

272

ЦАМО РФ. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 12. Л. 219–221.

273

ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 1394. Д. 73. Л. 15–16.

274

ЦАМО РФ. Д. 75. Л. 325.

275

Хаупт В. Группа армий «Север». Бои за Ленинград. 1941–1944. М., 2005. С. 131.

276

Хаупт В. Группа армий «Север». Бои за Ленинград. 1941–1944. М., 2005. С. 131.

277

Эйлсби К. Войска СС в России: ад на Восточном фронте. Электронная версия.

278

Эйлсби К. Войска СС в России: ад на Восточном фронте. Электронная версия.

279

Винцер Б. Солдат трех армий. Электронная версия.

280

Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. Гитлер идет на Восток. 1941–1943. М., 2003. С. 357.

281

Южнее озера Ильмень. С. 135.

282

Исаев А.В. Наступление маршала Шапошникова. С. 261.

283

Первые годы. С. 211.

284

Кузнецов П.Г. Дни боевые. С. 110.

285

Карель П. Гитлер идет на Восток. С. 355.

286

Хаупт В. Группа армий «Север». Бои за Ленинград. С. 177.

287

Никольский Н.С. Моряки на Ловати. М., 1986. С. 192.

288

Никольский Н.С. Моряки на Ловати. М., 1986. С. 192.

289

Карель П. Гитлер идет на Восток. С. 359.

290

За новгородскую землю. Электронная версия.

291

ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 1394. Д. 78. Л. 591.

292

За новгородскую землю. Электронная версия.

293

Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 308.

294

ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 1394. Д. 80. Л. 115.

295

ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 1394. Д. 81. Л. 336–340.

296

Эйлсби К. Войска СС в России: ад на Восточном фронте.

297

Эйлсби К. Войска СС в России: ад на Восточном фронте.

298

Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 262.

299

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 124. Л. 234–235.

300

ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 1394. Д. 87. Л. 183–187.
301
Эйлсби К. Войска СС в России: ад на Восточном фронте.
302
ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 1394. Д. 92. Л. 7–9.
303
Первые годы. С. 216.
304
Кузнецов П.Г. Дни боевые. С. 146–147.
305
Кузнецов П.Г. Дни боевые. С. 146–147.
306
ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 1394. Д. 95. Л. 316.
307
Кузнецов П.Г. Дни боевые. С. 155.
308
Первые годы. С. 218.
309
Кузнецов П.Г. Дни боевые. С. 168.
310
Кузнецов П.Г. Дни боевые. С. 168.
311
Шинкаренко Г.Н. Несущие факел. С. 108.
312
Кузнецов П.Г. Дни боевые. С. 174–175.
313
Хаупт В. Группа армий «Север». Бои за Ленинград. С. 181.
314
Хаупт В. Группа армий «Север». Бои за Ленинград. С. 181.
315
ЦАМО РФ. Ф. 357. Оп. 5971. Д. 162. Л. 68–72.
316
Кузнецов П.Г. Дни боевые. С. 178.
317
Карель П. Гитлер идет на Восток. С. 310.
318
Хельтер Г. Армия в Арктике. // Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 16. М., 1955. С. 32.
319
Руге Ф. Война на море, 1939–1945 гг. М., 1957. С. 214.
320
Козлов А.И., Шломин В.С. Северный флот. М., 1966. С. 98.
321

Хельтер Г. Армия в Арктике. // Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 16. М., 1955. С. 36.

322

Эрфурт В. Проблема Мурманской железной дороги во время последней войны Финляндии. // Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 16. М., 1955. С. 12.

323

Румянцев Н. М. Разгром врага в Заполярье. М., 1963. С. 24.

324

Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1984. С. 25.

325

Вещезерский Г.А. У хладных скал. М., 1965. С. 16.

326

Платонов В.И. Записки адмирала. М., 1991. С. 142.

327

Хельтер Г. Армия в Арктике. // Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 16. М., 1955. С. 35.

328

Бабиков М.А. Летом сорок первого. М., 1980. С. 47.

329

1200 дней и ночей Рыбачьего. Мурманск. 1970. С. 24.

330

Головко А.Г. Вместе с флотом. М., 1979. С. 35–36.

331

Бабиков М.А. Летом сорок первого. С. 61.

332

Барболин В.П. Незабываемый Рыбачий. Мурманск. 1980. С. 54.

333

Барболин В.П. Незабываемый Рыбачий. Мурманск. 1980. С. 54.

334

Бабиков М.А. Летом сорок первого. С.39–42.

335

Там же. С. 40.

336

Барболин В.П. Незабываемый Рыбачий. С. 69–70.

337

Вещезерский Г.А. У хладных скал. С. 26.

338

ЦАМО РФ. Ф. 222. Оп. 36797. Д. 6. Л. 10.

339

Головко А.Г. Вместе с флотом. С. 35.

340

ЦАМО РФ. Ф. 363. Оп. 376022. Д. 1. Л. 14.

341

Головко А.Г. Вместе с флотом. С. 37.

342

Платонов В.И. Записки адмирала. С. 141.

343

Румянцев Н. М. Разгром врага в Заполярье. С. 33.

344

Бабиков М.А. Летом сорок первого. С. 121.

345

Вещезерский Г.А. У хладных скал. С. 96–97.

346

Румянцев Н. М. Разгром врага в Заполярье. С. 35.

347

Эрфурт В. Проблема Мурманской железной дороги во время последней войны Финляндии. // Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 16. М., 1955. С. 15.

348

Бабиков М.А. Летом сорок первого. С. 154.

349

Носков А.М. Скандинавский плацдарм во Второй мировой войне. М., 1977. С. 153.

350

Военно-Морской Флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Кн. 1. Северный флот. М., 1959. С. 118.

351

Кисляков В.П. За Полярным кругом. М., 1977. С. 83.

352

Бабиков М.А. Летом сорок первого. С. 226.

353

Головко А.Г. Вместе с флотом. С. 47.

354

Бабиков М.А. Летом сорок первого. С. 310.

355

Великая Отечественная. 5(1). Ставка Верховного Главнокомандования. Документы и материалы. 1941 год. М., 1999. С. 186.

356

Это было на Крайнем Севере. Мурманск, 1965. С. 34–36.

357

Бабиков М.А. Летом сорок первого. С. 311.

358

Бабиков М.А. Летом сорок первого. С. 311.

359

Киселев А.А. Как жили и сражались мурманчане в годы войны: менталитет северян в 1941–1945 годах. Мурманск, 2002. С. 53.

360

Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 35.

361

Румянцев Н. М. Разгром врага в Заполярье. С. 49.

362

Румянцев Н. М. Разгром врага в Заполярье. С. 49.

363

Ставка Верховного Главнокомандования. Документы и материалы. 1941 год. С. 70.

364

Синклинер А.А. На северных бастионах. Петрозаводск, 1982. С. 7.

365

Синклинер А.А. На северных бастионах. Петрозаводск, 1982. С. 7.

366

Синклинер А.А. На северных бастионах. Петрозаводск, 1982. С. 7.

367

Румянцев Н. М. Разгром врага в Заполярье. С. 55.

368

Синклинер А.А. На северных бастионах. С. 14–15.

369

Румянцев Н. М. Разгром врага в Заполярье. С. 56.

370

Эрфурт В. Проблема Мурманской железной дороги во время последней войны Финляндии. // Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 16. М., 1955. С. 16.

371

Эрфурт В. Проблема Мурманской железной дороги во время последней войны Финляндии. // Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 16. М., 1955. С. 16.

372

Незабываемое. Воспоминания о Великой Отечественной войне. Петрозаводск, 1974. С. 95.

373

Эрфурт В. Проблема Мурманской железной дороги во время последней войны Финляндии. // Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 16. М., 1955. С. 16.

374

Синклинер А.А. На северных бастионах. С. 30.

375

Военно-Морской Флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Кн. 1. Северный флот. М., 1959. С. 156.

376

Кабанов С. И. Поле боя – берег. М., 1977. С. 20.

377

1200 дней и ночей Рыбачьего. С. 85–86.

378

Кабанов С. И. Поле боя – берег. С. 62.

379

1200 дней и ночей Рыбачьего. С. 59.

380

1 Платонов В.И. Записки адмирала. С. 140.

381

1200 дней и ночей Рыбачьего. С. 97.

382

Платонов В.И. Записки адмирала. С. 179.

383

Военно-Морской Флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Кн. 1. Северный флот. М., 1959. С. 158.

384

Кабанов С. И. Поле боя – берег. С. 85.

385

Вещезерский Г.А. У хладных скал. С. 142.

386

Румянцев Н. Применение оленьего транспорта в 14-й армии Карельского фронта. // Военно-исторический журнал. 1972. № 11.

387

Румянцев Н. Применение оленьего транспорта в 14-й армии Карельского фронта. // Военно-исторический журнал. 1972. № 11.

388

Кабанов С. И. Поле боя – берег. С. 40.

389

Киселев А.А. Как жили и сражались мурманчане в годы войны: менталитет северян в 1941–1945 годах. С. 155.

390

Барченко-Емельянов И.П. Фронтовые будни Рыбачьего. Мурманск, 1984. С. 34–35.

391

Барченко-Емельянов И.П. Фронтовые будни Рыбачьего. Мурманск, 1984. С. 34–35.

392

ЦАМО РФ. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 162. Л. 39–42.

393

2 Там же. Д. 251. Л. 75.

394

Киселев А.А. Как жили и сражались мурманчане в годы войны: менталитет северян в 1941–1945 годах. С. 107.

395

Худалов Х.А. У кромки континента. М., 1974. С. 80.

396

Киселев А.А. Как жили и сражались мурманчане в годы войны: менталитет северян в 1941–1945 годах. С. 61.

397

ЦАМО РФ. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 251. Л. 77, 82.

398

Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. Гитлер идет на восток. 1941–1943. М., 2003. С. 384.

399

Незабываемое. Петрозаводск, 1974. С. 28.

400

Худалов Х.А. У кромки континента. С. 80.

401

ЦАМО РФ. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 251. Л. 96.

402

Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 40.

403

ЦАМО РФ. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 162. Л. 30.

404

Сборник материалов по изучению опыта войны. № 7. Июнь-июль 1943 г. М., 1943. С. 77.

405

ЦАМО РФ. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 162. Л. 42.

406

Сборник материалов по изучению опыта войны. № 7. Июнь-июль 1943 г. С. 78.

407

ЦАМО РФ. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 162. Л. 47, 57, 75.

408

Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 76.

409

ЦАМО РФ. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 162. Л. 96.

410

Сборник материалов по изучению опыта войны. № 7. Июнь-июль 1943 г. С.82.

411

Вишневский А.А. Дневник хирурга. Великая Отечественная война 1941–1945. М., 1970. С. 279.